Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования «Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

На правах рукописи

БЕЗРУЧКО ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Специальность: 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Варданян Акоп Вараздатович

Ростов-на-Дону – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……4

Глава 1. Теоретические основы исследования безопасности здоровья человека как объекта уголовно-правовой охраны……..31

1.1. Конституционно-правовое обеспечение охраны здоровья человека в Российской Федерации……..31

1.2. Безопасность здоровья человека: уголовно-правовой апект……41

Глава 2. Понятие причинения вреда здоровью человека и классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека……74

2.1. Понятие причинения вреда здоровью человека……..74

2.2. Классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека……83

Глава 3. Признаки определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека……...93

3.1. Анатомо-патологический критерий вреда, причиненного здоровью человека……..93

3.2. Экономический критерий вреда, причиненного здоровью человека……129

Глава 4. Правовая характеристика причинения вреда здоровью человека……..137

4.1. Насилие как объединяющий признак умышленных деяний, причиняющих вред здоровью человека……...137

4.2. Умышленное причинение вреда здоровью человека: уголовно-правовые признаки и криминологические аспекты……153

4.3. Уголовно-правовая характеристика побоев……228

Глава 5. Совершенствование комплекса мер по противодействию преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека……239

5.1. Квалификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека……239

5.2. Совершенствование уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека……..263

5.3. Меры по предупреждению преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека……300

Заключение……367

Список литературы……..……..373

Приложения……...437

Введение

Актуальность темы диссертационного исследования. Здоровье человека – самое важное благо наряду с правом на жизнь. Обеспечение права человека на безопасность здоровья является приоритетным направлением реализации уголовной политики Российской Федерации. Безопасность личности является составляющей национальной и общественной безопасности Российской Федерации. Преступные посягательства, направленные против личности, относятся к основным угрозам государственной и общественной безопасности[1]. Защита здоровья человека относится к приоритетным задачам обеспечения общественной безопасности[2].

В уголовном законодательстве Российской Федерации имеются нормы, определяющие ответственность за посягательства на безопасность здоровья человека, однако отсутствует легальное определение понятия «причинение вреда здоровью человека», и, кроме того, отсутствует ясность и криминологическая обоснованность законодательных приемов конструирования составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на безопасность здоровья человека, существуют пробелы в их криминализации, ослабла роль уголовного наказания в предупреждении данных преступлений.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ[3] из ч. 1 ст. 111 УК РФ исключена такая оценочная

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

[2] См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 15.09.2018).

[3] См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3012.

категория, как «причинение иного вреда здоровью, опасного для жизни». Безусловно, следует поддержать стремление законодателя избавиться от оценочных категорий в тексте уголовно-правовых норм. Однако не все оценочные категории, связанные с регламентацией причинения вреда здоровью человека, подверглись исключению из норм уголовного закона. Так, в части второй статьи 228^2, в части первой статьи 235 УК РФ говорится о деяниях, повлекших по неосторожности причинение вреда здоровью человека, без указания степени тяжести данного вреда; в части третьей статьи 137, в части второй статьи 237 УК РФ предусмотрены последствия преступления в виде причинения вреда здоровью человека, но без указания степени тяжести причиненного вреда и формы вины лица, совершившего деяние; в части первой статьи 239 УК РФ установлена ответственность за действия, сопряженные с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, и при этом понятие насилия и иного причинения вреда здоровью человека не раскрывается; в части первой статьи 296, в части второй статьи 309 УК РФ предусмотрены действия в виде угрозы убийством, причинением вреда здоровью без указания степени тяжести вреда здоровью и т.п. Такое количество оценочных категорий не может не сказываться отрицательно на правовой оценке рассматриваемых деяний.

Вопрос о правовой оценке норм, которые устанавливают ответственность за посягательства на безопасность здоровья человека, является актуальным также и в связи с тем, что от этого зависит квалификация довольно большого количества деяний, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. На результативность квалификации рассматриваемых деяний отрицательно влияют нечеткость изложения в уголовном законе признаков объективной стороны преступлений, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью человека, проблемы, связанные с просчетами при выявлении причинно-следственной связи между совершением деяния и наступившими

последствиями, при определении субъективной стороны преступлений в контексте определения умысла, мотивов и целей преступления.

Особую актуальность для теории и практики имеет вопрос о конкуренции и совокупности уголовно-правовых норм при квалификации рассматриваемых преступлений, который снискал характер проблемы, требующей нормотворческого разрешения. Разъяснения по правовой оценке деяний, представленные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященные главным образом квалификации отдельных видов преступлений, неоднозначны в правовой оценке посягательств, причиняющих вред здоровью человека, и не удовлетворяют запросам следственно-судебной практики.

Научные основы квалификации деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, не разработаны, что порождает существенные препятствия в трактовке и правовой оценке норм, устанавливающих ответственность за посягательства на безопасность здоровья человека, вызывает разногласие между органами предварительного расследования и судами при квалификации аналогичных деяний, тем самым обусловливая ошибки в следственной и судебной практике.

Степень разработанности темы исследования.

В правовой теории вопросам противодействия преступлениям, причиняющим вред здоровью человека, уделено определенное внимание, например, в трудах таких ученых-юристов XIX – начала XX в.в., как И.М. Гвоздев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий и др.

Одними из первых работ советского периода, в которых рассматривались вопросы уголовно-правовой оценки преступлений против здоровья, стали монографии М.М. Гродзинского, А.А. Жижиленко, а также монографии А.А. Пионтковского, М.Д. Шаргородского.

Отдельные аспекты уголовно-правовой характеристики и квалификации преступлений против здоровья исследовались в трудах

А.С. Никифорова, П.А. Дубовца, Н.И. Загородникова, Д.С. Читлова, Т.Г. Дауровой и др.

В настоящее время в работах российских ученых исследуются отдельные аспекты противодействия преступлениям против здоровья человека, в том числе в диссертационных исследованиях: М.И. Галюковой «Уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью» (2005 г.); С.И. Думан «Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» (2011 г.); В.Н. Камнева «Ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью по российскому уголовному праву» (2011 г.); Р.Ю. Смирнова «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека» (2013 г.); Г.И. Антоновой «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. Причины и предупреждение» (2014 г.); И.А. Шаматульского «Уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь» (2015 г.); Д.Ж. Гостьковой «Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне составов преступлений против жизни и здоровья: вопросы теории и практики (по материалам Уральского федерального округа) (2018 г.) и др. Следует отметить также докторские диссертации, посвященные исследованию насилия в уголовном праве: Н.В. Иванцовой «Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве» (2005 г.); Р.Д. Шарапова «Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения)» (2006 г.), в которых, в том числе, рассматривались и вопросы уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека. Отдельным вопросам уголовной ответственности за причинение вреда здоровью человека специально посвящена докторская диссертация С.В. Расторопова «Уголовно-правовая охрана здоровья человека от преступных посягательств» (2003 г.).

Однако рассматриваемую тему нельзя считать изученной в полной мере в связи с неоднозначной правовой оценкой посягательств на безопасность здоровья человека в российском законодательстве, в том числе и в выше представленных работах. Более того, авторы в большинстве ранее опубликованных работ по рассматриваемой теме опирались на Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений 1978 г., Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 г., в которых не отражены особенности положений Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 г., а также Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 г., что настоятельно требует научного осмысления содержательных признаков вреда здоровью.

Обеспечение безопасности здоровья человека от преступных посягательств с позиции определения безопасности человека как родового объекта преступлений, причиняющих вред здоровью человека, преступлений, связанных с применением насилия, а также проблемы соотношения здоровья человека и здоровья населения как объектов уголовно-правовой охраны, не рассматривались в теории уголовного права вообще.

Комплексные исследования по заявленной теме: «Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека: теоретико-правовое исследование» ранее не проводились, в связи с чем возникает необходимость теоретического осмысления и всестороннего анализа новаций в области общественных отношений, обеспечивающих безопасность здоровья человека. Все это в своей совокупности определило необходимость проведения представленного исследования.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает совокупность общественных отношений, связанных с уголовно-правовым обеспечением безопасности здоровья человека от преступных посягательств. Предметом исследования выступают памятники русского уголовного права

дореволюционного периода, нормы уголовного законодательства советского периода, нормы современного российского уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с причинением вреда здоровью человека; нормы конституционного, административного и иных отраслей права, сориентированные на охрану здоровья человека; статистические данные о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека; судебная практика по делам о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека; научные публикации по исследуемым вопросам; результаты социологических исследований.

Целью диссертационной работы является выработка концептуальных положений теории уголовно-правового обеспечения безопасности здоровья человека и подготовка научно обоснованных предложений по совершенствованию комплекса мер по противодействию преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- выявить проблемы правового обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации;
- определить место уголовного законодательства в системе правового обеспечения безопасности здоровья человека;
- определить понятие и сущность безопасности здоровья человека как объекта уголовно-правовой охраны;
- определить содержание термина «причинение вреда здоровью человека»;
- провести анализ признаков степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека;
- провести анализ уголовно-правовой характеристики умышленного причинения вреда здоровью человека;
- выявить особенности правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека;

- обосновать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации и практики его применения;
- разработать предложения по повышению эффективности мер по предупреждению преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

Методология и методика исследования. Методологическую основу диссертации составляют общие и частные научные методы познания. В процессе познания используются следующие общие научные методы: диалектический, статистический, системный и логические научные приемы сравнительного анализа, синтеза, гипотезы.

С учетом особенностей предмета успешное выполнение задач исследования требует использования и целого ряда частных научных методов познания, в числе которых, прежде всего, следует выделить сравнительно-правовой и структурно-юридический. В рамках сравнительно-правового метода следует отметить возможность сопоставления механизмов противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, в рамках национального законодательства. В целях исследования взаимодействия институтов права для определения места уголовного законодательства в системе правового обеспечения безопасности здоровья человека используется структурно-юридический метод.

Надежность и эффективность обеспечения противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, связаны с необходимостью:

- обосновать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации;
- разработать комплекс рекомендаций по правовой оценке деяний, посягающих на безопасность здоровья человека;

- разработать предложения по повышению эффективности мер по предупреждению преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

Применение вышеизложенных научных методов обеспечило выполнение требований комплексного и междисциплинарного подхода к диссертационному исследованию.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую основу диссертации составили научные труды в области уголовного права, криминологии, философии, социологии, конституционного права, теории государства и права, судебной медицины, относящиеся к теме диссертации.

Настоящее диссертационное исследование основано на трудах таких известных ученых, как Р.А. Адельханян, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, А.В. Варданян, Т.С. Волчецкая, М.Ю. Воронин, Б.Я. Гаврилов, М.И. Галюкова, Л.Д. Гаухман, Я.И. Гилинский, А.Ю. Головин, М.А. Горбатова, Н.А. Исаев, Г.Л. Касторский, А.Г. Кибальник, Ю.А. Красиков, А.В. Куликов, С.Ф. Милюков, М.Г. Миненок, А.В. Наумов, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарог, С.В. Расторопов, Л.В. Сердюк, С.А. Сидоров, Л.Б. Смирнов, О.В. Старков, А.В. Тюменев, И.А. Фаргиев, Г.И. Чечель, Р.Д. Шарапов и др.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составили статистические сведения ГИАЦ МВД России о состоянии преступности, о лицах, совершивших преступления, статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 1997 – 2017 гг., материалы опубликованной судебной практики Верховного Суда Российской Федерации.

В течение 2000 – 2018 гг. было изучено 550 приговоров по уголовным делам о преступлениях, связанных с причинением вреда здоровью человека, рассмотренных судами г. Москвы, Московской области, Краснодарского края, Ставропольского края, Воронежской области, Ростовской области, Красноярского края, Хабаровского края и др.

При подготовке диссертации использованы результаты социологического исследования – автором проведен экспертный опрос 203 судей, сотрудников прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, судебно-медицинских экспертов, адвокатов, а также педагогических работников и научных сотрудников высших образовательных учреждений юридического профиля по вопросам правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека (г. Москва, Московская область, г. Ростов-на-Дону, Ростовская область, г. Краснодар, Краснодарский край, г. Воронеж, Воронежская область, г. Ставрополь, Ставропольский край, г. Красноярск, Красноярский край).

Нормативная правовая база исследования. Нормативную правовую базу диссертации составляют Конституция Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; положения уголовно-процессуального законодательства, административного, гражданского и иных отраслей права в части, регулирующей общественные отношения в сфере обеспечения безопасности здоровья человека; Федеральный закон от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 17 августа 2007 г.; Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 24 апреля 2008 г. № 194н и др.

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящее диссертационное исследование представляет собой первое в отечественной уголовно-правовой доктрине комплексное и системное исследование, в котором сформулирована совокупность новых результатов и положений, касающихся уголовно-правового обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

В результате проведенного исследования получено новое знание о совокупности деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, об объекте уголовно-правовой охраны таких деяний, о классификации

преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, об имеющихся проблемах правовой оценки таких деяний.

Автором впервые безопасность здоровья человека рассматривается как объект уголовно-правовой охраны, разработаны предложения о закреплении в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве задачи уголовного законодательства обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

Диссертантом сформулировано определение понятий «насилие», «причинение вреда здоровью человека», «близкие родственники», «близкие лица», разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства, что позволит восполнить имеющиеся пробелы в применении уголовного закона и нормотворчестве.

Представлена авторская классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, выявлены отличительные признаки объективной и субъективной стороны деяний изучаемого вида и на ее основании даны предложения по объему и достаточности правовой регламентации изучаемых преступлений.

В диссертационном исследовании на концептуальной основе с точки зрения положений уголовного права исследованы и обозначены проблемы, связанные с применением положений отраслевого законодательства, применяемого при правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

Новизна исследования состоит и в том, что обобщены и систематизированы теоретические подходы к формированию концепции противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека. На основании действующих тенденций научно обоснована авторская стратегия противодействия преступности в данной сфере.

Критерию новизны также отвечают разработанные диссертантом конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовного

и иного законодательства, ориентированного на безопасность здоровья человека.

Новизной отличаются также положения, непосредственно выносимые автором на защиту.

Основные положения проведенного исследования, выносимые на защиту:

1. Существенные недостатки в сфере борьбы с преступлениями против здоровья, связанные с несовершенством уголовного и иного отраслевого законодательства, объективно вызвали необходимость разработки новой концепции противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

Автором научно обосновывается, что новая концепция противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, должна быть сформулирована при установлении нового подхода к определению объекта рассматриваемых преступных деяний.

Объект преступных деяний, причиняющих вред здоровью человека, предлагается рассматривать с позиции обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств. При этом объектом посягательств на здоровье человека предлагается считать безопасность здоровья с биологических (медицинских) позиций как определенное физическое и (или) психическое состояние человека, каким бы далеким от идеального состояния оно (здоровье) не было.

2. Дисертантом отмечается, что право человека на здоровье в Конституции Российской Федерации прямо не закреплено. В Конституции Российской Федерации выделено и гарантировано лишь право человека на охрану здоровья. Получается, что в ст. 2 УК РФ в качестве одной из задач уголовного закона юридически закреплена охрана права на охрану здоровья, что представляется неприемлемым. Отсутствие в Конституции РФ положения, закрепляющего право человека на здоровье, свидетельствует о том, что напрямую это право не признается и не защищается государством. В

Конституции Российской Федерации закреплено право на жизнь, но отсутствует право человека на безопасность здоровья, которое должно включать в себя право на безопасность здоровья человека от преступных посягательств, право на неприкосновенность здоровья, право на распоряжение своим здоровьем, право на недопущение причинения вреда здоровью и право на его компенсацию, если вред здоровью человека был все же причинен.

В результате проведенного исследования автором предлагается в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве задач уголовного законодательства по охране общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств, закрепить обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

3. При правовой оценке деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, используются правовые термины, имеющие бланкетный характер, которые в уголовном законе конкретно не определены. Более того, несмотря на применение свыше двадцати лет норм о причинении вреда здоровью, в юридической литературе и практической деятельности до сих пор употребляется термин «телесные повреждения».

Определение понятия «вред здоровью», в основе которого содержится указание на нарушение анатомической целостности человеческого тела как на одно из возникших последствий, является не совсем верным, так как нарушение функционирования органов и (или) тканей человеческого организма не всегда связано с нарушением анатомической целостности. Более того, нарушение анатомической целостности ткани не всегда приводит к расстройству здоровья.

4. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, в своей основе содержат признаки и последствия деяний, причиняющих вред здоровью. Уголовное законодательство, не определяя понятие причинения вреда здоровью человека, устанавливает ответственность за умышленное его причинение различной степени тяжести. При этом понятие вреда,

причиненного здоровью человека, неоднозначно определено в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 17 августа 2007 г. и в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека от 24 апреля 2008 г. № 194н.

Диссертантом разработано авторское определение причинения вреда здоровью человека. Под причинением вреда здоровью человека предлагается понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

5. Причинение вреда здоровью человека, являющееся видом преступного результата, наиболее распространено в общей массе насильственных преступлений. Физическое насилие в виде причинения вреда здоровью является как основным деянием в объективной стороне состава преступления, так и средством совершения какого-либо преступления. В действующем уголовном законе насилие над личностью, как физическое, так и психическое, предусмотрено в качестве основного либо квалифицированного составов преступления. Насилие является оценочным понятием, конкретно в законе не определено, в статьях Особенной части Уголовного кодекса оно охватывает различный объем причинения вреда здоровью или угрозу его причинения, вызывая определенные трудности в правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

В связи с чем автором обосновывается необходимость определения понятия насилия в уголовном законодательстве. Под насилием предлагается понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных

действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

6. Причинение вреда близким потерпевшему в российском уголовном законодательстве предусмотрено в качестве конструктивного либо в качестве квалифицирующего признака. Уголовное законодательство Российской Федерации использует два термина: «близкие родственники» и «близкие лица».

Законодатель в УК РФ использует 22 раза термины «близкие родственники» и «близкие лица», не определяя их значение. Данные термины в Особенной части УК РФ используются в том числе применительно к насильственным преступлениям, посягающим на безопасность жизни и здоровья человека, где причинение вреда является негативным последствием совершения преступного деяния, имеется реальная угроза причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам или реальная угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

В настоящее время сложилась такая ситуация, когда законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации определяет понятие «близкие лица» и «близкие родственники», в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в Воздушном кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других нормативных правовых актах раскрывает понятие «близкие родственники», в Уголовном кодексе Российской Федерации законодатель до недавнего времени в утратившем силу примечании к ст. 116 УК РФ определял понятие «близкие лица», в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от

03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» раскрывается понятие «близкие» лица.

Однако, во-первых, понятие «близкие лица» отсутствует в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в Воздушном кодексе Российской Федерации в других нормативных правовых актах. Во-вторых, понятие «близкие родственники», определенное в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях отличаются друг от друга. В-третьих, данные понятия распространяются только на статьи этих нормативных правовых актов. В-четвертых, определяя в утратившем силу примечании к статье 116 УК РФ понятие «близкие лица», законодатель указывал, что данное понятие распространяется только на настоящую статью. В-пятых, под близкими лицами в примечании к статье 116 УК РФ понимались также лица, ведущие с ним общее хозяйство, что также не совпадает по смыслу с понятием близких лиц, указанным в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В-шестых, понятие «близкие лица», указанное в Постановлении распространяется только на деяния, относящиеся к убийству (ст. 105 УК РФ). Отметим, что статья 105 УК РФ «Убийство» является общей нормой по отношению к статье 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», к статье 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», к статье 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Что же касается статьи 277 УК РФ, то законодатель почему-то вообще не допускает наличие «близких лиц» у государственного или общественного деятеля при посягательстве на его жизнь, ведь в аналогичных нормах (статья 295 УК РФ и статья 317 УК РФ) идет речь о посягательстве не только на жизнь потерпевших, указанных в

данных нормах, но и на их близких. В-седьмых, в пункте 3 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится о близких лицах как иных, за исключением близких родственников и родственников, лицах, а в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. В-восьмых, законодатель в примечании к статье 205^{6} УК РФ «Несообщение о преступлении», а также в примечании к статье 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» отделяет супруга от близких родственников.

Сложившаяся ситуация требует нормативного разрешения и в Уголовном кодексе Российской Федерации следует определить понятия «близкие лица» и «близкие родственники», которые правоприменителю надлежит использовать при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека.

Под близкими родственниками предлагается понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка, прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам предлагается относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

7. Диспозиция части первой статьи 111 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека указывает на

потерю какого-либо органа или утрату органом его функций, однако Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не содержат определения понятия органа. Орган – это часть организма, совокупность различных типов клеток и тканей, выполняющая определенную функцию в живом организме. При потере одного из парных органов оставшийся орган не способен в полном объеме выполнить всю нагрузку на организм человека, вследствие чего резко снижается потенциал организма в плане выполнения определенных функций, возложенных именно на парные органы.

Существующие Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека содержат исчерпывающий перечень органов, утрата которых либо их функций подпадает под признаки тяжкого вреда. Предлагается отнести к данному перечню потерю внутренних органов либо утрату их функций. Под потерей органа предлагается понимать потерю и внешнего, и внутреннего органа.

8. В целях совершенствования уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека и практики его применения предлагаются следующие изменения:

– название раздела VII УК РФ изложить в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека»;

– название Главы 16 УК РФ изложить в следующей редакции: «Глава 16. Преступления против безопасности жизни и здоровья человека»;

– в статье 111 УК РФ:

а) в части первой слова «опасного для жизни» заменить словами «опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «прерывание беременности» заменить словами «прерывание беременности в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности»;

в) в части первой слова слова «психическое расстройство» заменить словами «тяжелое психическое расстройство либо его обострение в период ремиссии»;

г) в части первой слова «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» заменить словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела»;

д) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности свыше 30 %»;

е) пункт «г» части второй изложить в следующей редакции: «из корыстных побуждений или по найму»;

ж) часть вторую дополнить п. «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

з) дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание.

1. Под причинением вреда здоровью человека в статьях настоящего Кодекса следует понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

2. Под насилием в статьях настоящего Кодекса следует понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

3. Под близкими родственниками в статьях настоящего Кодекса следует понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и

нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка, прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам в статьях настоящего Кодекса следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство»;

– в статье 112 УК РФ:

а) в части первой слова «не опасного для жизни» заменить словами «не опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «вызвавшего длительное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21 дня до 120 дней»;

в) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности от 10 до 30 %»;

г) часть вторую дополнить п. «и» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму»;

д) часть вторую дополнить п. «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

– статью 113 УК РФ изложить в следующей редакции:

«Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, которые повлекли

или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия, либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего в отношении виновного или других лиц, а равно иными действиями, не относящимися к числу противоправных, -

наказывается…

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта, -

наказывается…»;

– в статье 114 УК РФ:

а) название изложить в следующей редакции: «Статья 114. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»;

б) часть первую изложить в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»;

– в статье 115 УК РФ:

а) в части первой слова «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью свыше 7 дней до 21 дня»;

б) в части первой слова «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности, равную 5 %»;

в) часть вторую дополнить п. «г» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму».

9. В уголовном законодательстве Российской Федерации имеются нормы, содержащие различные виды насилия и угрозы его применения, которыми следует руководствоваться при правовой оценке посягательств на

безопасность здоровья человека. В некоторых нормах присутствует признак «насилие», «угроза его применения», говорится об отсутствии насилия без указания на характеристику его признаков и подразделения насилия на физическое, психическое, опасное для жизни или здоровья или не опасное для жизни или здоровья. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит деяния, содержащие такие признаки, как причинение вреда здоровью человека без указания степени его тяжести, иное причинение вреда здоровью, причинение существенного вреда здоровью человека. Наличие данных признаков, конкретно не определенных в законе, не может положительно повлиять на качество правоприменительной деятельности.

В юридической литературе и в практической деятельности неоднозначно оцениваются содержательные признаки насилия в тех или иных нормах. Отсутствуют конкретные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному поводу. В одних случаях понятием насилия, опасного для жизни или здоровья человека охватываются все виды умышленного причинения вреда здоровью человека, в других – только умышленное причинение легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека, а реальное умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека требует квалификации по совокупности со статьей 111 УК РФ.

Законодателю предлагается отказаться от таких конструктивных или квалифицирующих признаков преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, как «иное причинение вреда здоровью», «причинение вреда здоровью» без указания степени тяжести, «существенный вред здоровью человека», указывая при описании диспозиции данных деяний на признаки легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека.

10. Законодателю предлагается отказаться от названия главы 25 УК РФ в существующей редакции для отграничения одинаковых по своей сущности объектов посягательства – здоровья человека и здоровья населения –

отличающихся между собой только количеством потерпевших. В связи с этим предлагается название главы 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «Глава 25. Преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ».

Из 22 составов преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ, и, отнесенных законодателем к преступлениям, где основным непосредственным объектом выступает здоровье населения, только статьи 235, 236, 237, 238 и 239 УК РФ относятся к нормам, основным непосредственным объектом которых является безопасность в сфере обеспечения здоровья человека. В связи с этим предлагается законодателю перенести данные нормы в главу 16 УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья человека. Законодателем в статьях 235^1 и 238^1 УК РФ не предусмотрены последствия в виде причинения вреда здоровью человека в качестве обязательного признака основного состава данных преступлений. Между тем, основной целью совершения данных преступлений является извлечение прибыли. В связи с этим законодателю предлагается статью 235^1 и статью 238^1 УК РФ перенести в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Преступления, предусмотренные статьями 240, 240^1, 241, 242, 242^1, 242^2, 243, 243^1, 243^2, 243^3, 244, 245 УК РФ следует выделить в отдельной главе 25^1 УК РФ: «Глава 25^1. Преступления против общественной нравственности».

11. Для успешного противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, в диссертации сформулирован комплекс рекомендаций по квалификации соответствующих деяний, сформулированы специальные правила правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, где безопасность здоровья человека выступает в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта преступления, а причинение вреда здоровью – в качестве квалифицированного вида преступного деяния.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена комплексным изучением важной социально-правовой и порожденной ею значимой научной проблемы и состоит в построении системы юридически аргументированных выводов, совокупность которых позволяет сформировать научно-теоретическую базу для выработки предложений и рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, и практики его применения. Полученные теоретико-прикладные результаты исследования представляют собой существенный вклад в доктрину уголовного права.

Теоретическое значение диссертации состоит в разработке и научном обосновании концепции противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, которая позволяет всесторонне и глубоко осмыслить достоинства и недостатки деятельности в данной сфере. Существенное значение для расширения научных знаний имеет совершенствование понятийного аппарата уголовно-правовой науки в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

По материалам исследования подготовлены предложения, направленные на создание системы эффективных мер противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, методические материалы для использования в учебном процессе юридических образовательных учреждений Российской Федерации, в системе профессиональной подготовки практических работников органов внутренних дел и иных государственных органов Российской Федерации, в компетенцию которых входят функции по противодействию преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

Сформулированные концептуальные положения, выводы и предложения правового характера, разработанные в результате проведения данного исследования, а также обобщенный нормативный правовой и

статистический материал, полученный в ходе работы над диссертацией, представляют собой теоретическую базу для дальнейших научных исследований.

Практическая значимость исследования определяется комплексной разработкой концептуальных и нормативных основ противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

Результаты исследования позволили сделать вывод о необходимости совершенствования действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека.

Научные рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы для разработки государственной программы обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации, для выработки наиболее эффективных мер противодействия и профилактики преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека в Российской Федерации.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные положения диссертационного исследования находят применение и могут быть использованы в законодательном процессе, правоприменительной деятельности.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается системностью, комплексностью и репрезентативным объемом эмпирического материала.

В процессе подготовки диссертации изучен широкий круг источников по исследуемой тематике, в частности работы ученых и практиков по проблемам правовой оценки причинения вреда здоровью человека, применению насилия, статистические данные и результаты исследований, характеризующих современное состояние преступности в этой сфере.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены автором на международных, всероссийских, региональных и межрегиональных научных

и научно-практических конференциях (Москва, Тула, Рязань, Ростов-на-Дону, Краснодар, Сочи, Таганрог, Элиста, Нальчик, Ставрополь, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург и др.): «Национальная безопасность современной России: основные угрозы» – Международная научно-практическая конференция (24–25 ноября 2005 г., Ростов-на-Дону); «Национальная безопасность и правопорядок» – Международная научно-практическая конференция (30–31 октября 2007 г., Таганрог); «Право и закон на современном этапе развития общества и государства» – Межрегиональная научно-практическая конференция (17–18 октября 2008 г., г. Сочи); «Современная преступность: состояние, проблемы и перспективы противодействия» – Международная научно-практическая конференция (7–8 мая 2009 г., г. Нальчик); «Современное состояние и перспективы нормотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Калмыкия» – Республиканская научно-практическая конференция, посвященная 60-летию Декларации прав и свобод человека и гражданина и 15-летию Конституции Российской Федерации (19 декабря 2009 г., г. Элиста); «Насилие в Северо-Кавказском регионе: политические, криминологические, уголовно-правовые аспекты» – Международная научно-практическая конференция (29–30 сентября 2010 г., г. Ростов-на-Дону); «Системная среда уголовного права» – Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию профессора Г.И. Чечеля (6 мая 2011 г., г. Ставрополь); «Современные проблемы уголовной политики» – II-я Международная научно-практическая конференция (23 сентября 2011 г., г. Краснодар); «Новое в уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве: основные тенденции и перспективы совершенствования» – Всероссийская научно-практическая конференция (31 мая – 1 июня 2012 г., г. Волгоград); «Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью» – Круглый стол, посвященный 15-летию со дня образования филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Южному федеральному округу (27–28 сентября 2012 г., г. Ростов-

на-Дону); «Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения безопасности участников судопроизводства» – Всероссийская научно-практическая конференция (25–26 июня 2013 г., г. Волгоград); «Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений» – научно-практическая конференция (24 апреля 2014 г., г. Москва); «Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации» – Всероссийская научно-теоретическая конференция (4 февраля 2016 г., г. Ростов-на-Дону); «Социально-экономические и правовые меры борьбы с правонарушениями» – Всероссийская научно-практическая конференция (28 апреля 2016 г., г. Рязань), «Регулирование миграционных процессов на Юге России: политические, юридические и правоохранительные аспекты» – Всероссийская научно-практическая конференция (12 октября 2016 г., г. Ростов-на-Дону), «Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации» – Всероссийская научно-теоретическая конференция (19 мая 2017 г., г. Ростов-на-Дону), «Право. Общество. Государство: история и современность» – Международная научно-практическая конференция (22 ноября 2017 г., г. Ростов-на-Дону), «Конституция Российской Федерации: теория и практика реализации» – Всероссийская научно-практическая конференция (12 декабря 2017 г., г. Ростов-на-Дону), «Конституционное и административное право: проблемы совершенствования публичной власти» – Международная научно-теоретическая конференция (28 марта 2018 г., г. Ростов-на-Дону), «Актуальные проблемы применения уголовного законодательства» – Международная научно-практическая конференция (18 мая 2018 г., г. Ростов-на-Дону), «Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии» – Международная научно-практическая конференция (21 июня 2018 г., г. Воронеж), «Актуальные проблемы профилактики преступности» – Всероссийская научно-практическая конференция (22 июня 2018 г., г. Екатеринбург) и др.

Результаты исследования внедрены в практику правоохранительной

деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного управления Управления на транспорте МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, Главного следственного управления ГУ МВД России по Ростовской области. Полученные результаты исследования используются в учебном процессе Московской академии Следственного комитета Российской Федерациии, Восточно-Сибирского института МВД России, юридического факультета Ростовского государственного экономического университета, Ростовского юридического института МВД России.

Структура работы обусловлена содержанием диссертационного исследования и включает в себя введение, пять глав, объединяющих двенадцать параграфов, заключение, список литературы и приложения.

Глава 1. Теоретические основы исследования безопасности здоровья человека как объекта уголовно-правовой охраны

1.1. Конституционно-правовое обеспечение охраны здоровья человека в Российской Федерации

Укрепление национальной безопасности Российской Федерации связано в том числе и с обеспечением безопасности здоровья конкретного человека, всех граждан, проживающих на территории нашего государства. Полагаем, что безопасность здоровья конкретного человека, всех граждан Российской Федерации является неотъемлемой составной частью национальной безопасности России. Чем лучше в плане защиты здоровья от противоправных посягательств чувствует себя отдельно взятый гражданин России, простой человек, тем сильнее государство, в том числе и в плане обеспечения национальной безопасности в целом.

Полагаем, что вопрос обеспечения безопасности здоровья граждан от преступных посягательств является стратегическим, приоритетным в реализации государственно-правовой, в том числе и уголовно-правовой политики Российской Федерации. Состояние здоровья в жизни конкретного отдельно взятого человека определяет необходимость использования всего комплексного массива правовых возможностей, влияет на определение жизненных приоритетов отдельно взятой личности, возможность полноценно участвовать в тех или иных сферах государственной или частной жизни, предпочесть конкретный путь развития человека, личности при выборе профессии, сферы трудовой деятельности, возможности достигать поставленные цели. Ведь для того, чтобы стать тем или иным государственным служащим, требуется проверка физического и психического состояния организма, соответствие его состояния здоровья требованиям, предъявляемым к назначению на те или иные должности. Изменение состояния здоровья, вызванное в том числе и насильственными

посягательствами на здоровье человека, влечет невозможность дальнейшего прохождения службы, невозможность вести трудовую деятельность по избранной ранее профессии в случае полной утраты профессиональной трудоспособности, влечет реакцию государства в случае причинения вреда здоровью в плане материальной защиты такого человека. Люди, получившие увечье, становятся инвалидами первой, второй, третьей группы, получают военную травму при исполнении своих профессиональных обязанностей, связанных с охраной жизни, здоровья граждан, в связи с обеспечением общественной, государственной безопасности, находясь на службе по охране общественного порядка, при выполнении своего боевого долга в сфере противодействия террористическим и экстремистским действиям.

В связи с этим возникает вопрос о том, как же основной закон Российской Федерации, Конституция Российской Федерации, определяет значительность защиты здоровья человека от преступных посягательств.

Государству выгодно иметь здоровых граждан, так как с одной стороны повышается эффективность трудовой деятельности, эффективность взимания налогов с данной деятельности, возможность устанавливать более поздние сроки выхода на пенсию граждан и сократить связанные с этим затраты на пенсионное обеспечение. С другой стороны, здоровые граждане меньше нуждаются в медицинских услугах, в системе здравоохранения в целом, содержание которой государству обходится в виде выделения огромных средств, большой части бюджета государства. Государству выгоднее больше внимания уделять здоровью граждан, безопасности здоровья граждан на производстве, при исполнении служебных обязанностей, чем всю оставшуюся жизнь людей, получивших увечья, которым причинен вред здоровью определенной степени тяжести, содержать на государственном обеспечении.

В данном параграфе мы представим краткий правовой обзор конституционных норм российского государства, отражающих вопросы конституционно-правового обеспечения безопасности здоровья человека от

преступных посягательств, начиная с советского периода. Так как все нормативные правовые акты, издаваемые на территории государства, должны соответствовать основному закону страны, то считаем данное исследование важным, определяющим отношение государства к защите здоровья человека от преступных посягательств и, следовательно, легитимность формирования системы законодательных актов, непосредственно направленных на обеспечение безопасности здоровья человека от преступных посягательств.

В Конституции РСФСР 1918 г. отсутствовали положения, определяющие приоритет охраны здоровья граждан от преступных посягательств, отсутствовали также и нормы, определяющие основы охраны здоровья граждан в плане медицинского обеспечения. Приоритетной задачей являлись «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества»[1].

Конституция СССР 1936 г. не устанавливала специальных положений по охране охране здоровья граждан от преступных посягательств и организации здравоохранения и медицинского обеспечения граждан[2].

Впервые Конституция СССР 1977 г. обозначила рамки конституционного регулирования охраны здоровья, но не от преступных посягательств. Так, в ст. 21 этой Конституции говорилось об улучшении условий труда, охране труда во всех отраслях народного хозяйства[3].

В статье 2 Конституции РФ 1993 г. закрепляются положения, позволяющие констатировать, что Российская Федерация представляет собой правовое государство. Полагаем, что среди этих прав и свобод должно присутствовать право человека на безопасность его здоровья от противоправных действий в отношении него, от преступных посягательств.

---

[1] См.: Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937) // Сб. документов / Под общ. ред. А.Я. Вышинского. М., 1940. С. 22.
[2] См.: Конституция (Основной закон) СССР. М., 1967.
[3] См.: Конституция СССР. 1977. Ст. 21.

Государство, декларируя права и свободы отдельно взятого человека, обязано сформировать систему правовых норм, позволяющую реализовать данные права, в том числе систему государственных органов, обеспечивающих практическое выполнение заявленных в Конституции Российской Федерации положений.

В Конституции Российской Федерации закреплено право на охрану здоровья. Но что же оно означает, каково юридическое содержание и понимание данного конституционного положения, совпадает ли право на охрану здоровья человека с правом на безопасность его здоровья от преступных посягательств? Полагаем, что в данном исследовании необходимо ответить на эти вопросы, так как говоря об обеспечении права на безопасность здоровья человека от преступных посягательств, следует знать, закрепляется ли это право в Конституции Российской Федерации и соответствуют ли остальные нормативные правовые акты в сфере обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств конституционным предписаниям.

Итак, в статье 2 Конституции Российской Федерации на первом месте – человек как наивысшая ценность. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина являются обязанностью государства. В статье 20 Конституции Российской Федерации закреплено: «Каждый имеет право на жизнь». Право на жизнь безусловно является приоритетным, самым важным правом человека и другие конституционные права имеют возможность быть реализованными в случае его существования. Безусловно, к этим другим правам относится и право на безопасность здоровья человека от преступных посягательств.

Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Конституция Российской Федерации провозгласила право на охрану здоровья любого человека. Данное право отнесено к социально-экономическим правам. Не только граждане Российской Федерации должны осуществлять ряд мер, направленных на заботу о своем

здоровье, но и государство обязано предпринимать меры по сохранению здоровья граждан[1].

Полагаем, что целеособразно на основе норм национального законодательства выяснить пределы правового регулирования права человека на охрану здоровья человека, провозглашенного в Конституции Российской Федерации.

Охрана здоровья человека в Конституции Российской Федерации рассматривается только в рамках реализации положений относительно осуществления мер, направленных на оказание медицинских услуг, связанных с существованием системы здравоохранения. Мы отмечаем, что в Конституции Российской Федерации ни слова не говорится об охране здоровья человека от преступных посягательств. Поэтому законодатель не воспринял заявленное в Конституции Российской Федерации право на охрану здоровья как всеобъемлющее право, включающее в себя в качестве обязательного составляющего и право человека на безопасность здоровья от преступных посягательств.

Подтверждением правильности нашей позиции является название и содержание основного федерального закона, направленного на охрану здоровья граждан. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 19.07.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», судя по названию, должен содержать положения, направленные, в том числе, и на охрану здоровья граждан от преступных посягательств, ну хотя бы упомянуть об этом. Статья 1 «Предмет регулирования настоящего Федерального закона» указывает:

«Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации (далее – в сфере охраны здоровья), и определяет:

---

[1] См.: Головистикова А.Н. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь // Адвокат. 2007. № 1 и др.

1) правовые, организационные и экономические основы охраны здоровья граждан;

2) права и обязанности человека и гражданина, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав;

3) полномочия и ответственность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья;

4) права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья;

5) права и обязанности медицинских работников и фармацевтических работников».

Более того, статья 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе», в части первой определяет, что здоровье – это состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

Охрана здоровья граждан – это система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи. Об охране здоровья граждан от преступных посягательств, об обеспечении безопасности здоровья отдельно взятого человека не сказано ничего.

Право на жизнь в Конституции Российской Федерации закреплено в статье 20. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь, которые неразрывно связаны воедино – только в статье 41, в которой указано, что «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений». В пункте втором статьи 7 Конституции Российской Федерации указано, что в Российской Федерации охраняется «труд и здоровье» людей. Получается, что приоритетным для государства является труд граждан, а не охрана его здоровья, обеспечение безопасности здоровья человека от преступных посягательств.

Системный анализ норм Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что статья 41 Конституции Российской Федерации размещена не логично, далеко позади права на жизнь человека, расположена в системе положений, регламентирующих социально-экономические права.

Статья 41 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право человека на охрану здоровья и медицинскую помощь, расположена позади положений, направленных на охрану достоинства личности (статья 21 Конституции Российской Федерации), регламентирующих право на свободу и личную неприкосновенность (статья 22 Конституции Российской Федерации), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (статья 23 Конституции Российской Федерации), право на не допущение сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24 Конституции Российской Федерации), право на неприкосновенность жилища (статья 25 Конституции Российской Федерации), право определять и указывать свою национальную принадлежность (статья 26 Конституции Российской Федерации), право

свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (статья 27 Конституции Российской Федерации), право на свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (статья 28 Конституции Российской Федерации), право на свободу мысли и слова (статья 29 Конституции Российской Федерации), право на объединение (статья 30 Конституции Российской Федерации), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (статья 31 Конституции Российской Федерации), право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (статья 32 Конституции Российской Федерации), право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (статья 33 Конституции Российской Федерации), право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34 Конституции Российской Федерации), право частной собственности (статья 35 Конституции Российской Федерации), право иметь в частной собственности землю (статья 36 Конституции Российской Федерации), право на труд (статья 37 Конституции Российской Федерации), право на защиту государством материнства, детства и семьи (статья 38 Конституции Российской Федерации), право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (статья 39 Конституции Российской Федерации), право на жилище (статья 40 Конституции Российской Федерации).

Мы полагаем, что здоровье человека должно рассматриваться с иных правовых позиций, где составляющими являются положения, регламентирующие право на охрану здоровья, право человека на здоровье,

право человека на безопасность здоровья, с биосоциальных позиций (общественное здоровье, здоровье нации, страны), с биомедицинских позиций (физическое здоровье человека, психическое здоровье).

Данная несогласованность, разноплановость, отсутствие четкой позиции в Конституции Российской Федерации относительно содержания права на охрану здоровья, порождает ситуацию, когда в юридической литературе исследователи начинают фантазировать и конструировать всевозможные подходы к определению права человека на охрану здоровья и наполняемость его характеристики. Так, А.Ф. Антоненко права человека определяет двояко: 1) объективные обстоятельства жизнедеятельности, без которых человек не может существовать; 2) субъективные права, которые выражают реальные возможности человека[1]. Н.В. Косолапова указывает, что право на охрану здоровья включает в себя право на радиационную безопасность, право на экологическое благополучие; право на получение фармацевтической, медицинской помощи[2]. Получается, что право на охрану здоровья в узком смысле состоит в возможности гражданина получить медицинскую помощь, которая оказывается всем людям, с целью сохранения и восстановления их здоровья[3]. Право на охрану здоровья состоит в возможности обеспечения законодательных и организационных условий для реализации своих надобностей в сфере охраны здоровья[4].

Полагаем, что в Конституции Российской Федерации наряду с правом на жизнь следует установить право человека на безопасность здоровья, включающее в себя право на безопасность здоровья человека от преступных

---

[1] См.: Антоненко А.Ф. Конституционное право граждан на медицинскую помощь: содержание и проблемы реализации: Дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2006. 179 с.

[2] См.: Косолапова Н.В. Конституционное обеспечение права граждан на медицинскую помощь: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 21.

[3] См.: Еникеев О.А. Конституционное право на медицинскую помощь: теория и практика: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 9.

[4] См.: Домникова Л.В. Гражданско-правовые способы реализации права на охрану здоровья в Российской Федерации: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 36–37.

посягательств, право на неприкосновенность здоровья, право на распоряжение своим здоровьем, право на недопущение причинения вреда здоровью и право на его компенсацию, если вред здоровью человека был все же причинен.

Конституционные гарантии обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств должны стать вектором для законодательной власти в плане принятия законов и иных нормативных правовых актов в этой сфере, конкретно раскрывающих закрепленный в Конституции Российской Федерации приоритет обеспечения безопасности здоровья человека.

В завершение данного параграфа необходимо сделать следующие выводы.

1. В настоящее время право на охрану здоровья человека рассматривается с позиций медико-социального подхода, согласно которому к социальным факторам, определяющим уровень здоровья, следует относить определенный уровень заработной платы, длительность рабочего времени, уровень напряженности и условия труда, присутствие профессиональной опасности, санитарное состояние государства. Мы считаем, что социальная составляющая правового определения здоровья – это состояние здоровья общества, которое определяется рядом не только социальных, но и иных факторов: рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, заболеваемостью, уровнем физического развития, безопасностью здоровья человека от преступных посягательств.

2. Право человека на здоровье в Конституции Российской Федерации прямо не закреплено. В Конституции Российской Федерации выделено и гарантировано лишь право человека на охрану здоровья. Право человека на безопасность здоровья не закреплено в Конституции Российской Федерации. В связи с вышеизложенным предлагаем закрепить в Конституции Российской Федерации право человека на безопасность здоровья, включающее в себя право на безопасность здоровья человека от преступных

посягательств, право на неприкосновенность здоровья, право на распоряжение своим здоровьем, право на недопущение причинения вреда здоровью и право на его компенсацию, если вред здоровью человека был все же причинен.

1.2. Безопасность здоровья человека: уголовно-правовой апект

Указом Президента Российской Федерации от 20 ноября 2013 года утверждена Концепция общественной безопасности в Российской Федерации[1]. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации[2]. Данная Стратегия, согласно пункту первому вышеуказанного документа, является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Стратегия призвана консолидировать усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, к коим, безусловно, относится и здоровье нации.

---

[1] См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 15.09.2018).

[2] См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

Полагаем, что понятие национальной безопасности Российской Федерации неразрывно связано с безопасностью здоровья человека, в том числе и с безопасностью здоровья человека от преступных посягательств. В связи с этим представляется необходимым определиться с понятием «безопасность» как составляющей понятия «безопасность здоровья человека».

Под безопасностью понимается состояние, при котором опасность не угрожает. Понятие безопасности определяют через отсутствие опасности, сохранность, надежность. В качестве объектов безопасности в юридической литературе выделяют права, свободы, интересы личности; материальные, духовные ценности общества; суверенитет, территориальная целостность государства, конституционный строй государства[1].

Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности»[2] не содержит понятие безопасности.

В пункте 4 Концепции общественной безопасности в Российской Федерации определяется понятие общественной безопасности. В Федеральном законе РФ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» (статья 2) указаны основные принципы обеспечения безопасности. В пункте 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации определяется понятие национальной безопасности. При этом национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности.

Согласно пункту 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальными интересами Российской Федерации признаются

---

[1] См.: Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Задоян А.А. Преступления против общественной безопасности: Учебно-практическое пособие. М., 2010. С. 10.

[2] См.: Закон РФ «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. 29 декабря 2010 г.

объективно значимые потребности личности, к которым, безусловно, следует отнести потребность в обеспечении безопасности здоровья граждан Российской Федерации. Стратегическими национальными приоритетами Российской Федерации, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, выступают важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, к коим, безусловно, следует отнести обеспечение безопасности здоровья граждан от преступных посягательств.

Обеспечение национальной безопасности – это реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов[1].

В качестве одной из основных угроз государственной и общественной безопасности определены преступные посягательства, направленные против личности (пункт 43). При этом основными показателями, необходимыми для оценки состояния национальной безопасности, являются, в том числе, удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств[2].

Социальная безопасность является важной составляющей компонентой национальной безопасности. В юридической литературе социальная безопасность определяется как совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей,

---

[1] См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.
[2] См.: Там же.

образ жизни нынешних и будущих поколений в соответствии с потребностями прогресса[1].

Наряду с социальной безопасностью выделяют безопасность личную. В целом же социальная безопасность состоит из совокупности отдельно взятых и скомпонованных воедино составляющих компонент личной безопасности отдельно взятого человека. Личная безопасность является сложной политико-правовой категорией. И.Я. Козаченко, выделял в структуре безопасности национальную, государственную, общественную и личную безопасность. Так, под личной безопасностью, автор понимает такое состояние защищенности отдельного индивидуума от различных источников угрозы, направленной на причинение вреда жизненно важным интересам этого человека[2]. Социальное здоровье является составляющей социальной безопасности, которая, в свою очередь формирует наполняемость понятия национальной безопасности. Полагаем, что национальная безопасность зависит от здоровья людей, населяющих Российскую Федерацию.

Таким образом, исследовав системную значимость безопасности как состояния защищенности от возникающих угроз различного характера, мы считаем необходимым рассматривать объект преступлений против здоровья человека с позиции обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

Понятие личность и человек не являются тождественными. Уголовное законодательство охраняет человека вне зависимости от признания его личностью. Личность – понятие более социальное, нежели правовое. Полагаем, что личностью в полном смысле в обществе и в отдельных отраслях законодательства не считают невменяемых, малолетних, лиц без определенного места жительства, лиц, лишенных свободы, лиц, не

---

[1] См.: Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М. 1996. С. 24, 25.

[2] См.: Козаченко И.Я. Проблемы безопасности (уголовно-правовой аспект) // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Красноярск, 2002. Вып. 5. С. 21, 22.

являющихся гражданами, несовершеннолетних лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но которые вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими.

На вопрос, что такое личность, психологи однозначно ответить не могут, в чем и выражена сложность самого феномена личности. Каждое из определений личности, содержащихся в научной литературе, подлежит анализу в целях установления глобального определения данного понятия.

Непосредственно само понятие личности принято определять, как человека в его совокупности, а именно исходя из социальных и иных приобретенных в процессе жизни качеств. Из этого следует, что к числу субъективных категорий не представляется возможным отнести такие специфики человека, которые обусловлены генотипически или физиологически и никаким образом не зависят от жизни в социуме. В большом числе определений личности содержится указание на то, что к категории личностных не следует относить качества психологического характера, которыми обладает человек, при этом характеризуют его познавательные процессы либо же индивидуальный вид деятельности, за исключением тех, что проявляются во взаимоотношениях с людьми и в обществе, в целом. В определение «личности» зачастую входят такие специфики, которые выступают в качестве наиболее или же наименее устоявшихся и свидетельствующих об индивидуальности самого человека, утверждая его значимые поступки для иных людей[1].

На основании всего вышеуказанного представляется возможным сделать следующий вывод. Личность представляет собой человека,

---

[1] См.: Комарницкий А.В. Понятие и структура личности несовершеннолетнего преступника: криминологические новеллы // Юридическая мысль. 2016. Т. 98. № 6. С. 113.

сложившегося в системе таких его психологических установок, которые имеют социальную обусловленность, и проявляются в общественных связях и взаимоотношениях, являются устойчивыми, и определяют нравственные поступки человека, обладающие большой значимостью для него самого и окружающих его лиц.

В Уголовном кодексе Российской Федерации слово «человек» используется 111 раз, слово «личность» – 28 раз. Так, в УК РФ говорится: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина…» (ч. 1 ст. 2 УК РФ), «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека» (ч. 1 ст. 7 УК РФ), «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку» (ч. 1 ст. 105 УК РФ), «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека…» (ч. 1 ст. 111 УК РФ), ст. 120 «Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации», ст. 126 «Похищение человека», «Незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением» (ч. 1 ст. 127 УК РФ), «Купля-продажа человека, иные сделки в отношении человека…» (ч. 1 ст. 127.1 УК РФ), «Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека…» (ч. 1 ст. 282 УКРФ), «Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, повлекшие причинение смерти человеку» (ч. 3 ст. 361 УК РФ) и т.п.

При этом слово «личность» употребляется в УК РФ в тех случаях, когда необходимо указать на совокупность каких-либо качеств человека. Например, «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ч. 1 ст. 6 УК РФ), «При осуждении за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления с учетом личности виновного…» (ст. 48 УК

РФ), «Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников» (ч. 2 ст. 67 УК РФ) и т.п.

Более того, законодатель при конструировании нормативных правовых актов, определяя их название, применительно к рассматриваемой нами теме безопасности здоровья человека от преступных посягательств, указывает на причинение вреда здоровью именно человеку. Так, Постановление Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) именуется «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012), которым руководствуются судебно-медицинские эксперты при определении признаков вреда, причиненного здоровью человека, называется «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».

Нами выносится предложение об изменении названия раздела VII УК РФ. Полагаем, что следует его изложить в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека». Название главы 16 УК РФ предлагаем изложить следующим образом: «Глава 16. Преступления против безопасности жизни и здоровья человека».

В УК РСФСР 1960 г. говорилось о телесных повреждениях, поэтому в юридической литературе неоднозначно понимался объект уголовно-правовой охраны преступлений, причиняющих вред здоровью человека. Ряд авторов полагали, что объектом данных деяний является здоровье человека, другие полагали, что в качестве такового выступает телесная неприкосновенность.

Нанесение ударов, нанесение побоев не всегда влечет последствия в виде причинения вреда здоровью человека, но всегда сопровождается нарушением телесной неприкосновенности. Бывают и обратные случаи, когда причинение вреда здоровью человека не связано с нарушением телесной неприкосновенности. Так, составляющим признаком тяжкого вреда здоровью человека является психическое расстройство здоровья, не всегда связанное с нарушением телесной неприкосновенности.

Полагаем, что объектом причинения вреда здоровью является безопасность здоровья человека. Что касается телесной неприкосновенности, то не следует ее исключать из составляющих объекта преступлений, связанных с применением насилия, но не причиняющих конкретный вид вреда здоровью, описанный в УК РФ и иных нормативных правовых актах, позволяющих идентифицировать повреждения в зависимости от степени их тяжести.

В теории уголовного права понятие здоровья человека определялось разнопланово. Например, как состояние человека, при котором нормально функционирует весь организм. Но словосочетание «нормально функционирует» является неконкретным, оценочным. Состояние здоровья потерпевшего до насильственного посягательства в отношении него не всегда является идеальным. Нет абсолютно здоровых людей. Уголовное законодательство охраняет фактическое состояние здоровья потерпевшего на данный момент времени, вне зависимости от того, нормально ли функционируют все его органы или нет. Вред здоровью можно причинить и инвалиду, которого нельзя признать здоровым человеком, человеку, находящемуся в коме и т.д.

Считаем, что объект преступных деяний, причиняющих вред здоровью человека, следует рассматривать с позиции обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств. При этом объектом посягательств на здоровье человека следует считать безопасность здоровья с биологических (медицинских) позиций как определенное физическое и (или) психическое состояние человека, каким бы далеким от идеального состояния оно (здоровье) не было.

Конституция Российской Федерации гарантирует лишь право человека на охрану здоровья. Получается, что в статье 2 УК РФ в качестве одной из задач уголовного закона юридически закреплена охрана права на охрану здоровья. В связи с этим предлагается в статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве задач уголовного законодательства по охране

общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств, определить и обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

Объектом причинения вреда здоровью является безопасность здоровья потерпевшего. Полагаем, что термин «потерпевший» не является исключительно уголовно-процессуальным. Изложенная позиция находит поддержку и у исследователей, которые посвятили специальное монографическое исследование уголовно-правовому аспекту потерпевшего от преступления[1].

Считаем, что «потерпевшим» в уголовно-правовом смысле следует считать человека, в отношении которого осуществляется преступное посягательство. Человека применительно к преступлениям, посягающим на безопасность здоровья, нельзя отождествлять с предметом преступления.

Изменение социально-политических ориентиров современного общества, перестройка идеологической и правовой систем государства обусловливают появление новых, адекватных современным условиям направлений в уголовной политике. Ориентация на создание максимально эффективной системы уголовно-правовой охраны общественных отношений и предупреждения преступлений предполагает разработку научно обоснованных рекомендаций по наиболее значимым проблемам уголовного права, одной из которых является юридический статус потерпевшего от преступления.

Более того, провозглашенный в Конституции Российской Федерации приоритет прав и свобод личности обусловил определение сферы частного интереса в уголовном праве и предопределил переосмысление места пострадавшего в уголовно-правовых отношениях.

Категориям и нормам, положенным в основу диспозитивности и восстановительного правосудия, не удается избежать и внутренней противоречивости. Отсутствие единого подхода к определению места

---

[1] См.: Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем. СПб., 2009. С. 75–80.

виктимологических признаков в системе институтов уголовного права предопределяет необходимость разработки новой концепции оценки личности.

Полагаем важным в данном исследовании рассмотреть особенности характеристики таких потерпевших от преступлений, посягающих на безопасность жизни и здоровья, как сотрудники правоохранительных органов, представители власти. Нормы, предусмотренные статьями 317, 318 УК РФ, являются специальными по отношению к общим нормам, устанавливающим уголовную ответственность за причинение смерти и вреда здоровью человека в виду высокой степени общественной опасности таких преступлений. Если государство не в состоянии оградить, защитить от противоправных действий лиц, которые ежедневно обеспечивают общественный порядок и общественную безопасность в Российской Федерации, то возникнет угроза существования самого государства в целом, не способного противостоять криминальной угрозе в отношении лиц, сохраняющих само государство от угроз различного характера.

Преступность в современной России, как по своим масштабам, так и по реальным (видимым) и фактическим (не видимым, но осязаемым) последствиям сказывается не только на состоянии правопорядка и законности в стране, но и на безопасности государства и ее граждан[1]. Если попытаться сконцентрировать внимание на статистической информации, то за последние годы в динамике общей преступности и отдельных ее видов практически вряд ли можно увидеть какие-то ярко выраженные неблагоприятные тенденции. Напротив, с 2006 года кривая преступности движется вниз, даже несмотря на серьезные последствия социально-экономического кризиса в стране, началом которого выступили события конца 2014 – начала 2015 года, связанные, прежде всего с

[1] См.: Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Науч. издание. Сер. Безопасность человека и общества. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1999. С. 35–36.

антиконституционным государственным переворотом и его последствиями на Украине.

На самом деле количество преступлений, по нашему мнению, меньше не становится. В условиях продолжающегося кризиса, снижения доходов граждан, роста безработицы, как правило, растет недовольство, возникают конфликты, приводящие к самым серьезным последствиям, в том числе и к совершению преступлений. Государство в таких условиях должно быть заинтересовано в надежной охране, прежде всего, интересов граждан, их социальной и правовой защищенности.

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 111, 112 и 115 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 1997 г. по 2017 г., количество зарегистрированных преступлений, количество выявленных лиц, совершивших данные преступления, количество осужденных лиц за данные деяния, представлены нами в приложениях № 1, № 2 и № 3 диссертации.

Одной из социальных групп, которые также находятся в тех же социальных условиях, что и все остальное население, являются представители власти, к которым в основном относятся сотрудники правоохранительных органов. Состояние их правовой и социальной защищенности отражается не только на состоянии преступности в стране и правопорядка в целом, но и результативности решения ими служебно-боевых задач, авторитете службы, отношении населения к ним и их деятельности и т.д. Как отмечает в своей диссертации С.Ю. Анохина, в таких условиях «сотрудники этих органов нередко сами остаются незащищенными»[1].

Государство в лице правоохранительных органов призвано защищать интересы населения, но в последние годы сотрудники правоохранительных органов сами оказались наиболее беззащитной категорией граждан перед

---

[1] См.: Анохина С.Ю. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: вопросы теории: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 3.

преступными элементами на фоне сравнительно высокого уровня преступности и снижения наступательной деятельности правоохранительных органов в борьбе с ней.

Любое, даже самое демократическое, цивилизованное и развитое государство вынуждено обеспечивать охрану своих интересов, используя все свои достижения и механизмы правового регулирования общественных отношений посредством опоры на свои силы. Этими силами выступают правоохранительные структуры, а точнее представители этих структур, а еще точнее – конкретные люди, которых наделяют особыми полномочиями требовать соблюдение установленных государством и одобренных обществом правил поведения.

Важность реализации функций по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности никто не оспаривает, равно как и вопросы защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан от преступных посягательств и иных противоправных действий и т.п. Но возникает вопрос относительно того, сколько для решения этих и иных внутренних задач государства требуется людских ресурсов, каким требованиям они должны соответствовать, как должны быть обеспечены их права и свободы, чтобы на высоком уровне и эффективно выполнять свои профессиональные обязанности.

Говоря о сотрудниках правоохранительных органов, как представителях власти и особой категории лиц, выполняющих указанные выше функции, следует отметить, что государство должно с одной стороны, предъявлять к ним повышенные морально-психологические и физические требования, деловые качества, предопределяющие формирование такого индивидуального качества, как профессионально-психологическая надежность[1]. С другой стороны, государство должно создавать для них

[1] См.: Криволапчук В.А. Концептуальные подходы к разработке программы формирования профессиональной психологической надежности сотрудников

приемлемые условия для труда и отдыха, обеспечивать их обучение и переподготовку, повышение уровня профессионального мастерства и гарантировать не только правовую, но и социальную защиту в случае наступления каких-либо негативных последствий, связанных со службой в правоохранительных органах.

Как известно, любой человек, а в особенности сотрудник правоохранительных органов может сталкиваться в повседневной жизни с множеством угроз, которые так или иначе обусловлены развитием научно-технического прогресса, событиями в различных сферах жизнедеятельности. В таких ситуациях он не должен ощущать себя незащищенным, в том числе и от угроз криминального характера. К тому же ст. 2 Конституции Российской Федерации[1] провозглашает права и свободы человека в качестве высшей ценности и гарантирует государственную защиту этих прав, как указано в ст. 45 Основного Закона.

Государство, выступая в качестве основного субъекта обеспечения безопасности, должно принимать весь комплекс мер, обеспечивающих безопасность граждан, в том числе и от преступных посягательств. И это должно быть, в первую очередь, направлено на обеспечение защиты тех категорий граждан, которые обладают повышенной виктимной предрасположенностью.

Низкий качественный уровень противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, связан с размыванием профессионального ядра сотрудников, вызванным непрекращающимися процессами реформирования правоохранительных структур, падением профессионализма, реальной утратой доверия к сотрудникам

криминальной милиции МВД Украины // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 3 (54). С. 63–67.

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СПС Консультант Плюс.

правоохранительных органов на фоне ежедневной негативной информации СМИ о тех или иных криминальных проявлениях их же коллег (получение взяток, злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, совершение ДТП и др.), падением престижа государственной службы и т.д. Как следствие, возросла враждебность и агрессивность граждан к представителям власти, стали более частыми посягательства на них, в том числе сопряженные с причинением им вреда здоровью.

Если учесть, что 98 % таких посягательств приходится на долю сотрудников ОВД, то следует тогда говорить о том, что именно эти сотрудники чаще всего являются потерпевшими среди представителей власти, и выступают своеобразной «мишенью» для криминальных элементов. Конечно же, не следует забывать и о региональных особенностях преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД. Так, в Северо-Кавказском регионе уже в течение многих лет в отношении сотрудников правоохранительных органов ведут настоящую «охоту» представители бандформирований, экстремистских и террористических организаций и т.д. Как итог, боевые потери в регионе стали превышать потери всего личного состава МВД России. Так, еще несколько лет тому назад бывший Главком внутренних войск МВД генерал армии Николай Рогожкин отмечал, что потери его ведомства на Северном Кавказе за период выполнения служебно-боевых задач составили: 2984 убитых и 9 тысяч раненых. Согласно данным Кавказского узла, в 2017 году в Северо-Кавказском регионе в результате противоборства с преступниками и членами бандформирований погибли 22 силовика, 31 – ранен.

Существенно возросло и число иных посягательств, которые совершаются в отношении сотрудников органов внутренних дел. Сотрудники правоохранительных органов стали чаще становиться жертвами насильственных преступлений. При этом число преступлений, совершаемых самими сотрудниками в 7-9 раз меньше количества посягательств,

совершаемых в отношении сотрудников. Указанные данные свидетельствуют, что степень реакции государства на посягательства в отношении сотрудников ОВД оставляет желать лучшего.

Однако даже эти цифры не отражают существа рассматриваемой проблемы, поскольку значительное количество преступлений, совершаемых в отношении сотрудников, проходящих службу в ОВД, остаются не зарегистрированными. При этом, в одном случае на это влияет факт того, что потерпевшие из числа сотрудников полиции считают зазорным сообщать о фактах совершения преступлений в отношении них, дабы не снизить и до того низкий авторитет всей системы. В другом случае, многие из сотрудников не придают значения таким посягательствам, считая их издержками профессии.

Нет стопроцентной гарантии безопасности и у представителей фемиды – судей. На них и их имущество также посягают преступники. Так, еще в 2012 году руководитель управления Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации Е. Голошумов обнародовал информацию о том, что число преступлений против судей возрастает примерно на 15 % в год, а раскрывать такие преступления, как убийства, покушения, угрозы, хищения имущества и квартир, где в качестве потерпевших фигурируют судьи, становится все сложнее. На тот период по 214 преступлениям виновные не были изобличены и не понесли никакой ответственности[1]. В последующие годы данная категория лиц с особым правовым статусом продолжает испытывать серьезные проблемы с обеспечением своей личной безопасности, о чем заявил на IX Всероссийском съезде судей генеральный директор Судебного департамента при Верховном суде А. Гусев[2]. Число убийств судей

---

[1] См.: Двенадцать судей убито в РФ за 5 лет, только 4 преступления раскрыты. [Электронный ресурс] URL: https://news.mail.ru/incident/9321018/ (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: Дьяконова О. Покушений на судей стало в три раза больше. [Электронный ресурс] URL: https://legal.report/article/07122016/pokushenij-na-sudej-stalo-v-tri-raza-bolshe (дата обращения: 05.01.2018).

не так велико, но степень общественной опасности данных преступлений очень высока. Так, в 2016 году было убито 2 судьи. Как показывает практика, чаще всего жертвами становятся судьи, рассматривающие уголовные дела, особенно на территории Северо-Кавказского региона. По словам А. Гусева, судьям стали чаще угрожать физической расправой и уничтожением имущества: в 2013 году была зафиксирована 21 угроза, в 2014-м – 18 угроз, в 2015-м – 15, а за 11 месяцев 2016 года – уже 35. В 2017-м произошло уже шесть покушений на жизнь судей, что в три раза больше, чем годом ранее[1].

Следует отметить, что с одной стороны, сотрудники правоохранительных органов не в состоянии обеспечить полноценный контроль за правопорядком на улицах и в общественных местах даже с учетом имеющихся технических средств видеонаблюдения и контроля. С другой – в силу продолжающегося процесса реформирования правоохранительных органов, сотрудников полиции становится меньше. Их реже, чем ранее можно увидеть на улицах. Часть из них теперь относится к другим структурам, например, сотрудники подразделений вневедомственной охраны «перешли» в войска национальной гвардии[2]. С января 2018 года почти 20 % сотрудников ГИБДД сокращены – а это каждый 5-й сотрудник[3]. Есть информация и о других реформаторских решениях[4].

Поэтому вопрос о соответствии реального уровня преступности статистической отчетности невольно наталкивает на очевидный ответ –

---

[1] См.: Дьяконова О. Покушений на судей стало в три раза больше. [Электронный ресурс] URL: https://legal.report/article/07122016/pokushenij-na-sudej-stalo-v-tri-raza-bolshe (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Российская газета – Федеральный выпуск № 7014 (146).

[3] См.: Комарова С. Сокращаются должности в дорожно-патрульной службе и в территориальных ГИБДД. [Электронный ресурс] URL: http://rosregistr.ru/raznoe/94436.html (дата обращения: 05.01.2018).

[4] См.: «Это как волка поставить на охрану овец» [Электронный ресурс] URL: https://www.znak.com/2018-02-06/posle_vyborov_prezidenta_fsin_mozhet_pereyti_v_podchinenie_mvd?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.01.2018).

преступность, как и ее последствия, в условиях кризиса не может сокращаться. Кстати, отчасти некоторые симптомы негативных тенденций современной преступности просматриваются даже применительно к некоторым видам и группам преступлений. Так, например, в течение нескольких последних лет прогрессируют преступления экстремистской направленности, последствиями которых нередко выступает причинение вреда здоровью человека. С 2007 года по 2016 год количество только зарегистрированных преступлений экстремистской направленности выросло более чем в 4 раза (с 356 до 1450 преступлений соответственно). Почти в 3 раза стало больше и преступлений террористического характера (с 759 до 2227 преступлений)[1]. Но ведь именно эти преступления, как никакие другие, связаны не только с посягательствами на охраняемые законом ценности и интересы. В числе лиц, потерпевших от таких преступлений, велика и доля представителей правоохранительных органов, в том числе сотрудников полиции, которые обладают так называемой профессиональной виктимностью[2]. Как отмечают некоторые исследователи, всего за четыре года (с 1999 по 2003 гг.) было убито 1599 и ранено 4574 сотрудников органов внутренних дел[3].

Каждый день в отношении сотрудников полиции совершается около 60 различных преступлений, большая часть из которых – это нападения (58,3%), – так прокомментировал ситуацию с безопасностью сотрудников

---

[1] См.: Портал правовой статистики Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 05.11.2017).

[2] См.: Папкин И.А. Психологические пути снижения виктимности сотрудников органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3.

[3] См.: Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 3.

полиции председатель Ассоциации профсоюзов полиции России Алексей Лобарев[1].

Сложившееся положение дел в сфере борьбы с преступностью, так или иначе, сказывается на морально-психологическом климате в коллективах сотрудников, на их боевом духе, желании и стремлении совершенствовать свои профессиональные навыки, проявлять бдительность и инициативу в конкретных жизненных ситуациях как при несении службы, так и вне ее.

Совершение посягательств в отношении таких лиц свидетельствует о причинении вреда не только конкретным сотрудникам правоохранительных органов, но и нормальной деятельности всего государственного аппарата. Хотя преступления, предусмотренные ст. 317 – 318 УК РФ расположены в главе 32 Уголовного кодекса Российской Федерации в виду оценки степени важности таких объектов уголовно-правовой охраны как государственная власть и порядок управления в обществе, дополнительным непосредственным объектом таких посягательств выступает жизнь, здоровье конкретных представителей власти.

Так, статистические данные о преступных посягательствах, ответственность за которые предусмотрена ст. 317 УК РФ, показывают, что их количество только в первом десятилетии XXI века в России увеличилось в 2,2 раза – с 282 в 2000 году до 629 в 2010 году. После 2010 года наблюдается положительная динамика числа зарегистрированных посягательств на жизнь представителей власти. Так, в 2011 году было возбуждено 438 уголовных дел по ст. 317 УК РФ, в 2012 г. – 439, в 2013 г. – 364, в 2014 г. – 223, в 2015 г. – 181, в 2016 г. – 165, в 2017 г. – 121. Причины столь позитивных изменений с одной стороны, лежат на поверхности. Государство наконец-то стало учитывать важность защиты таких субъектов, ибо поднять силу и авторитет самого государства без опоры на представителей власти и правоохранительных органов в особенности, практически невозможно. К тому же возросший уровень патриотизма в обществе так или иначе связан с

примерами не просто добросовестного служения государству, а с конкретными заслугами и подвигами добровольцев на территории ДНР и ЛНР, военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов на Северном Кавказе, в Сирии и т.д. В этой связи стала видна и роль СМИ в освещении таких событий, в оценке действий героев на самом высоком уровне, оказании почестей погибшим, помощи их семьям и т.д. Но самое главное, на мой взгляд, состоит в адекватной и довольно жесткой реакции государства в лице правоохранительных органов и суда на лиц, совершающих посягательства в отношении представителей власти. Так, например, с 2001 по 2014 год число выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 317 УК РФ, выросло со 129 до 529, т.е. более чем в 4 раза. Хотя, как мы знаем, факт задержания лица по подозрению в совершении преступлении отнюдь не является 100 % гарантией привлечения его к уголовной ответственности и наказанию. Так, например, в 2011 году по ст. 317 УК РФ был осужден 21 виновный, в 2012 году – 53, в 2013 году – 30 человек, в 2014 году – 40[1].

В 2016 году согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации по ст. 317 УК РФ было осуждено 104 человека, 9-ти из которым было назначено пожизненное лишение свободы, остальным были назначены различные сроки наказания в виде лишения свободы с реальным их отбыванием в исправительных колониях[2]. Но судя по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, выявленных преступников было, как минимум, в два раза больше. Получается, что коэффициент полезного действия нашей правоохранительной «машины» все еще оставляет желать лучшего.

---

[1] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2011 – 2014 годы. Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&pg (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: [Электронный ресурс] URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/f10_3-svod-2016.xls (дата обращения: 05.01.2018).

Стоит сказать, что преступность в России согласно статистическим данным достигла максимальной отметки в 2006 году, а далее динамика преступности стала демонстрировать тенденцию к снижению, вплоть до 2015 года, когда впервые за 10 лет был зафиксирован рост зарегистрированной преступности. При этом многие ученые и практические работники в один голос говорят, что преступность в условиях экономического и финансового кризиса должна расти, и это так. Между тем, некоторые ученые с мировым именем отмечают (например, В.Е. Квашис), что в мировой практике, а точнее в США не раз были зафиксированы совершенно противоположные здравому смыслу тенденции. Так, специальное исследование Фонда «Наследие» (Heritage Foundation), посвященное изучению изменений преступности в контексте связи с экономическими катаклизмами, показало, что связь между этими явлениями если и существует, то носит противоречивый, часто парадоксальный характер и не поддается упрощенным объяснениям[1].

Продолжая свою мысль, В.Е. Квашис приводит и другие аргументы, которые, по его мнению, следует также учитывать: продолжительные и планомерные усилия властей и правоохранительных органов, направленных на кардинальное изменение криминальной ситуации, защиту личности, на общее повышение уровня социально-экономического развития общества и т.д. Быть может для Америки все это и играет значение, хотя сам факт наличия на руках у населения страны такого количества огнестрельного оружия (более 200 млн. единиц огнестрельного оружия, в т.ч. 70 млн. пистолетов)[2] и снижение числа тех же убийств с его применением выглядит весьма противоречиво. События последних лет это подтверждают. Так, в 2014 году согласно данным Национального мемориального фонда сотрудников правоохранительных органов США (PDF) во время несения службы погибли 126 сотрудников органов правопорядка, что на 24 %

---

[1] См.: Квашис В.Е. Современные тенденции преступности в США. Аналитический обзор. М.: ВНИИ МВД России, 2011. С. 4.
[2] См.: Там же. С. 5.

больше, чем годом ранее (102 сотрудника). При этом полицейских в более чем 40 % убивали с помощью огнестрельного оружия. Оказалось, что таких вооруженных убийств полицейских стало на 56 % больше, чем в 2013 году (32)[1].

Посягательства на представителей власти, так или иначе, зависят от состояния законности и обеспечения правопорядка в стране и в отдельных ее регионах. Чем выше уровень преступности, тем интенсивнее будут проявлять себя факты противоборства сотрудников правоохранительных органов и преступников, и наоборот. Однако не всегда эта закономерность будет действовать, поскольку манипуляции с преступностью, довольно часто встречающиеся в работе правоохранительных структур, могут с одной стороны демонстрировать ее (преступности) позитивные тенденции, а с другой – являться свидетельством весьма серьезных качественных и количественных изменений. Так, например, с 2006 по 2015 годы количественные показатели преступности снижались, тогда как посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов в 2010 году выросли почти в 1,6 раза.

Безусловно, наиболее опасными посягательствами на представителей власти в целом, и сотрудников правоохранительных органов в частности, являются посягательства на жизнь и здоровье. Как мы уже выяснили, такие деяния в нашем обществе отнюдь не редкость. Но они не являются единственной проблемой для обеспечения безопасности сотрудников правопорядка. Сотрудники правоохранительных органов даже становились жертвами изнасилования. Так, в городе Новотроицке Оренбургской области девушку, которая сама являлась участковым уполномоченным полиции, изнасиловали в опорном пункте 6 сотрудников ОВД, где она проходила

---

[1] См.: Количество убитых полицейских в США за год выросло на четверть. [Электронный ресурс] URL: http://www.newsru.com/world/31dec2014/police.html (дата обращения: 12.01.2018).

службу[1]. Весьма резонансным стало сообщение об изнасиловании тремя высокопоставленными сотрудниками органов внутренних дел девушки дознавателя в Уфе[2].

Обобщенных данных о преступлениях, совершаемых в отношении лиц, которые проходят службу в различных учреждениях и органах государственной власти и управления, за последние годы не удалось найти. Хотя фрагментарно такие данные появляются в информационных источниках. Так, например, в одном из новостных выпусков в 2011 году было сказано, что в отношении сотрудников органов внутренних дел в текущем году было совершено более шести тысяч посягательств, что почти в два раза больше, чем в 2010 году»[3].

Такая картина свидетельствует о весьма тревожных «симптомах» отношений граждан с представителями власти, в особенности с теми, кто постоянно с ними взаимодействует. Основу этих «симптомов» составляют не совсем высокие оценки доверия населения как органам власти в целом, так и конкретным ее структурам. Так, ежегодные опросы населения по изучению общественного мнения показывают, что в течение 90-х годов прошлого века и начала XXI века отношение граждан к сотрудникам ОВД было, мягко говоря, было натянутым. Согласно результатам исследования В.И. Шмыкова, который опросил 700 респондентов, положительное отношение к органам внутренних дел в целом высказали всего 26,2 %, настороженное – 47,2 %, недоверчивое – 16,8 %, неопределенное – 9,6 %. Если говорить об отношении к отдельным сотрудникам, то показатель положительного отношения к ним

---

[1] См.: В городе Новотроицк Оренбургской области уволены шесть сотрудников полиции в связи с делом о групповом изнасиловании женщины-участкового. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2016/05/20/orenburjye/ (дата обращения: 17.12.2017).

[2] См.: [Электронный ресурс] URL: http://rusregioninform.ru/posts/item/1009-iznasilovanie-doznavatelya-iz-ufy-novye-podrobnosti-svezhaya-informatsiya-o-dele (дата обращения: 10.11.2018).

[3] См.: За жизнь и честь сотрудников // РИА НОВОСТИ. от 11.03.2012.

оказался несколько выше – 32,3%, а настороженного – 43,2 %[1]. Начиная с 2005 года уровень доверия к стражам порядка в России стал расти. В 2005 году доля тех, кто доверял сотрудникам была на уровне 40 %, в 2010 году она увеличилась до 46 %, а в 2017 году было зафиксировано рекордное число тех, кто стал целиком и полностью доверять сотрудникам МВД – 67 %[2]. Однако стоит сказать, что некоторые авторы, как и сами сотрудники скептически относятся к этим данным. Одно дело заполнить анкету, о чем тебя любезно просят, другое дело – выполнить чей-нибудь «заказ» или сфальсифицировать данные, третье – оценить реальное отношение людей к деятельности правоохранительных органов. Такие опросы должны проводить независимые организации и эксперты.

Речь должна идти об обязанности государства нести юридическую и моральную ответственность за ущерб, причиненный потерпевшему на его территории. К сожалению, государство не во всех случаях готово идти на это. Если сотрудник правоохранительных органов погиб или пострадал во время исполнения служебных обязанностей, возможность получения компенсации имеется. А что если он в момент совершения преступления, например, отдыхал, спал, или он стал жертвой обычного бытового преступления, конфликта с хулиганами на улице, находясь при этом в состоянии опьянения? Ведь вопрос о том, сочтут ли сотрудника правоохранительного органа в такой ситуации потерпевшим, остается открытым. Довольно часто встречающиеся в последнее время факты конфликтов сотрудников правоохранительных органов с гражданами, которые публично обсуждаются в прессе и социальных сетях, приводят к весьма неожиданным решениям. Так, например, в начале 2018 года двоих

---

[1] См.: Шмыков В.И. Социально-профессиональные условия жизнедеятельности сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2010. № 3 (42). С. 15.

[2] См.: ВЦИОМ зафиксировал рекордное доверие россиян к полиции. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/politics/09/11/2017/5a0368d59a794793d5addd2e (дата обращения: 05.01.2018).

участковых уполномоченных полиции задержали якобы по подозрению в совершении разбойного нападения. По версии следствия сотрудники полиции, находясь в свободное от службы время в кафе «Доберман», вступили с одним из посетителей в конфликт, вывели его из помещения, и, показав удостоверения сотрудников МВД России, начали избивать 31-летнего мужчину. И, по версии следствия, после избиения якобы вытащили из кармана брюк пострадавшего 2 тыс. рублей[1].

Ситуация выглядит несколько странно. Зачем этим сотрудникам, имеющим якобы цель завладения имуществом потерпевшего путем вооруженного нападения, надо было афишировать свою принадлежность к ОВД? Ничего не говорится и об использовании, при якобы нападении оружия или предметов, используемых для совершения преступления. Неужели двум офицерам полиции понадобилось избивать потерпевшего ради 2 тыс. рублей? Ну и последнее, а не могли бы сами сотрудники полиции быть потерпевшими в такой ситуации? Не было ли здесь оскорблений представителей власти? Не применялось ли к ним насилие со стороны якобы потерпевшего и т.д.

Получается, что сотрудника полиции проще признать виновным, нежели реального зачинщика скандала. В последнее время интернет переполнен роликами и фотографиями, где сотрудники полиции при несении службы по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности почему-то ведут себя крайне нерасторопно при задержании правонарушителей, весьма непрофессионально и с большим трудом задерживают их, достаточно редко применяют специальные средства, еще реже применяют табельное оружие. Возникает вопрос, почему?

Ответ в принципе очевиден. Так, с учетом массированного информационного воздействия авторы видеороликов, некоторые

---

[1] См.: В Ростове заключили под стражу участковых, избивших и ограбивших посетителя кафе. [Электронный ресурс] URL: http://donday.ru/v-rostove-zaklyuchili-pod-strazhu-uchastkovyh-izbivshih-i-ograbivshih-posetitelya-kafe.html (дата обращения: 05.01.2018).

правозащитники и иные заинтересованные лица неверно интерпретируют факты, вследствие чего сотрудникам изначально присваивается своеобразное негативное «клише» (например, «все менты такие» и т.п.). О не совсем «хорошем качестве» сообщаемой информации даже в подразделения УСБ говорит в своем интервью и начальник Информационно-аналитического управления ГУСБ МВД России А. Московкин. По его словам, заявители – граждане умышленно сообщали сведения, не соответствующие действительности, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию сотрудников органов внутренних дел[1].

Сложившаяся к тому же в течение последних лет практика проведения служебных проверок в отношении сотрудников, участвовавших в каком-либо задержании правонарушителей, особенно тех, кто принадлежит к категории так называемой «золотой молодежи», при отсутствии видеосъемки и очевидцев, показывает, что вопрос о степени вины таких сотрудников нередко известен заранее – сотрудники превысили полномочия. В итоге сотрудники полиции все реже проявляют решительность и работу на опережение. Напротив, часть сотрудников не торопится вмешиваться в конфликты, равно как и задерживать правонарушителей, сомневается в возможности и необходимости применения физической силы, специальных средств и оружия, согласовывает свои действия с руководством, пытается фиксировать происходящее с помощью мобильных телефонов и т.д.

Все это приводит к снижению авторитета сотрудников полиции, утрате активных форм поведения в противодействии преступности, и напротив, дает некие преимущества правонарушителям, формирует их безнаказанность со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Указанные проблемы дают основу для довольно неоднозначных подходов и решений со стороны некоторых руководителей ОВД. Так, после

---

[1] См.: Московкин А. Самоочищение от негатива. [Электронный ресурс] URL: http://ormvd.ru/interview/samoochishchenie-ot-negativa/ (дата обращения: 05.01.2018).

череды возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников ОВД г. Ростова-на-Дону, начальником городского УВД было подготовлено распоряжение о принятии мер по профилактике нарушений дисциплины и законности. Казалось бы, в этом нет ничего странного, поскольку многие правонарушения и преступления, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел, являются следствием серьезных упущений в профилактической и воспитательной работе. Однако многих подчиненных и читателей возмутил запрет сотрудникам полиции как во время службы, так и в свободное время на посещение увеселительных заведений (бары и рестораны)[1]. Подобное распоряжение, точнее внутриведомственный приказ № 656 «О дополнительных мерах по повышению уровня боевой готовности и укреплению служебной дисциплины», был подписан в 2017 году начальником ГУ МВД по Ставропольскому краю генерал-лейтенантом полиции А. Олдаком[2]. Сотрудники полиции тогда обжаловали данный приказ в Генеральной прокуратуре РФ, и он был отменен.

Полагаем, что сотрудник полиции является таким же гражданином Российской Федерации, как и любой другой человек нашего государства. Почему тогда должны нарушаться и ограничиваться его конституционные права? Многие сотрудники ОВД прекрасно знают, что служба в полиции, тем более продолжительная, привносит в их жизнь и жизнь членов семьи некий психологический отпечаток в виде профессиональной деформации. Избавляться от нее, конечно же, необходимо, используя возможности психологической службы, надлежащей организации служебной деятельности, проведения полноценной воспитательной работы и т.д. Но не всегда такая возможность имеется в том или ином ОВД. В таких условиях

---

[1] См.: Дать пьянству бой призвал подчиненных начальник ростовской полиции. [Электронный ресурс] URL: http://privet-rostov.ru/gorod/22698-dat-pyanstvu-boy-prizval-podchinennyh-nachalnik-rostovskoy-policii.html (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: Ващенко В. Полицейским вход воспрещен. [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.ru/social/2017/08/25/10857368.shtml (дата обращения: 03.01.2018).

сотрудники начинают «решать» эту проблему самостоятельно, снимая стресс путем употребления спиртных напитков. Это тоже не выход, но таковы реалии повседневной жизни.

И нужно признать, что далеко не каждый сотрудник, приехавший после дежурства и, употребивший во время ужина спиртные напитки дома, обязательно начинает скандалить, нарушать правила общежития, вступать в конфликты с соседями и т.д. И чтобы избежать негативных сценариев развития таких событий, руководством ОВД должна проводиться постоянная воспитательная работа с подчиненными. Каждый руководитель-начальник должен знать о подчиненном все, включая его проблемы, недостатки и т.д. с целью прогнозирования его поведения в той или иной ситуации и недопущения развития ее в неверном направлении.

Кстати, на сайте «Блокнот» г. Ростова-на-Дону, после информации о пьяной драке полицейских с посетителем кафе был организован опрос на предмет того, «Приходилось ли Вам драться в состоянии опьянения?». Свое мнение уже высказали 145 человек, 58,2 % из которых ответили на него утвердительно[1]. С одной стороны, получается, что более чем каждый второй гражданин России в пьяном виде либо сам является субъектом правонарушения, либо может выступить в качестве потенциальной жертвы. Но с другой стороны – алкогольное опьянение специалисты и ученые отечественной и зарубежной криминологии не считают причиной преступного поведения, оно является лишь условием, способствующим совершению преступления. Это является достаточно очевидным и ярко выраженным криминогенным фактором.

У каждого потерпевшего есть право на защиту. Сотрудники полиции ежедневно рискуют жизнью и здоровьем, они должны иметь право на защиту от преступников. Оснований для надлежащей защиты личности сотрудников

---

[1] См.: [Электронный ресурс] URL: http://bloknot-rostov.ru/news/pyanye-politseyskie-ustroili-draku-v-odnom-iz-noch-934652 (дата обращения: 05.01.2018).

полиции достаточно. Так, только за 6 месяцев 2017 года в отношении сотрудников ОВД было совершено около 12 тысяч преступлений, более 83 % из которых составили посягательства, совершенные в период исполнения служебных обязанностей. В 13 случаях посягательства повлекли смерть и в 32 случаях – причинение тяжкого вреда здоровью. Как утверждает руководитель Информационно-аналитического управления ГУСБ МВД России полковник полиции А. Московкин, в подразделения собственной безопасности постоянно поступают обращения от сотрудников и членов их семей, в которых содержатся ходатайства о применении мер государственной защиты. За 1-е полугодие 2017 года было зафиксировано около 1 тысячи, а в 136 случаях источники угрозы установлены и задержаны. Специалистами собственной безопасности применено около 4 тысяч мер безопасности, порядка 20 – ежедневно. Эта масштабная работа является одним из важнейших компонентов защиты полицейских[1]. Государственная защита сотрудников органов внутренних дел является одной из актуальных направлений государственной политики в сфере обеспечения собственной безопасности правоохранительных органов Российской Федерации, в связи с чем в структуре ГУСБ МВД России не так давно было создано Управление организации государственной защиты и антитеррористической защищенности. Сотрудники данного управления в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья сотрудников полиции и их близких, основываясь на положениях Конституции Российской Федерации, Федерального закона РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», Федерального закона РФ от 20.04.95 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и ряда

[1] См.: Московкин А. Самоочищение от негатива. [Электронный ресурс] URL: http://ormvd.ru/interview/samoochishchenie-ot-negativa/ (дата обращения: 25.02.2018).

других нормативных документов, организуют работу по принятию необходимых мер для обеспечения их безопасности[1].

Сотрудники полиции – потерпевшие от преступлений, как особая категория государственных служащих, должны иметь конституционное право на получение компенсации за причиненный преступлением физический и моральный вред, потерю дохода, лечения и т.д., не только в случае нахождения их на службе в момент совершения преступления, но и во всех иных случаях. Исключением могут быть лишь установленные факты аморального, противоправного и провоцирующего поведения самого сотрудника. Потерпевшим сотрудникам полиции, по нашему мнению, должна быть предоставлена дополнительная возможность получить компенсацию и от правонарушителя. Правила компенсации в первую очередь должны распространяться на жертв насильственных преступлений и лиц, чье имущественное положение и социальный статус не позволяют возместить самостоятельно ущерб, причиненный преступлениями имущественного характера.

Стоит отметить, что в нашем государстве законодательно предусмотрен порядок компенсации вреда, причиненного сотруднику полиции, но только исполнявшему служебные обязанности в момент совершения преступления, либо если будет доказано, что он стал жертвой в связи с местью за саму принадлежность к органам правопорядка. Однако и этот порядок нуждается в более основательном анализе, новом переосмыслении, и модернизации. И, ко всему прочему, при реализации самой процедуры проверки оснований для компенсации требуется усиление контроля общественности и надзора со стороны прокуратуры. Почему это важно, попробуем объяснить на примере выплат компенсации родственникам жертв крупных авиакатастроф и терактов. Как отмечают

[1] Подробнее об этом: Макаров А. Защитить от удара в спину. [Электронный ресурс] URL: http://ormvd.ru/interview/zashchitit-ot-udara-v-spinu/ (дата обращения: 25.12.2017).

некоторые исследователи, у судей практически отсутствуют критерии, по которым они могут рассчитать размер компенсации. По статистике, российские суды чаще встают на сторону потерпевших, однако суммы компенсаций порой очень сильно разнятся. Так, лица, ставшие жертвами превышения власти со стороны сотрудников полиции, могут претендовать на сумму в 50 тыс. рублей, однако если человек пострадал от насильственных действий соседа или собутыльника – размер компенсации минимальный (не более 10 тысяч рублей)[1].

Да, здесь речь идет о гражданах, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов. Размер компенсаций в случае гибели или получения увечья сотрудника только при исполнении служебных обязанностей или в связи с этим предусмотрен ст. 43 ФЗ «О полиции» – три миллиона рублей в случае «гибели (смерти) сотрудника полиции вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей» и два миллиона рублей – в случае «увечья или иного повреждения здоровья, исключающих возможность дальнейшего прохождения службы в полиции». Примерно такие же размеры компенсаций государство предусмотрело для военнослужащих[2].

Жизнь американского военнослужащего застрахована на 250 тыс. долларов, что эквивалентно 15 млн. рублей – а это в 5 раз больше той суммы, которую государство готово выплатить семье погибшего сотрудника ОВД. Для работников российской прокуратуры, которые по закону «находятся под особой защитой государства», в случае их гибели при исполнении служебных обязанностей законодатель предусмотрел компенсацию «в размере, равном 180-кратному размеру среднемесячного денежного

---

[1] См.: Лепина М. Что на весах у российской Фемиды. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/articles/2014/11/14/chechikov/ (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: Федеральный закон от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.

содержания прокурора», а в случае получения увечья – от 12 до 36 кратного возмещения среднемесячного денежного содержания[1]. Такие же размеры выплат предусмотрены для судей, присяжных заседателей, судебного исполнителя, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и иных лиц, подлежащих государственной защите[2]. Получается, что жизнь здоровье сотрудника полиции государство оценивает почти на порядок меньше, чем должностных лиц, проходящих службу в иных правоохранительных и контролирующих органах России.

Необходимость обеспечения защиты прав потерпевшего, в том числе и сотрудника правоохранительного органа, должна быть предопределена четкой правовой основой и организацией системы исполнения законодательства, направленного на обеспечение прав жертвы преступлений. Принципиально важным в этой связи является признание таких положений, реализация которых будет соответствовать требованиям основополагающих международных правовых актов.

В завершение данного параграфа необходимо сделать следующие выводы.

1. Объект преступных деяний, причиняющих вред здоровью человека, предлагается рассматривать с позиции обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств. При этом объектом посягательств на здоровье человека предлагается считать безопасность здоровья с биологических (медицинских) позиций как определенное физическое и (или) психическое состояние человека, каким бы далеким от идеального состояния оно (здоровье) не было.

---

[1] См.: Ст. 45 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 31.12.2017) «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2018) // СПС Консультант Плюс.

[2] См.: Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ (ред. от 01.07.2017) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС Консультант Плюс.

2. В статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве задач уголовного законодательства по охране общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств, следует определить обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

3. Понятие личность и человек не являются тождественными. Уголовное законодательство охраняет человека вне зависимости от признания его личностью. Личность – понятие более социальное, нежели правовое. Личностью в полном смысле в обществе и в отдельных отраслях законодательства не считают невменяемых, малолетних, лиц без определенного места жительства, лиц, лишенных свободы, лиц, не являющихся гражданами, несовершеннолетних лиц, достигших возраста уголовной ответственности, но которые вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Более того, законодатель при конструировании нормативных правовых актов, определяя их название, применительно к рассматриваемой нами теме безопасности здоровья человека от преступных посягательств, указывает именно на причинение вреда здоровью человека. В результате нами выносится предложение об изменении названия раздела VII УК РФ. Полагаем, что его надлежит изложить в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека». Название главы 16 УК РФ предлагается изложить следующим образом: «Глава 16. Преступления против безопасности жизни и здоровья человека».

4. Считаем, что «потерпевшим» в уголовно-правовом смысле следует считать человека, в отношении которого осуществляется преступное посягательство. Человека применительно к преступлениям, посягающим на безопасность здоровья, нельзя отождествлять с предметом преступления.

5. Преступления, совершаемые в отношении сотрудников полиции, представляют собой особую разновидность посягательств на представителей власти, суть которых состоит в преимущественно умышленных (реже неосторожных) противоправных действиях на представителей органов внутренних дел в целях мести за саму принадлежность к этим органам, избежать ответственности за совершенные преступления, либо по иным мотивам.

6. Динамика преступлений, совершаемых в отношении сотрудников полиции, свидетельствует о разноплановых тенденциях, которые в целом отражают изменения всей преступности, но с учетом латентности, субъективного отношения самих потерпевших к таким посягательствам (в особенности, когда речь идет о применении насилия, оскорблениях, совершении общеуголовных преступлений), сложившейся ведомственной практики учета таких преступлений, региональных и национальных особенностей, могут существенно различаться и демонстрировать рост.

7. Сотрудники полиции, выступающие потерпевшими от преступлений, должны получать гарантированную социальную и правовую помощь и поддержку от государства независимо от того, находились ли они в момент совершения преступления на службе или нет. Исключением могут являться лишь установленные факты аморального, противоправного и провоцирующего поведения самого сотрудника.

Глава 2. Понятие причинения вреда здоровью человека и классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека

2.1. Понятие причинения вреда здоровью человека

Уголовное законодательство Российской Федерации использует термин «причинение вреда здоровью». Судебно-медицинские эксперты и правоприменители, определяя степень тяжести повреждений, нанесенных в результате совершения преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, больше не используют термин «телесные повреждения». Однако, в средствах массовой информации, в юридической литературе, в процессуальных документах, в многочисленных учебниках и комментариях иногда используют такие понятия, как тяжкие телесные повреждения, легкие телесные провреждения и термины, не употребляемые в действующем уголовном и ином законодательстве, касающемся характеристики причинения вреда здоровью человека.

Мы полагаем, что законодатель вполне справедливо отказался от использования термина «телесные повреждения», так как термин «вред здоровью» является более объемным, более широким, позволяющим включить в описание такого вреда не только сами телесные повреждения, но и иные виды причинения вреда здоровью, не связанные с воздействием на телесную неприкосновенность потерпевшего. К данным воздействиям, например, можно отнести психическое воздействие, психическое насилие над потерпевшим, которое может повлечь психическую травму, психическое заболевание, можно отнести заболевания токсического, радиационного, инфекционного происхождения и т.п.

В УК РФ предусмотрены следующие виды причинения вреда здоровью человека. Условно изначально мы можем их классифицировать в зависимости от формы вины, определяющей субъективную сторону данных

преступлений: умышленное причинение вреда здоровью человека и неосторожное.

К видам умышленного причинения вреда здоровью человека следует отнести: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека (статья 111 УК РФ), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека (статья 112 УК РФ), умышленное причинение легкого вреда здоровью человека (статья 115 УК РФ), умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ), а также умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ).

К неосторожному причинению вреда здоровью человека законодатель отнес причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ).

Отдельно можно выделить угрозу причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ) как отдельный вид психического насилия.

Если рассматривать степень вреда, причиненного здоровью человека, то следует выделить три его составляющие (тяжкий вред здоровью человека, средней тяжести вред здоровью человека и легкий вред здоровью человека), указанные как в уголовном законодательстве Российской Федерации, так и в иных нормативных правовых актах, использующих данную классификацию, к которым прежде всего относятся Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 г.

Более подробная классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, нами будет представлена ниже.

Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 года, исключили из понятия вреда здоровью словосочетание «телесные повреждения», «заболевания и патологические состояния». Определение вреда здоровью человека, указанное в данных Правилах,

содержит в качестве главного составляющего признака «нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека».

Следует отметить, что термин «телесные повреждения» просуществовал довольно длительный период в законодательстве российского государства. Большинство правоведов дореволюционного периода к телесным повреждениям относили весьма широкий перечень деяний, включавший в себя все случаи причинения физической боли, а также страдания.

Отсутствие определения, закрепленного в законе, естественно влекло за собой неоднозначное толкование данных норм, в которых устанавливалась ответственность за совершение деяний, сопряженных с нанесением телесных повреждений.

При применении Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, следует руководствоваться в первую очередь теми критериями тяжести вреда здоровью, которые установлены самим законодателем при конструировании диспозиций статьи 111 УК РФ, статьи 112 УК РФ, статьи 115 УК РФ.

Однако в уголовном законодательстве изложены лишь основные признаки вреда здоровью человека. Нормы статьи 111 УК РФ, статьи 112 УК РФ, статьи 115 УК РФ являются бланкетными, поэтому при квалификации деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, следует руководствоваться положениями, которые содержатся в «Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (ред. от 18.01.2012), утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н[1].

[1] См.: Российская газета. 2008. 5 сентября, Российская газета. 2012. 16 марта.

Определение вреда здоровью дано в пункте 5 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека и в пункте 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522. Однако, следует отметить, что дословно они не совпадают. Под вредом здоровью человека, указанным в пункте 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, понимается «нарушение анатомической *целостности* и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и *психических* факторов внешней среды». В пункте 5 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, под вредом, причиненным здоровью человека, понимается «нарушение анатомической *целости* и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и *психогенных* факторов внешней среды», и представлена ссылка на пункт 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (курсивом выделено нами – Е.Б.).

Определение понятия «вред здоровью», в основе которого содержится указание на нарушение анатомической целостности человеческого тела как на одно из возникших последствий, является не совсем верным, так как нарушение функционирования органов и (или) тканей человеческого организма не всегда связано с нарушением анатомической целостности. Более того, нарушение анатомической целостности ткани не всегда приводит к расстройству здоровья. Таким образом, общим признаком вреда здоровью является нарушение нормального функционирования тканей или органов человеческого организма.

В Российской Федерации отмечается тенденция к снижению уровня здорового населения. Связано это с целым комплексом причин, к которым относятся и отсутствие массового детского спорта, и снижение рождаемости

здоровых детей в связи с тем, что их родители в 90-е, 2000-е годы вели не совсем праведный и здоровый образ жизни, со снижением качества оказываемых медицинских услуг, с отсутствием правильного питания, здоровой пищи, с наличием продуктов, выпускаемых по техническим условиям, которые весьма часто не соответствуют предъявляемым требованиям безопасности здоровья, с развитием сети ресторанов, кафе быстрого питания, где извлечение прибыли из продуктов, изготавливаемых с помощью химической промышленности, ставится выше охраны здоровья человека и т.п. В связи с этим в медицинской науке, в системе здравоохранения существенно понижаются требования к здоровью, к лицам, призываемым на военную службу, на государственную службу. Происходит это из-за дефицита кадров или в силу иных, в том числе и коррупционных, соображений[1].

Под здоровьем следует понимать такое комфортное состояние человека, при котором все его органы и системы работают эффективно, легко переносят неблагоприятные климатические условия, различные отрицательные экологические ситуации, а также высокие физические напряжения.

Вред здоровью в юридической литературе определяют через ухудшение состояния здоровья, низведение его на более низкий качественный уровень[2].

Термин «вред здоровью» не получил разъяснения на законодательном уровне при формировании норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

В.В. Альшевский здоровье определяет путем совокупности трех его составляющих. В качестве первой составляющей компоненты здоровья он выделяет физическую или соматическую, ко второй компоненте автор

---

[1] См.: Ласовская Н.Ф. Диалектика соотношения безопасности государства и здоровья населения // Общество и право. 2011. № 3.

[2] См.: Вермель И.Г., Грицаенко П.П. О причинении вреда здоровью в свете положений нового Уголовного кодекса РФ // Судебно-медицинская экспертиза. 1997. № 2. С. 42.

относит психическую, исходя из того, что насилие в уголовном праве подразделяется на физическое и психическое, к третьей компоненте здоровья ученый предлагает относить социальную составляющую, определяемую наличием различных социальных факторов, влияющих на состояние здоровья человека[1]. Мы считаем, что при определении понятия «здоровье» все же следует выделять две его компоненты: физическую и психическую составляющую.

Под здоровьем в юридической литературе понимают нормальное психосоматическое состояние организма, а также способность человека удовлетворять систему материальных и духовных потребностей[2].

Следует согласиться с М.Н. Малеиной, которая полагает, что здоровье в целом представляется определить в качестве блага, блага нематериального, а именно как физическое и психическое состояние человека, как благополучие, выраженное в виде отсутствия болезней, либо как неблагополучие, выраженное в наличии какой-либо патологии, связанной с потерей, расстройством психологической, физиологической, анатомической структуры и (или) функций организма человека[3].

Полагаем, что в качестве критериев определения степени тяжести телесных повреждений выступают юридический и медицинский. К юридическому критерию следует относить опасность причиненного вреда для жизни, к медицинскому – последствия причиненного вреда. Анализируя признаки вреда здоровью, мы выделяем в качестве основного признака наличие или отсутствие опасности для жизни.

---

[1] См.: Альшевский В.В. Судебно-медицинская экспертиза вреда здоровью в современном уголовном судопроизводстве (процессуальные аспекты, методические принципы и формально-логические алгоритмы). М., 2004. С. 72.

[2] См.: Кружкова Я.А. Некоторые вопросы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Российский следователь. 2011. № 22. С. 19–22.

[3] См.: Малеина М.Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. 2014. № 4. С. 12–16.

В юридической литературе имеется позиция, согласно которой заболевания и (или) патологические состояния, возникающие в результате причиненных повреждений, не следует выделять в качестве составных признаков вреда здоровью человека, так как заболевания и (или) патологические состояния охватываются общим понятием травмы и их можно по этому признаку отнести к вреду здоровья[1].

Мы полагаем, что заболевания и (или) патологические состояния не стоит исключать из числа признаков вреда, причиненного здоровью человека, в связи с тем, что в настоящее время понятие вреда, причиненного здоровью человека, не удовлетворяет потребностям правоприменительной практики. Полагаем, что наступившие в результате посягательства на безопасность здоровья человека заболевания и (или) патологические состояния не всегда сопровождаются нарушением анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека. Более того, несмотря на то, что в пункте 5 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года, при определении вреда здоровью не говорится о заболеваниях и патологических состояниях, Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года, все же содержат указания на заболевания и патологические состояния.

Так, в пункте 6.7 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года, говорится о том, что «Прерывание беременности в результате заболеваний матери и плода должно находиться в прямой причинно-следственной связи с причиненным вредом здоровью и не должно быть обусловлено индивидуальными особенностями организма женщины и плода (заболеваниями, патологическими состояниями), которые имелись до причинения вреда здоровью». В пункте 17 указано: «Расстройство здоровья состоит во

---

[1] См.: Попов В.Л. Судебно-медицинская экспертиза тяжести вреда здоровью. СПб., 1999. С. 5.

временном нарушении функций органов и (или) систем органов, непосредственно связанное с повреждением, заболеванием, патологическим состоянием, обусловившее временную нетрудоспособность». В пункте 24 речь идет о том, что «Ухудшение состояния здоровья человека, вызванное характером и тяжестью травмы, отравления, заболевания, поздними сроками начала лечения, его возрастом, сопутствующей патологией и др. причинами, не рассматривается как причинение вреда здоровью».

В пункте 3 Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин говорится о черепно-мозговой травме, не повлекшей за собой возникновения патологических изменений со стороны центральной нервной системы, в пункте 5 данной Таблицы – о сотрясении головного мозга, не повлекшем за собой нарушений со стороны центральной нервной системы, а также повторных сотрясениях головного мозга, подтвержденных объективной неврологической симптоматикой, установленной в медицинском учреждении, но не повлекших за собой появления новых патологических изменений со стороны центральной нервной системы, в пункте 48 Таблицы – о переломе коронок зубов…, который рассматривается как патологический, в пункте 117 Таблицы говорится об избыточной (патологической) подвижность в коленном суставе в результате разрыва связочного аппарата.

Поэтому полагаем, что при определении вреда здоровью в качестве обязательных составляющих данной дефиниции следует указывать на такие признаки как заболевания и (или) патологические состояния.

Нормы, регламентирующие уголовную ответственность за причинение вреда здоровью человека, за посягательства на безопасность здоровья человека, являются бланкетными, что, безусловно, сказывается на их толковании и правоприменении. Поэтому содержательная характеристика понятия вреда здоровью человека является комплексной, имеет межотраслевое значение. Сложность в толковании понятия вреда здоровью,

его признаков заключается в том, что в уголовном законодательстве Российской Федерации в диспозициях статьи 111 УК РФ, статьи 112 УК РФ, статьи 115 УК РФ не только называются сами деяния, являющиеся преступными, не только описывается название преступления и одноименное название прописано в диспозиции нормы, но и раскрываются, пусть кратко, признаки тяжести вреда здоровью человека, которые не совпадают или совпадают не полностью с признаками вреда здоровью человека, описанными в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 г. Поэтому законодателю следует определиться, стоит ли в статьях УК РФ прописывать подробно признаки вреда здоровью, относящиеся к той или иной степени его причинения, или же ограничиться только указанием на название и установление в диспозиции ответственности за причинение вреда здоровью в зависимости от его тяжести, а сами признаки подробно прописать в специальном отраслевом медицинском законодательстве, раскрывая их содержательную и сущностную характеристику.

Между тем, в юридической литературе ряд авторов придерживается позиции, согласно которой при определении термина «вред здоровью» следует использовать как юридическую, так и медицинскую составляющую[1].

Таким образом, под причинением вреда здоровью человека предлагается понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

---

[1] См.: Сучков А.В., Николина Н.С. Здоровье пациента как предмет преступления по уголовному праву Российской Федерации // Медицинское право. 2013. № 3. С. 34–38.

2.2. Классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека

Российское уголовное законодательство и теория уголовного права непосредственно не выделяет систему преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека. Мы же, со своей стороны, считаем необходимым рассмотреть вопрос о выделении преступлений, связанных с причинением вреда здоровью человека, с посягательствами на его безопасность, в отдельную группу таких деяний, образующих систему преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека. Выделение такой специальной системы обусловливает необходимость представления классификации таких деяний по различным основаниям.

Полагаем, что в систему преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, должны входить деяния, в результате которых причиняется вред здоровью человека определенной тяжести, создается реальная угроза его причинения, осуществляются посягательства на его телесную неприкосновенность, где здоровье человека выступает в качестве основного непосредственного, дополнительного непосредственного или факультативного объекта преступлений.

Под классификацией понимают такие способы выявления качеств подразделений системы, являющихся существенными, от которых зависят признаки, производные от них, каждого из элементов соответствующего подразделения, входящего в целом в систему[1].

В юридической литературе имеются различные определения преступлений против здоровья. В.В. Сверчков под преступлениями против здоровья человека понимает предусмотренные статьями (111 – 125) гл. 16 УК РФ общественно опасные деяния (действия или бездействие), осуществляемые умышленно или по неосторожности и причиняющие вред

---

[1] См.: Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 61.

здоровью другого человека либо страдания без такого вреда или ставящие под угрозу его здоровье, а в некоторых случаях и жизнь[1]. В.В. Векленко и М.И. Галюкова считают, что преступление против здоровья человека следует определять через виновно совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, выраженное в противоправном причинении повреждений или вызове заболеваний, патологических состояний, существенно ухудшающих функционирование организма человека и запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации под угрозой наказания, посягающее на здоровье человека[2].

Полагаем, что данное определение перенасыщено общими признаками преступления, указанными в статье 14 УК РФ. Более того, деяния, о которых идет речь, как и все остальные преступления предусмотрены именно Особенной частью Уголовного кодекса Российской Федерации, поэтому данное указание также представляется нам излишним. Что касается словосочетания «вызове заболеваний, патологических состояний, существенно ухудшающих функционирование организма человека», то, во-первых, само слово «вызов» представляется неправильно употребленным при определении понятия «преступление против здоровья человека», во-вторых существенное ухудшение функционирования организма человека, представленное как составляющее этого определения, вызывает еще больше вопросов при раскрытии содержания существенности ухудшения состояния организма и критериях его оценки.

В юридической литературе представлены различные подходы к определению критериев классификации преступлений против здоровья человека. В целом можно выделить узкий и широкий подход к определению различных групп рассматриваемых деяний.

---

[1] См.: Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. М., 2014. С. 308.

[2] См.: Векленко В.В., Галюкова М.И. Об определении понятия «преступления против здоровья человека» // Российский судья. 2014. № 2. С. 10–13.

С позиции узкого понимания к преступлениям против здоровья относят такие составы преступлений, как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 112 УК РФ); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ); причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (статья 115 УК РФ); побои (статья 116 УК РФ); нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 116^1 УК РФ); истязание (статья 117 УК РФ); причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ); заражение венерической болезнью (статья 121 УК РФ); заражение ВИЧ-инфекцией (часть вторая, часть третья, часть четвертая статьи 122 УК РФ); незаконное проведение искусственного прерывания беременности (часть третья статьи 123 УК РФ); неоказание помощи больному (статья 124 УК РФ).

Например, В.Д. Иванов классифицировал преступления против здоровья на деяния: а) причиняющие здоровью вред различной тяжести (статьи 111–115, 118 УК РФ); б) причиняющие физическую боль и страдания (статьи 116–117 УК РФ); в) посягающие на здоровье путем заражения опасными болезнями (статьи 121–122 УК РФ)[1].

В.В. Векленко и М.И. Галюкова среди рассматриваемых деяний выделяют общие составы преступлений против здоровья человека, к которым относят статьи 111, 112, 116, 117, 118 УК РФ; привилегированные составы преступлений против здоровья человека – статьи 113, 114 УК РФ; специальные составы преступлений против здоровья человека (статьи 121,

[1] См.: Иванов В.Д. Уголовное право. Особенная часть. Ростов н/Д, 2002. С. 28–29.

122, 124 УК РФ)[1]. Такую классификацию можно было бы принять во внимание, если бы авторы не исключили по непонятным для нас причинам статью 115 УК РФ из общего перечня преступлений, причиняющих вред здоровью человека.

В литературе также выделяют: преступления против здоровья, сопряженные с умышленным причинением вреда здоровью или насильственными действиями (статья 111 УК РФ, статья 112 УК РФ, статья 113 УК РФ, статья 114 УК РФ, статья 115 УК РФ, статья 116 УК РФ, статья 117 УК РФ, статья 118 УК РФ); преступления, ставящие в опасное состояние жизнь и здоровье человека (статья 119 УК РФ, статья 120 УК РФ, статья 121 УК РФ, статья 122 УК РФ, статья 123 УК РФ, статья 124 УК РФ; статья 125 УК РФ)[2].

Отдельные авторы указывают на следующую классификацию преступлений против здоровья человека: составы преступлений, в которых указана характеристика степени тяжести причиненного вреда здоровью человека (статьи 111–115, 118 УК РФ); составы преступлений, связанные с причинением вреда здоровью, но таковые последствия в самом законе не указаны (статьи 116–117 УК РФ); поставление в опасное для жизни и здоровья состояние, где присутствует насилие (статья 119, статья 120 УК РФ); поставление в опасное для жизни и здоровья состояние, где насилие не присутствует (статья 123, статья 124, статья 125 УК РФ)[3].

Сторонники широкого значения в группу преступлений против здоровья человека включают такие составы преступлений, как угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – статья 119 УК РФ, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации –

---

[1] См.: Векленко В.В., Галюкова М.И. Об определении понятия «преступления против здоровья человека» // Российский судья. 2014. № 2. С. 10–13.

[2] См.: Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2000. С. 78–86.

[3] См.: Уголовное право Российской Федерации. Т. 2 / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 39–40.

статья 120 УК РФ, заведомое поставление другого лица в опасность заражения инфекцией – статья 122 УК РФ, проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля – статья 123 УК РФ, оставление в опасности – статья 125 УК РФ[1].

Ю.Л. Санджиев представляет следующую систему преступлений против здоровья: 1. Преступления, связанные с умышленным причинением вреда здоровью определенной степени тяжести (статьи 111, 112, 115 УК РФ); 2. Преступления, связанные с неосторожным причинением вреда здоровью определенной степени тяжести (статья 118 УК РФ); 3. Преступления, совершенные при наличии смягчающих обстоятельств (статьи 113, 114 УК РФ); 4. Преступления, связанные с умышленным совершением неоднократных насильственных действий (статьи 116, 117 УК РФ); 5. Преступления, связанные с угрозой причинения вреда здоровью (статьи 119, 120, 121, 122, 123 УК РФ); 6. Преступления, связанные с оставлением без помощи либо с неоказанием помощи, которую виновный должен был оказать (статьи 124, 125 УК РФ)[2].

Сходную с Ю.Л. Санджиевым систему преступлений против здоровья человека с вышепредставленными недостатками представляет В.В. Сверчков, выделяющий такие группы, как преступления, причиняющие вред здоровью человека; умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека (статьи 111 – 114 УК); причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК); умышленное причинение легкого вреда здоровью человека (статья 115, частично статья 117 УК); преступления, причиняющие страдания без вреда здоровью человека (статья

---

[1] См.: Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 3. Учеб. для вузов / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комисарова. М., 2002. С. 151; Ветров Н.И. Уголовное право. Особенная часть: Учеб. для вузов. М., 2000. С. 47–69.

[2] См.: Санджиев Ю.Л. Побои и истязания в системе преступлений против здоровья: криминологическая характеристика и предупреждение: Дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008. С. 14.

116, частично статья 117 УК); преступления, ставящие под угрозу здоровье, а в некоторых случаях и жизнь человека (статьи 119 – 125 УК)»[1].

Полагаем, что в систему преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, следует включить составы преступлений, расположенные вне рамок применения главы 16 УК РФ, но в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта уголовно-правовой охраны имеющие общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья человека. Полагаем, что к данным деяниям следует отнести: пункт «в» части второй статьи 126 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 127 УК РФ, пункт «а» части третьей статьи 127^1 УК РФ, часть третью статьи 127^2 УК РФ, статью 131 УК РФ, статью 132 УК РФ, часть третью статьи 137 УК РФ, часть первую статьи 143 УК РФ, статью 162 УК РФ, статью 163 УК РФ, часть четвертую статьи 166 УК РФ, часть вторую статьи 206 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 211 УК РФ, часть вторую статьи 215 УК РФ, часть первую статьи 215^1 УК РФ, часть первую статьи 216 УК РФ, часть первую статьи 217 УК РФ, часть первую статьи 217^1 УК РФ, часть вторую статьи 217^2 УК РФ, статью 218 УК РФ, часть первую статьи 219 УК РФ, пункт «б» части третьей статьи 221 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 226 УК РФ, часть вторую статьи 228^2 УК РФ, пункт «в» части третьей статьи 229 УК РФ, часть вторую статьи 234^1 УК РФ, часть первую статьи 235 УК РФ, часть вторую статьи 237 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 238 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 238^1 УК РФ, часть первую статьи 239 УК РФ, статью 246 УК РФ, часть вторую статьи 247 УК РФ, часть первую статьи 248 УК РФ, часть вторую статьи 250 УК РФ, часть вторую статьи 251 УК РФ, часть вторую статьи 252 УК РФ, часть первую статьи 254 УК РФ, часть первую статьи 263 УК РФ, части первую, вторую статьи 263^1 УК РФ, части первую, вторую статьи 264 УК РФ, часть первую статьи 266 УК РФ, часть первую статьи 267 УК РФ, часть первую статьи 268 УК РФ, часть первую статьи 271^1

---

[1] Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров. М., 2014. С. 308.

УК РФ, часть вторую статьи 293 УК РФ, часть четвертую статьи 296 УК РФ, часть четвертую статьи 309 УК РФ, часть третью статьи 313 УК РФ, часть вторую статьи 318 УК РФ, часть третью статьи 321 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 333 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 334 УК РФ, пункт «д» части второй статьи 335 УК РФ, часть первую статьи 349 УК РФ, часть первую статьи 350 УК РФ, статью 357 УК РФ.

В зависимости от тяжести причиненного вреда здоровью потерпевшего, рассматриваемые деяния условно можно разделить на следующие группы:

1) предусматривающие последствия в виде причинения вреда здоровью любой степени тяжести (тяжкого, средней тяжести, легкого) – часть третья статьи 137 УК РФ, часть вторая статьи 228^2 УК РФ, часть первая статьи 235 УК РФ, часть вторая статьи 237 УК РФ, часть первая статьи 239 УК РФ, статья 246 УК РФ, часть вторая статьи 247 УК РФ, часть первая статьи 248 УК РФ, часть вторая статьи 250 УК РФ, часть вторая статьи 251 УК РФ, часть вторая статьи 252 УК РФ, часть первая статьи 254 УК РФ;

2) предусматривающие последствия в виде причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью – пункт «в» части второй статьи 333 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 334 УК РФ, пункт «д» части второй статьи 335 УК РФ;

3) предусматривающие последствия в виде причинения только тяжкого вреда здоровью – пункт «а» части третьей статьи 127^1 УК РФ, часть третья статьи 127^2 УК РФ, статья 131 УК РФ, статья 132 УК РФ, часть первая статьи 143 УК РФ, статья 162 УК РФ, статья 163 УК РФ, часть вторая статьи 215 УК РФ, часть первая статьи 215^1 УК РФ, часть первая статьи 216 УК РФ, часть первая статьи 217 УК РФ, часть первая статьи 217^1 УК РФ, часть вторая статьи 217^2 УК РФ, статья 218 УК РФ, часть первая статьи 219 УК РФ, часть вторая статьи 234^1 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 238 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 238^1 УК РФ, часть первая статьи 263 УК РФ, часть первая статьи 263^1 УК РФ, часть первая, вторая статьи 264 УК РФ, часть

первая статьи 266 УК РФ, часть первая статьи 267 УК РФ, часть первая статьи 268 УК РФ, часть первая статьи 271^1 УК РФ, часть вторая статьи 293 УК РФ, часть первая статьи 349 УК РФ, часть первая статьи 350 УК РФ, статья 357 УК РФ.

Посягательства на безопасность здоровья человека предусмотрены в УК РФ в виде составов преступлений, включающих признаки насилия или угрозы его применения, насилия, опасного или не опасного для жизни или здоровья, а также последствия в виде вреда здоровью человека без указания конкретной степени тяжести такого вреда.

С учетом изложенного, преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, можно классифицировать следующим образом:

1. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, включающие в свой состав понятие насилия, опасного для жизни или здоровья как конструктивный (часть первая статьи 162 УК РФ) либо квалифицирующий признак (пункт «в» части второй статьи 126 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 127 УК РФ, часть четвертая статьи 166 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 206 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 211 УК РФ, пункт «б» части третьей статьи 221 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 226 УК РФ, пункт «в» части третьей статьи 229 УК РФ, часть четвертая статьи 296 УК РФ, часть четвертая статьи 309 УК РФ, часть третья статьи 313 УК РФ, часть вторая статьи 318 УК РФ, часть третья статьи 321 УК РФ).

2. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, включающие в свой состав понятие насилия, не опасного для жизни или здоровья (побои, иные насильственные действия и т.п.). Такое насилие в ряде составов преступлений рассматривается как обстоятельство, квалифицирующее преступление, например, при грабеже (пункт «г» части второй статьи 161 УК РФ) и других преступлениях (пункт «в» части второй статьи 166 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 221 УК РФ, пункт «г» части третьей статьи 226 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 229 УК РФ,

часть третья статьи 296 УК РФ, часть третья статьи 309 УК РФ, часть первая статьи 318 УК РФ, часть первая статьи 321 УК РФ).

3. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, имеющие признаки угрозы применения насилия, признаки неприменения насилия, признаки насилия без подразделения насилия на физическое, психическое, опасное для жизни или здоровья или не опасное для жизни или здоровья. К таким следует отнести: преступления, предусмотренные пунктом «е» части второй статьи 127^1 УК РФ, пунктом «г» части второй статьи 127^2 УК РФ, частью первой статьи 131 УК РФ, частью первой статьи 132 УК РФ, частью первой статьи 135 УК РФ, частью второй статьи 139 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 141 УК РФ, частью второй статьи 142 УК РФ, частью третьей статьи 144 УК РФ, пунктом «б» части четвертой статьи 148 УК РФ, статьей 149 УК РФ, частью третьей статьи 150 УК РФ, частью третьей статьи 151 УК РФ, частью первой, пунктом «в» части второй статьи 163 УК РФ, частью третьей статьи 170^1 УК РФ, частью третьей статьи 178 УК РФ, частью первой, пунктом «б» части второй статьи 179 УК РФ, частью второй статьи 185^5 УК РФ, пунктом «б» части третьей статьи 194 УК РФ, частью второй статьи 203 УК РФ, частью первой, третьей статьи 212 УК РФ, пунктом «б» части второй статьи 226^1 УК РФ, частью первой статьи 227 УК РФ, пунктом «в» части четвертой статьи 229^1 УК РФ, пунктом «г» части второй статьи 230 УК РФ, частью первой статьи 239 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 240 УК РФ, пунктом «б» части второй статьи 241 УК РФ, пунктом «в» части второй статьи 244 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 282 УК РФ, частью первой, пунктом «б» части второй статьи 283^1 УК РФ, пунктом «а» части третьей статьи 286 УК РФ, частью второй статьи 302 УК РФ, частью третьей статьи 322 УК РФ, частью второй статьи 330 УК РФ, частью первой статьи 333 УК РФ, частью первой статьи 334 УК РФ, частью первой статьи 335 УК РФ.

4. Преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, имеющие своим последствием причинение вреда здоровью человека любой

степени тяжести (часть третья статьи 137 УК РФ, часть вторая статьи 228^2 УК РФ, часть первая статьи 235 УК РФ, часть вторая статьи 237 УК РФ, статья 246 УК РФ, часть вторая статьи 247 УК РФ, часть первая статьи 248 УК РФ, часть вторая статьи 250 УК РФ, часть вторая статьи 251 УК РФ, часть первая статьи 254 УК РФ), либо иное причинение вреда здоровью (часть первая статьи 239 УК РФ), либо причинение существенного вреда здоровью человека (часть первая статьи 247 УК РФ и часть вторая статьи 252 УК РФ).

Полагаем, что систему преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, необходимо рассматривать в широком смысле.

Таким образом, преступления, посягающие на безопасность здоровья человека необходимо рассматривать, учитывая все деяния Уголовного кодекса Российской Федерации, в которых тем или иным образом установлена уголовная ответственность за причинение вреда здоровью человека или угрозу его причинения, за насилие или угрозу его применения, несмотря на их месторасположение в законе.

Предлагаем включить в данный перечень все деяния, в которых в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность здоровья человека. Законодателем при конструировании данных составов использованы виды вреда здоровью по степени тяжести. Именно в составах преступлений, предусмотренных статьями 111, 112, 115 УК РФ, сформулированы признаки вреда здоровью различной степени тяжести, используемые в других нормах УК РФ в качестве квалифицирующих признаков. Данные нормы составляют правовую основу системы преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

Глава 3. Признаки определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека

3.1. Анатомо-патологический критерий вреда, причиненного здоровью человека

Критериями классификации вреда, причиненного здоровью человека, являются анатомо-патологический и экономический. С этих позиций мы и будем рассматривать признаки определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Как правило, осуществление посягательств на безопасность здоровья человека происходит путем нарушения анатомической целостности организма потерпевшего. К таким относят, например, открытый или закрытый переломы кости, множественные двусторонние переломы ребер с нарушением анатомической целости каркаса грудной клетки или множественные односторонние переломы ребер по двум и более анатомическим линиям с образованием подвижного участка грудной стенки по типу «реберного клапана», травматический разрыв, повреждение, т.е. размозжение, отрыв, разрыв органов и т.п. Однако, как мы писали ранее, возможно причинение вреда здоровью человека без нарушения анатомической целостности тела.

Причем в отдельных случаях нарушения анатомической целостности выражаются в виде различных квалифицирующих признаков причинения вреда здоровью. Так, потеря какого-либо органа или утрата органом его функций образуют признаки тяжкого вреда здоровью человека. Нарушение анатомической целостности в виде нанесения ран, порезов, отсечения фаланги пальца может быть признано как тяжким вредом здоровью, так и средней тяжести либо легким.

Вред здоровью, опасный для жизни человека.

Вред здоровью, опасный для жизни человека, подразделяется на следующие виды:

1. Вред здоровью, опасный для жизни человека, который по своему характеру непосредственно создает угрозу для жизни, а также вред здоровью, вызвавший развитие угрожающего жизни состояния.

2. Вред здоровью, опасный для жизни человека, вызвавший расстройство жизненно важных функций организма человека, которое не может быть компенсировано организмом самостоятельно и обычно заканчивается смертью (угрожающее жизни состояние).

Не наступление смерти в результате оказания медицинской помощи не исключает наличие вреда здоровью, опасного для жизни. Полагаем, что к вреду здоровью, опасному для жизни следует относить телесные повреждения, заболевания и патологические состояния. Результаты нашего исследования показывают, что данный признак является самым распространенным, он имел место в 59 % уголовных дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью человека[1].

И.Б. Бойко под опасным для жизни вредом здоровью понимает такой вред, который без оказания медицинской помощи, как правило, заканчивается смертью[2]. Опасный для жизни человека вред здоровью возможно причинить, не нарушая анатомическую целостность организма потерпевшего. Так, если использовать для причинения вреда здоровью изменение радиоактивного фона до величин, представляющих опасность для здоровья или жизни человека, токсикологическое, бактериологическое, отравляющее вещество, споры сибирской язвы и т.п., то необратимо наступят изменения состояния здоровья человека, которые повлекут в том числе и наступление смерти.

Опасный для жизни вред характеризуется таким изменением функций, который не может быть побежден самим организмом потерпевшего, и,

---

[1] См.: Безручко Е.В. Уголовно-правовая характеристика вреда здоровью, опасного для жизни человека // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2. С. 42.

[2] См.: Бойко И.Б. Судебная медицина для юристов: Учебное пособие. Рязань, 2002. С. 56.

находясь в причинно-следственной связи, закономерно приведет к состоянию, которое может закончиться смертью.

Некоторые авторы утверждают, что опасность вреда, причиненного здоровью потерпевшего, для его жизни может возникнуть и после нанесения повреждения, явиться следствием раны, и последующее состояние, угрожающее жизни потерпевшего, также следует отнести к признакам тяжкого вреда здоровью человека[1].

Однако полагаем, что последующие трансформации состояния здоровья потерпевшего, пусть даже и создающие опасность для жизни, не следует считать признаком тяжкого вреда здоровью. Данное угрожающее жизни состояние может возникнуть не в связи с нанесенным непосредственным повреждением, а появиться при осложнении лечения, которое не находится в прямой причинно-следственной связи с причинением вреда здоровью.

Угроза для жизни потерпевшего должна возникнуть одновременно с нанесением повреждения, а не проявиться позже, на различных этапах лечения при возникших каких-либо осложнениях. Полагаем, что такое расширение временных рамок недопустимо.

Признак опасности для жизни вреда здоровью, содержащийся в УК РФ и в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, указывает на высокую степень общественной опасности таких повреждений. Напомним, что в диспозиции части первой статьи 111 УК РФ говорится об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, или повлекшего за собой… .

Таким образом, акцентируем внимание на том, что к тяжкому вреду здоровью человека следует относить и повреждения, опасные для жизни в

---

[1] См.: Черненко Л.В. Некоторые замечания к правилам для составления заключения о тяжести повреждения // Сборник научных работ сотрудников кафедры судебной медицины Ленинградского института усовершенствования врачей и судебных медиков. Л., 1957. Вып. 10. С. 206–207.

момент причинения, однако в конечном итоге, не приведшие неминуемо к наступлению смерти и не повлекшие значительного вреда здоровью потерпевшего. Следует указать, что и практика применения норм об ответственности за посягательства на безопасность здоровья человека идет по такому же пути.

Считаем, что опасность для жизни состоит в нанесении повреждений, опасных для жизни именно в момент их причинения. К таковым следует относить повреждения, которые изначально, до осуществления действий, связанных с медицинским воздействием, способны привести к наступлению необратимых последствий в виде смерти потерпевшего.

С учетом изложенного считаем целесообразным внести изменения в диспозицию части первой статьи 111 Уголовного кодекса РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, опасного для жизни в момент причинения…». Предлагаем также изменить и диспозицию части первой статьи 112 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, не опасного для жизни в момент причинения…».

Потеря зрения.

При правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, признак утраты зрения встречается не так часто. По данным нашего исследования только в 8 % случаев умышленное причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего было признано таковым именно по признаку потери зрения.

Большинство авторов считают обоснованным признание тяжким вредом здоровью потерю зрения на один глаз. Однако обоснование таких позиций различно. Так, некоторые считают, что потерю зрения на один глаз следует признавать тяжким вредом по признаку потери органа, другие – по признаку обезображения лица, наступившего вследствие потери одного глаза, третьи – по признаку утраты трудоспособности.

Потеря зрения на один глаз в значительной степени отражается на нормальной жизни человека, резко ограничивая его возможности читать, писать, заниматься тем или иным видом спорта, поступать на военную службу, службу в правоохранительных органах Российской Федерации, занимать определенные должности и т.п.

Если же проводится операция по удалению глазного яблока, то у потерпевшего появляется такой признак, как неизгладимое обезображивание лица. Более того, если повреждается один глаз, потерпевший может лишиться впоследствии и зрения на второй глаз при симпатической офтальмии.

При правовой оценке повреждений в виде слепоты на один глаз как правило не возникает сложностей отнесения данного признака к признакам, квалифицируемым как тяжкий вред здоровью человека.

В случаях, когда не наблюдается полной потери зрения, правильнее было бы вести речь о снижении функции органа зрения и при определении повреждения использовать признак длительности расстройства здоровья.

Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 года потерю зрения на один глаз расценивали как утрату органом его функции, а потерю глазного яблока рассматривали как потерю органа. Такой подход к оценке тяжести вреда здоровью по признаку потери органа нам представляется более целесообразным.

Потеря речи.

Согласно пункту 6.4 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, потеря речи – необратимая потеря способности выражать мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих[1]. В Правилах судебно-медицинского определения тяжести

[1] См.: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 г. № 12118) // Российская газета. 2008. 5 сентября, Российская газета. 2012. 16 марта.

телесных повреждений 1978 года потеря речи являлась признаком тяжкого вреда здоровью по признаку потери какого-либо органа либо утраты органом его функции.

Так, в пункте 10 данных Правил было указано: «под потерей какого-либо органа, либо утратой органом его функций следует понимать: а) потерю языка (речи), т.е. потерю способности выражать свои мысли членораздельными звуками, понятными для окружающих». Проведенное нами исследование показало, что данный признак практически не встречается в судебно-следственной практике. Такой вред здоровью причиняется исключительно редко.

Потеря слуха.

Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 года потерю слуха на одно ухо рассматривали как утрату органом его функции и на основании этого признака относили к тяжкому вреду здоровью, что представляется нам более предпочтительным.

В Правилах судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений 1978 года в пункте 9 под потерей слуха понималась полная глухота или такое необратимое состояние, когда потерпевший не слышит разговорной речи на расстоянии 3 – 5 см от ушной раковины. Причем потеря слуха на одно ухо влекла за собой стойкую утрату трудоспособности менее одной трети и по этому признаку относилась к менее тяжкому телесному повреждению, то есть к причинению средней тяжести вреда здоровью в современном понимании признаков вреда здоровью человека.

В ходе проведенного исследования нам не встретилось случаев причинения тяжкого вреда здоровью человека, где в качестве признака, определяющего конкретный вид его причинения, выступал признак потери слуха. Но данный признак потери слуха, как правило, является следствием других, более тяжких повреждений.

В настоящее время в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года, указывается следующее:

Понижение слуха одного уха:

а) шепотная речь на расстоянии не более 1 м, разговорная – от 1 до 3 м, понижение слуха на 30 – 50 дБ на частотах 500, 1000, 2000, 4000 Гц (5 % утраты общей трудоспособности, то есть причинение легкого вреда здоровью);

б) шепотная речь – 0, разговорная – до 1 м, понижение слуха на 60 – 80 дБ на частотах 500, 1000, 2000, 4000 Гц (15 % утраты общей трудоспособности, то есть причинение средней тяжести вреда здоровью);

в) полная глухота – шепотная и разговорная речь – 0 (25 % утраты общей трудоспособности, то есть причинение средней тяжести вреда здоровью).

Представляется, что существуют веские основания отнесения утраты слуха на одно ухо к числу признаков тяжкого вреда здоровью человека по признаку утраты органом его функций. Если же в результате травмы у потерпевшего слух сохраняется, однако удалена ушная раковина, действия виновного должны оцениваться как тяжкий вред здоровью по признаку неизгладимого обезображивания лица. В настоящее время отсутствие одной ушной раковины или части ее (1/3 и более) оценивается как 15 % стойкой утраты общей трудоспособности (пункт 29 Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин), отсутствие двух ушных раковин – 30 % (пункт 30 Таблицы процентов стойкой утраты общей трудоспособности), что также является вредом здоровью средней тяжести по признаку утраты общей трудоспособности.

Потеря какого-либо органа либо утрата органом его функций.

Под признаком потери какого-либо органа либо утраты органом его функций Медицинские критерии определения степени тяжести вреда,

причиненного здоровью человека, понимают: потерю руки или ноги, т.е. отделение их от туловища или стойкую утрату ими функций (паралич или иное состояние, исключающее их функции); потеря кисти или стопы приравнивается к потере руки или ноги (пункт 6.6.1). Сюда относятся и повреждения половых органов, сопровождающиеся потерей производительной способности, потеря одного яичка (пункт 6.6.3). Потеря производительной способности выражается у мужчин в способности к совокуплению или оплодотворению, у женщин – в способности к совокуплению или зачатию, или вынашиванию, или деторождению (пункт 6.6.2)[1]. Полагаем, что в связи с высокой степенью общественной опасности к признакам тяжкого вреда здоровью потерпевшей следует отнести потерю способности к вскармливанию ребенка. Роль грудного вскармливания нельзя недооценивать, особенно много внимания этому уделяется в последнее время, грудное молоко нельзя заменить какими-либо продуктами химического происхождения, выдаваемыми назойливой рекламой за натуральные, полезные для организма. Только с молоком матери ребенок получает все натуральные вещества, безопасные для ребенка, полезные для развития организма. Только кормящая грудью мать способна в полной мере оценить радость материнства, показать свою заботу о маленьком человеке, понять, насколько близкими могут быть отношения ребеночка и родившей его матери.

Считаем, что нанесение повреждения, при котором утрачена способность к вскармливанию ребенка, явившееся последствием причинения вреда здоровью человека, а не следствием каких-либо иных факторов, связанных с другим комплексом причин психологического, иного характера, когда не функционирует молочная железа, следует считать признаком

---

[1] См.: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 г. № 12118) // Российская газета. 2008. 5 сентября, Российская газета. 2012. 16 марта.

тяжкого вреда здоровью потерпевшей. Полагаем, что в данном случае происходит утрата органом его функции, очень важной функции – способности к вскармливанию ребенка. Противники нашей позиции могут возразить, указав на то, что практически в любом магазине продаются специальные смеси, предназначенные для кормления ребенка и нет никаких проблем в приобретении данных продуктов. Во-первых, не все в состоянии приобретать дорогостоящие фальсификаты, заменяющие настоящее грудное молоко. Во-вторых, потеря какого-либо органа или утрата органом его функций проявляется, в том числе, и в потере производительной способности, выражающейся у мужчин в способности к совокуплению или оплодотворению, у женщин – в способности к совокуплению или зачатию, или вынашиванию, или деторождению. Так можно прийти к тому, что появятся предложения об отмене этих признаков тяжкого вреда здоровью человека, ведь возможно вырастить ребенка и в пробирке, с помощью услуг суррогатной матери, и вышеуказанные способности в целом не потребуются вовсе.

Полагаем, что следует дополнить пункт 6.6.2 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, указанием на утрату способности к вскармливанию ребенка.

Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, не содержат определения понятия органа. Однако диспозиция части первой статьи 111 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека указывает на потерю какого-либо органа или утрату органом его функций.

Органом считают часть организма, которой предназначено выполнение определенной функции, влияющей на всю деятельность организма. По нашему мнению, в организме человека все органы, даже если они и парные, имеют существенное значение для жизнедеятельности всего организма в целом и отсутствие данного органа скажется на состоянии здоровья человеческого организма. Поэтому не может быть потери органа без

причинения вреда здоровью человека. Например, человек в результате повреждения, нанесения ему многочисленных ударов, вследствие проведения операции потерял почку. Хотя почка и является парным органом и у потерпевшего имеется вторая здоровая почка, все равно причинение вреда здоровью обусловлено потерей одного этого органа, несмотря на то, что в организме потерпевшего имеется и другой, аналогичный парный орган.

Орган – это часть организма, совокупность различных типов клеток и тканей, выполняющая определенную функцию в живом организме. При потере одного из парных органов оставшийся орган не способен в полном объеме выполнить всю нагрузку на организм человека, вследствие чего резко снижается потенциал организма в плане выполнения определенных функций, возложенных именно на парные органы.

Диспозиция части первой статьи 111 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека указывает на потерю какого-либо органа или утрату органом его функций. Существующие Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека содержат исчерпывающий перечень органов, утрата которых либо их функций подпадает под признаки тяжкого вреда. Предлагается отнести к данному перечню потерю внутренних органов либо утрату их функций. Под потерей органа предлагается понимать потерю и внешнего, и внутреннего органа.

Прерывание беременности.

Прерывание беременности, независимо от ее срока, является последствием и квалифицирующим признаком тяжкого вреда здоровью потерпевшей, если оно не связано с индивидуальными особенностями организма, а стоит в прямой причинной связи с повреждением. При этом судебно-медицинская экспертиза в этих случаях должна производиться совместно с акушером-гинекологом.

Если причинение вреда здоровью человека, нанесенные повреждения непосредственно не привели к выкидышу, но обусловили необходимость

прерывания беременности путем медицинского вмешательства, то такие повреждения и наступившие последствия следует относить к прерыванию беременности и считать признаком тяжкого вреда здоровью потерпевшей.

До того момента, когда в законную силу вступил Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., прерывание беременности не относилось к признакам тяжких телесных повреждений.

Правоприменитель при повреждениях, повлекших прерывание беременности, по другим признакам телесных повреждений, по фактически наступившему причиненному вреду относил прерывание беременности к различным видам телесных повреждений.

В уголовном законодательстве Российской Федерации установлена уголовная ответственность за незаконное проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Последствия в виде прерывания беременности вполне справедливо относятся к признакам тяжкого вреда здоровью потерпевшей, так как производство данной операции по искусственному прерыванию беременности сопряжено с опасностью для здоровья и жизни женщины, которая возможно больше не будет иметь детей, лишится радости материнства. При прерывании беременности причиняется смерть зарождающейся жизни, плоду человека, причиняется огромный психологический вред, особенно если ребенок был долгожданным, зародился на свет при помощи медицинских услуг по экстракорпоральному оплодотворению и т.п.

Прерывание беременности может наступить в результате как физического, так и психического насилия, выразившегося в различных психических воздействиях, носящих как систематический характер, так и однократный.

При правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, связанных с прерыванием беременности, следует устанавливать причинно-

следственную связь между совершением деяния и наступлением общественно опасного последствия. В отдельных случаях прерывание беременности наступает вследствие заболеваний, патологических состояний, болезненных проявлений женского организма. Полагаем, в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, что умыслом виновного охватывалась возможность прерывания беременности.

В пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ установлена ответственность за умышленное причинение смерти женщине, которая заведомо для виновного находилась в беременном состоянии. Законодатель ведет речь о заведомой осведомленности лица, намеревающегося совершить причинение смерти женщине при очевидном осознании того факта, что потерпевшая находилась в таком положении.

Осознание факта беременности может возникнуть при получении информации об этом со слов самой потерпевшей, со слов третьих лиц, например, матери потерпевшей, которая, угрожая заявлением об изнасиловании дочери, предлагает уладить возникший конфликт мирным способом путем женитьбы. Также данная осознанность может быть основана на знании, полученном путем визуального контакта виновного и потерпевшей и в случае ознакомления с каким-либо документом, подтверждающим факт беременности. Данные сведения должны быть достоверными, а не предположительными.

В части 1 статьи 111 УК РФ не содержится рассматриваемый нами признак, указывающий на заведомость, упоминается лишь последствие причинения тяжкого вреда здоровью человека в виде прерывания беременности.

В настоящее время получается, что нанося удары, повреждения, применяя насилие к женщине, и, не осознавая, что она находится в состоянии беременности, лицо причиняет ей вред здоровью, и в случае прерывания беременности, данный вред здоровью становится тяжким. Полагаем, что в случае посягательства на безопасность здоровья человека следует

руководствоваться нормативными правовыми предписаниями в отношении умышленного причинения смерти потерпевшей, которая заведомо для виновного находится в состоянии беременности. Если состояние беременности потерпевшей является очевидным, то сложностей в правовой оценке таких посягательств не наблюдается. Однако, если виновный не предполагал о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, либо она его обманула, сообщила заведомо недостоверные сведения о своем пикантном положении, намекая о том, что ему следует жениться или предоставить большую материальную помощь ей в связи со сложившейся ситуацией, то признак прерывания беременности не может быть вменен виновному. Полагаем, что в данном случае виновного следует привлекать к уголовной ответственности за фактически причиненный вред здоровью потерпевшей.

В связи с вышеизложенным предлагается внесение изменений в диспозицию части первой статьи 111 УК РФ путем изложения ее в следующей редакции: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, опасного для жизни в момент причинения, или повлекшего за собой …, прерывание беременности в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности…» и далее по тексту.

Психическое расстройство.

В части 1 статьи 111 УК РФ одним из последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека выступает психическое расстройство. Согласно подп. «а» пункта 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522, психическое расстройство является самостоятельным квалифицирующим признаком тяжкого вреда здоровью.

Психическое расстройство само по себе редко является последствием физического или психического воздействия на потерпевшего, оно как правило возникает в результате нанесения повреждений, следствием которых

являются черепно-мозговые травмы, переломы сводов, основания черепа, в результате чего наступают состояния, связанные с повреждением психики.

В результате такие повреждения фактически правоприменитель на основании заключения судебно-медицинской экспертизы оценивает не как последствия в виде наступления психического расстройства, а как причиненный тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Термин «душевная болезнь», содержавшийся в диспозиции статьи 108 УК РСФСР 1960 г., в статье 111 УК РФ заменен на термин «психическое расстройство». В соответствии с Правилами судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений 1978 года одним из признаков тяжкого телесного повреждения являлась душевная болезнь. При этом диагностика душевного заболевания и его причинная связь с полученной травмой устанавливалась психиатрической экспертизой. Оценка степени тяжести такого последствия телесного повреждения производилась с участием судебно-медицинского эксперта.

В настоящее время используют термин «психическое расстройство», соответствующий Международной классификации болезней, травм и причин смерти. Мы же полагаем, что используемый ранее термин «душевная болезнь» наиболее предпочтителен, в связи с тем, что включал в себя не всю совокупность психических заболеваний, а наиболее опасные и тяжкие.

Термин «психическое расстройство» употребляется в качестве последствия умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека, однако в уголовном законе понятие данного признака не раскрывается. Более того, уголовное законодательство Российской Федерации употребляет данный содержательный признак и в других нормах УК РФ, например, в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации. Так, в статье 21 УК РФ в качестве одной из составляющих медицинского критерия невменяемости законодатель называет хроническое психическое расстройство, временное психическое расстройство, в статье 22 УК РФ – говорит о психическом расстройстве, не исключающем вменяемости, в той

же статье 21 УК РФ употребляет термин «иное болезненное состояние психики». Такое количество оценочных категорий, видов психического расстройства, не придает уголовному законодательству определенности, однозначности в толковании норм о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека, а, следовательно, отрицательно влияет на правоприменительную практику.

В УК РСФСР 1960 года душевная болезнь являлась признаком тяжкого телесного повреждения, другие, менее тяжкие психические расстройства, относились к менее тяжкому или легкому телесным повреждениям.

Возникновение психического расстройства как последствие посягательства на безопасность здоровья человека само по себе не может обусловливать наступление смерти, угрожать жизни потерпевшего. Такое возможно лишь в том случае, когда психическое расстройство наступает, как нами было уже указано, в результате тяжелых черепно-мозговых травм.

В итоге получается, что психическое расстройство включает в себя и хроническое психическое расстройство, и временное психическое расстройство, и психическое расстройство, не исключающее вменяемости, и оно не зависит от его продолжительности, как указано в статье 112 УК РФ (длительное расстройство здоровья) и в статье 115 УК РФ (кратковременное расстройство здоровья).

В практике встречаются случаи, когда последствием посягательства на безопасность здоровья человека выступает психическое расстройство, имеющее кратковременный характер, но возникшее в результате психической травмы, обусловленной повреждением, которое по своей сути относится к психическому расстройству. Но признавать его последствием, обусловливающим признаки причинения тяжкого вреда здоровью человека, считаем не совсем правильным, так как это приводит к утрате общей трудоспособности на семь дней, и не согласуется с логикой здравого смысла.

Мы полагаем, что вместо термина «психическое расстройство» следует использовать термин «тяжелое психическое расстройство», используемый

законодателем в Законе Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»[1] (часть четвертая статьи 23 и статья 29). Под тяжелыми понимаются затяжные психические расстройства с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями. С юридической точки зрения под тяжелыми психическими расстройствами следует понимать такие заболевания, которые лишают потерпевшего осознавать фактический характер происходящего, а также способности руководить своими действиями.

В настоящее время в статье 111 УК РФ к числу последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему относится любое психическое расстройство независимо от того, является ли оно длительным или кратковременным, независимо от его глубины и других медицинских характеристик.

Полагаем, что редакция статьи 111 УК РФ нуждается в изменении, в связи с чем термин «психическое расстройство» следует заменить термином «тяжелое психическое расстройство», что позволит не привлекать к уголовной ответственности лиц, реально не причинивших тяжкий вред здоровью потерпевшего, психическое расстройство которого было не продолжительным и не относилось к тяжелому расстройству[2].

Более того, уголовное законодательство в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ упоминает о наличии тяжелого психического расстройства.

Полагаем, что конкретизированные медицинские критерии термина «тяжелое психическое расстройство» следует закрепить в приложении к Приказу Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194 н[3].

---

[1] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

[2] См.: Безручко Е.В. Психическое расстройство здоровья человека как основной признак тяжкого вреда здоровью // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3. С. 76.

[3] См.: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в

Существенным является вопрос о том, следует ли относить к последствиям причинения тяжкого вреда здоровью обострение психического расстройства у лица, которое страдало им и ранее, но на момент совершения посягательства на безопасность здоровья человека находилось в состоянии ремиссии. Полагаем, что такие случаи следует относить к последствиям умышленного причинения вреда здоровью человека, так как период ремиссии конкретных временных рамок не имеет, как и психическое расстройство, которое может быть как хроническим, так и временным, а повреждение, нанесенное в результате посягательства на безопасность здоровья человека лицу, находившемуся в состоянии ремиссии, влечет возобновление душевной болезни.

В связи с чем предлагаем диспозицию части первой статьи 111 УК РФ после слов «психическое расстройство» дополнить словами «либо его обострение в период ремиссии»[1].

Заболевание наркоманией или токсикоманией.

Согласно статье 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 29.12.2017 г.)[2] под наркоманией понимается заболевание, обусловленное зависимостью от наркотического средства или психотропного вещества[3]. Токсикомания в Большой медицинской энциклопедии определяется как злоупотребление различными химическими, биологическими и лечебными препаратами, не входящими в перечень

Минюсте РФ 13.08.2008 г. № 12118) // Российская газета. 2008. 5 сентября, Российская газета. 2012. 16 марта.

[1] См.: Безручко Е.В. Психическое расстройство здоровья человека как основной признак тяжкого вреда здоровью // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 3. С. 76.

[2] См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 2. Ст. 219; http://www.pravo.gov.ru.

[3] Вещества, часто используемые при производстве, изготовлении, переработке наркотических средств и психотропных веществ (статья 1 закона от 08.01.1998. № 3-ФЗ).

наркотических или психотропных[1]. Больной наркоманией – это лицо, которому по результатам медицинского освидетельствования, проведенного в соответствии с настоящим Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (в ред. от 29.12.2017), поставлен диагноз «наркомания».

В соответствии с частью первой статьи 44 данного закона лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, либо новое потенциально опасное психоактивное вещество, может быть направлено на медицинское освидетельствование. При этом медицинское освидетельствование лица, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, проводится по направлению органов дознания, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователя, судьи или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, в медицинских организациях, специально уполномоченных на то федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, или органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения.

Заболевание наркоманией или токсикоманией должно возникнуть в результате физического или психического насилия над потерпевшим.

Статью 111 УК РФ следует отграничивать от статьи 230 УК РФ, в соответствии с которой предусмотрена уголовная ответственность за «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». В статье 111 УК РФ фактическое заболевание наркоманией

---

[1] См.: Большая медицинская энциклопедия. М., 1977. Т. 25. С. 113.

или токсикоманией является последствием умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Неизгладимое обезображивание лица.

Неизгладимое обезображивание лица является одним из альтернативных последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Неизгладимое обезображивание лица, имея в своей основе эстетическую составляющую, часто не причиняя существенного вреда здоровью, придает облику потерпевшего несимпатичный, омерзительный, отталкивающий вид, чем ему причиняются существенные мучения этического характера.

В результате проведенных исследований по данному признаку были квалифицированы повреждения в 2 % изученных нами случаев.

Судебно-медицинская экспертиза устанавливает изгладимость повреждения в соответствии с Медицинскими критериями. Суд определяет, является ли повреждение неизгладимым обезображиванием. Под неизгладимыми изменениями следует понимать такие повреждения лица, которые с течением времени не исчезают самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций, нарушений мимики и прочее, либо под влиянием нехирургических методов) и для их устранения требуется оперативное вмешательство (например, косметическая операция).

В пункте 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 года, также говорится о том, что степень тяжести вреда здоровью, выразившегося в неизгладимом обезображивании лица, устанавливается судом. Производство судебно-медицинской экспертизы ограничивается лишь установлением неизгладимости указанного повреждения. Полагаем, что Верховному Суду Российской Федерации следует сформулировать свою позицию путем принятия постановления «О судебной практике по делам о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека», где должны быть разъяснены вопросы правовой оценки

преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, в том числе и вопросы квалификации деяний, где последствием умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека выступает неизгладимое обезображивание лица.

Суд определяет наличие юридического признака обезображивания лица с помощью заключения эксперта об изгладимости нанесенных повреждений, с помощью фотографий, видеоизображений потерпевшего путем их сравнения до причинения вреда здоровью и после. Показаниям потерпевших не следует уделять особого внимания в плане определения эстетического критерия при признании юридического факта неизгладимого обезображивания лица, так как потерпевшим может быть присуща завышенная самооценка.

Судебная практика неоднозначно воспринимает тезисы об изгладимости или неизгладимости изменений, произошедших с потерпевшим в результате посягательств на безопасность здоровья человека.

Так, судьей Ленинского районного суда г. Перми уголовное дело в отношении В. переквалифицировано и прекращено в связи с примирением сторон. Первоначально В. обвинялся за совершение преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, по признаку неизгладимого обезображивания лица, причиненного Б., с применением предмета, используемого в качестве оружия. Суд первой инстанции действия В. переквалифицировал с п. «з» ч. 2 ст. 111 на п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, поскольку пришел к выводу о недоказанности критерия тяжкого вреда здоровью по признаку неизгладимости обезображивания лица. Уголовное преследование прекращено в связи с примирением с потерпевшим.

В апелляционном представлении государственный обвинитель посчитала решение судьи незаконным, указав, что судом неправильно установлены обстоятельства преступления, имеющие значение для дела, поэтому суд действия В. необоснованно переквалифицировал с п. «з» ч. 2 ст. 111 на п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ, обратив внимание, что вывод суда о том, что

рубцы на лице потерпевшего Б. не обезображивают его внешний вид, противоречит материалам дела, мнению потерпевшего, его жены, и сложившейся судебной практике. Государственный обвинитель указала на то, что заключением эксперта установлено, что раны и ссадины на голове, рубцы на лице, сформировавшиеся на месте резаных ран, по своим морфологическим свойствам являются неизгладимыми. Вывод суда об отсутствии у обвиняемого В. умысла на причинение тяжкого вреда здоровью Б. является несостоятельным, в связи с тем, что В. нанес несколько ударов горлышком от бутылки потерпевшему Б. по лицу, то есть в жизненно важный орган – голову.

Судебная коллегия нашла постановление судьи подлежащим отмене.

Суд мотивировал свое решение тем, что рубцы на лице потерпевшего Б. не обезображивают его внешний вид, в связи с чем, действия обвиняемого В. переквалифицировал с п. «з» ч. 2 ст. 111 на п. «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ. Вместе с тем, судом не было установлено, может исчезнуть шрам на лице потерпевшего или стать менее выраженным с течением времени, а также придает рубец лицу Б. отталкивающий, уродливый вид с учетом мнения специалистов в этой области медицины. Таким образом, судом не дана полная оценка характеру повреждения на лице потерпевшего. Кроме того, суд не дал надлежащую оценку обстоятельствам нанесения травмы. В итоге решение о прекращении уголовного преследования В. судебная коллегия не признала мотивированным и определила постановление судьи Ленинского районного суда г. Перми отменить[1].

Следует указать, что суд, как правило, самостоятельно оценивает признак неизгладимого обезображивания лица, даже при меняющихся показаниях потерпевшего.

Так, М. привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 111 УК РФ, за то, что, будучи в состоянии опьянения, вызванном употреблением алкоголя, находясь на территории, прилегающей к домовладению, в ходе

[1] Архив Пермского краевого суда за 2018 год. Решение по делу № 22-455.

конфликта, переросшего в драку с А., причинил тяжкий вред здоровью, выразившийся в неизгладимом обезображивании лица. Проявляя злобу по отношению к А., реализуя свой прямой умысел, М. нанес последнему один удар рукой в область лица слева, в результате чего А. испытал физическую боль в месте удара, и, не удержавшись на ногах, упал на землю. Желая прекратить преступные действия М., А. схватил последнего за ноги и, повалив на землю, стал удерживать, однако М. схватил А. за правое ухо зубами и с силой сжал челюсти, в результате чего последовала травматическая ампутация 1/3 правой ушной раковины.

М. нанес находящемуся на земле и не оказывающему ему сопротивления А., не менее одного удара обутыми ногами в область лица, причинив в результате своих преступных действий согласно заключению эксперта телесные повреждения в виде: ссадины шеи, кровоподтеков лица, а также травматическую ампутацию правой ушной раковины в средней трети.

Травматическая ампутация правой ушной раковины по последствиям (незначительная стойкая утрата трудоспособности менее 10 %) квалифицирована как причинение легкого вреда здоровью. Повреждение является неизгладимым, для его устранения требуется оперативное вмешательство.

Потерпевший ознакомлен с заключением эксперта и полностью согласен с выводами о том, что повреждение в виде травматической ампутации его ушной раковины, которые ему были причинены в результате неправомерных действий М., являются неизгладимыми, то есть не исчезнут самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций и др.) и для их устранения требуется оперативное вмешательство. Он считает и настаивает, что своими действиями, выразившимися в откусывании ему части уха М., неизгладимо обезобразил его лицо, поскольку самостоятельно данные повреждения не пройдут, а следовательно он будет вынужден понести материальные затраты на восстановление его прежнего облика. Кроме того данные повреждения повлекли именно обезображивание,

поскольку ранее он являлся депутатом Совета депутатов села Левокумского. После того, как М. причинил ему указанные телесные повреждения в виде ампутации части ушной раковины, это серьезно повлияло на его деятельность как общественного деятеля. Он считает, что, так как он являлся общественным деятелем и всегда должен был находиться в обществе, на разных собраниях, то его внешность должна быть безукоризненной, и не давать повод жителям района и любым другим гражданам для разговоров, либо насмешек над ним, как над гражданином, человеком и представителем власти. Повреждение правой ушной раковины, а именно ее частичная ампутация в результате укуса М. существенно отразилась на его деятельности, а именно авторитете среди людей, он был вынужден прекратить свою политическую деятельность, по причине того, что полученные им телесные повреждения обезобразили его лицо, и более не мог публично выступать перед гражданами, чтобы не допустить насмешек посторонних граждан, которые могли бы увидеть полученные им телесные повреждения. Ранее его внешность была абсолютно нормальной, он не стеснялся показаться на людях в любой компании, однако теперь после причиненных ему М. увечий, кроме прекращения трудовой деятельности, он вынужден избирательно подходить к вопросу, в каком месте и какой компании ему можно появиться, чтобы не допустить факта насмешек, поскольку имеющаяся у него травма может создать впечатление о нем, как о человеке с физическими дефектами (недостатками), и поскольку общество еще не готово по своему воспитанию к правильному восприятию людей с физическими недостатками, он считает и настаивает, что М. обезобразил его лицо и внешность.

Между тем, ранее потерпевший указывал, что повреждение его правого уха, по ого мнению, не обезображивает его лицо, так как не считал, что ухо входит в лицевую часть, и тем более не мог предположить обо всех последствиях, которые может повлечь указанная травма, однако с течением времени он столкнулся с необходимостью прекратить трудовую

деятельность, которая ему нравилась, и ограничить свое публичное нахождение в обществе, в связи с изложенным, в данный момент он настаивает, что повреждение его правого уха обезображивает его лицо.

Между тем, изменение показаний потерпевшим А. суд расценил критически. Суд посчитал, что обстоятельства совершенного М. преступления, характер полученных А. телесных повреждений и их тяжесть, не вызывают сомнения в их умышленном причинении, при имеющейся у подсудимого возможности покинуть место происшествия в любое время при возникновении конфликта, либо предпринять иные действия, направленные на сдерживание А. без причинения ему вреда здоровью.

Вместе с тем, суд посчитал необходимым принять во внимание характеризующие данные М., которые привел в судебном заседании потерпевший А. о том, что кто сейчас виноват, он не знает, считает, что произошло недоразумение, никаких претензий к М. он не имеет, т.к. простил его. Кроме этого М. предлагал ему найти клинику и оплатить операцию по восстановлению уха, но он не желает этого делать.

Заключением эксперта по назначенной комиссионной судебно-медицинской экспертизы установлено, что у гражданина А. имеется частичная травматическая ампутация правой ушной раковины в средней трети, по наружной поверхности хрящевой части на протяжении 2,5 см: по верхней границе большого завитка до уровня мочки. Ширина отсутствующего дефекта составляет от 0,3 до 0,5 см. Повреждение является неизгладимым, т.е. не исчезнет с течением времени самостоятельно (без хирургического устранения рубцов, деформаций и др.) и для его устранения требуется оперативное вмешательство.

В итоге, несмотря не меняющиеся показания потерпевшего, суд установил, что в результате действий М., потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, выразившийся в неизгладимом обезображивании

лица, назначил наказание в виде лишения свободы с применением положений ст. 73 УК РФ[1].

В большинстве случаев суд не учитывает заключение эксперта об изгладимости повреждения. Так, Д. в ходе ссоры с потерпевшей К., нанесла один удар кулаком правой руки в область головы, причинив своими действиями К. телесные повреждения в виде ушибленной раны спинки носа, перелома спинки носа, циркулярных кровоподтеков обеих орбит, которые расцениваются как легкий вред здоровью.

Подсудимая Д. виновной себя по предъявленному обвинению в совершении инкриминируемого ей преступления признала частично, и показала, что 25.08.2017 совместно с супругом была на свадьбе, около 23 часов они уехали и продолжили праздновать во дворе дома. К ним пришла потерпевшая К. с подругой, которая сказала, что состоит в интимных отношениях с ее мужем, стали ругаться, дергать друг друга за волосы, их разняли. Далее Д. спросила К., «правда ли, что она спит с ее мужем?», на что К. ответила, что пошутила. Д. разозлилась и ударила кулаком правой руки в лицо К. На среднем пальце правой руки у Д. было кольцо. Д. не согласна с тем, что оставшийся на лице шрам у К. последнюю обезображивает, со временем он стал менее заметен. Считает, что причинила потерпевшей легкий вред здоровью.

Потерпевшая К. показала, что с Д. произошел конфликт, Д. ударила ее в переносицу, затем нанесла еще несколько ударов по голове и ушла. Шрам остался, выглядит отвратительно. Фотографии в социальных сетях выкладывает, но фотографируется со стороны, где шрама не видно. Предъявила исковые требования к подсудимой Д. о взыскании с нее 300000 рублей в счет компенсации морального вреда. В последнем судебном заседании от исковых требований отказалась, так как компенсация морального вреда ей выплачена подсудимой Д. в размере 50000 рублей, этих

[1] Архив Левокумского районного суда Ставропольского края. Решение по делу 1-11/2018 (1-119/2017).

денежных средств ей достаточно, претензий к Д. не имеет. Просила переквалифицировать действия подсудимой на часть 1 ст. 115 УК РФ, и дело прекратить в связи с примирением.

Согласно заключению эксперта, у потерпевшей К. имелись телесные повреждения в виде ушибленной раны спинки носа, перелома спинки носа, циркулярных кровоподтеков обеих орбит. Данные телесные повреждения возникли от воздействия твердого тупого предмета, в срок, соответствующий обстоятельствам дела, и в совокупности расцениваются как легкий вред здоровью. В настоящее время у К. имеется рубец спинки носа, который возник от заживления ушибленной раны, описанной в акте. Данный рубец с течением времени, вероятно, несколько уменьшится, но полностью не исчезнет, то есть его следует считать неизгладимым. Телесные повреждения, описанные в акте, могли возникнуть от воздействия кулака.

Несмотря на заключение эксперта о неизгладимости повреждения, суд посчитал, что шрам на переносице потерпевшей со временем стал менее заметен и лицо потерпевшей не обезображивает.

На основании изложенного, суд постановил уголовное дело и уголовное преследование в отношении Д. по части 1 ст. 115 УК РФ (с учетом переквалификации преступления) прекратить, освободить от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшей на основании статьи 25 УПК РФ[1].

Следует отметить, что в пункте 10 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, указано: «Для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, достаточно наличия одного Медицинского критерия». При наличии нескольких Медицинских критериев тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому критерию, который соответствует большей степени тяжести вреда (пункт 11).

---

[1] Архив Далматовского районного суда Курганской области. Уголовное дело № 1-2/2018.

Также следует отметить, что суд, квалифицируя действия лиц, посягавших на безопасность здоровья человека, выразившиеся в наступлении последствий в виде неизгладимого обезображивания лица, назначает в основном условное осуждение. Более того, встречаются случаи, когда лицо, виновное в совершении посягательства на безопасность здоровья человека, выразившееся в виде неизгладимого обезображивания лица, само на суде пытается доказать, что никакого обезображивания, по сути дела и не произошло. Так, 19.04.2010 года Красносулинским районным судом Ростовской области в открытом судебном заседании рассмотрено уголовное дело в отношении Б., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ.

Подсудимая Б. 28.11.2009 года примерно в 01 час 40 минут умышленно причинила тяжкий вред здоровью потерпевшему С., выразившийся в неизгладимом обезображивании лица, нанеся ему удары ногой, обутой в сапог на высоком тонком каблуке по голове, лицу и иным частям тела, согласно заключению СМЭ № 29 от 18.01.2010 года имели место телесные повреждения в виде закрытой черепно-мозговой травмы с ушибом головного мозга легкой степени тяжести, рваной раны правой щеки, закрытого оскольчатого перелома дистального эпимитафиза 2-й пястной кости правой кисти, квалифицированные как средней тяжести вред здоровью, причиненный здоровью человека по признаку длительности расстройства здоровья свыше 3-х недель и заключения СМЭ № 108 от 27.01.2010 года, согласно которого на правой щеке С. имеется рубец розовато-серого цвета с западающей поверхностью, являющегося неизгладимым повреждением, а согласно заключению СМЭ № 42-ПК от 01.03.2010 года рубец, сформировавшийся в результате заживления раны правой щеки с течением времени самостоятельно не исчезнет, и полное устранение рубца хирургическим либо косметическим путем невозможно, и оценивается судом как тяжкий вред здоровью по критерию неизгладимого обезображивания лица, придающее лицу отталкивающий, безобразный внешний вид.

Допрошенная в судебном заседании подсудимая Б. свою вину в содеянном признала частично, пожелала давать показания и сообщила суду, что у нее не было умысла причинять потерпевшему тяжкий вред здоровью, убить его она тоже не смогла бы, он спровоцировал ее на такие действия, сильно обидел, хотела за себя постоять. 28.11.2009 года встретила его в кафе «Огонек», он должен был ей 6 тысяч рублей, напомнила об этом. Когда вышли из кафе, и напомнила про долг, он ответил, что отдал и оскорбил при людях, она схватила его за шиворот, он повернулся и ударил рукой, схватила за волосы и повалила, куда била и сколько раз не помнит, все его лицо было в крови, у нее руки тоже были в крови. Заявила, что шрам на лице украшает мужчину, и она его не обезобразила.

Однако критерий обезображивания лица был усмотрен судом на основании общепринятых эстетических представлений о человеческом облике, суд оценил Г-образный рубец серо-розового цвета на правой щеке и верхней губе как обезображивающий лицо потерпевшего, поскольку четко выделяется на фоне лица, придает лицу неприятный ассиметричный вид, что особенно заметно при общении с потерпевшим. Суд усмотрел наличие причинной связи между действиями подсудимой и наступившими последствиями.

В итоге суд признал Б. виновной в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ, и назначил ей наказание в виде 2 (двух) лет лишения свободы. В соответствии со статьей 73 УК РФ назначенное наказание постановлено считать условным с испытательным сроком 2 (два) года[1].

В части 1 статьи 111 УК РФ предусмотрена ответственность за неизгладимое обезображивание лица, но не других частей тела. В пункте 61 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, 2008 г. говорится о рубцах, возникших в результате

[1] Архив Красносулинского районного суда за 2010 год. Уголовное дело № 22-3848.

ожогов, отморожений или ран, расположенных на лице и (или) переднебоковой поверхности шеи. В литературе также высказывалась вполне справедливая точка зрения о том, что в результате нанесенных повреждений у потерпевшего возникали сильные переживания в отношении изгладимости обезображивания не только лица, но и других частей тела, особенно в отношении обезображивания шеи, так как данная часть тела неразрывно связана с лицом[1]. Полагаем, что иные части тела человеческого организма также могут быть обезображены в результате посягательств на безопасность здоровья человека и данным частям тела также может быть придан отталкивающий, неприглядный вид.

Человек, у которого обезображены иные части тела, также не может себя ощущать полноценным в современном обществе, ему стыдно предстать перед врачом, любимым человеком, появиться на пляже, полноценно отдыхать в отпуске, находиться на рабочем месте, если работа предполагает постоянное общение с людьми и т.п.

Полагаем, что при определении последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью законодателю следует в качестве таковых говорить о неизгладимом обезображивании не только лица, но и любой части тела. В связи с чем считаем, что в части первой статьи 111 УК РФ слова «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» следует заменить словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела».

Длительное расстройство здоровья.

Суд дает окончательный вывод об уголовно-правовой оценке деяния, посягающего на безопасность здоровья человека, на основании заключения судебно-медицинского эксперта.

---

[1] См.: Викторов О.С. К вопросу о телесном повреждении и психической травме в советском уголовном праве // Социалистическая законность. 1958. № 4; Читлов Д.С. Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств. Саратов, 1974. С. 59.

Длительность расстройства здоровья является категорией, вызывающей споры в юридической литературе, так как она может зависеть от различных факторов: состояния организма потерпевшего, его особенностей; возможности той или иной медицинской организации оказать соответствующую помощь потерпевшему; от того, как эта медицинская организация обеспечена современным оборудованием, лекарствами, специалистами; от материального состояния потерпевшего, способного оплатить те или иные виды лечения, операцию и т.п.; необходимости дополнительного клинического обследования; от того, сколько дней потерпевший находится на стационарном лечении, когда он будет выписан, перед выходными или после, например, новогодних длительных выходных, когда ему фактически не оказывается необходимая медицинская помощь, и он находится в медицинском учреждении, ожидая главного врача или иного лечащего врача, который оформит потерпевшему соответствующие документы, которые впоследствии станут основанием для определения длительности расстройства здоровья; от родственных или иных связей потерпевшего в медицинском учреждении, когда потерпевший желает там находиться не потому, что ему требуется лечение, связанное с причиненным телесным повреждением, а потому, что лучше провести побольше времени в больнице, чем ходить на работу и т.д.

В уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует понятие длительности расстройства здоровья. Укажем еще раз, что под длительностью расстройства здоровья понимается временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью свыше трех недель (более 21 дня). Утрата общей трудоспособности при неблагоприятном трудовом и клиническом прогнозах либо при определившемся исходе независимо от сроков ограничения трудоспособности, либо при длительности расстройства здоровья свыше 120 дней является тяжким вредом здоровью (пункт 19).

В части первой статьи 112 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека называется длительное расстройство здоровья, однако законодатель не поясняет, что следует понимать под таковым. Нормы статей 111, 112 и 115 УК РФ являются бланкетными и для определения признаков конкретного вреда, причиненного здоровью человека, необходимо использовать те разъяснения, которые имеются в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 года, а также в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года. Но, данные нормативные правовые акты были приняты намного позже принятия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года, долгое время при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека использовались положения Правил судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 года, которые действовали с 10 декабря 1996 г. по 14 сентября 2001 г. и утратили юридическую силу. Затем стали применяться Правила судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений от 11 декабря 1978 г., которые фактически утратили силу и не содержали в себе понятий и терминов, употребляемых в действующем уголовном законодательстве. Более того, эксперты продолжали применять положения Правил судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 г., несмотря на их отмену. И только 16 сентября 2008 г. вступил в силу Приказ № 194 н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека». Таким образом, более семи лет отсутствовал нормативный правовой документ, раскрывающий признаки, позволяющие определить степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, на основании которого имела бы юридическую силу правовая оценка преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека. И нет никакой уверенности, что завтра Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного

здоровью человека 2008 года, утратят силу, точно так же, как и Правила судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 года.

Мы предлагаем в уголовном законодательстве определить конкретное содержание длительности расстройства здоровья, в связи с чем полагаем, что в части первой статьи 112 УК РФ слова «вызвавшего длительное расстройство здоровья» следует заменить словами «вызвавшего длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21 дня до 120 дней».

Кратковременное расстройство здоровья.

Расстройство здоровья состоит во временном нарушении функций органов и (или) систем органов, непосредственно связанное с повреждением, заболеванием, патологическим состоянием, обусловившее временную нетрудоспособность (пункт 17 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года). Продолжительность нарушения функций органов и (или) систем органов (временной нетрудоспособности) устанавливается в днях, исходя из объективных медицинских данных, поскольку длительность лечения может не совпадать с продолжительностью ограничения функций органов и (или) систем органов человека. Проведенное лечение не исключает наличия у живого лица посттравматического ограничения функций органов и (или) систем органов (пункт 18).

Течение временного нарушения функций органов и (или) систем часто обусловлено заболеваниями, уже имеющимися у потерпевшего. При этом отдельные потерпевшие стремятся увеличить сроки пребывания в медицинском учреждении, а другие наоборот – скорее выйти на работу.

Если у потерпевшего имеется заболевание, то при правовой оценке повреждений, нанесенных в результате посягательств на безопасность здоровья человека, следует придавать значение только последствиям, наступившим в результате умышленного причинения вреда здоровью человека. Поэтому максимальную сложность представляют случаи, в которых на фоне патологического изменения сосудов и вещества головного

мозга, вызванных хронической алкогольной интоксикацией, врожденными истончениями сосудов основания мозга и др., при небольших повреждениях происходит кровоизлияние и наступает смерть потерпевшего. В данном случае следует проводить специальные дополнительные исследования, привлекать комисию для вынесения соответствующего решения о причинно-следственной связи нанесенного повреждения и наступивших последствий.

В Правилах определения степени тяжести телесных повреждений 1961 года кратковременным расстройством здоровья признавались заболевание или нарушение функции какого-либо органа продолжительностью не менее семи дней, но не свыше четырех недель. Правила судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений 1978 года кратковременным считали расстройство здоровья, непосредственно связанное с повреждением, продолжительностью более шести дней, но не свыше 3-х недель (21 дня).

В пункте 7.1 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, речь идет о временной нетрудоспособности. В уголовном законодательстве Российской Федерации в части первой статьи 111 УК РФ говорится об общей трудоспособности и профессиональной трудоспособности. Какая именно трудоспособность (общая или профессиональная) имеется в виду при определении кратковременного расстройства здоровья, составители «Медицинских критериев» не пояснили.

Получается, что в настояще время для определения длительности кратковременного расстройства здоровья следует пользоваться указанным максимальным пределом (не свыше 3-х недель). Что касается минимального критерия определения кратковременного расстройства здоровья, то он не упоминается в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года. О минимальном пределе – «не менее семи дней» (Правила 1961 года) или «более шести дней» – (Правила 1978 года) не говорится.

Полагаем, что при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, в случае причинения кратковременного расстройства здоровья, необходимо выработать единую позицию определения признаков причиненного вреда здоровью в отношении минимального предела продолжительности нарушения функций органов и (или) систем органов.

Мы предлагаем в части первой статьи 115 УК РФ слова «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью свыше 7 дней до 21 дня».

Таким образом, в завершение данного параграфа можно сделать следующие выводы.

1. Опасность для жизни состоит в нанесении повреждений, опасных для жизни именно в момент их причинения. К таковым следует относить повреждения, которые изначально, до осуществления действий, связанных с медицинским воздействием, способны привести к наступлению необратимых последствий в виде смерти потерпевшего.

С учетом изложенного считаем целесообразным внести изменения в диспозицию части первой статьи 111 Уголовного кодекса РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, опасного для жизни в момент причинения…».

Предлагаем также изменить и диспозицию части первой статьи 112 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, не опасного для жизни в момент причинения…».

2. Диспозиция части первой статьи 111 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека указывает на потерю какого-либо органа или утрату органом его функций. Существующие Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, содержат исчерпывающий перечень органов, утрата которых либо их функций подпадает под признаки тяжкого вреда.

Предлагается отнести к данному перечню потерю внутренних органов либо утрату их функций. Под потерей органа предлагается понимать потерю и внешнего, и внутреннего органа.

3. В пункте «г» части 2 статьи 105 УК РФ установлена ответственность за умышленное причинение смерти женщине, которая заведомо для виновного находилась в беременном состоянии. Законодатель ведет речь о заведомой осведомленности лица, намеревающегося совершить причинение смерти женщине при очевидном осознании того факта, что потерпевшая находилась в таком положении. В части 1 статьи 111 УК РФ не содержится признак, указывающий на заведомость, упоминается лишь последствие причинения тяжкого вреда здоровью человека в виде прерывания беременности.

В настоящее время получается, если, нанося удары, повреждения, применяя насилие к женщине, и, не осознавая, что она находится в состоянии беременности, лицо причиняет ей вред здоровью, то в случае прерывания беременности данный вред здоровью становится тяжким. Полагаем, что в случае посягательства на безопасность здоровья человека следует руководствоваться нормативными правовыми предписаниями в отношении умышленного причинения смерти потерпевшей, которая заведомо для виновного находится в состоянии беременности. Если состояние беременности потерпевшей является очевидным, то сложностей в правовой оценке таких посягательств не наблюдается. Однако, если виновный не предполагал о том, что потерпевшая находится в состоянии беременности, признак прерывания беременности не может быть вменен виновному. Полагаем, что в данном случае виновного следует привлекать к уголовной ответственности за фактически причиненный вред здоровью потерпевшей.

В связи с вышеизложенным предлагается внесение изменений в диспозицию части первой статьи 111 УК РФ путем изложения ее в следующей редакции: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, опасного для жизни в момент причинения, или повлекшего за

собой …, прерывание беременности в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности…» и далее по тексту.

4. В настоящее время в статье 111 УК РФ к числу последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему относится любое психическое расстройство независимо от того, является ли оно длительным или кратковременным, независимо от его глубины и других медицинских характеристик.

Полагаем, что редакция статьи 111 УК РФ нуждается в изменении, в связи с чем термин «психическое расстройство» следует заменить термином «тяжелое психическое расстройство», что позволит не привлекать к уголовной ответственности лиц, реально не причинивших тяжкий вред здоровью потерпевшего, психическое расстройство которого было не продолжительным и не относилось к тяжелому расстройству.

Полагаем, что конкретизированные медицинские критерии термина «тяжелое психическое расстройство» следует закрепить в приложении к Приказу Минздравсоцразвития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194 н.

5. Существенным является вопрос о том, следует ли относить к последствиям причинения тяжкого вреда здоровью обострение психического расстройства у лица, которое страдало им и ранее, но на момент совершения посягательства на безопасность здоровья человека находилось в состоянии ремиссии. Полагаем, что такие случаи следует относить к последствиям умышленного причинения вреда здоровью человека, так как период ремиссии конкретных временных рамок не имеет, как и психическое расстройство, которое может быть хроническим, временным, а повреждение, нанесенное в результате посягательства на безопасность здоровья человека лицу, находившемуся в состоянии ремиссии влечет возобновление душевной болезни.

В связи с чем предлагаем диспозицию части первой статьи 111 УК РФ после слов «психическое расстройство» дополнить словами «либо его обострение в период ремиссии».

6. В части первой статьи 111 УК РФ предусмотрена ответственность за неизгладимое обезображивание лица, но не других частей тела. В пункте 61 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 г. говорится о рубцах, возникших в результате ожогов, отморожений или ран, расположенных на лице и (или) переднебоковой поверхности шеи.

Полагаем, что при определении последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью законодателю следует в качестве таковых говорить о неизгладимом обезображивании не только лица, но и любой части тела. В связи с чем считаем, что в части первой статьи 111 УК РФ слова «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» следует заменить словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела».

3.2. Экономический критерий вреда, причиненного здоровью человека

В истории российского уголовного законодательства, в период советской эпохи его формирования, экономический критерий, как составляющая компонента признаков телесных повреждений, впервые был установлен в УК РСФСР 1926 г.

Однако правоприменителем в практической деятельности экономический критерий при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, практически не используется.

В юридической литературе отмечается, что причинение вреда здоровью человека квалифицируется по экономическому критерию примерно в 1 % случаев[1].

---

[1] См.: Козлов В.В. Основы экспертной оценки тяжести телесных повреждений. Саратов, 1968. С. 172.

С момента принятия УК РСФСР 1926 года прошло очень много времени, а законодатель по-прежнему при определении признаков вреда, причиненного здоровью человека, использует экономический критерий, утрату трудоспособности, подразделяя ее в зависимости от процентного соотношения на определенные степени повреждений. В связи со сменой социально-экономической, политической формации изменилось отношение к труду в целом. Труд остался лишь средством исправления осужденных. В отношении обычных граждан, не нарушающих уголовный закон, труд не имеет особого юридического значения. Отменена уголовная ответственность за тунеядство, человек в Российской Федерации может прожить всю жизнь, нигде практически не работая или не работая вообще, разъезжая на дорогих автомобилях, живя вне поля правовой деятельности налоговой службы и других государственных органов.

В юридической литературе ученые занимали диаметральные позиции относительно необходимости существования экономического критерия. Одни считали его использование обязательным, необходимым, другие полагали, что такая необходимость отсутствует и при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья следует пользоваться только критерием анатомо-патологическим[1].

В обоснование правильности своих позиций первая группа авторов указывала на то, что трудовая деятельность представляет собой благо, имеющее первостепенное социальное значение, является движителем прогресса и основой существования государственности[2].

Противники использования экономического критерия при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека говорили о том, что данный критерий не пригоден к детям, к людям пожилого возраста, давно

---

[1] См.: Безручко Е.В. Экономический критерий при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Уголовное право. 2012. № 2. С. 9.

[2] См.: Владимирский Н.В. Определение степени тяжести телесных повреждений // Социалистическая законность. 1953. № 10. С. 33.

вышедшим на пенсию, к лицам, являющимся невменяемыми, недееспособными, но которым может быть все же причинен вред их здоровью[1]. Высказывалось мнение о том, что отсутствуют научно обоснованные критерии потери трудоспособности, самого понятия трудоспособности, составляющие которого меняются в связи с развитием экономики и изменениями характеристик данного явления. Говоря о субъективной стороне причинения вреда здоровью, следует отметить, что виновный, причиняя тот или иной вред здоровью потерпевшего, никогда не охватывает своим умыслом и не предвидит утрату общей трудоспособности какой-либо степени. Высказывалось предложение об отказе от использования экономического критерия в связи с тем, что данный признак практически не используется в правоприменительной деятельности[2].

Итак, экономический критерий, характеризуя определенную степень тяжести вреда, причиненного здоровью потерпевшего в результате нанесения ему повреждений, нарушающих его право на безопасность своего здоровья, выступает в качестве квалифицирующего признака тяжести вреда, причиненного здоровью человека с точки зрения влияния этого вреда на трудоспособность потерпевшего.

Мы полагаем, что в основу определения вреда здоровью человека должен быть положен анатомо-патологический критерий. И вот почему. Признак заведомой для виновного полной утраты профессиональной трудоспособности содержит диспозиция статьи 111 УК РФ. При наступлении стойкой утраты общей трудоспособности менее чем на одну треть, в результате чего человек не может выполнять свои профессиональные

---

[1] См.: Федоров М.И. К вопросу об оценке тяжести телесных повреждений // Ученые записки Пермского университета. Пермь, 1957. С. 198.

[2] См.: Даурова Т.Г. Уголовная ответственность за легкие телесные повреждения. Саратов, 1980. С. 22–46.

обязанности, действия лица необходимо квалифицировать по статье 111 УК РФ. Общая трудоспособность при этом может быть сохранена[1].

Уголовно-правовая оценка деяния, в результате совершения которого наступили последствия в виде полной утраты профессиональной трудоспособности, возможна лишь в случаях, когда его субъективная сторона выражена умышленной формой вины в виде прямого умысла, то есть лицо при совершении посягательства на безопасность здоровья человека, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления последствий в виде полной утраты профессиональной трудоспособности, и желает наступления таких последствий. Если такой вид умысла не присутствует при посягательстве на безопасность здоровья человека, нельзя вменять в вину причинение таких последствий в виде заведомо для виновного полной утраты профессиональной трудоспособности и квалифицировать такие деяния в зависимости от наступивших последствий.

В пункте 2 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, указано, что медицинские критерии являются медицинской характеристикой квалифицирующих признаков, которые используются для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, при производстве судебно-медицинской экспертизы в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве на основании определения суда, постановления судьи, лица, производящего дознание, следователя. Об утрате трудоспособности, экономическом критерии в Медицинских критериях вообще не упоминается.

Согласно пункту 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека и пункту 5 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, «под

---

[1] См.: Безручко Е. Экономический критерий при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека // Уголовное право. 2012. № 2. С. 10.

вредом, причиненным здоровью человека, понимается нарушение анатомической целости и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды».

Получается, что само определение вреда здоровью содержит лишь признаки медицинского, анатомо-патологического критерия. В данном определении также ничего не указано о лишении человека трудоспособности в результате наносимых повреждений, т.е. об экономическом критерии.

Если брать за основу позицию, согласно которой экономический критерий является составляющим критерием определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, то данный нормативный акт (Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека) не может называться таковым в виду присутствия не только медицинских (анатомо-патологических) критериев, но и экономического. Если же придерживаться позиции, согласно которой при определении степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, должен присутствовать только анатомо-патологический критерий, то экономический критерий следует исключить вовсе.

Степень утраты трудоспособности состоит в стойкой утрате общей трудоспособности, определяемой в процентах. Согласно пункту 6.11 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, признаком тяжкого вреда здоровью выступает «значительная стойкая утрата общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности)» должна быть свыше 30 %[1]. УК РФ и Правила определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, свидетельствуют о том, что значительная стойкая утрата

[1] См.: Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» (зарегистрировано в Минюсте РФ 13.08.2008 г. № 12118) // Российская газета. 2008. 5 сентября, Российская газета. 2012. 16 марта.

общей трудоспособности должна быть не менее чем на одну треть. Если брать за основу 100 %, то одна треть – это 33,3 %. Полагаем, что данное несоответствие следует разрешить на законодательном уровне.

Однако в том же пункте 6.11 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, уже отмечается, что «к тяжкому вреду здоровья, вызывающему значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть, независимо от исхода и оказания (неоказания) медицинской помощи, относят следующие повреждения…». Такие повреждения являются исчерпывающими, их в пункте 6.11 указано одиннадцать. Вместе с тем, стойкая утрата общей трудоспособности в иных случаях определяется в процентах, кратных пяти, в соответствии с Таблицей процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин, прилагаемой к Медицинским критериям. Отметим, что Приложение к Медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 24 апреля 2008 года № 194 н, именуется как «Таблица процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин». В ней говорится об утрате общей трудоспособности как последствии, наступившем в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин, а не об утрате общей трудоспособности как медицинском критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

Мы не предлагаем полностью отказаться от использования экономического критерия, однако считаем, что нельзя его использовать при квалификации умышленного причинения вреда здоровью человека конкретной степени тяжести, поскольку при таком причинении вреда здоровью умысел виновного никогда не будет направлен на процентное

лишение потерпевшего общей трудоспособности. Более того, в «Таблице процентов стойкой утраты общей трудоспособности в результате различных травм, отравлений и других последствий воздействия внешних причин» для правой стороны человеческого тела такие показатели больше, чем у левой на 5 или 10 %. Возникает вопрос о том, как оценивать причиненный вред здоровью человека, если он левша? Полагаем, что данное несоответствие должно быть устранено.

Согласно пункту 20 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, «стойкая утрата общей трудоспособности заключается в необратимой утрате функций в виде ограничения жизнедеятельности (потеря врожденных и приобретенных способностей человека к самообслуживанию) и трудоспособности человека независимо от его квалификации и профессии (специальности) (потеря врожденных и приобретенных способностей человека к действию, направленному на получение социально значимого результата в виде определенного продукта, изделия или услуги)». Что касается детей, стариков, инвалидов, то вести речь о «потере врожденных и приобретенных способностей человека к действию, направленному на получение социально значимого результата в виде определенного продукта, изделия или услуги» полагаем неприемлемым. Более того, в пункте 21 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека закреплено, что «у детей трудовой прогноз в части возможности в будущем стойкой утраты общей (профессиональной) трудоспособности определяют так же, как у взрослых в соответствии с настоящими Медицинскими критериями». Невозможно прогнозировать в будущем возможную стойкую утрату трудоспособности, тем более профессиональную. А если, повзрослев, ребенок мог бы стать пианистом, а вследствие нанесенных ему повреждений этого не произошло? Тогда на основании данного предположения соответствующие повреждения следует относить к тяжкому вреду здоровью, что представляется неприемлемым.

Ограничение жизнедеятельности, согласно пункту 20 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года, это потеря врожденных и приобретенных способностей человека к самообслуживанию.

Мы полагаем, что признак «стойкой утраты общей трудоспособности» необходимо заменить на такой признак, как «необратимая утрата функций в виде ограничения жизнедеятельности». При этом предлагаем в диспозиции части первой статьи 111 УК РФ слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности свыше 30 %»; в части первой статьи 112 УК РФ – слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности от 10 до 30 %»; в части первой статьи 115 УК РФ – слова «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности, равную 5 %».

Глава 4. Правовая характеристика причинения вреда здоровью человека

4.1. Насилие как объединяющий признак умышленных деяний, причиняющих вред здоровью человека

Насилие, насильственные проявления в настоящее время являются достаточно распространенным явлением. Насилие пронизывает всю преступную деятельность, при этом в юридической литературе, в криминологии выделяют ее отдельный вид – насильственную преступность, которая подвергается особому изучению, выявлению профилактических мер по снижению показателей данного вида преступности. Между тем многообразие толкований криминального насилия во многом обусловлено как отсутствием легального закрепления данной категории в уголовном законодательстве, так и непоследовательностью законодателя при криминализации деяний, сопряженных с насилием[1].

Рассматривают как бытовое насилие, так и насилие на государственном уровне, путем совершения насильственных государственных переворотов. В юридической литературе существуют мночисленные исследования, посвященные изучению того или иного вида насильственных преступлений, однако законодатель до настоящего времени не обратил внимание на существующую проблему правовой оценки насильственных посягательств, связнанных с причинением вреда здоровью человека в контексте определения понятия «насилие».

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит целую систему преступлений, где насилие выступает в качестве конструктивного либо в качестве квалифицированного признака составов преступлений.

---

[1] См.: Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 13.

Мы считаем, что необходимо единообразное понимание насилия, поскольку законодатель довольно часто использует данный термин в диспозициях норм УК РФ. С рассматриваемой нами проблемой правовой оценки посягательств на безопасность здоровья человека проблема определения понятия насилия имеет неразрывную связь, поскольку последствиями совершения насильственных преступлений выступают конкретные виды повреждений, квалифицируемых в зависимости от степени тяжести причиненного вреда здоровью, как конкретные преступления.

Насилие в рамках уголовно-правовой оценки деяний, связанных с посягательствами на безопасность здоровья человека, рассматривается в деяниях, где безопасность здоровья выступает в качестве основного непосредственного объекта преступления, дополнительного непосредственного объекта преступления, а также в качестве факультативного объекта преступления.

В понятие насилия включают как ограничение свободы, так и наступление биологической смерти. Уголовное законодательство содержит массу преступлений, где последствием выступает причинение вреда здоровью человека. Между тем, остается много вопросов правовой оценки деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, где способом совершения преступления выступают насильственные действия. В УК РФ говорится о насилии; насилии, опасном для жизни; насилии, не опасном для жизни или здоровья; насилии опасном для жизни или здоровья; угрозе применения насилия. Такое количество оценочных категорий не влияет положительно на правоприменительную практику. В юридической же литературе выделяют физическое насилие, психическое насилие, которое также оценивается неоднозначно.

В уголовном законодательстве Российской Федерации присутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность за насильственные преступления, за деяния, связанные с применением насилия.

Так, в отдельных нормах УК РФ насилие определяется в зависимости от степени его опасности для жизни и здоровья человека. Некоторые деяния в качестве конструктивного признака состава преступления используют насилие, опасное для жизни или здоровья (часть первая статьи 162 УК РФ), ряд деяний используют насилие, опасное для жизни или здоровья как квалифицирующий признак состава преступления (пункт «в» части второй статьи 126 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 127 УК РФ, часть четвертая статьи 166 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 206 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 211 УК РФ, пункт «б» части третьей статьи 221 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 226 УК РФ, пункт «в» части третьей статьи 229 УК РФ, часть четвертая статьи 296 УК РФ, часть четвертая статьи 309 УК РФ, часть третья статьи 313 УК РФ, часть вторая статьи 318 УК РФ, часть третья статьи 321 УК РФ).

К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относятся побои (статья 116 УК РФ) и все другие насильственные действия, например толчки, захваты, связывание, удержание и т.п. действия, не повлекшие причинение вреда здоровью. Насилие, не опасное для жизни или здоровья в отдельных составах преступлений представлено в качестве квалифицирующего признака (пункт «г» части второй статьи 161 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 166 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 221 УК РФ, пункт «г» части третьей статьи 226 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 229 УК РФ, часть третья статьи 296 УК РФ, часть третья статьи 309 УК РФ, часть первая статьи 318 УК РФ, часть первая статьи 321 УК РФ).

Насильственные проявления многообразны и в уголовном законодательстве отображаются в виде иных признаков:

- «садизм» (пункт «и» части первой статьи 63 УК РФ);
- «садистские методы» (часть первая статьи 245 УК РФ);
- «издевательство» (пункт «и» части первой статьи 63 УК РФ, часть первая статьи 107 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 111 УК РФ,

пункт «в» части второй статьи 112 УК РФ, статья 113 УК РФ, часть вторая статьи 302 УК РФ, часть первая статьи 335 УК РФ);

- «мучения» (пункт «и» части первой статьи 63 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 111 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 112 УК РФ);
- «побои» (статья 116 УК РФ, статья 116^1 УК РФ, статья 117 УК РФ, статья 334 УК РФ);
- «пытка» (пункт «д» части второй статьи 117 УК РФ, часть вторая статьи 302 УК РФ);
- «иное насилие» (часть первая статьи 334 УК РФ);
- «иные насильственные действия» (статья 116 УК РФ, статья 116^1 УК РФ, часть первая статьи 117 УК РФ, часть первая статьи 334 УК РФ, статья 357 УК РФ);
- «насилие» (статья 37 УК РФ, часть первая статьи 107 УК РФ, статья 113 УК РФ, часть первая статьи 120 УК РФ, пункт «е» части второй статьи 127^1 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 127^2 УК РФ, часть первая статьи 131 УК РФ, часть первая статьи 132 УК РФ, часть первая статьи 135 УК РФ, часть вторая статьи 139 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 141 УК РФ, часть вторая статьи 142 УК РФ, часть третья статьи 144 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 148 УК РФ, статья 149 УК РФ, часть третья статьи 150 УК РФ, часть третья статьи 151 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 163 УК РФ, часть третья статьи 170^1 УК РФ, часть третья статьи 178 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 179 УК РФ, пункт «б» части третьей статьи 194 УК РФ, часть вторая статьи 203 УК РФ, часть первая статьи 212 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 226^1 УК РФ, часть первая статьи 227 УК РФ, пункт «в» части четвертой статьи 229^1 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 230 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 230^1 УК РФ, часть первая статьи 239 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 240 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 241 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 244 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 282 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 283^1 УК РФ, пункт «а» части третьей статьи 286 УК РФ, часть вторая статьи

302 УК РФ, часть третья статьи 322 УК РФ, часть вторая статьи 330 УК РФ, часть первая статьи 333 УК РФ, часть первая статьи 335 УК РФ);

- «угроза», «угроза применения насилия» (часть четвертая статьи 33 УК РФ, статья 37 УК РФ, статья 110 УК РФ, статья 119 УК РФ, часть первая статьи 120 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 126 УК РФ, пункт «е» части второй статьи 127^{1} УК РФ, пункт «г» части второй статьи 127^{2} УК РФ, часть первая статьи 131 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 131 УК РФ, часть первая статьи 132 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 132 УК РФ, часть вторая статьи 139 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 141 УК РФ, часть вторая статьи 142 УК РФ, часть третья статьи 144 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 148 УК РФ, статья 149 УК РФ, часть первая статьи 150 УК РФ, часть третья статьи 150 УК РФ, часть третья статьи 151 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 161 УК РФ, часть первая статьи 162 УК РФ, часть первая статьи 163 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 166 УК РФ, часть четвертая статьи 166 УК РФ, часть третья статьи 170^{1} УК РФ, часть третья статьи 178 УК РФ, часть первая статьи 179 УК РФ, часть первая статьи 183 УК РФ, часть вторая статьи 185^{5} УК РФ, часть вторая статьи 203 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 211 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 221 УК РФ, пункт «б» части третьей статьи 221 УК РФ, пункт «г» части третьей статьи 226 УК РФ, пункт «б» части четвертой статьи 226 УК РФ, часть первая статьи 227 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 229 УК РФ, пункт «в» части третьей статьи 229 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 230 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 230^{1} УК РФ, пункт «а» части второй статьи 240 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 241 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 244 УК РФ, часть первая статьи 247 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 282 УК РФ, часть первая статьи 283^{1} УК РФ, пункт «а» части третьей статьи 286 УК РФ, часть первая статьи 296 УК РФ, часть первая статьи 302 УК РФ, часть вторая статьи 309 УК РФ, часть третья статьи 313 УК РФ, часть первая статьи 318 УК РФ, часть первая статьи 321

УК РФ, часть третья статьи 322 УК РФ, часть вторая статьи 330 УК РФ, часть первая статьи 333 УК РФ, часть первая статьи 361 УК РФ);

- «жестокость», «жестокое обращение» (пункт «и» части первой статьи 63 УК РФ, пункт «д» части второй статьи 105 УК РФ, статья 110 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 111 УК РФ, пункт «в» части второй статьи 112 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 131 УК РФ, пункт «б» части второй статьи 132 УК РФ, статья 156 УК РФ, статья 356 УК РФ);
- «принуждение» (статья 40 УК РФ, пункт «е» части первой статьи 61 УК РФ, пункт «к» части первой статьи 63 УК РФ, часть первая статьи 120 УК РФ, пункт «а» части второй статьи 141 УК РФ, часть вторая статьи 142 УК РФ, часть первая статьи 144 УК РФ, часть первая статьи 147 УК РФ, статья 149 УК РФ, часть первая статьи 179 УК РФ, часть первая статьи 184 УК РФ, часть вторая статьи 185^5 УК РФ, часть первая статьи 240 УК РФ, часть первая статьи 283^1 УК РФ, часть первая статьи 302 УК РФ, часть вторая статьи 309 УК РФ, часть первая статьи 333 УК РФ).

Как видим, уголовное законодательство Российской Федерации включает в себя достаточно большое количество преступлений, где различные составляющие понятия насилия выступают в качестве конструктивниых или квалифицирующих признаков составов преступлений. Между тем, отсутствует понятие насилия, позволяющее единообразно применять уголовное законодательство. Уголовно-правовая характеристика преступлений, сопряженных с насилием, посягающих на безопасность здоровья человека, зависит от конкретного определения понятия насилия.

В юридической литературе имеется множество определений термина «насилие», во многом схожих друг с другом. Так, А.В. Наумов считает, что насилием признается любая форма физического воздействия на потерпевшего (лишение свободы, побои, причинение вреда здоровью, лишение жизни) или психического воздействия (угроза физическим

насилием)[1]. Л.Л. Кругликов указывает, что термином «насилие» обозначается по общему правилу способ действия, а потому для целей квалификации его наличие важно, как правило, само по себе, независимо от характера наступивших от него последствий[2]. О. Афанасьева под насилием понимает внешнее, т.е. со стороны другого лица, умышленное, противоправное, общественно опасное воздействие на физическую и (или) психическую природу человека (или группы лиц), способное причинить ему смерть, физический вред, психическую травму и (или) ограничить свободу его волеизъявления[3]. С. Розенко полагает, что насилие в уголовном праве выступает умышленной общественно опасной противоправной деятельностью, направленной на организм и (или) психику человека, осуществляемой против или помимо его воли, направленной на нарушение его личной неприкосновенности и (или) свободы личности[4].

Теория уголовного права подразделяет насилие на физическое и психическое. В уголовном законодательстве не выделяется ни физическое, ни психическое насилие. В нормах УК РФ говорится о различных видах насилия или угрозе его применения.

Отсутствие законодательно определенного термина «насилие» приводит к его неоднозначному восприятию правоприменителем. Причем законодатель под термином «насилие» имеет в виду насилие физическое.

Угроза применения насилия, именуемая насилием психическим, уголовно наказуема в вышеперечисленных нами нормах уголовного законодательства. При отграничении насилия, опасного для жизни или

---

[1] См.: Наумов А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. С. 76.

[2] См.: Кругликов Л. О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 72–75.

[3] См.: Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 15.

[4] См.: Розенко С. Насилие как признак преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» // Уголовное право. 2014. № 5. С. 87–89.

здоровья от насилия, не опасного для жизни или здоровья, используют такие составляющие, как характер, степень тяжести фактически причиненного вреда потерпевшему, а также способ применяемого насилия.

Л.Д. Гаухман определял физическое насилие как общественно опасное противоправное воздействие на внешнюю или внутреннюю сферы организма другого человека против его воли, когда воздействие на внешнюю сферу выражается в причинении смерти, вреда здоровью, физической боли или сопряжено со связыванием, сваливанием, ограничением свободы либо с иными подобными действиями, а на внутреннюю сферу – в даче, введении наркотических средств, психотропных, ядовитых или отравляющих веществ без согласия и ведома потерпевшего лица, что влечет или может повлечь те же последствия[1].

А. Бриллиантов полагает, что для целей уголовного закона к содержанию категории насилия следует относить лишь воздействие на биологическое тело человека, т.е. физическое насилие, выражающееся в различной степени указанного воздействия, начиная, например, от связывания, нанесения удара и до насилия, влекущего смерть человека[2]. Р.Д. Шарапов полагает, что под насилием понимается умышленное неправомерное причинение либо покушение на причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли[3]. Физическое насилие – это преступное посягательство на физическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения физического вреда потерпевшему вопреки его воле[4].

---

[1] См.: Гаухман Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 39.

[2] См.: Бриллиантов А. Насилие и угроза применения насилия при совершении изнасилования // Уголовное право. 2014. № 5. С. 36.

[3] См.: Шарапов Р. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112–124.

[4] См.: Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): Дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 12.

Таким образом, понятия «насилие» и «физическое насилие» в уголовном законодательстве Российской Федерации являются тождественными. Более того, в уголовном законодательстве Российской Федерации установлена единая наказуемость физического и психического насилия, так как насилие и угроза его применения часто закреплены в уголовном законодательстве в качестве альтернативных действий в одной части статьи[1].

Психическое насилие включает в себя угрозу, принуждение, запугивание. Ряд авторов относят гипноз к психическому насилию[2]. Гипноз в последнее время нередко используется в качестве способа совершения преступлений. Так, лидеры тоталитарных объединений и их активные сподвижники для вербовки новых членов и окончательного обращения сектантов весьма широко используют методы криминального гипноза и суггестии, способы которых позаимствованы из различных древних оккультных практик[3]. В состоянии гипноза потерпевший не осознает противоправного характера совершаемых действий, не может руководить ими. Помимо неосознанности для лица, к которому применялась техника гипноза, свойственно и беспомощное состояние, в силу которого потерпевший по разным причинам (все зависит от содержания гипноза) не способен оказать противодействие лицу, совершившему преступление – он может находиться в сознании, но уже не может самостоятельно выйти из

---

[1] См.: Шарапов Р. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112–124.

[2] См.: Тюменев А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологические аспекты): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 11; Гребенкин Ф.Б. Уголовно-правовое значение психического насилия в преступлениях против собственности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8 и др.

[3] См.: Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика психического насилия. Тюмень, 2005. С. 52.

загипнотизированного состояния, совершая какие-либо действия (бездействие)[1].

Однако на практике использование гипноза, даже не опровергаемое в суде, не признается психическим насилием. Так, Выселковским районным судом Краснодарского края рассмотрены материалы уголовного дела в отношении С. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных пунктом «а» части второй статьи 161, пунктами «а», «в» части второй статьи 158 УК РФ.

С. совершила грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, она же совершила кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору с причинением значительного ущерба гражданину.

Преступления совершены при следующих обстоятельствах: С., 16 марта 2006 года около 13 часов 30 минут, вступила в предварительный преступный сговор с неустановленной женщиной цыганской национальности, направленный на хищение денежных средств и золотых изделий. Реализуя преступный умысел, С. совместно с данной женщиной подошли ко двору домовладения, после чего совместно с хозяйкой Б.В.И. прошли к ней в дом. Далее, действуя совместно и согласовано, реализуя преступный сговор, неустановленная женщина цыганской национальности стала рыться в шкафу и перебирать белье под предлогом избавления от порчи, а С. Отвлекала Б.В.И. разговором. После С. напоила потерпевшую из кружки теплой водой, введя ее в гипнотическое состояние. Потерпевшая выпила предложенную цыганками воду, от которой ей в последующем стало плохо, и почувствовала себя под гипнозом. В это время неустановленная женщина цыганской национальности, умышленно, осознавая общественную

[1] См.: Шиян В. Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия // Уголовное право. 2014. № 5. С. 103–105.

опасность противоправного изъятия чужого имущества, предвидя неизбежность причинения в результате этого реального материального ущерба собственнику и желая этого, из корыстных побуждений, противоправно, безвозмездно, совершила открытое хищение чужого имущества в присутствии Б.В.И. В результате С. совместно с неустановленной женщиной цыганской национальности, с похищенным с места происшествия скрылись, получив реальную возможность им распоряжаться, чем полностью реализовали свой преступный умысел на открытое хищение чужого имущества.

Она же, 19 ноября 2008 года примерно около 13 часов, вступила в преступный сговор с неустановленной женщиной цыганской национальности, направленный на хищение денежных средств. Реализуя преступный умысел, совместно с данной женщиной, с разрешения Г.А.Я. прошли в дом, принадлежащий Г.А.Я. Далее, действуя совместно и согласованно, имея умысел на тайное хищение чужого имущества, реализуя преступный сговор, неустановленная женщина стала отвлекать Г.А.Я., и проводить с ней обряды избавления от порчи, введя потерпевшую в гипнотическое состояние.

С. спросила, есть ли у нее деньги, и она под гипнозом, сказала, что есть 500 рублей и деньги сына на машину. Цыганка сказала, что они сгорят, если их не обрызгать святой водой. Она взяла деньги, цыганка их побрызгала, положила их за ее спину, потом якобы отдала деньги ей, и они ушли. После их ухода, пришла в себя и обнаружила, что нет денег в сумме 120000 руб.

С похищенным с места происшествия обе женщины скрылись, получив реальную возможность им распоряжаться, чем полностью реализовали свой преступный умысел на тайное хищение чужого имущества, причинив Г.С.Н. ущерб в сумме 120000 рублей, который является для него значительным[1].

---

[1] Архив Выселковского районного суда Краснодарского края. 2010. Уголовное дело № 1-65/10.

Таким образом, суд, оценив в совокупности все собранные и проверенные в судебном заседании доказательства, никак не оценил использование гипноза при совершении хищений. Даже квалифицировав содеянное в первом случае как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества, суд не принял во внимание наличие психического насилия над потерпевшим, выраженное в виде гипноза, не оценил данное деяние как совершенное с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения такого насилия.

Многие ученые признают психическое насилие в качестве единственной формы – угрозы применения насилия физического.

Угроза – это запугивание, обещание причинить неприятность, зло кому-нибудь[1]. Теория уголовного права содержит различные позиции по вопросу определения угрозы. Так, под угрозой понимают: запугивание[2]; противоправное воздействие, направленное на психику другого лица с целью подавления его сопротивления и подчинения его воли воле виновного путем запугивания применением физической силы[3]; принуждение[4]; психическое воздействие[5]; способ нарушения психической неприкосновенности личности; возможную опасность наступления преступных последствий[6]; угрозу уничтожения или повреждения чужого имущества, угрозу распространения

---

[1] См.: Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983. С. 733.

[2] См.: Гаухман Л.Д. Борьба с насильственными посягательствами. М., 1969. С. 31.

[3] См.: Фаргиев И.А. Некоторые вопросы угрозы убийством или причинением тяжкого вреда // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: Сборник статей. М., 2008. С. 524–528.

[4] См.: Гришко А.Я., Гришко Е.А., Упоров И.В. Уголовное право. Общая часть: Учебное пособие. М., 2001. С. 155.

[5] См.: Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Волгоград, 1981. С. 9.

[6] См.: Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования) / Отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2002. С. 16.

сведений, порочащих, унижающих честь и достоинство[1].

Ю.Е. Пудовочкин выделяет два вида психического насилия. К первому виду он относит насилие, связанное с расстройством здоровья. Ко второму – соответственно насилие, не связанное с психическим расстройством, но призванное изменить поведение потерпевшего[2]. А.И. Рарог считает сомнительным приравнивание угрозы насилием к его реальному применению. Поэтому, считает автор, суды при назначении наказания вынуждены корректировать позицию законодателя, наказывая реальное насилие строже, чем угрозу его применения[3].

Мы полагаем, что угроза является формой психического насилия, а не наоборот, так как психическое насилие представляет собой воздействие на психику лица под угрозой причинения вреда[4]. К таким угрозам могут быть отнесены: угроза применения физического насилия, выраженная в виде угрозы убийством, угрозы причинением вреда здоровью, угрозы лишением свободы, угрозы нанесения побоев, угрозы изнасилования или насильственных действий сексуального характера и т.п.; угрозы уничтожения или повреждения имущества; угрозы распространения позорящих, компрометирующих сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего, а также угрозы, являющиеся конструктивным признаком составов преступлений поставления в

---

[1] См.: Насильственная преступность / Бородин С.В., Кригер Г.Л., Кудрявцев С.В., Лунеев В.В., и др.; Под ред.: Кудрявцев В.Н., Наумов А.В. М.: Спарк, 1997. С. 50–51.

[2] См.: Пудовочкин Ю.Е. Уголовно-правовая борьба с вовлечением несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий: проблемы квалификации и профилактики. Ставрополь, 2000. С. 77.

[3] См.: Рарог А. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5. С. 86.

[4] См.: Безручко Е. Использование термина «насилие» в уголовном законодательстве России // Уголовное право. 2014. № 5. С. 25.

опасность[1].

Угроза применения физического насилия должна быть реальной. Реальность угрозы означает, что она не воображается потерпевшим, а имеет место быть в настоящее время. Подкреплена такая угроза может быть словесными высказываниями, демонстрацией оружия, какими-либо действиями, показывающими серьезность намерения лица, совершающего в данный момент преступное посягательство.

Таким образом, мы пришли к следующему выводу.

Насилие – это умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

В УК РФ к опасному для жизни человека относится умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (часть первая статьи 111 УК РФ). В части первой статьи 112 УК РФ законодатель говорит о том, что умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, не является опасным для жизни человека.

В уголовном законодательстве Российской Федерации содержатся нормы, которыми следует руководствоваться, их применять при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, содержащие различные виды насилия и угрозы его применения. Так, в некоторых нормах присутствует признак «насилие», «угроза его применения», говорится об отсутствии насилия без указания на характеристику его признаков и подразделения насилия на физическое, психическое, опасное для жизни или здоровья или не опасное для жизни или здоровья.

К таким нормам относятся нормы, предусмотренные частью первой статьи 107 УК РФ, статьей 113 УК РФ, частью первой статьи 120 УК РФ, пунктом «е» части второй статьи 127^1 УК РФ, пунктом «г» части второй

---

[1] См.: Безручко Е.В. Угроза применения насилия или психическое насилие: какой термин предпочтительнее? // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 1. С. 40.

статьи 127^2 УК РФ, частью первой статьи 131 УК РФ, частью первой статьи 132 УК РФ, частью первой статьи 135 УК РФ, частью второй статьи 139 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 141 УК РФ, частью второй статьи 142 УК РФ, частью третьей статьи 144 УК РФ, пунктом «б» части четвертой статьи 148 УК РФ, статьей 149 УК РФ, частью третьей статьи 150 УК РФ, частью третьей статьи 151 УК РФ, частью первой, пунктом «в» части второй статьи 163 УК РФ, частью третьей статьи 170^1 УК РФ, частью третьей статьи 178 УК РФ, частью первой, пунктом «б» части второй статьи 179 УК РФ, частью второй статьи 185^5 УК РФ, пунктом «б» части третьей статьи 194 УК РФ, частью второй статьи 203 УК РФ, частью первой, третьей статьи 212 УК РФ, пунктом «б» части второй статьи 226^1 УК РФ, частью первой статьи 227 УК РФ, пунктом «в» части четвертой статьи 229^1 УК РФ, пунктом «г» части второй статьи 230 УК РФ, частью первой статьи 239 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 240 УК РФ, пунктом «б» части второй статьи 241 УК РФ, пунктом «в» части второй статьи 244 УК РФ, пунктом «а» части второй статьи 282 УК РФ, частью первой, пунктом «б» части второй статьи 283^1 УК РФ, пунктом «а» части третьей статьи 286 УК РФ, частью второй статьи 302 УК РФ, частью третьей статьи 322 УК РФ, частью второй статьи 330 УК РФ, частью первой статьи 333 УК РФ, частью первой статьи 334 УК РФ, частью первой статьи 335 УК РФ[1].

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит деяния, содержащие такие признаки, как причинение вреда здоровью человека без указания степени его тяжести (часть третья статьи 137 УК РФ, часть вторая статьи 228^2 УК РФ, часть первая статьи 235 УК РФ, часть вторая статьи 237 УК РФ, статья 246 УК РФ, часть вторая статьи 247 УК РФ, часть первая статьи 248 УК РФ, часть вторая статьи 250 УК РФ, часть вторая статьи 251 УК РФ, часть первая статьи 254 УК РФ), иное причинение вреда здоровью

---

[1] См.: Безручко Е.В. Насилие как объединяющее понятие деяний, причиняющих вред здоровью человека / Е.В. Безручко, Г.Г. Небратенко // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 4. С. 49–51.

(часть первая статьи 239 УК РФ), причинение существенного вреда здоровью человека (часть первая статьи 247 УК РФ и часть вторая статьи 252 УК РФ).

Наличие данных признаков, конкретно не определенных в законе, не может положительно повлиять на качество правоприменительной деятельности.

В юридической литературе неоднозначно оцениваются содержательные признаки насилия в тех или иных нормах. Отсутствуют конкретные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации по данному поводу. В одних случаях понятием насилия, опасного для жизни или здоровья человека охватываются все виды умышленного причинения вреда здоровью человека, в других – только умышленное причинение легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека, а реальное умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека требует квалификации по совокупности со статьей 111 УК РФ.

Да и сами формулировки насилия, опасного для жизни или здоровья и насилия, не опасного для жизни или здоровья вызывают сомнение. Как мы знаем, из позиции самого законодателя, вред здоровью, опасный для жизни человека, указанный в диспозиции части первой статьи 111 УК РФ – это тяжкий вред здоровью. В части первой статьи 112 УК РФ говорится об умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью, не опасного для жизни. Так вот, средней тяжести вред здоровью не является опасным для жизни, а под насилием, опасным для жизни или здоровья Верховный Суд Российской Федерации предлагает понимать реальное причинение в том числе и средней тяжести, и легкого вреда здоровью потерпевшего.

Получается, что нормы, закрепляющие оценочные понятия насилия и его составляющих, по своей конструкции являются отсылочными и при их применении следует руководствоваться положениями статей 111, 112 и 115 УК РФ и Медицинскими критериями.

Полагаем, что законодателю следует отказаться от таких конструктивных или квалифицирующих признаков преступлений,

посягающих на безопасность здоровья человека, как «иное причинение вреда здоровью», «причинение вреда здоровью» без указания степени тяжести, «существенный вред здоровью человека», указывая при описании диспозиции данных деяний на признаки легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека.

4.2. Умышленное причинение вреда здоровью человека: уголовно-правовые признаки и криминологические аспекты

Объективная сторона умышленного причинения вреда здоровью человека

Анализ объективной стороны деяний, связанных с причинением вреда здоровью человека, сопряжен с определенными затруднениями, так как существует множество способов осуществления посягательств на безопасность здоровья человека, которые конкретно в уголовном законодательстве не могут быть прописаны, что создает сложности в правоприменительной деятельности. Объективная сторона преступления представляет собой внешнюю форму проявления преступления, внешнее выражение преступной деятельности, которая происходит в объективной действительности. Объективная сторона преступления нашла свое выражение в диспозициях норм, в том числе и устанавливающих уголовную ответственность за посягательства на безопасность здоровья человека.

Проведенный нами анализ приговоров судов по уголовным делам о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека, показал, что в основном такие деяния совершаются путем активных действий. Причинение вреда здоровью может быть совершено путем нанесения ударов по телу потерпевшего руками, ногами, головой, путем применения различных предметов, используемых в качестве оружия, непосредственно с использованием оружия, с использованием различных веществ химического,

природного происхождения, радиоактивных, отравляющих, нервно-паралитических веществ и т.п.

Общественно опасное деяние подразделяется на действие и бездействие. Полагаем, что совершение посягательства на безопасность здоровья человека возможно путем бездействия. Признаками бездействия являются пассивное поведение, волевое поведение субъекта, обязанность действовать определенным образом, которая вытекает из закона, подзаконного акта, нормативного правового акта, сложившихся каких-либо отношений, специальных правил, служебных или профессиональных обязанностей.

В юридической литературе отмечается, что причинение вреда здоровью человека возможно путем бездействия, однако только тогда, когда виновный обязан был действовать определенным образом по недопущению причинения вреда здоровью потерпевшему, но не совершил предписанных ему действий.

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит специальные нормы, предусматривающие ответственность за несовершение действий по обеспечению безопасности здоровья человека, объективная сторона которых представлена как неоказание помощи больному (статья 124 УК РФ) и оставление в опасности (статья 125 УК РФ). На практике редко дается уголовно-правовая оценка совершению деяний, связанных с причинением вреда здоровью человека, совершенных путем бездействия, только в исключительных случаях, имеющих общественный резонанс.

По материалам изученных нами приговоров судов по уголовным делам о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека, способы совершения данных деяний отражены в таблице № 1:

Таблица № 1. Способы посягательств на безопасность здоровья человека (в %)

Нанесение ударов руками, ногами, головой	35,3
Применение оружия: огнестрельного холодного	10,4 12,3
Применение предметов, используемых в качестве оружия	40,8
Применение химических, биологических, отравляющих веществ	1,1
Применение психического воздействия	0,1

Достаточно большое количество посягательств на безопасность здоровья человека совершалось с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Так, огнестрельное оружие применялось в 10,4 % случаев нанесения повреждений, посягающих на безопасность здоровья человека. Из этого числа случаев автомат использовался в 1,2 %; ружье – 3,4 %; обрез – 1,1 %; пистолет – в 4,7 % случаев.

Посягательства на безопасность здоровья человека в 12,3 % случаев связаны с использованием холодного оружия, среди которого ножи, признанные экспертами холодным оружием – 10,2 %; охотничьи ножи – 2,1 %.

Чаще всего в случаях совершения посягательств на безопасность здоровья человека использовались предметы хозяйственного и бытового назначения, применяемые для нанесения повреждений. Такие деяния были совершены в 38,5 % случаев. Здесь использовались ножи столовые – 23,1 %; топор – 4,8 %; молоток – 7,5 %; лопата – 2,5 %; вилка – 0,6 %.

Получается, что посягательства на безопасность здоровья человека были сопряжены с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия в 63,5 % случаев, из них огнестрельное и холодное оружие применялось в 22,7 % случаев. В основном таким способом умышленно причинялся тяжкий вред здоровью человека, а также вред здоровью средней тяжести. Что касается нанесения повреждений организму потерпевшего с использованием механического воздействия виновным, то есть при помощи

рук, ног, зубов, головой, то данные деяния встречались в 15,8 % рассмотренных нами приговоров судов по уголовным делам в связи с совершением посягательств на безопасность здоровья человека.

Умышленное причинение вреда здоровью потерпевшего возможно также и в результате психического воздействия, например, в случаях, когда виновный достаточно определенно знает о наличии у потерпевшего тяжелого сердечного заболевания и умышленно воздействует на него либо угрозами, способными привести к наступлению желаемых для виновного негативных последствий в отношении потерпевшего, либо путем сообщения потерпевшему правдивых или ложных, но заведомо отрицательно воспринимаемых сведений, порочащих честь, достоинство потерпевшего или его близких, подрывающих его репутацию, способных изменить состояние здоровья потерпевшего в худшую сторону, вызвать обострение имеющейся тяжелой болезни, а порой и привести к наступлению смерти.

Посягательства на безопасность здоровья человека могут быть совершены при помощи каких-либо орудий и средств совершения преступления, различными действиями, разными способами, с применением оружия или предметов, используемых в качестве такового.

Применяемые в рассматриваемых случаях орудия, средства совершения преступления важны для уголовно-правовой оценки деяния в плане квалификации рассматриваемых преступлений и при назначении справедливого наказания. В связи с тем, что общественная опасность нанесения ударов руками и ногами, безусловно, будет отличаться от общественной опасности причинения повреждений с использованием колюще-режущих предметов, то это должно в полной мере отразиться на определении меры уголовно-правового воздействия в отношении лица, посягающего на безопасность здоровья человека. Очевидно, что более высокой степенью общественной опасности обладают деяния, посягающие на безопасность здоровья человека, сопряженные с применением оружия,

предметов, используемых в качестве оружия, различных орудий и средств совершения преступления.

В последние годы участились случаи посягательств на безопасность здоровья человека, сопряженные с применением различных видов травматического оружия. Причем такие посягательства совершаются в основном в ссоре, драке, но могут быть совершены и из хулиганских побуждений.

В материальных составах, к коим безусловно относятся и посягательства на безопасность здоровья человека, так как для признания данных преступлений оконченными требуется наступление указанных в законе последствий, одним из обязательных признаков деяния выступает причинно-следственная связь между совершением общественно опасного деяния (действия или бездействия) и наступлением общественно опасных последствий.

Так, К. причинил Ф. средней тяжести вред здоровью, выразившийся в нанесении ножевой раны в область кисти правой руки. Однако в результате попадания инфекции в рану кисть руки была ампутирована. Поскольку прямая причинная связь между ранением и ампутацией отсутствовала, К. был осужден по статье 112 УК РФ, а не по статье 111 УК РФ[1].

Поэтому для правовой оценки посягательств на безопасность здоровья человека необходимо выяснение всех обстоятельств, при которых наносились повреждения, а также наличие прямой причинно-следственной связи, повлекшей наступление указанных в законе последствий. Прямая причинно-следственная связь обусловлена совершением деяния и наступлением последствий его совершения без иных вмешательств, вольных или невольных, со стороны третьих лиц или под воздействием определенных обстоятельств, без которых данное последствие объективно не наступило бы и не имело место.

Так, например, по мотиву ревности с целью обезображивания лица

[1] См.: Архив Советского районного суда г. Ростова-на-Дону. 2008.

своей сожительницы, Е. облил ее лицо кислотой. Потерпевшей был причинен тяжкий вред здоровью, обусловленный наличием признака неизгладимого обезображивания лица. Полагаем, что в данном случае наличие прямой причинно-следственной связи обусловлено отсутствием существования каких-либо иных событий, приведших в причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшей, и Е. был обоснованно осужден по части первой статьи 111 УК РФ[1].

Наличие дополнительных негативных последствий, наступивших в результате совершения преступления, может быть сопряжено с поведением самого потерпевшего после нанесения повреждений, в связи с наличием каких-либо болезней, обусловивших наступление общественно опасных последствий, особенностей организма потерпевшего и т.п.

В юридической литературе описаны случаи, которые находят в течение длительного времени отражение в судебной практике, когда возникают затруднения при установлении причинно-следственной связи между деянием (действием или бездействием) и наступившими общественно опасными последствиями. При этом наличие причинно-следственной связи может быть обусловлено дополнительными действиями потерпевшего, третьих лиц, иных факторов, например, природных и т.п.[2]

В современной уголовно-правовой науке теория причинной связи разработана недостаточно объемно, отсутствует единство во мнениях по многим принципиальным вопросам правовой оценки деяний, в том числе касающихся квалификации преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека. Одна группа ученых полагает, что при правовой оценке деяний должна приниматься во внимание только прямая причинно-следственная связь[3], другие авторы полагают, что присоединившаяся

---

[1] См.: Архив Пролетарского районного суда г. Ростова-на-Дону. 2010.
[2] См.: Малинин В.Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 264.
[3] См.: Шаргородский М.Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 106–142; Ковалев М.И., Васьков П.Г. Причинная связь в уголовном праве. М., 1958. С. 36; Пионтковский А.А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 212–

случайная причинно-следственная связь в некоторых особых случаях также должна иметь правовую оценку и приниматься во внимание при квалификации преступлений[1].

Мы полагаем, что следует обсуждать вопрос не о наличии или отсутствии случайной причинно-следственной связи и приоритетном присутствии причинно-следственной связи прямой, а об осознании виновным, совершившем то или иное посягательство, процесса ее развития и наступления общественно опасных последствий в результате своего деяния. Считаем, что в обоих рассматриваемых нами случаях необходимо досконально изучать субъективную сторону совершаемого деяния, то есть психическое отношение виновного к преступлению и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности.

Таким образом, полагаем, что при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, следует выявлять как прямую причинно-следственную связь, так и случайную причинно-следственную связь, если ее наличие охватывалось умыслом лица, совершившего преступление. Что касается неосторожных деяний, то полагаем, что привлечение лица к уголовной ответственности возможно только при наличии прямой причинно-следственной связи между преступлением и наступившими общественно опасными последствиями.

Характеристика субъективных признаков умышленного причинения вреда здоровью человека

Субъективная сторона преступления представляет собой внутреннюю характеристику преступления, психическое отношение виновного к содеянному и его последствиям, выраженное в форме умысла или неосторожности.

240; Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. М., 1977. С. 35–36.

[1] См.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 129–152; Кудрявцев В.Н. К вопросу о причинной связи в уголовном праве // Советское государство и право. 1965. № 1.

В качестве обязательного признака субъективной стороны состава преступления выступает вина. Напомним, что виновность лица является обязательным признаком преступления. Поэтому при правовой оценке рассматриваемых посягательств на безопасность здоровья человека особое внимание следует уделять всем признакам субъективной стороны преступления, как обязательным, так и факультативным.

В качестве серьезного недостатка судебной практики следует отметить то, что, оценивая только лишь тяжесть нанесенных повреждений, правоприменителем недостаточно внимания уделяется установлению вида умысла, выявлению мотива преступления, определению цели преступного деяния. Довольно большое количество просчетов при правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, связано с ошибочным установлением их субъективной стороны.

Мы считаем, что рассматриваемые преступления в основном совершаются с косвенным умыслом. Реже встречается умысел альтернативный, когда виновный при совершении посягательства на безопасность здоровья человека, предвидит различные последствия совершения своего деяния. Весьма редко умысел бывает конкретизированным. Действительно, нанося удары потерпевшему, виновный заранее не может и не способен предвидеть характер причиненных повреждений, которые впоследствии выражаются в экспертной оценке в качестве определенного вида повреждения.

Следует отметить, что правоприменителем очень редко выявляется конкретный вид умысла (прямой или косвенный) при правовой оценке рассматриваемых посягательств в связи с тем, что он не влияет на квалификацию таких оконченных деяний.

В результате проведенного нами изучения приговоров судов по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 111 УК РФ, выявлено, что с прямым умыслом совершается 22 % от общего количества исследованного массива деяний; с косвенным умыслом – 78 %.

Напомним, что в теории уголовного права, кроме прямого и косвенного умысла, выделяют такие виды умысла, как заранее обдуманный умысел, внезапно возникший умысел, конкретизированный (определенный) умысел, неконкретизированный (неопределенный) умысел, альтернативный умысел, аффектированный умысел.

Так, Хабаровским районным судом Хабаровского края рассмотрено уголовное дело в отношении З., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 111, частью первой статьи 166 УК РФ. З. находился совместно с И. по месту жительства последнего, где между ними произошла ссора, в результате которой у З. по отношению к И. возникли личные неприязненные отношения. В результате внезапно возникшего умысла, З., безразлично относясь последствиям, то есть, действуя с косвенным умыслом, не имея умысла на лишение жизни последнего, умышленно, из личных неприязненных отношений, нанес И. рукой, сжатой в кулак, один удар по лицу и не менее трех ударов по телу в область ребер с левой стороны, от чего последний упал. После чего З., продолжая свои преступные действия, направленные на причинение И. вреда здоровью, не исключая тяжкого, умышленно, из личных неприязненных отношений, нанес последнему не менее десяти ударов ногами по телу, причинив И. закрытую травму грудной клетки: перелом 10, 11 ребер слева с повреждением легкого, кровоподтеки и ссадины головы, лица; ушиб поясничной области, ушиб седалищного нерва справа, ушибы мягких тканей нижних конечностей, которые могли образоваться в результате неоднократных ударных воздействий тупым твердым предметом (предметами)[1]. Таким образом, в данном случае суд вполне справедливо определил наличие совокупности внезапно возникшего умысла и косвенного умысла.

---

[1] Архив Хабаровского районного суда Хабаровского края за 2015 год. Уголовное дело № 1-346/2015.

При посягательствах на безопасность здоровья человека, где последствием выступают признаки средней тяжести вреда здоровью, а также легкого вреда здоровью человека, субъективная сторона представлена умышленной формой вины в виде косвенного умысла, то есть лицо, осознавая общественно опасный характер наносимых повреждений, предвидя лишь возможность наступления общественно опасных последствий, не желает причинения конкретного вида вреда здоровью человека (легкого или средней тяжести), но сознательно допускает расстройство здоровья неопределенной продолжительности, либо относится безразлично к причинению какого-либо конкретного вреда здоровью человека.

Например, виновный бросает в потерпевшего какой-либо тяжелый предмет, которым заведомо возможно причинение любого вида вреда здоровью человека. Уголовная ответственность наступает в данном случае за фактически наступившие последствия, так как неконкретизированным умыслом виновного, его осознанием охватывались различные последствия возможного причиненного повреждения. Так, Кызылским городским судом Республики Тыва рассмотрено следующее уголовное дело. В помещении кухни кафе, между Д., которая сидела за столом и резала ножом продукты, и М., которая стояла возле стола, произошла ссора из-за того, что М. добавляет много майонеза в заготовку для маринования окорочков, на что Д. сделала ей замечание. В ходе ссоры они стали выражаться в адрес друг друга нецензурной бранью, и тогда Д., на почве личных неприязненных отношений, вызванных тем, что М. не слушается и выражается в ее адрес нецензурной бранью, умышленно, с целью причинения вреда здоровью, кухонным ножом, которым она резала продукты за столом, нанесла удар в живот М. В результате своих преступных действий Д. причинила М., согласно заключению эксперта телесное повреждение, которое является тяжким вредом здоровью по признаку опасности для жизни. Подсудимая Д. в судебном заседании виновной себя не признала, и пояснила, что она причинила вред здоровью М. по неосторожности. Однако оценивая

исследованные в суде доказательства, суд пришел к выводу, что виновность подсудимой Д. полностью доказана. Доводы стороны защиты о необходимости переквалификации действий подсудимой Д. на часть первую статьи 118 УК РФ суд справедливо признал необоснованными. Колото-резанное ранение живота потерпевшей М. было причинено подсудимой Д. от воздействия ножа, который находился в руке Д., что свидетельствует об умышленном характере ее действий. При этом с учетом фактических обстоятельств преступления, показаний как потерпевшей М., так и самой подсудимой Д. о том, что они не поняли первоначально, что нож проник в живот потерпевшей и причинил ранение, указанные обстоятельства свидетельствуют о косвенном умысле подсудимой Д., которая в ходе ссоры, умышленно направляла руку с ножом в сторону потерпевшей М. Суд справедливо квалифицировал действия подсудимой Д. по наступившим фактическим последствиям, которые подпадают под признаки состава преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ[1].

Однако в правоприменительной деятельности встречаются диаметрально противоположные случаи квалификации посягательств на безопасность здоровья человека. Так, Ц., осужденный по части первой статьи 111 УК РФ, признан виновным в причинении Э. тяжкого вреда здоровью при следующих обстоятельствах. Ц. подошел к Э., ночью, сидящему на улице возле многоэтажного дома и играющему громко на гитаре. Потерпевший находился в нетрезвом состоянии, выкрикивал громко слова исполняемых им песен, используя нецензурную брань, чем существенно нарушал общественный порядок. Ц. предложил Э. идти домой, спать, на что потерпевший грубо выразился в ответ Ц. ненормативной лексикой. Тогда Ц. ударил Э. ногой в живот, а затем один раз рукой в лицо. Э., находившийся в состоянии алкогольного опьянения, упал, ударившись при падении головой об асфальт, в результате был причинен тяжкий вред здоровью.

---

[1] Архив Кызылского городского суда Республики Тыва за 2012 год. Уголовное дело № 1-918/2012.

В итоге действия Ц. вышестоящей судебной инстанцией были переквалифицированы на ч. 1 ст. 118 УК РФ, так как Ц., нанося Э. удар кулаком в лицо, не имел намерения причинить ему тяжкий вред здоровью, наступление данных последствий не охватывалось его умыслом, нанесенный удар сам по себе никаких последствий для Э. не повлек. Однако Ц. мог и должен был предвидеть возможность падения Э. от нанесенного удара и возможность причинения тяжкого вреда здоровью[1].

Определенную сложность в правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, представляет совершение преступлений, в которых лицо намеревалось причинить более тяжкие последствия, однако фактически причиненный вред здоровью человека оказался меньшим. Если лицо действовало с косвенным умыслом, причиняя соответствующие повреждения, то в случае доказанности его желания причинить больший вред здоровью человека деяние должно квалифицироваться как покушение на соответствующее более тяжкое преступление, которое возможно причинить лишь с прямым умыслом. Получается несоответствие признаков покушения и понятия преступления, совершенного с косвенным умыслом.

Однако мы полагаем, что при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека в обязательном порядке следует выявлять направленность умысла виновного и в случаях, когда умысел виновного был направлен на причинение более тяжких последствий, деяние следует оценивать как покушение на более тяжкое преступление, причиняющее вред здоровью более высокой степени тяжести.

В юридической литературе преступления, совершаемые с двумя формами вины (статья 27 УК РФ) именуются двойной формой вины, смешанной формой вины, сложной формой вины, раздвоенной формой вины и т.п.

При посягательствах на безопасность здоровья человека, связанных с причинением вреда здоровью, отягощенных наступлением смерти по

[1] См.: Архив Ростовского областного суда. 2013.

неосторожности, две формы вины по отношению к совершению деяния и наступившим последствиям обусловлены наличием следующих комбинаций:

- прямой умысел – легкомыслие;
- прямой умысел – небрежность;
- косвенный умысел – легкомыслие;
- косвенный умысел – небрежность.

Полагаем, что тяжкий вред здоровью человека при совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ, может быть причинен как с прямым, так и с косвенным умылом.

Так, Мелеузовским районным судом Республики Башкортостан рассмотрено уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ. К. совершил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть Ч., при следующих обстоятельствах. Находясь в помещении кухни в ходе ссоры, возникшей на почве личных неприязненных отношений между К. и Ч., находившимися в состоянии алкогольного опьянения, К., действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью Ч., со значительной силой нанес потерпевшему не менее 9 ударов руками и ногами в область жизненно важных частей тела и головы потерпевшего. При этом К. осознавал, что в результате его совокупных противоправных действий Ч. может быть причинен тяжкий вред здоровью, однако желая этого, не проявил должной внимательности и предусмотрительности в наступлении общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего, хотя должен был и мог предвидеть последствия своих действий, проявив, таким образом, неосторожность в форме небрежности. В результате своих противоправных действий К. причинил Ч. телесные повреждения, которые расцениваются как повреждения, причинившие тяжкий вред здоровью человека.

В судебном заседании подсудимый К. вину в инкриминируемом ему преступлении признал частично. Пояснил, что признает причинение Ч.

телесных повреждений, от которых тот умер. Однако он не согласен с квалификацией преступления, поскольку его действия не имели умысла на причинение тяжкого вреда здоровью, он не предполагал, что от его ударов наступят такие последствия. Суд справедливо не согласился с доводами подсудимого и его защиты о том, что в действиях К. нет умысла на умышленное причинение потерпевшему тяжкого вреда здоровью, поскольку отсутствуют неприязненные отношения между подсудимым и потерпевшим. Доводы подсудимого о том, что он не желал смерти Ч., не противоречат правилам квалификации действий по части четвертой статьи 111 УК РФ, согласно которым субъективную сторону названного состава образует прямой, либо косвенный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожность по отношению к смерти[1].

В правоприменительной деятельности встречаются случаи правовой оценки умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, как убийства. При квалификации таких деяний недостаточно полно подвергалась исследованию именно субъективная сторона преступления и учитывались только лишь наступившие последствия в виде смерти потерпевшего, особенно, если разрыв между причинением повреждений и наступлением смерти потерпевшего небольшой, либо он отсутствует вовсе.

Так, например, К. был осужден судом Советского района г. Ростова-на-Дону за убийство Л. по пункту «д» части второй статьи 105 УК РФ при следующих обстоятельствах. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, К. нанес Л. плашмя ножом более 70 ссадин и 100 кровоподтеков, причинив легкий вред здоровью. Видя, что она жива, он ушел из квартиры. Вернувшись утром, К. увидел, что потерпевшая мертва. В обоснование своей позиции, К. утверждал, что не использовал нож непосредственно как орудие убийства, хотя мог это сделать беспрепятственно. Ростовский областной суд

[1] Архив Мелеузовского районного суда Республики Башкортостан за 2016 год. Уголовное дело № 1-85/2016.

переквалифицировал содеянное К. с пункта «д» части второй статьи 105 на часть четвертую статьи 111 УК РФ[1].

Однако в правоприменительной деятельности встречаются случаи диаметрально противоположного характера, когда деяние оценивается как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, но преступление следовало квалифицировать как убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку.

Так, П. был осужден по части четвертой статьи 111 УК РФ за то, что в результате совместного распития спиртных напитков, на почве личных неприязненных отношений, нанес М. пять ударов молотком по голове, вылил на ноги жидкость для снятия лака, зажег спичку и бросил на потерпевшую, чем причинил опасные для жизни повреждения, выразившиеся в виде ожогов 65 % организма потерпевшей. В результате данных повреждений потерпевшая скончалась через 12 дней. Приговор суда первой инстанции был отменен Воронежским областным судом. Указывалось, что П. пять раз ударил потерпевшую молотком по голове, вылил на ноги жидкость для снятия лака, зажег спичку и бросил на потерпевшую. Данные обстоятельства свидетельствуют о наличии у П. прямого умысла на причинение смерти другому человеку[2].

Учитывая субъективную сторону преступления в судебной деятельности при правовой оценке преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, возникают вопросы отграничения преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ от статьи 109 УК РФ, то есть умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, от причинения смерти по неосторожности.

---

[1] См.: Архив Ростовского областного суда. 2012.
[2] См.: Архив Воронежского областного суда. 2013.

Так, Судебной коллегией по уголовным делам Амурского областного суда рассмотрена кассационная жалоба осужденного Д. на приговор Свободненского городского суда Амурской области от 9 февраля 2012 года, которым Д. осужден по части четвертой статьи 111 УК РФ. Осужденный Д. и его защитник просили приговор изменить, переквалифицировать действия Д. на часть первую статьи 109 УК РФ. Д. в кассационной жалобе и дополнении к ней выражает несогласие с приговором суда, указывая на то, что у него не было умысла на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, удары он наносил рукой в лицо, но не в жизненно важные органы и в связи с тем, что был зол на потерпевшего из-за кражи мопеда, намеревался только напугать его, чтобы тот вернул мопед; считает, что его действия следует переквалифицировать с части четвертой статьи 111 УК РФ на часть первую статьи 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности; суд не учел, что телесные повреждения потерпевший мог получить до того, как он нанес ему удары; ссылается на показания свидетеля С. о том, что у потерпевшего было опухшее лицо, свидетеля М. о том, что у потерпевшего были синяки под глазами и разбита губа; выражает несогласие с показаниями свидетеля С. о том, что он (Д.) бил Л. ногами; показания С. противоречат показаниям другого свидетеля, который подтвердил его (Д.) показания о том, что удары наносились только рукой.

Юридическая оценка действиям Д. по части четвертой статьи 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, судом дана правильная, в соответствии с фактическими обстоятельствами содеянного. Оснований для квалификации действий Д. по статье 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности не имеется. Как правильно установлено судом, Д., нанося со значительной силой удары рукой, сжатой в кулак (не менее трех) в жизненно важный орган – голову Л., осознавал общественную опасность своих действий, предвидел возможность наступления общественно опасных последствий в виде причинения тяжкого

вреда здоровью Л., и желал этого, то есть действовал с прямым умыслом, направленным на причинение тяжкого вреда его здоровью. При этом Д. не предвидел наступление общественно опасных последствий в виде смерти, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть это. При таких обстоятельствах суд пришел к обоснованному выводу о квалификации действий Д. по части четвертой статьи 111 УК РФ[1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что при совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности. Однако, данное разъяснение высшей судебной инстанции страны не в полном объеме устраняет проблемы правоприменительной практики при юридической оценке содеянного в анализируемых случаях.

При правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, оценивая субъективную сторону рассматриваемых деяний, правоприменителю следует особое внимание уделить таким факультативным признакам субъективной стороны преступления, как мотив преступления, цель преступления, эмоциональное состояние виновного на момент совершения преступного деяния.

При квалификации деяний, связанных с посягательствами на безопасность здоровья человека, важным является определение мотива преступления, что нередко бывает очень сложно в силу объективных и субъективных причин, однако более полная проверка информации о преступлении позволит правоприменителю правильно принять решение и

[1] Архив Амурского областного суда за 2012 год. Уголовное дело № 22 – 652/2012.

установить мотив преступления, что повлияет на квалификацию преступного деяния[1].

Важнейшей проблемой в науке уголовного права является проблема мотивации преступного поведения, которая наряду с правовыми имеет также и очень важные психологические аспекты, без рассмотрения и учета которых в настоящее время невозможно эффективно вести борьбу с преступностью на современном этапе развития нашего общества, разрабатывать и осуществлять профилактические мероприятия в этой области. Тем более, что в настоящее время устойчиво проявляет себя процесс криминализации в различных сферах общественных, межличностных отношений.

Однако, как показывает уровень многих публикаций, вопросы, относящиеся к природе мотива, мотивации преступной деятельности, особенно их психологические аспекты все еще остаются недостаточно разработанными в правовой науке и прежде всего в теории уголовного права. Одной из причин этого является тот факт, что многие авторы, посвящающие свои работы данной проблематике, подходят к ней в основном со стороны уголовного права, недооценивая психологический фактор, роль психологии в этом. Таким образом, чтобы всесторонне исследовать вопросы, относящиеся к мотивации преступной деятельности, необходимо видеть междисциплинарный, психолого-правовой характер всех этих вопросов, относящихся к противоправному поведению человека.

Производным от мотива является понятие мотивации, содержанием которой является совокупность факторов, детерминирующих поведение, в которую входят потребности, влечения, жизненные планы, проблемные ситуации, интересы, возможности и ценностные ориентации.

Роль мотива при квалификации преступления, безусловно, велика. Подтверждением этому служат многочисленные Постановления Верховного

---

[1] См.: Холопова Е.Н., Иванов А.М. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды // Российский следователь. 2011. № 13. С. 16–18.

Суда, где разъясняются и конкретизируются некоторые положения норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

Мотивы играют большую роль при квалификации преступления и индивидуализации уголовной ответственности. Материалы судебной практики свидетельствуют о том, что мотивы трактуются судом зачастую по-разному. Более того, даже Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации в своем большинстве не всегда конкретизируют понимание этих мотивов, что нередко приводит к затягиванию судебного процесса, проведению неоднократных судебных разбирательств в разных инстанциях.

Значение мотивов при индивидуализации уголовной ответственности также имеет огромное значение. Изучение личности преступника сводится к характеристике, данной с места его работы или участковым уполномоченным полиции, если лицо относится к категории «безработный». Этого зачастую достаточно для прокурора и судьи. Представляется, что правильным было бы дополнять такие характеристики биографией обвиняемого, показаниями родственников и знакомых, данными о ближайшем его окружении, семье, его поведении на следствии, в судебном заседании.

Проблема личности преступника должна быть предметно и обстоятельно разработана в теории уголовного права. Для этого необходимо проводить обучение и повышение квалификаций судей в области уголовного права, криминологии, юридической психологии, педагогики (в судебных процессах, где обвиняемые – несовершеннолетние граждане Российской Федерации) и других смежных науках.

Однако для решения обозначенных проблем фундаментальное значение имеет детальное изучение мотива и мотивации преступного поведения, выработка единого понятийного аппарата и общепринятого подхода к сущности процесса мотивации преступления. Только фундаментальные многосторонние теоретические разработки, исследующие

проблему мотива и мотивации преступного поведения, можно учитывать при совершенствовании норм уголовного законодательства.

Мотивам преступления уделяется недостаточно внимания, хотя выяснение мотивов преступного деяния является обязательным при расследовании конкретного уголовного дела в связи с тем, что данные обстоятельства могут повлиять на квалификацию преступного посягательства и на назначение наказания, являются предметом доказывания.

В ходе изучения приговоров судов по преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, где потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, мы выявили следующие мотивы преступного посягательства:

- бытовые конфликты – 44,4 %;
- хулиганские побуждения – 17,7 %;
- месть – 14,6 %;
- ревность – 11,3 %;
- корысть – 8,5 %;
- другие мотивы – 3,5 %.

Мотивы причинения средней тяжести вреда здоровью человека:

- бытовые конфликты – 44,1 %;
- месть – 17,5 %;
- хулиганские побуждения – 16,7 %;
- ревность – 9,8 %;
- корысть – 9,6 %;
- другие мотивы – 2,3 %.

Мотивы причинения легкого вреда здоровью человека:

- бытовые конфликты – 48,1 %;
- хулиганские побуждения – 34,3 %;
- корысть – 7,9 %;
- месть – 4,8 %;
- ревность – 3,7 %;

- другие мотивы – 1,2 %.

В процессе судебного разбирательства в отношении посягательств на безопасность здоровья человека судами в целом исследуются мотивы преступного деяния, что определяет и уголовно-правовую оценку деяния.

Противодействие насильственным преступлениям, совершенным по хулиганским мотивам, является важным направлением уголовной политики Российской Федерации.

Общество как специфическая организация людей, рождается из взаимного общения людей друг с другом по поводу совместного производства, потребления благ и стремления к порядку[1]. Общественные отношения предметную форму выражения получают в реальных и идеальных продуктах общественной деятельности. Реальные результаты общественной деятельности позитивно представлены общественными благами. Они выступают в качестве носителей разнообразных общественных отношений: собственности, обычаев, морали, нравственности. С этой точки зрения мораль, являющая собой «наставления», назидания, касающиеся правильного поведения» и нравственность – ее продолжение, воплощение в реальном поведении, практическом действии, поступке индивида[2], представляются величайшей общественной ценностью.

В совокупности своей указанные продукты – основное содержание бытия любого общества, его материальные, духовные, социальные и культурные ценности[3]. Правовое государство, как продукт общества, стремится к такой его организации, чтобы эти ценности наиболее

---

[1] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 121.
[2] См.: Иванов В.Г. Этика. СПб., 2006. С. 8–9.
[3] См.: Головных Г.Я. Общественно-исторические системы ценностей (методологический аспект): Дис. … докт. филос. наук. Смоленск. 1992. С. 76.

эффективно защищались правом – основным средством осуществления государственной власти[1].

Ценность с точки зрения качества характеризует полезную деятельность, но под углом зрения исследуемой проблемы – со стороны ее социальной целостности, ее необходимости для поддержания и развития общественной жизни людей. А оно, в свою очередь имеет как социальные, так и личностные (психологические, физиологические) корни.

Хулиганские действия, ставшие известными неопределенно широкому кругу людей, весьма негативно влияют на формирование их опыта и в целом иммунитета к преступным деяниям. В итоге в сознании формирующейся или уже сформировавшейся личности, в результате столкновения с этим деянием, могут содержаться такие дефекты[2], как несогласие с рядом норм; или пренебрежение рядом норм.

Формальным, («несубстанциональным»[3]) признаком преступления, как правовой категории, является противоправность, под которой в теории права понимают нарушение правового запрета во всех его формах, а также неисполнение обязанностей, прямо возложенных на субъект права. Противоправность обычно связана с запрещением посягательства со стороны государства. Отсюда можно сделать вывод: то, что государством не запрещено, не может считаться противоправным. Этот тезис применительно к рассматриваемой теме требует ответа на вопрос: какие именно деяния, относимые к хулиганским действиям, в настоящее время запрещены законом и достаточно ли полно?

Для комплексного рассмотрения вопросов противоправности хулиганских проявлений необходимо затронуть и «вторую часть»

---

[1] См.: Бобылев А.И. Некоторые проблемы формирования правового и социального государства // Теория права и государства (теория и практика). № 1. 2006. С. 5–9.

[2] См.: Кудрявцев Ю.В., Нерсесянц В.С. Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984. С. 90–98.

[3] См.: Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976. С. 38.

государственного принуждения, применяемого к нарушителям обозначенных выше общественных отношений – административно-деликтную, ибо любая декриминализация преступления, если она не обусловлена полным исчезновением его общественной опасности и, как следствие противоправности, должна отражаться в административно-деликтном законодательстве (имеется в виду «переход» деяния из категории «преступление» в категорию «административное правонарушение», который в современном российском праве является проблемой весьма острой и не вполне разработанной[1]). Неужели за столь короткое время государство ликвидировало опасность нематериального (морального вреда и ущерба психике) неопределенного числа граждан, наблюдавших хулиганские действия?

На данные и другие вопросы можно ответить, лишь изучив обоснованность изменения (криминализации или декриминализации) уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения, на которые посягает преступник. Обоснованность эта, в свою очередь, связана и зависит от государственной уголовной политики борьбы с хулиганскими проявлениями, содержание которой отражает, в том числе, и исходные требования противодействия преступлениям данной категории, основные принципы, направления и перспективы охраны общественных отношений, на которые посягают деяния, совершаемые по хулиганским мотивам.

Правовое пространство, создаваемое государством, ограничивает свободу каждого человека, дает возможность развиваться только одобряемым большинством и государством общественным отношениям. Например, криминализация и декриминализация уголовно-наказуемых деяний (то, что ранее квалифицировалось как спекуляция, теперь рассматривается государством и обществом как предпринимательство).

---

[1] См.: Константинов П.Ю., Соловьева А.К., Стуканов А.П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. 2015. № 3. С. 58–74.

Задача правового государства разработать механизм, который будет уменьшать амплитуду этих противоречий. В науке рассматриваются причины лишь в связи с явлениями, порождающими их, являющимися условиями. Многообразны факторы, которые создают возможность возникновения причины, порождающей следствие[1].

В юридической литературе встречается самая разнообразная классификация детерминаций преступности относительно хулиганства. Одни ученые делят детерминирующие преступность факторы (причины и условия), на внешние и внутренние[2]. На современном этапе развития науки, в частности, так называемой «генной инженерии» в ближайшем будущем, по мнению В.С. Овчинского, возможно будет корректировать генетическую программу человека[3]. Преступниками не рождаются, но некоторые генотипы формируют определенную социальную ориентацию. Трудно с этим спорить, зная о возможности методов клонирования, пересадки и искусственного выращивания органов. Однако, именно социальная среда, воспитание, признается этими учеными первостепенной составляющей причины преступности. Современная криминология не может не учитывать те достижения научной мысли, которые дают возможность развития новых технологий влияния на психику и поведение человека, однако именно внешняя среда, обстановка, обстоятельства, в которых пребывает человек, определяют его социальное поведение. Состояние переходности России к новой общественно-экономической формации видится как детерминанта насильственных преступлений в связи с тем, что этот период обусловлен недостаточно быстрым интегрированием России в мировое сообщество, а как следствие, расслоение общества на богатых и бедных, крушение культурных

---

[1] См.: Криминология и профилактика преступлений. Учеб. пос. / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2012. С. 32.

[2] См.: Старков О.В. Взаимодействие личности преступника и криминогенной ситуации в причинном механизме бытового насильственного преступления // Проблемы криминологии и профилактики правонарушений. М., 1980. С. 31.

[3] См.: Овчинский В.С. Криминология и биотехника // Российское правосудие. 2015. № 1. С. 82–97.

ценностей, падение нравственных устоев общества. Живя в обществе, человек не может не зависеть от окружающего его мира, сложившихся социальных условий[1]. Наиболее «крайние», социально вредные формы девиантного поведения некоторыми учеными рассматриваются в качестве неизбежного физиологического выживания части людей[2]. Переходный период характеризуется возросшей инфляцией, спадами производства, финансово-экономическими кризисами, сокращением финансирования социально-культурной сферы, а это в свою очередь порождает искажение моральных устоев общества, повышенную агрессивность. Экономические преобразования существенно опередили протекающие культурно – психологические процессы, что ставит массу людей в состояние психологического дискомфорта, повышает уровень их тревожности, беззащитности от хулиганских проявлений. Хулиганского насилия опасаются 80 % из 1800 опрошенных граждан[3]. Одним из условий такого опасения общества видится чрезмерная бюрократизированность различных видов деятельности государства, тормозящая проведение в жизнь решений федеральных органов власти; не всегда полное, а порой ошибочное представление субъекта управления – органов государственной власти о реальной картине состояния общества, причиной которого, в свою очередь, является неверный анализ оперативной обстановки, основанный на недостоверности учета фактов, в частности, потребности в криминализации и декриминализации деяния. Обсуждая последнее, В.Н. Кудрявцев, В.А. Эминов замечают, что использующаяся статистика носит ведомственный характер, она подвержена конъюнктурным соображениям, не всегда отражая реальное положение дел. Именно, поэтому, при общей

---

[1] См.: Кислицин Ю.А. Социальная среда: виды и особенности, проблемы противостояния. СПб., 1998. С. 48–58.

[2] См.: Сундиев И.Ю. Криминальные компоненты современной социальной динамики России // Бизнес и политика. 1995. № 9. С. 48.

[3] См.: Солодовников С.А. Хулиганство: социальные свойства и проблемы криминологической обоснованности его норм // Закон и право. 2015. № 3. С. 47.

удовлетворительной раскрываемости преступлений (60 %) люди не чувствуют себя в безопасности[1].

В настоящее время отсутствует система адекватного наказания лиц, совершивших хулиганские действия, что создает противоречие между формально-правовой базой общественных институтов и практикой их применения. Объектом защиты при совершении хулиганских действий должны стать те общественные отношения, которым причиняется непосредственный вред путем угрозы оружием или предметами, используемыми в качестве оружия. Однако законодатель в области борьбы с хулиганскими проявлениями пока первостепенной видит уголовно-правовую защиту общественного порядка, а не конкретного человека, как составляющей этого общества.

Система государственных правоохранительных органов пока недостаточно эффективно работает на предупреждение хулиганских проявлений, поскольку право одного органа реально не порождает обязанности другого, оценка результатов работы этих органов производится без учета предупреждения совершения преступления конкретным лицом, а профилактика преступлений не является одним или хотя бы основным направлением работы конкретного государственного органа.

Формирование личности насильственного преступника, хотя и начинается в детском и юношеском возрасте, такой тип окончательно формируется под воздействием окружающей социальной среды уже у взрослого человека. Место работы, занимаемая должность, уровень образования, успешность семейной жизни и обеспеченность жильем, материальный достаток, степень реализованности, высокая самооценка – вот предпосылки, в случае их негативности, детерминирующие своеобразную готовность к совершению насильственных действий. В литературе отмечается, что чем выше уровень образования, тем меньше вероятность

---

[1] См.: Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Криминология и проблемы декриминализации // Российское правосудие. 2005. № 4. С. 106.

реализации хулиганских мотивов: хулиганы – маргиналы из среды рабочих массовых профессий относительно невысокой квалификации, работающие на промышленных, транспортных предприятиях либо стройках[1]. Глубинными объективно-субъективными причинами этих деяний является отсутствие у граждан отдельного жилья. Необходимость проживать вместе с родственниками вызывает серьезные конфликтные ситуации, вплоть до причинения вреда здоровью. Постоянный конфликт с близкими людьми стирает грань между простым спором и преступлением.

По результатам нашего исследования только 2 человека из 100 мотивом своих хулиганских действий считают «неуважение общественных норм нравственности и морали», остальные 62 % действовали из мести, или на почве внезапно возникшего конфликта, 38 % признают, что действовали на почве выпитого спиртного, причем 31 % приобрели его в позднее время в ночных ларьках. Оценка приведенных данных подтверждает, что истоки хулиганских действий кроются, прежде всего, в глубине социальных и экономических проблем, недостаточной урегулированности законодательства в области профилактики хулиганства, алкоголизма, а также отсутствии общей концепции противодействия насильственным хулиганским проявлениям.

В ходе изучения некоторых личных дел лиц, осужденных за хулиганство, выяснилось, что 85 % осужденных не имели собственного жилья, проживали вместе с другими родственниками. Так, гр. Ш. осужден по части 2 статьи 116 УК РФ, части 1 статьи 161 УК РФ, части 1 статьи 213 УК РФ к 3 годам лишения свободы условно с испытательным сроком на 3 года. Изучение его личности показало, что он поздний ребенок, мать родила его в 40 лет. Отец вскоре после его рождения умер, мать воспитывала его одна, работала швеей. На время совершения преступления Ш. проживал вместе с

---

[1] См.: Максимов С.В., Ревин В.П. Насильственные преступления в сфере семейно-бытовых отношений и проблемы их профилактики. Учебное пособие. М., 1993. С. 25.

матерью, своей сестрой, сыном сестры, а также своей женой и маленькой дочкой в трехкомнатной квартире, принадлежащей матери. Профессии не имел, подрабатывал грузчиком на продовольственном рынке, в автомастерской; ранее Ш. имел судимость за оскорбление сотрудника милиции; дважды лечился в наркодиспансере от алкоголизма и неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка. Круг общения – хулиганы в прошлом. Все правонарушения Ш. совершал в состоянии алкогольного опьянения[1].

Хотелось бы привести типичные примеры ситуативного хулиганства. Так, Ф. осужден по ч. 1 ст. 213 УК к 2 годам лишения свободы с испытательным сроком 2 года. Родители Ф. умерли рано. Женился в 20 лет. По характеру замкнут, не доверчив, друзей не имеет, хороший семьянин. Имеет несколько рабочих специальностей, но в последнее время работал дворником. Хулиганские действия совершил после ссоры с женой по поводу ее измены. Ранее к уголовной или административной ответственности не привлекался[2].

Сложность воздействия на склонного к хулиганству девианта с помощью профилактических мер с целью корректировки поведения взрослого человека состоит в том, что жизненные установки и его характер уже сформировались. Таким образом, истоки формирования личности такого преступника, на наш взгляд, следует искать не только в семейных отношениях, но и в концептуальном подходе государства к проблеме защиты семьи, улучшения материального благосостояния населения, воспитанию подрастающего поколения.

Мотивация совершения насильственных хулиганских действий также связана с поведением потерпевшего. Пожалуй, основной причиной виктимности при правомерном поведении, можно назвать плохую

---

[1] См.: Архив ГУИН Минюста г. Ростова-на-Дону. Личное дело № 75.
[2] См.: Архив ГУИН Минюста г. Ростова-на-Дону. Личное дело № 468.

физическую подготовку жертвы, низкий уровень информированности потерпевшего о криминальной обстановке и психологии хулигана.

Изучение поведения жертв хулиганств показало, что потерпевшими нередко становятся лица, именно спровоцировавшие совершение преступления в отношении себя противоправным или аморальным (противоречащим одобряемым обществом нормам поведения) поведением 75,6 %[1]. Исследования выяснили, что у преступников и жертв многие характеристики совпадают, а их поведение во время совершения насильственных преступлений, предполагает постоянную смену ролей («преступник-жертва-преступник», «жертва-преступник-жертва»)[2].

Не менее опасно для профилактики насильственных хулиганских действий нейтральное поведение потерпевшего, не желающего сообщать о преступлении в правоохранительные органы. Это порождает одну из причин дальнейшего совершения преступлений – безнаказанность, которая формирует, воспитывает преступника. Немало примеров, когда, уверовав в свою силу и авторитет, виновный, однажды совершив ситуационное хулиганство, второй раз уже намеренно идет на преступление, либо организовывает преступную группу.

Вдвойне опасна виктимность хулигана, если речь идет о насильственных либо хулиганских действиях в семейно-бытовой сфере. Например, не сообщая о систематическом насилии мужа, жена, во-первых, поощряет его к продолжению этих действий не только в отношении себя, но и детей, во-вторых, сложившаяся ситуация формирует у детей стереотип будущего хулиганского поведения, вседозволенность, жестокость, агрессию.

Эффективность профилактических мер, осуществляемых правоохранительными органами в борьбе с хулиганскими насильственными проявлениями не высока. Всего 32,7 % осужденных за хулиганство и 13,6 %

---

[1] См.: Гаджиева А. Отрицательное поведение потерпевшего и его уголовно-правовое значение // Уголовное право. 2014. № 1. С. 16.

[2] См.: Забрянский Г.И. Социология преступности несовершеннолетних. Минск, 1997. С. 26.

граждан, ранее не судимых, признают их эффективность. Не высок и профессионализм сотрудников правоохранительных органов, заинтересованность профилактикой. Это в значительной мере обусловлено уровнем профессиональной подготовки и личных качеств таких сотрудников. Ряд исследователей приходят к выводу, что факторами, влияющими на присутствие или отсутствие профессионализма у сотрудников правоохранительных органов, являются: уровень индивидуальной правовой культуры, который в большей мере зависит не только от личностных свойств, но и от качества образования и профессиональной подготовки; среда, в которой работает соответствующее должностное лицо, зачастую нивелирующая их в сторону профессиональных деформаций и снижающая уровень индивидуального правового сознания; зависимость лица от так называемых ситуативных факторов; устойчивость личностных позиций отдельно взятого индивида; способность к самовыражению и самосовершенствованию[1].

Немаловажную роль в дезориентации молодежи играют неконтролируемые государством СМИ, пропагандируя власть, деньги, наслаждение в кинофильмах, телепередачах, достижение желаемого результата любыми средствами, в том числе, путем насилия. Таким образом, слабое законодательное регулирование вопросов профилактики насильственных хулиганских действий, дезориентация общества, в первую очередь молодежи, в области моральных ценностей ведет к культу денег, силы, власти. Несмотря на то, что к моменту совершения хулиганства, отрицательный жизненный опыт агрессивного поведения может забыться, алгоритм поведения в конфликтной ситуации остается. Однако государство может и должно уменьшать их воздействие на причинный комплекс криминализации общества, уменьшать их влияние на развитие таких

---

[1] См.: Колб А.Г., Коваленко И.И. Повышение уровня юридического образования – одно из направлений общего предупреждения преступности в Украине // Российский следователь. 2004. № 4. С. 47.

отрицательных качеств личности, как агрессивность, жестокость, эгоизм, которые являются составляющими характеристики личности хулигана.

Уголовно-правовая политика в области противодействия насильственным хулиганским проявлениям, на наш взгляд, должна на концептуальном уровне определять стратегию, исходя из принципов реальности выполнения решений, справедливости и целесообразности, социальной обусловленности. Тактика уголовно-правовой политики должна включать только такие меры, которые имеют эффект не только при воздействии непосредственно на объект профилактики, но и на окружающую хулигана социальную микросреду. В настоящее время очень слабо государством регулируется работа тех государственных структур, которые уже существуют и должны способствовать коррекции моральных установок лиц, склонных к совершению хулиганских действий. На наш взгляд, те положительные примеры достижения эффективности профилактики должны быть взяты за основу для развития стратегии и тактики противодействия хулиганству. Уголовно-правовая политика в области борьбы с насильственными хулиганскими действиями должна быть направлена на достаточно точное установление границ законотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельности органов и организаций государства в таком противодействии преступности, поднятие престижа службы в органах внутренних дел и личной заинтересованности сотрудников правоохранительных органов в результатах своей деятельности.

Взгляды на преступность и способы ее искоренения разнятся от фатальной безысходности борьбы с ней, видя ее причину в самой природе человека, до обвинения государства и общества в продуцировании этой детерминации, призыву искоренять преступность посредством установления мер наказания. Следовательно, выбор государственной стратегии, т.е. основных направлений, воздействия на хулиганские проявления зависит от правильной постановки конечной цели такого воздействия.

Борьба предполагает схватку, сражение, результатом которой является победа. Западные криминологи очень осторожно относились к идее окончательной победы над преступностью, тогда, как советские ученые объявляли о возможности победы в такой борьбе. Несколько десятилетий эксперимента, как в нашей стране, так и в некоторых других странах, доказали ошибочность такой гипотезы. «Хромосомная теория борьбы с преступностью» пока также не нашла своего подтверждения. Поэтому вряд ли сейчас мы можем говорить о возможности окончательной победы над преступностью, насильственной преступностью, и над хулиганскими проявлениями в частности.

Вместе с тем, в научно-практической литературе под предупреждением хулиганских действий понимается недопущение их совершения путем устранения криминогенных факторов, а также коррекции личностных деформаций потенциальных субъектов, склонных к хулиганству. Поэтому деятельность по предупреждению насильственных хулиганских действий на ранней стадии включает в себя устранение детерминант хулиганства, как на правовом, так и на социальном уровнях. И основным методом, используемым в такой работе, конечно же, является – убеждение. Однако в общекриминологическом предупреждении, возможно выделить два последовательных этапа таких мероприятий: первый этап – устранение причин и условий совершения хулиганства, второй этап – установка на правомерное поведение. При этом основой для первого этапа является правовая база, организационные мероприятия при достаточном финансировании, когда правовая база включает в себя Федеральное законодательство, Федеральные программы, законодательство субъектов Российской Федерации и программы предупреждения преступлений на местном уровне. Ядром второго этапа является развитие в гражданах потребности правомерного поведения через воспитание положительных моральных качеств, таких как доброта, уважение к людям, сострадание и т.д.

Современное состояние российского общества характеризуется глубоким реформированием экономической, политической, социальной, законодательной основ государства, и в том числе уголовной политики России, которая реализуется многократными внесениями изменений и дополнений в действующий Уголовный кодекс РФ, не всегда имеющими результат воздействия на население. Это, конечно же, не может не сказаться на общем состоянии обеспокоенности граждан за свою безопасность.

Конституция Российской Федерации, объявив Россию правовым государством, заложила законодательные основы дальнейшего развития государства, поставив себе целью развитие институтов гражданского общества и организацию государственного механизма, который на первое место ставит защиту прав, свобод человека. Основой создания безопасного общества является законодательство и государственный механизм, его обеспечивающий.

Проблема обеспечения безопасности личности напрямую связана с уголовно-правовой политикой, а реализацией этой функции государства органами государственной власти, частью которой является противодействие насильственным хулиганским проявлениям, предупреждение хулиганства, как социального явления. Социальным адресатом профилактики может быть все население страны[1], а субъектами общей или общесоциальной профилактики выступают федеральные, региональные и местные органы власти и управления, общественные организации, не выполняющие непосредственно правоохранительные задачи[2].

Правовая основа государства делает возможным установление правил поведения, при соблюдении которых обеспечивается безопасность общества. Современная концепция борьбы с хулиганскими проявлениями должна дать основу для развития правовой базы в комплексе. Так, с одной стороны,

---

[1] См.: Игошев К.Е., Устинов В.С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. С. 40.

[2] См.: Криминология и профилактика преступлений: Учеб. пос. / Под ред. В.П. Сальникова. М., 2012. С. 78.

имеется возможность появления и развития профилактических мер, с другой – органы исполнительной власти обеспечивают реализацию этих мер. Комплекс профилактических мер, направленных на обеспечение общественной безопасности, должен включать в себя: а) пропаганду правомерного поведения; б) выступления в средствах массовой информации; в) планомерное создание фильмов, телевизионных программ, показ и широкую рекламу примеров положительного поведения и т.д. Данные мероприятия должны быть организационно обеспечены, что следует определиться с их финансированием, компетенцией органов государственной власти в этом направлении, контролем за результатами такой деятельности, а оценка работы этих органов должна строиться, исходя из реальной оперативной обстановки.

В настоящее время мы имеем следующую картину: в организации работы органов внутренних дел относительно профилактики и предупреждения хулиганства выявлено большое количество преступлений, и они раскрыты; оперативная обстановка в целом считается стабильной, а работа органов внутренних дел признается удовлетворительной; если же преступлений выявлено мало (по сравнению с другими ОВД), работа признается неудовлетворительной. Не принимается во внимание, что небольшое количество совершенных преступлений свидетельствует о высоком уровне профилактической работы. В итоге получается так – что лучше допускать совершение преступлений и их выявлять, чем их же профилактировать. Можно, конечно, возразить, заявив, что недобросовестные сотрудники полиции регистрируют не все преступления. Однако существующая правовая основа порядка регистрации заявлений и сообщений о преступлениях и иных происшествиях великолепно обеспечивает этот процесс. В связи с вышесказанным, необходимо обратить внимание на систему оценки результатов деятельности органов внутренних дел, поскольку именно на полицию возложена задача профилактики насильственных хулиганских действий.

Также необходимо повысить общую виктимологическую профилактику, которая может стать перспективным направлением борьбы с насильственными хулиганскими проявлениями. С этой целью в структуре МВД России возможно создание статистической базы с информацией о жертвах хулиганских действий. Учет виктимологического прогнозирования должен стать основой для создания правовой базы защиты личности, объектом деятельности различных структурных подразделений по правам человека.

Индивидуальное предупреждение насильственных хулиганских действий имеет два объекта воздействия. К первому объекту можно отнести лиц, находящихся в неблагоприятной социальной среде, ко второму – лиц, склонных к совершению насильственных хулиганских действий. В первом случае, задача органов власти состоит в изменении этой социальной среды, либо изъятии из нее возможного правонарушителя. Во втором, нейтрализация причин и условий совершения насильственных хулиганских действий. И в том и в другом случае первостепенное значение имеет профилактическая работа, осуществляемая именно органами внутренних дел.

Поэтому определение границ компетенции органов исполнительной власти предполагает уяснение сущности общественных отношений, возникающих в сфере предупреждения насильственных хулиганских действий. К сожалению, не достаточно активно при индивидуальном предупреждении насильственных хулиганских действий используется метод убеждения, который может быть особенно эффективен в среде несовершеннолетних. Программа индивидуального предупреждения может базироваться, прежде всего, на укреплении защитных факторов личности, развитии положительной самооценки у подростков, раннем выявлении и активной работе с лицами, склонными к совершению насильственных хулиганских действий. Она может включать в себя такие мероприятия, как работу школьных психологов и сотрудников полиции с неблагополучными подростками.

Специальное предупреждение насильственных хулиганских действий проводится в отношении лиц, ранее совершивших преступление, либо ведущих антиобщественный образ жизни. Меры предупреждения этого вида хулиганства, на наш взгляд, должны исходить из индивидуальной характеристики лиц, склонных к его совершению.

Сколько бы типологий хулиганов не определялось, основной вопрос при планировании профилактических мероприятий должен состоять в степени «готовности» лица совершить насильственные хулиганские действия. Если общие характеризующие составляющие свидетельствуют о том, что вероятность совершения преступления высока, то меры должны носить характер ограничений, причем предусматривать достаточно строгую уголовную ответственность за их нарушение.

Существующая в настоящее время в Российской Федерации система уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших хулиганство, достаточно обширна с учетом изменений и дополнений Федеральными законами. Лица, осужденные за хулиганские действия к мерам уголовно-правового воздействия, не связанным с лишением свободы, во время отбывания наказания вновь совершают насильственные преступления. Какие же должны быть применены предупредительные меры к такой категории лиц? В соответствии с ныне существующей правовой базой все мероприятия сводятся к контролю за поведением осужденных, проверке их по месту жительства, беседам. Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции могут обратиться в суд с ходатайством об изменении наказания на реальное лишение свободы. В отношении лиц, состоящих под административным надзором, сотрудники полиции, в частности участковые уполномоченные полиции, имеют право составить протоколы за административное правонарушение.

Конечно, к отдельным категориям граждан эффективность применения подобных мер сомнительна. Так, хулиганы, совершающие насильственные действия, оставаясь фактически безнаказанными, уверяются в своем

превосходстве над обществом. Наказание становится для них пустым звуком. Поэтому, если речь идет о личности насильственного хулигана, имеющего негативную установку на совершение преступлений, государственное воздействие следует направить на ограничение его возможностей совершения новых преступлений. Метод убеждения в этом случае, практически бессмыслен, а метод принуждения может быть использован только в строгой компетенции государственных органов, в частности органов внутренних дел, как основного субъекта предупреждения насильственных хулиганских проявлений. Следовательно, необходимо создать правовую основу для этой деятельности. Иначе усилия, направленные на предупреждение насильственных преступлений, будут потрачены напрасно. Задействовав огромные силы и немалые средства, получаем нулевой результат, а впоследствии профилактируемый совершает более тяжкое преступление.

В правоприменительной деятельности порой отождествляют мотивы мести и ревности, смешивая их, либо, не придавая им юридического значения, учитывают только место совершения посягательства на безопасность здоровья человека, усматривая в этом хулиганские мотивы.

Так, С. вместе с друзьями в парке им. М. Горького г. Ростова-на-Дону, будучи в нетрезвом состоянии, приставал к прохожим, нецензурно их оскорблял, делал женщинам циничные предложения. Увидев в парке свою жену с другим мужчиной, он нанес ей несколько ударов камнем, который был им подобран на месте преступления. В итоге виновный осужден за причинение тяжкого вреда здоровью из хулиганских побуждений[1]. Мы полагаем, что в данном случае побуждающим мотивом причинения вреда здоровью явилась ревность, и совершение преступных действий в общественном месте не меняет мотивацию действий виновного.

Анализ приговоров судов по делам о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека, показал, что нередко данные деяния

[1] См.: Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону. 2013.

совершаются по экстремистским мотивам, предусмотренным в пункте «е» части второй статьи 111 УК РФ, в пункте «е» части второй статьи 112 УК РФ, в пункте «б» части второй статьи 115 УК РФ.

Е.Н. Холопова и А.М. Иванов отмечают, что в большинстве случаев уголовные дела возбуждаются без указания данных квалифицирующих признаков и на стадии возбуждения уголовного дела проверочные действия, направленные на установление мотива, не осуществляются[1]. Причем при расследовании данных деяний, совершаемых по экстремистским мотивам, обязательно должна назначаться судебная экспертиза. В.С. Капица полагает, что при правовой оценке преступлений против здоровья, совершенных по вышеназванным мотивам, следует использовать различных специалистов в области медицины, психологии, межэтнических отношений и т.п.[2]

Исследование личности преступника обусловлено как теоретической, так и практической необходимостью. Неблагоприятное формирование личности, предопределяющее преступное поведение в современной правовой науке исследуется с различных позиций, характерных для той или иной отрасли науки. Криминология ставит перед собой задачу осмысления причин и условий совершения преступления, в том числе и с учетом личностных свойств и качеств преступника, так как от их понимания зависит успешность рекомендуемых наукой практических мер. Важно указать, что в большей степени авторы многочисленных публикаций в области криминологии основное внимание уделяют проблемным вопросам преступности, и лишь частично затрагивают вопрос о личности того, кто совершил то или иное преступление.

---

[1] См.: Холопова Е.Н., Иванов А.М. Особенности возбуждения уголовных дел по преступлениям, связанным с причинением вреда здоровью по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды // Российский следователь. 2011. № 13. С. 16–18.

[2] См.: Капица В.С. Расследование преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 17.

Причины совершения преступления и личностные особенности того, кто его совершил находятся в тесном симбиозе, переплетаются в контексте совершаемого общественно опасного деяния и приобретают авторский характер, так называемый «почерк» преступника, который и подлежит изучению с целью последующего предупредительного воздействия.

Без тщательного, всестороннего анализа качественных характеристик лица, совершившего преступление, без учета его социально-демографических признаков, без анализа психологических свойств и нравственных характеристик человека невозможно выработать качественные меры предупредительного характера, направленные на ликвидацию причин и условий, благоприятствующих их совершению.

Субъект преступления, личность преступника является элементом криминологического исследования. Необходимость приобретения знаний о личностных особенностях тех, кто совершает преступления, раскрывается через закономерность, представленную тем, что преступление представляет собой волевой поступок человека, а воля в существенной мере определяется особенностями личностного типа индивида, который допустил со своей стороны возможность выражения своего отношения к обществу через антисоциальный поступок. Человек – это первоначало целостного комплекса механизмов, которые от усилий личности начинают свою работу и приводят к реализации преступного деяния. Осознание личностных свойств преступника, владение навыками вычленения важного из общих признаков, характеризующих преступника, является залогом успеха в процессе деятельности, направленной на предупреждение преступлений.

Изучение личности преступника в криминологии по праву признается основой криминологической науки, так как субъективной основой, положенной в базисный фундамент преступного деяния, выступает именно человек, его осознанно-волевая, интеллектуальная деятельность. Не следует забывать, что даже будучи субъектом преступления, т.е. совершая деяние, подпадающее под признаки того или иного состава преступления, лицо все

равно выражает свое преступное намерение в качестве объекта общественных отношений. Являясь носителем индивидуальных особенностей, характеризующих психическое состояние, отношение к нормам морали и права, индивид реализует свое право на взаимодействие с другими членами общества путем «насаждения» антисоциально-направленных устоев. Понятие личности раскрывается за счет содержания социальных свойств в человеке, так как личностью не рождаются, а становятся. Это высказывание весьма справедливо, ввиду того, что процесс развития и «созревания» человека обусловлен его восприятием социальной действительности вокруг. Чем больше человек общается, познает мир вокруг себя, тем большим количеством социальных черт он характеризуется. Отличие одного индивида от другого строится на том, что каждый член общества, имея свой индивидуальный первоначальный набор качественных особенностей, надстраивает на нем социальные статусы. В результате получается личность, объединяющая в себе исключительно характерный для этого человека качественный набор характеристик. Следовательно, под личностью преступника надлежит понимать лицо, осуществившее преступный замысел, в котором проявились личностные особенности индивида, отражающие комплекс отрицательных, антисоциальных социально значимых качеств человека, которые выступают в качестве характеристики субъекта, вступающего в многообразные общественные отношения с другими членами общества.

Криминологическая наука изучает вопрос о личности преступника с учетом взаимосвязи социального и биологического, которое может и должно быть положено в основу понятия личности преступника. В зависимости от того, какие признаки в трудах научных исследователей превалируют – социальные или биологические, формируется набор признаков, качеств и свойств, которые положены в основу определения. Немаловажное значение при изучении понятия личности преступника отводится также структуризации, типологизации и классификации преступников, что

становится базой, основой изучения и позволяет достичь более точных, научно обоснованных результатов. Так, личность, человек, индивид подлежит тщательному изучению в рамках науки криминологии ввиду того, что без человека не может быть акта преступного поведения, только при его участии возможно развитие преступных деяний, взаимосвязей с наступающими общественно опасными последствиями. Будучи основой криминологии, понятие личности преступника исследуется в тесной взаимосвязи с общим комплексом причин и условий преступного поведения, механизмом причинного комплекса, воздействующим на лицо, совершившее общественно опасное посягательство, целями и мотивами реализации преступного замысла.

Понятие «личность» преступника является исключительно криминологическим. Каждая наука, изучающая поведение человека, совершившего преступление, определяет его по-разному. Например, в науке уголовного права человек, нарушивший уголовно-правовой запрет, именуется субъектом преступления, в уголовно-процессуальном праве, в зависимости от стадии предварительного расследования того, кого привлекают к уголовной ответственности именуют «подозреваемым», «обвиняемым», а вот в уголовно-исполнительном законодательстве фигурирует термин «осужденный». Личность – это абстракция, которая обретает черты в индивидуальных признаках конкретного человека, живущего в определенном социуме, обладающего определенными качествами и свойствами, в совокупности формирующими индивидуальность. В зависимости от этих качеств может сформироваться личность законопослушного гражданина, или гражданина с устойчивыми антисоциальными позициями. Антисоциальная направленность личности является предпосылкой совершения преступления, поэтому чем раньше выявляются негативные тенденции в поведении лица, тем больше шансов у общества предотвратить появления преступника в лице конкретного человека.

Именно человек, преступивший закон, представляет интерес для криминологического исследования, так как вследствие нарушения закона формируется особый тип личности, личность преступника. Индивид такого характера, являясь членом общества, контактирует с другими участниками социума, вступает с ними в корреспондирующие связи, что позволяет ему определенным образом воздействовать на окружение. Такое воздействие может быть выражено в насаждении преступной субкультуры, распространении сведений о преступниках и преступлениях, в вовлечении в совершение преступлений. Чтобы противостоять этому негативному явлению, тщательный анализ личностных свойств и особенностей того, кто нарушил закон, позволяет пресекать распространение негативного влияния на окружающих. В целях более качественного проведения анализа индивидуальных особенностей преступника, криминологи выработали набор определенных характеристик, сгруппировали их по схожим свойствам и структурировали в единое понятие структуры личности преступника. По этому поводу в науке криминологии также существуют различные мнения, отличающиеся друг от друга незначительными личностными характеристиками.

Личность преступника – это термин, имеющий социальную окраску. Действительно, человек рождается, и в процессе роста начинает социализироваться, знакомится с окружающим миром, впитывать в себя все те позиции, которые сформированы окружающим его социумом, устанавливает для себя «хорошее» и «плохое», исходя из привычек и обычаев лиц, которые его окружают. При этом постепенно и данный развивающийся человек привносит что-то свое: передает окружающим свои идеи, воззрения, которые могут влиять на окружение. Сформировавшаяся личность юридически может быть признана личностью преступника только при условии совершения этим лицом преступления, т.е. деяния противоправного, общественно опасного, виновного и наказуемого с учетом положений статей Особенной части Уголовного кодекса.

Любое поведение, в том числе и антиобщественное (преступное) целесообразно изучать только при условии наличия взаимодействия индивида с другими членами социума. Установленные формы поведения, существующие в том или ином обществе, являются общепризнанными для всех его участников, таким образом, в случае отклоняющегося от нормы поведения одним из участников этого общения, происходит посягательство на основные права и свободы личности другого лица, что влечет за собой необходимость реагирования на данный факт со стороны государства. Если отклонение от нормы влечет существенное нарушение прав и свобод человека и гражданина, такое поведение представляет преступление, а человек, его допустивший признается преступником.

Определение «особый социальный тип личности» обуславливает совокупность качеств, которые свойственны именно человеку, совершившему преступление. Это является основополагающим условием проведения изучения качеств и свойств преступника, отличительной особенностью, необходимой для разграничения социально «полезной» личности и личности преступника.

Даже внутри понятия преступника существует своя классификация, так как преступник, совершивший посягательство на один объект уголовно-правовой охраны, не может в полном объеме характеризоваться такими же признаками как преступник, совершивший посягательство на другой объект. Действительно хулиган по своим индивидуальным особенностям не совпадает с коррупционером, убийца отличается от мошенника, а террорист вовсе не похож на насильника. При всем при этом, общее у всех названых категорий преступников имеется – все они характеризуются социально-негативно и все они совершили преступления.

Изложенное позволяет констатировать тот факт, что одним лишь обозначением лица как преступника невозможно достичь научного знания об этой категории граждан. Целесообразны более глубокие познания, основанные на различных научных классификациях. Типология позволяет

сконцентрировать внимание на самом преступнике, таким образом, изучая свойства и признаки, характеризующие личность в определенных объективных условиях, типология формирует обобщенное знание, не фокусируясь на отдельной личности.

Биофизиологические признаки личности представляют собой физическое здоровье человека, причем если в уголовном праве речь о здоровье идет независимо от наличия атомической целостности человека, его психического здоровья, за исключением признания его невменяемым, то в криминологии под физическим здоровьем понимается именно особенность его физиологической развитости. Физическая развитость может быть представлена ярко выраженными признаками физической силы, что характерно для спортсменов, например. Или, наоборот, может характеризоваться инвалидностью – явной или внутренней. Так, например, инвалид с явными признаками болезни ведет себя в социуме не так, как здоровый человек, да и общество воспринимает его по-иному. Это формирует в сознании лица мысль о том, что он не такой, как все, значит и совершения преступления ему может «сойти с рук», так как здоровый человек и инвалид находятся на разных социальных уровнях. Биологические признаки и свойства человека представляют собой так называемый индивидуальный генетический код, по которому можно установить индивидуальность и неповторимость той или иной личности. Психологические особенности человека несомненно развиваются в условиях не только генетической обусловленности, но и в конкретных социальных связях, так как окружение может воздействовать на сознание и биологические импульсы человека. При прочих равных условиях один индивид уделяет внимание положительным примерам, которые он черпает из общества, а другой по-иному интерпретирует увиденное и осознанное, и предпринимает попытки использовать полученные знания и умения в преступных целях. Особое значение биофизиологические свойства личности приобретают в ситуациях, когда необходимо противостоять отрицательному

воздействию социума. Здесь биологическое начало индивида вступает во взаимодействие с другими подструктурными элементами, формирующими личность, и в совокупности все эти элементы взаимодействуют на основе корреспондирующих связей с отдельными индивидуальностями, представляющими социум. Многие внутренние, биологически, генетически обусловленные особенности человека проявляются в различных ситуациях по-разному. Один и тот же «комплекс» этих свойств может по-разному отреагировать на ситуацию, происходящую в объективной действительности. В связи с этим, причинами совершения преступлений выступает не биологическое начало человека, а внутренняя готовность его совершить при условии возникновения конкретной ситуации. Конечно бытует мнение, согласно которому «преступниками рождаются, а не становятся», еще говорят, что «человек притягивает к себе неприятности». Все это различные теории, объединяющие между собой спор «социального и биологического» начала в личности преступника. Негативные характеристики биологических признаков лица, таким образом, могут стать частью механизма, запускающего процесс преступного поведения, но основой реализации преступления быть не могут.

Социально-демографические признаки также, по нашему мнению, важно рассматривать исключительно в комплексе всех элементов структуры личности преступника. Среди них выделяют возраст, пол, социальный статус, образовательный уровень, принадлежность к профессии, семейное положение, имущественное положение, место жительства и иные характеристики, которые могут иметь значение для нужд того или иного исследования.

В целом, изучая преступную активность в обществе, криминологи выявляют преобладание преступников мужского пола над женщинами, совершающими преступления. Свыше 50 % всех преступлений, совершаемых женщинами, носят корыстный характер. Из этого количества преступлений можно отдельно выделить корыстно-мотивированные преступления лиц

женского пола, занимающих должности в организациях, оказывающих услуги населению. Например, это прачечные, химчистки, различного рода мастерские и т.д., также здесь следует рассматривать и сферу торговли. Преобладающее большинство лиц, осуществляющих отпуск готовой продукции в розницу свойственно женщинам, именно поэтому большой процент женщин составляет контингент лиц, совершивших преступления в сфере торговли. Удельный вес, напротив, тяжких насильственных преступлений значительно ниже у лиц женского пола, нежели у мужчин. И здесь также имеются свои особенности, относящиеся к социально-демографическим признакам личности. Преступление, совершенное женщиной, как отмечают современные криминологи, особый тревожный социальный феномен[1]. Антисоциальная направленность поведения женщин обусловлена современными негативными условиями жизни как в семье, так и в обществе в целом. Ценность женщины как хранительницы очага, как той, что продолжает род и заботится о членах семьи, утрачивает свою значимость в условиях жесткой конкуренции за право выжить в столь сложных экономических и социальных условиях. Как следствие, смешение и смещение акцентов общества, отрицание разделения полов по значимости и стремление добиться желаемой цели любым путем, даже преступным. Необходимость тщательного анализа совокупности социальных явлений, формирующих базу для ожесточения лиц женского пола, представляется важной задачей правоохранительных органов, так как деградация женщины влечет плачевные последствия не только для нее самой, но и для общества в целом. Именно женщина призвана воспитывать будущее поколение, прививать детям те навыки и качества, которые должны лечь в основу формирования достойного человека будущего. В частности, выплата достойных детских пособий женщинам, имеющим малолетних детей,

[1] См.: Лелеков В.А., Урусова Т.В. Социально-экономические детерминанты женской преступности против семьи и несовершеннолетних // Российский следователь. 2016. № 3. С. 42.

предоставление высокооплачиваемого декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, обеспечение качественного медицинского обслуживания, предоставление льгот для получения образования – позволит преодолеть возникающие негативные социальные тенденции в обществе и будут стремительно способствовать эффективному противодействию преступлениям, совершаемым женщинами. Активизация работы в этом направлении позволит снизить уровень опасности тех тенденций, которые сегодня превалируют в обществе, относительно женской преступности. Так, стремительный рост преступлений, которые относятся согласно УК РФ к категории тяжких и особо тяжких, увеличение рецидива, омоложение преступности лиц женского пола, немотивированная агрессия и жестокость – все это признаки современной женской преступности. Причем, к сожалению, эти черты присущи и преступлениям против семьи и несовершеннолетних, где в качестве субъектов преступления мы все чаще наблюдаем представительниц «слабой половины человечества». Феминизм как социальное явление, характеризующее настоящий век, разрушил семью как ячейку общества, породил отрицание старых традиций и устоев общежития, а новых не сформировал. В результате возникла напряженность во взаимоотношениях в семье, между всеми ее членами, возникли трудности обустройства быта, возросло количество скандалов и разводов, что не могло не отразиться на психофизиологических процессах женщины. Так, в период с 2012 по 2017 г. количество женщин, совершивших преступления против семьи и несовершеннолетних, в масштабах России выросло более чем на 60 %[1]. Объяснение такого результата очевидно. Хотя многие авторы проводят собственные исследования, предлагают версии детерминант женской преступности, анализируют состояние и динамику этого негативного социального явления, это не меняет сути проблемы. Независимо

[1] См.: Аванесов, Г.А. Криминология: учебник / Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я., Эриашвили Н.Д.; под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 334.

от того, как будет классифицирован тот или иной личностный тип женщины преступницы, глобальная проблема современности останется неразрешенной. Вобрав воедино все теории, можно сформировать трехуровневый причинный комплекс, способствующий полноценному, всестороннему анализу детерминант женской преступности: 1) общесоциальный – представляющий уровень всего общества целиком; 2) социально-психологический – уровень, свойственный группам, объединенным по каким-либо критериям; 3) индивидуально-психологический[1].

Женщины по своей природе более ведомые, чем мужчины и более зависимые от внешних воздействий, чем представители мужского пола. Именно поэтому, общесоциальные причины и условия формирования преступного поведения лиц женского пола наиболее полно влияют на антисоциальное поведение. Экономика страны, социальная незащищенность, политическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне – вот те детерминанты, которые положены в основу антисоциального поведения женщин.

Нравственно-психологические характеристики обуславливают ценностные ориентиры, которые свойственны конкретному человеку, с учетом его внутренних убеждений и побуждений. Аморальный поступок не всегда преступление, а вот преступление всегда аморально. Таким образом, если человек допускает возможность для себя самого совершения аморальных поступков, которые идут вразрез с устоями общества, это является возможной предпосылкой совершения преступления.

Характеристика субъекта преступления, личности преступника с учетом уголовно-правового критерия занимает важное место в познании лица, совершившего преступление. Для этого тезиса есть ряд обоснований. Во-первых, через призму уголовно-правовых характеристик проявляется уровень деформации личности, выявляются ее индивидуальные свойства и качества, послужившие основой для совершения преступлений. Так, характер

---

[1] См.: Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М., 1992. С. 256.

совершенного преступления укажет на степень общественной опасности содеянного, выразившийся в объекте преступного посягательства. В связи с этим, бесспорно, посягательства на личность будут характеризовать преступника как более опасного, нежели посягательства на общественные отношения в сфере охраны собственности. Форма вины, при совершении преступления укажет уровень опасности преступника с учетом направленности его сознания и воли на совершение правонарушающего поведения. Лица, совершающие умышленные преступления, по своей деформации характеризуются более отрицательно, чем те, кто совершил преступление по неосторожности. Раскаявшиеся в содеянном и загладившие причиненный преступлением вред, могут быть охарактеризованы как лица, вставшие на путь исправления и осознавшие свое негативное воздействие на окружающих. К таким лицам целесообразно применять поощрительные меры воздействия со стороны государства в виде сокращения сроков наказания, возможности применения наказания условно и т.д. Отличительной особенностью указанных категорий является то, что окраска этих структурных компонентов различна. Антиобщественная направленность присуща тем, кто совершает преступления, а лица, ведущие законопослушный образ жизни, характеризуются положительно, имея социально-полезную мотивацию поведения. Чем старше становится человек, тем больше социальных функций он приобретает, тем более разносторонней становится его жизнь. Богаче становится и жизненный опыт. Способы реакции на различные жизненные ситуации становятся этаким «шаблоном» поведения. Какое «клише» будет положено в основу развития, такое лицо и пронесет через все свое земное существование. «Клише» формируется в раннем возрасте, в семье, следовательно, трудности в семье, вызванные непониманием между членами семейного клана, обусловленные материальными затруднениями, часто формируют криминальную направленность индивида.

Если к комплексу неблагоприятных тенденций добавляется недостаточность образования, это формирует правовой нигилизм, что также крайне негативно характеризует человека. Безусловно, если человек не образован, это не значит, что человек антисоциально направлен и является потенциальным преступником. Отсутствие образования, как свидетельствуют исследования криминологов, присуще большему количеству лиц, совершивших преступления. А вот образованные граждане более склонны к законопослушным поступкам.

Наличие или отсутствие образования, его уровень, качество, является базой для определения характерных свойств преступного деяния. В совокупности с этим признаком выступает уровень интеллектуальных особенностей и свойств индивида. Такое значение образования и интеллекта объясняется тем, что они определяют круг общения и формируют привычки и условия реализации своих жизненных принципов и позиции. Человек, получивший качественное образование, осуществляя свою учебную функцию совместно с другими лицами, приблизительно схожими по статусу и положению в обществе, формирует круг схожих интересов.

Таким образом, невысокий образовательный уровень, затруднительное финансовое положение, отсутствие материальной базы (собственного жилья), перебои в работе, выражающиеся, как правило, в отсутствии постоянного трудоустройства, постоянная нехватка денежных средств зачастую становятся основными побудительными мотивами, способствующими совершению преступных деяний.

Следует подчеркнуть, что поступательное движение в процессе познания личности преступника от общего к частному позволяет более качественно достичь желаемый результат. Иными словами, если задача познания выражена в установлении признаков лица, свойственных преступникам, то более грамотным будет исследование, в котором осуществляется разбивка социальных групп на подгруппы, по своим качествам являющиеся более однородными. Например, среди

трудоустроенных граждан, совершивших преступление, можно выделить подгруппы лиц, занимающихся интеллектуальным трудом, лиц, выполняющих работу в образовательных учреждениях, в медицинских учреждениях и так далее. Исходя из трудовой деятельности можно осуществить еще более детальную разбивку на группы, в частности лиц, имеющих стаж работы до 1 года, до трех лет, свыше пяти лет, например. Эта разбивка может быть полезна при анализе влияния так называемой профессиональной деформации на поведение лица, совершившего преступление.

Среди тех, кто совершает насильственные преступления, большой процент холостых лиц, так как преступники характеризуются определенной долей безответственности, а заключение брачного союза предполагает обременение определенными обязательствами[1]. Современное отношение к заключению брака сегодня вообще принципиально изменилось. Все большую популярность приобретает совместное проживание, без обязательств, так называемое «сожительство». Внешне семейные отношения предполагают больше свободы внутри семьи, отсутствие обязательств имущественного характера, нежелание нести ответственность за детей. Это откладывает определенный отпечаток и на личностные особенности современных преступных типов личности.

Личностные особенности преступника раскрывают также такие особенности, как уровень мышления, который может быть сопоставим с эрудированностью или начитанностью, широтой кругозора и наличием общих знаний литературы и искусства, характеризующих человека как социально адаптированного и образованного. Активная жизненная позиция, выражающая отношение человека к окружающей действительности, к занятиям спортом, творчеством, возможно даже благотворительной

---

[1] См.: Аванесов, Г.А. Криминология: учебник / Аванесов Г.А., Иншаков С.М., Лебедев С.Я., Эриашвили Н.Д.; под ред. Г.А. Аванесова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 335.

деятельностью, как правило, положительно характеризуют человека. А вот низкое интеллектуальное развитие влечет за собой преобладание инстинктов над разумом. Низменные побуждения при совершении преступлений не ограничиваются интеллектом, а аккумулируются инстинктивными желаниями и потребностями: есть, пить, удовлетворять половые потребности.

Типы характера могут иметь значение при оценке признаков и свойств преступника. Так, сангвиники характеризуются крайним возбудимым типом характера, что означает, что процессы возбуждения у такого человека преобладают над процессами торможения. Исходя из этого, лицо, относящееся к этому типу характера расположено к совершению ситуационных преступлений, которые совершаются по причине внезапно возникших криминогенных факторов. Меланхолик, напротив, характеризуется тем, что процессы торможения превалируют над процессами возбуждения. Такие лица склонны к совершению неосторожных преступлений, при этом общественная опасность таких преступлений остается достаточной высокой.

Криминологическая типология способствует тому, что огромное количество фактов преступного поведения может быть классифицировано по какому-то набору типичных, повторяющихся признаков, что в будущем позволяет более точно дать характеристику тому или иному лицу, совершившему преступление. Это типичное, свойственное преступникам поведение позволяет дать основу научному знанию о том, насколько развито в индивиде преступное начало, как оно влияет на структуру личности и способствует формированию негативного преступного поведения. Довольно часто, основой типологизации личности криминологи, вполне оправдано, признают мотив совершения преступления. Будучи факультативным признаком субъективной стороны общественно-опасного деяния, данный фактор приобретает важное криминологическое значение, требующее тщательной разработки. Наиболее типичными признаются такие побуждения

при совершении преступления, как: корысть, насилие, азарт и т.д. В связи с этими мотивами рассматриваются такие типы преступников, как корыстный, игровой, насильственный преступник.

Можно выделить следующие типы насильственных преступников: абсолютно опасный тип. Это такая категория преступников, для которой свойственны тяжкие и особо тяжкие преступления. В частности, это могут быть серийные убийцы, «сексуальные маньяки», «киллеры». Следующим типом чаще всего признают особо опасный тип. Это лица, совершающие преступления, чаще всего, в сложившейся конкретной конфликтной ситуации. Нежелание урегулировать спор цивилизованным способом приводит к таким негативным социальным последствиям, как преступления. Этот тип преступников характерен для организованных преступных групп и преступных сообществ. Опасный тип – это своего рода середина преступной типологии. Наибольшее количество преступников подпадают под указанный тип. На их совести преступления, не связанные с посягательствами на жизнь, но при этом преступная активность их очень велика и проявляется, как правило, в неуважении к обществу в целом, а не к отдельным его индивидам.

Другим признаком, положенным в основу классификации, можно назвать уровень стойкости негативной направленности личности. Это может быть вызвано невнимательностью или рассеянностью, тогда преступление носит неосторожный характер, а может быть реализовано в результате воздействия непреодолимых внешних факторов. Неустойчивый тип – это такой тип преступника, который преобразовал свое негативное поведение в качественно иную форму. Иными словами, если лицо ранее совершало многочисленные мелкие правонарушения, то впоследствии это привело к реализации преступного умысла, повлекшего за собой наступление последствий, охватываемых нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. Злостный тип представляют лица, которые неоднократно совершают преступления. Причем здесь абсолютно не важно, имеют ли они судимость за ранее совершенные преступления или нет.

Разные по своему содержанию и мотивации преступники наделены отличительными признаками, позволяющими отграничить один тип преступника от другого. Это позволяет реализовывать успешную деятельность по борьбе с разными категориями преступлений. На поведение человека влияют условия и обстановка, в которой он находится. И если эта среда носит криминогенный характер, то и ответная реакция индивида, некая защита от внешнего воздействия будет определенным образом отражать наличие признаков преступного поведения. Если психологически человек слаб, если воздействие и взаимодействие его с социумом не находит должного развития, преступление для такого индивида является единственно возможным способом реализовать свои амбиции.

Классификация и типология имеют схожие задачи, призванные дать более подробный портрет преступника. Однако, классификацию следует отличать от типологии, так как классификация раскрывает признаки объекта, а типология разъясняет его сущность[1]. Используя типологию, исследователь может уяснить природу, причинный комплекс и последовательность формирования преступной наклонности личности.

Классификация представляет собой общенаучный метод познания, позволяющий уяснить, что есть человек и общество, и представляет собой группировку объекта познания по критериям, имеющим устойчивый, повторяющийся характер. Объектом нашего познания выступает человек, точнее личность преступника, поэтому группировке надлежит подвергнуть личностные особенности, свойства, которые имеют тенденцию к повторению.

При классификации лиц, совершивших преступления в качестве метода познания преступника, используются атрибутивные признаки указанных лиц, которые представляют собой неотъемлемую часть любого человека,

---

[1] См.: Кабанов П.А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 3 (30). С. 56.

преступившего закон. Данная группа признаков выражается в объективной действительности и представляет собой внешний, формальный характер. К таким признакам можно отнести, в частности пол, возраст, образование, профессию. Эти признаки формируют социально-демографическую основу характеристики личности преступника и в зависимости от нужд исследования могут быть положены в основу классификации. Так, довольно часто в основу классификации положен пол преступника, в связи с чем ученые выделяют две большие группы преступности: женскую и мужскую. Возраст, положенный в основу классификации преступников позволяет выделить следующие большие группы: преступность несовершеннолетних, подростковая преступность, молодежная преступность и так далее.

Довольно распространены такие классификационные группы как насильственная преступность, коррупционная преступность, экономическая преступность, корыстная преступность, киберпреступность. Каждый вид, указанный в данном примере, изучается с учетом повторяющихся признаков, являющихся типичными для того или иного вида преступной деятельности и, соответственно изучаются личностные свойства и особенности лиц, совершающих эти преступные деяния.

В зависимости от формы вины, с которой было совершено преступление выделяют умышленные и неосторожные преступления. Следовательно, и лица, их совершившие классифицируются на неосторожных преступников и преступников, совершивших преступление умышленно. По общему правилу лица, допустившие неосторожное причинение вреда признаются менее опасными, нежели те, кто целенаправленно реализовал свой преступный замысел.

Роль в преступлении также является важным источником знаний, формирующих представление об участниках преступного деяния. В самом широком понимании можно выделить главных и второстепенных участников преступления. К главным участникам относятся исполнители и соисполнители, которые непосредственно выполняют объективную сторону

преступного деяния. В качестве второстепенных участников признают организатора, подстрекателя и пособника. Данные соучастники своими действиями непосредственно не выполняют объективную сторону преступного деяния, однако, выполняя различные роли, способствуют достижению преступного результата.

Повторяющиеся преступные эпизоды в жизнедеятельности одного лица приводят к выделению еще одной классификационной группы – группы «рецидивистов» и тех, кто совершает преступление впервые. Термин рецидивист был известен законодательству прошлых лет, именно этот термин характеризовал личность виновного, указывал на то, что данный человек совершил два и более преступления, за некоторые из которых он уже понес справедливое наказание. Такое «клеймо» указывало на то, что человек, несмотря на уголовно-правовую репрессию, не исправился, не осознал воздействия на него со стороны государства и таким образом заслуживает более строго наказания. Современное уголовное законодательство содержит понятие «рецидив», что указывает на смещение акцента со стороны личности на сторону деяния. Данное решение представляется нам более гуманным, и позволяет не «клеймить» лицо, а указывать наличие повторяющегося преступного поведения.

В случае, если процесс формирования личности носит неблагоприятный характер, происходит ситуация, при которой сформированные свойства личности идут в разрез с устоями общества. К таким свойствам личности можно отнести правила общежития, знания норм права и отношение к ним, традиции и обычаи, принятые в том или ином социуме. В результате такой неверной социализации индивид надлежащим образом не приспосабливается к тому правилу поведения в обществе, согласно которому он должен в нем существовать, реализовывать свое право на труд, на отдых, на обучение и прочие права, а также должным образом не обеспечивает сохранность прав других лиц.

Влияние общества на человека настолько велико, что криминологи отводят общественному воспитанию личности весьма важное значение. Экономические, социальные, политические процессы напрямую формируют сознание и волю тех лиц, которые проживают тот или иной промежуток времени в том или ином экономическом аспекте.

Социальные гарантии, развитость социальных благ, реализуемых в пределах различных социальных программ тоже формируют навыки и привычки членов общества. Современная экономика страны, нестабильность, кризис, инфляция привели граждан к плачевному состоянию, выразившемуся в том, что среди населения большая часть осталась без постоянного источника дохода, без стабильного прожиточного минимума, способного обеспечить нормальное существование в социуме. Расслоение общества на очень бедных и очень богатых также негативно сказывается на состоянии граждан. Состояние безнадежности, неуверенности в завтрашнем дне, неверие в экономику страны вынуждают людей идти на крайние меры: преступления, различные по своему содержанию и характеру, в том числе и насильственные. Здесь важно отметить, что одних на преступление толкает голод, другие совершают противоправные деяния из-за желания легкой наживы.

В последнее время общество все чаще реализует свои права через деление на малые социальные группы, так как таким образом, объединяясь по присущим этой группе признакам, легче выживать в сложных условиях. К сожалению, такие малые группы зачастую исповедуют нормы и ценности, которые не свойственны обществу в целом. Так, молодежные неформальные организации, объединяя между собой молодых людей, насаждают им крайние радикальные мысли и ценности, которые выливаются в преступное поведение в виде экстремистских сообществ, террористически направленных организаций, пропагандирующих антисоциальное поведение.

Новая форма взаимоотношения внутри малых социальных групп сегодня набирает популярность. Религиозные объединения, которые

сепарировались от церкви, и не имеют ничего общего с религией в общепризнанном понимании, набирают обороты, привлекая в свои ряды различных граждан. С другой стороны, встречаются формы групповой деятельности, которые основаны на шаблонах поведения, не соответствующих общественным устоям и идущих в разрез с законодательством. Независимо от целей, которые явились основой формирования группы, контроль за деятельностью такой группы является обязательным условием ее существования.

Истоком становления человека как личности, как достойного члена общества является его семья. Именно в семье закладываются основные характеристики личности, формируются правила поведения, развиваются нормы общежития с учетом традиций и обычаев местности, на территории которой проживает семья. Довольно часто, в связи с наличием обстоятельств, формирующих негативный процесс социализации индивида в семье, появляются стереотипы поведения, которые не соответствуют требованиям норм закона, а значит способствуют негативному социальному поведению.

Низкий уровень воспитания, негативное отношение к праву, низкий уровень образования членов семьи влекут за собой формирование неблагоприятного климата в семье. Неблагоприятной тенденцией современности является утрата ценности семьи как значимой ячейки общества. Все больше семей распадаются по различным причинам, причем эти причины носят незначительный, несущественный характер. Оставаясь в неполной семье, дети не получают должного воспитания, остаются на самовоспитание «улицей», что может служить неблагоприятным фактором в формировании личности.

Некачественное медицинское обеспечение также ведет к увеличению заболеваний, которые не диагностируются на ранних этапах. Как следствие, большой процент больных людей, требующих специального ухода и медикаментозного обслуживания. Эти факторы тоже накладывают на семью определенные затруднения: материального и морального характера.

Меньшей стойкостью к антиобщественной деятельности обладают несовершеннолетние, так как их социальный статус еще не сформирован, волевые качества находятся на стадии развития, а влияние взрослых все еще остается достаточно значимым.

В статье 19 Уголовного кодекса Российской Федерации определены общие условия уголовной ответственности. Признаками субъекта преступления являются: физическое лицо, вменяемость, достижение установленного законом возраста уголовной ответственности. По общему правилу, уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В части второй статьи 20 УК РФ определен исчерпывающий перечень деяний, ответственность за совершение которых установлена с 14 лет. К числу данных деяний относится статья 111 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а также статья 112 УК РФ, устанавливающая ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека. За умышленное причинение легкого вреда здоровью человека, предусмотренное статьей 115 УК РФ, побои (статья 116 УК РФ), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 116^1 УК РФ), умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ), причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ), истязание (статья 117 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ) ответственность наступает с шестнадцати лет. Такое решение законодателя представляется правильным.

Преступность несовершеннолетних характеризуется взаимовлиянием негативных фактов окружающей обстановки и личности непосредственно несовершеннолетнего. Зачастую, преступное деяние совершают так

называемые «трудные», педагогически «запущенные» подростки. В некоторых исследованиях имеется указание на то, что подростки-правонарушители характеризуются крайне низкой степенью развитости познавательных и социальных интересов[1]. На становление ценностных ориентиров такого подростка сильное воздействие оказывают сверстники, в частности, старшие по возрасту, обладающие опытом антисоциального поведения. Данный факт усиливает конфликтные взаимоотношения неуспевающего подростка с целым коллективом класса и педагогами, вызывая в его поведенческой модели явление негативизма и бравады. В обычных условиях ход усвоения моральных и правовых поведенческих правил завершается в подростковом возрасте (к 14 – 16 годам). Данный факт принимается во внимание законодателем.

Личность «трудного» подростка, в первую очередь, характеризуется низкой степенью социализации, зачастую, излишнее воздействие оказывает особая сфера – улица, двор, «уличная группа с негативной направленностью». Под таким понятием, как трудновоспитуемость, понимается негативизм и сопротивление педагогическим воздействиям, что обусловлено наличием самых различных причин, которые находятся далеко за пределами педагогической и социальной запущенности[2]. В ходе становления и развития ребенок преодолевает конкретные кризисные этапы, характеризующиеся качественно неизвестными прежде скачками в развитии его психики и физиологии.

Основным фактором при исследовании личности несовершеннолетнего преступника выступает возрастной показатель. По мнению М.Н. Гернета, возрастным показателем обусловлена конкретная степень развитости сил,

---

[1] См.: Третьякова Е.И., Власов А.Б. Личность несовершеннолетнего преступника: криминалистический аспект // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2016. № 4 (79). С. 25.

[2] См.: Носков О.С. Психологические особенности несовершеннолетнего преступника // Правовое государство: теория и практика. 2017. Т. 1. № 47. С. 153.

интеллекта, влечений, по причине того, что «физически» становится возможным совершение конкретных преступных деяний[1]. В детстве человек формируется как общественное существо, у него развиваются интеллект, навыки анализа и обобщения окружающих явлений, способность предвидеть потенциальные последствия собственных действий; развивается нацеленность на самостоятельность. Возрастные преобразования личности не выступают в качестве причины и не связаны однозначным образом с динамикой фундаментальных жизненных взаимоотношений. Сохранность основных жизненных взаимоотношений соотносится с изменчивостью личности в течение жизни вследствие воздействия различных событий, обстоятельств и т.д.

Задачей обращения к характеристике личности несовершеннолетних, совершивших преступные деяния, выступает выявление качеств и специфик, отграничивающих совершивших преступление от законопослушных сверстников. В связи с чем особой значимостью обладает вопрос относительно роли общевозрастных специфик в правонарушающем поведении несовершеннолетних. Общеизвестным фактом выступает то, что старшему подростковому и юношескому возрасту присущи неполная сформированность личностных нравственных установок, отсутствие необходимого жизненного опыта, повышенный эмоциональный уровень, большая внушаемость, зависимость поведения от оценок ближайшего окружения. Анализ возрастных специфик как собственно криминогенных, которые могут повлечь за собой преступное поведение, безоснователен. И не только по той причине, что соответствующие качества присущи для возрастной категории в целом, а преступные деяния реализует лишь

[1] См.: Рыстакова Е.А. Личность преступника. Актуальные вопросы снижения возраста уголовной ответственности // Актуальные теоретические и практические вопросы развития юриспруденции Материалы Всероссийской межвузовской научно-практической конференции (для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, специалистов). Под редакцией А.А. Березиной, М.В. Гудковой. М., 2017. С. 402.

относительно небольшая ее часть[1]. Приведенные специфики способны отображаться, как в качестве правомерных, так и в противоправных поступках. Определяющим фактором выступает система личностных ценностей. Присущие же возрастному этапу специфики лишь увеличивают значимость средовых влияний, по причине того, что внутренняя сфера личности еще окончательно не сформировалась.

В центре внимания внутренней картины преступного деяния подростка расположена его личность, в ходе исследования которой следует выделить психологические детерминанты антисоциального поведения на разнообразных стадиях его становления.

Человечество, вступив в XXI в., крайне озабочено разрешением проблематики правовой и социальной защиты подрастающего поколения, поиском стратегий противодействия таким факторам, как беспризорность, наркомания и преступность, существующим среди несовершеннолетних. Данные проблемные моменты весьма актуальны для всего мирового сообщества, проводящего активную гуманизацию нормативных мер, связанных с воздействием и профилактикой преступности и влиянием на правонарушителей[2].

Для российского общества проблемы, связанные с преступностью несовершеннолетних, за последние несколько лет стали особо значимыми. Такое явление объяснимо вследствие того, что российское общество переживает непростой период кризиса в сферах экономики и политики, а также обострения большого числа конфликтных ситуаций. Возрастание расслоения в социальной сфере, возникновение новых привилегированных

---

[1] См.: Рыженкова Е.В. Личность несовершеннолетнего преступника // Инновационная наука. 2017. № 2-2. С. 130.

[2] См.: Колесниченко Д.А., Сухова В.Е., Жегулин А.А., Бабенко В.П. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Scientific achievements of the third millennium Collection of scientific papers on materials IV International Scientific Conference. 2016. Los Angeles. С. 21.

слоев, безработицы, инфляции – все указанное играет значимую криминогенную роль[1].

Стабильная тенденция, приводящая к снижению качества экономических условий жизни основной массы населения, и государства, в целом, влечет за собой возрастание степени перегрузок психоэмоционального характера и укрепление кризиса в семейных отношениях. Помимо этого, вышеуказанные факторы способствуют увеличению показателей детской безнадзорности, которая выступает в качестве социального явления.

Среди несовершеннолетних лиц активно культивируются отрицательно-направленные стереотипы поведенческих моделей, приобретают все большее распространение такие факторы, как алкоголизм и наркомания, укореняется психология эгоистического и иждивенческого характера. Отсутствие необходимой определенности в настоящем периоде времени, отсутствие уверенности в будущем, распространение безработицы, наличие различных проблем, связанных с получением образования, снижение престижа некоторых профессий влекут за собой критическое отношение к учебе, примитивизацию сознания, а большую часть подростков толкают в преступную среду. Несовершеннолетние – это субъекты, переживающие один из самых проблематичных этапов формирования личности. Учитывая относительную кратковременность, данный временной этап определяет последующую судьбу всякого человека, в связи с тем, что именно в подростковом периоде времени завершается процесс формирования характера и становление личности при активном воздействии со стороны социальной среды, ближайшего окружения и общества, в общем[2].

---

[1] См.: Рыженкова Е.В. Типологии личности преступника в криминологии // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 185.

[2] См.: Мельникова-Шаркова Е.А. Формирование и криминализация личности несовершеннолетнего преступника // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (39). С. 19.

В качестве одной из основных причин увеличения уровня преступности среди несовершеннолетних за последние несколько лет выступает стремительное ухудшение экономической обстановки и возросшая социально-классовая напряженность в социальной среде[1]. На сегодняшний день возрастает число случаев жестокого обращения с детьми, что, в свою очередь, влечет за собой интенсивное вытеснение несовершеннолетних из собственной семьи на улицу и приводит к новому увеличению показателей противоправного поведения несовершеннолетних, и чаще всего, именно насильственного характера. В связи с вышеуказанным, степень воздействия насилия, жестокости и неблагополучия в семье, у тех несовершеннолетних, что совершили насильственные преступления, достаточно высока, по сравнению с иными видами преступных деяний.

К факторам, непосредственно воздействующим на вовлечение несовершеннолетних в преступную среду, представляется возможным отнести увеличивающиеся показатели незанятости рассматриваемой категории населения, безнадзорность, сиротство, распространение бродяжничества и попрошайничества.

Среди несовершеннолетних, совершивших преступные деяния, неизменно лидирующие позиции занимают лица старшей возрастной категории (16-17 лет)[2]. Численность лиц женского пола среди совершивших преступные деяния несовершеннолетних представляется относительно не высокой: по информации, предоставленной МВД России, она составляет около 7–9 %[3]. Не случайно, по этой причине, преступность

---

[1] См.: Акимжанов Т.К., Торгаутова Б.А. Об особенностях преступности несовершеннолетних и некоторых подходах к организации ее предупреждения // Велес. 2017. № 1-2 (43). С. 116.

[2] См.: Гапоненко Р.А. Преступность несовершеннолетних и особенности ее предупреждения // Инновационные технологии нового тысячелетия. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 частях. Уфа, 2017. С. 194–197.

[3] См.: Грудинин Н.С., Галынская Д.С. Современное состояние преступности несовершеннолетних // Nauka-Rastudent.ru. 2016. № 8. С. 5.

несовершеннолетних рассматривается в качестве проблемы юношеской преступности. Исследования несовершеннолетних лиц, совершивших преступные деяния по месту жительства, выявляют тот факт, что процентный показатель городских жителей среди них составляет 75 %, а представителей сельской местности – 25 %. Приведенные различия находятся в зависимости от условий социально-экономического характера, а также от традиций и обычаев, исторически сложившихся в сельской местности и в городах[1]. Наиболее существенное число несовершеннолетних преступников, проживающих в городе, сопряжено с уменьшением степени контроля со стороны общественности, нерациональным распоряжением собственным свободным временем, особыми проблемами в сфере обеспечения принципа неотвратимости наказания за совершенное преступное деяние.

В юридической литературе нередко отмечается взаимосвязь степени образованности и непосредственно личности преступника[2]. По данному признаку представляется возможным судить относительно потенциальных возможностей личности несовершеннолетнего правонарушителя при реализации им собственных социальных функций, находящихся в определенной зависимости от уровня его культуры, интересов. Указывая на степень образованности несовершеннолетних преступников, представляется необходимым отметить то, что он наиболее низкий, по сравнению со сверстниками.

Высшей преступной активностью обладает группа не работающих и не учащихся субъектов, в которых преступные деяния совершает

---

[1] См.: Винокурова А.П. Криминологическая характеристика и особенности предупреждения преступности несовершеннолетних // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений. Сборник материалов Международной научно-практической конференции: в 2-х частях. Воронеж, 2017. С. 78.

[2] См.: Маринкин Д.Н. Актуальные вопросы профилактики преступности несовершеннолетних. Особенности их личности // В сборнике: Защита прав человека в современных условиях: теория и практика Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 314.

приблизительно каждый пятый. Исследования экспертов[1] также выявляют и то, что, в частности, не работающие и не учащиеся подростки зачастую входят в криминальную среду; такими лицами совершается значительная часть тяжких умышленных преступлений.

Факторы, способствующие возникновению преступности в социуме, детерминируют и преступность несовершеннолетних. Механизм их преступного поведения является достаточно специфичным вследствие общевозрастных психологических характеристик, особенностей социального статуса несовершеннолетних. Данной возрастной категории присущи не завершенная сформированность личной системы ценностей, увеличенная степень воздействия на модель поведения оценок и мнений ближайшего окружения, его повышенный уровень эмоциональности, отсутствие возможности критической оценки собственных действий и поступков иных субъектов.

Личность преступника в механизме преступного поведения сформировалась в таких направлениях, как семейный круг, школьная среда, сфера труда и досуговая среда и конечно профессиональная деятельность. Помимо этого, отдельно, применительно к современному обществу подчеркнем, что на индивида, как составляющей части механизма преступного поведения оказывают прямое воздействие различные информационные источники (радио, телевидение, печать, Интернет), имея в виду, конечно отрицательное воздействие.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на высокую степень актуальности, роль личности преступника в механизме преступного поведения изучена недостаточно, и данный процесс имеет свои специфические закономерности, которые необходимо выявлять и исследовать.

---

[1] См.: Панов С.Л. Криминологическая характеристика и предупреждение наркотизма среди несовершеннолетних: Дис. … канд. юрид. наук. Омск, 1998. С. 32.

В последние годы возрастает показатель заболеваемости детей и подростков. Лишь 14 % из них на сегодняшний период времени практически здоровы, у половины имеются существенные отклонения в состоянии здоровья, 35 % – обладатели заболеваний хронического типа[1]. Данное обстоятельство в значительной степени ограничивает возможности несовершеннолетних при выборе собственной будущей профессии, самостоятельном и бытовом обустройстве, приводит к психическим расстройствам и поведению противоправного характера.

Криминологами достаточно всесторонне был исследован криминогенный характер совершения насильственных преступлений несовершеннолетними[2]. Среди них выделяют отрицательные условия для жизни, воспитания детей и подростков, и влекут за собой возникновение острых межличностных противостояний граждан в семье и за ее пределами.

К таковым исследователи причин преступности относят, помимо ранее указанных, следующие: существенную социальную дифференциацию населения по степени обеспеченности материального плана; процессы разрушения семей, сопряженные со значимыми преобразованиями традиционно сложившихся родственных взаимоотношений; причины материального характера, несоответствие высоких запросов граждан и фактических возможностей их удовлетворения; низкую степень правовой культуры, существенные разрушения нравственного и правового сознания отдельно взятых категорий населения; традиционную реализацию основных воспитательных и профилактических функций лицами, не обладающими необходимой профессиональной подготовленностью в данной сфере; отсутствие достаточной ресурсной и кадровой оснащенности сферы

---

[1] См.: Бидзян Д.Р., Соркина М.О. Формирование и особенности личности преступника при определенном преступлении // Территория науки. 2016. № 5. С. 99.

[2] См.: Шуняева В.А. Социально-демографические признаки личности несовершеннолетнего преступника: особенности современного состояния // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 1. С. 137.

жизнедеятельности общества, специализированной в целях реализации целенаправленной деятельности по исправлению и перевоспитанию правонарушителей и др.[1]

Для несовершеннолетних правонарушителей взаимодействие с криминогенной средой являются достаточно типичными; до 90 % совершивших преступные деяния, подростков прежде испытывали воздействие с ее стороны[2]. Главенствующая роль в становлении личности несовершеннолетних определена семье. Воздействие с ее стороны характеризуется достаточной продолжительностью, реализуется с самого раннего детства. Выявление обстоятельств, фактически затрудняющих процесс воспитания (не полный состав семьи, проблемы материального, жилищного характера и иные) и характеризующихся субъективной позицией, занимаемой родителями. Отказ от исполнения возложенных на них функций по воспитанию детей, правонарушающее поведение в быту позволяет выявить тот факт, что собственно криминогенной значимостью обладают факторы субъективного характера, а объективные факторы всего лишь могут усугубить их проявление[3]. Различные изъяны внутрисемейной обстановки имеются в большом количестве семей. Особенности же неблагополучия родительских семей несовершеннолетних правонарушителей заключаются в том, что в качестве типичного явления выступает наличие совокупности связанных между собой отрицательных характеристик. Приблизительно в 40 % такого рода семей в качестве способа разрешения внутренних конфликтов избраны скандалы, драки; около 35 % – употребляют алкоголь.

---

[1] См.: Ловчикова Х.А. Детерминанты и особенности предупреждения преступности несовершеннолетних // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2015. № 2 (5). С. 76.

[2] См.: Высоцкая М.В. О детерминантах преступности несовершеннолетних // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 1 (36). С. 51.

[3] См.: Демко О.С., Пилипенко М.Ю. Криминологические детерминанты формирования личности несовершеннолетнего преступника // Научный альманах. 2017. № 1-1 (27). С. 257.

В качестве значимой отличительной черты последних нескольких лет от предыдущих выступил явный рост показателей сиротства детей, когда они фактически остаются или ощущают себя брошенными при живых родителях. Наиболее чаще стало проявляться так называемое латентное сиротство, которое получило свое активное распространение вследствие воздействия ухудшающих условий жизни большого числа семей, падения нравственных устоев, из-за чего, изменяется отношения к детям, вплоть до полного вытеснения их из семей.

Представляется возможным отметить то, что существует определенная типичность взаимосвязей несовершеннолетних правонарушителей с криминогенной обстановкой, и подобные связи достаточно устойчивы. Подавляющее большинство совершивших преступные деяния подростков испытывали отрицательное воздействие в ближайшем бытовом окружении при явном недостатке (безуспешности) компенсирующего и корригирующего влияния субъектов общего воспитания и профилактики.

Среди причин и условий насильственной преступности несовершеннолетних следует выделить:

1. Причины и условия общего типа, влекущие за собой возникновение как всей преступности в целом, так и отдельно взятого преступного деяния, совершаемого несовершеннолетним. В.Ф. Пирожков в своей работе «Криминальная психология» раскрывает характеристику факторов, относимых к рассматриваемой категории[1]. К числу таких факторов автором отнесены факторы социального, политического, экономического, идеологического, генетического характера и др.

2. Особые причины и условия, присущие, в первую очередь, для отдельно взятых преступных деяний, что совершаются несовершеннолетними. Основываясь на позициях, занимаемых различными

[1] См.: Пирожков В.Ф. Криминальная психология: Психология криминальной преступности. Кн. 1. М.: Ось-89. 1998. С. 156.

учеными[1], к числу таковых причин и условий следует относить аморальный характер жизни и поведения, распространенность наркомании и пьянства, повсеместное неблагополучие семей, семью, которая распалась, разрушение системы воспитательной работы во всех социальных институтах с каждой возрастной и профессиональной группой населения, устранение возрастных и профессиональных социальных организаций.

3. Причины и условия преступности несовершеннолетних субъективного характера: низкая степень их образованности и отсутствие достаточного жизненного опыта, различные отклонения в психике, агрессия и жестокость, выступающие в данном случае, в качестве типичных черт характера, приверженность к употреблению спиртосодержащих напитков и наркотиков и определенные иные индивидуальные негативные черты и характеристики таких несовершеннолетних. В.Ф. Пирожков к числу факторов, воздействующих на динамику преступности и становление личности преступника, относит также социально-психологическое расслоение общества на категории бедных и богатых, что, в свою очередь, повлекло за собой перечень социально-психологических феноменов, таких как, например, ненависть, зависть, желание применять криминальные способы в целях избегания потенциальной или существующей нищеты и бедности[2].

Как полагают некоторые исследователи, всякое преступное деяние в большом числе ситуаций определяется в итоге, всей предшествующей жизнью человека, теми его индивидуальными характеристиками, которые были выработаны в ходе его воспитания и которые в определенной ситуации выступают в качестве предопределяющих факторов выбора общественно опасного варианта поведения. В качестве наиболее актуальных проблем

---

[1] См.: Кузьмин Ю.А. Особенности криминологической характеристики несовершеннолетних преступниц // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 8 (8). С. 115.

[2] См.: Там же. С. 117.

выступают личностные причины преступных деяний, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста.

На основе изучения определенных психологических исследований представляется возможным указать, что большей части несовершеннолетних преступников присущи такие субъективные изъяны, как:

1. Отсутствие по причине своего возраста достаточного жизненного опыта, целей, моральных установок и принципов. Для большинства несовершеннолетних преступников характерен, так называемый, конформизм, то есть для них крайне значимы такие понятия, как товарищество, долг, смелость. Собственную модель поведения они не воспринимают, в качестве деяния, опасного для общества, а напротив, воспринимают как смелый героический поступок.

2. Присутствие у несовершеннолетних субъектов, совершивших преступное деяние, таких черт как жестокость, враждебность, агрессия. Враждебность представляет собой отрицательную установку по отношению к другому человеку либо же к группе людей, которая отображается в достаточно негативной оценке своего объекта – жертвы.

3. Наличие у большей части несовершеннолетних пристрастия к спиртосодержащим напиткам. Исходя из анализа некоторых исследований, в России приблизительно 500 тысяч подростков считаются алкоголиками, а свыше 20 % несовершеннолетних употребляют самые разнообразные одурманивающие вещества[1].

В совершении преступного деяния несовершеннолетними также значительную роль играют: негативное воздействие со стороны семьи; продолжительное во времени отсутствие конкретных занятий у несовершеннолетних, оставивших учебу; безнадзорность малолетних;

---

[1] См.: Кравцова О.В., Блинова-Сычкарь И.В., Дмитриенко С.А. Вопросы криминалистической теории в борьбе с преступностью несовершеннолетних в РФ // Актуальные проблемы развития современного российского общества теория и практика. Сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции. 2017. Воронеж, С. 58.

недоработки в учебно-воспитательной работе; недостатки в организации трудоустройства и воспитания; недоработки в формировании досуга не достигших совершеннолетия лиц.

Особой значимостью в процессе становления личности несовершеннолетнего обладает нравственная позиция, занимаемая семьей, к которой представляется возможным отнести как имеющиеся взаимоотношения между ее членами, в том числе между родителями и детьми, так и присутствие положительного (отрицательного) примера со стороны старших по возрасту лиц.

Таким образом, для несовершеннолетних, совершивших насильственное посягательство, присуще: отсутствие заинтересованности к познавательной деятельности; отсутствие способности к сочувствию и сопереживанию, глубокому эмоциональному волнению; нацеленность на получение простейших удовольствий при отсутствии конкретного волевого усилия и труда; склонность к индивидуальной и нередко, к групповой жестокости; высокий уровень подверженности воздействию со стороны старших правонарушителей или групповому влиянию.

Особо значимую роль в совершении несовершеннолетними преступных деяний играют определенные жизненные (криминогенные) ситуации. По итогам проведенного исследования выявлено то, что в большинстве своем (60 %) криминогенные ситуации были созданы самим преступником или его соучастниками. Такие ситуации состояли в различных ссорах, конфликтах, драках, в качестве инициатора которых выступал непосредственно несовершеннолетний преступник. В 30 % ситуаций обстановка конфликта формировалась самим потерпевшим. Она выступала как следствие противоправного, а порой и провоцирующего типа поведения жертвы преступного деяния. И в 10 % ситуаций криминогенную обстановку формировал не сам преступник, а лица, интересы которых несовершеннолетний преступник отстаивал. Представляется возможным выделить три категории определенных жизненных ситуаций: криминогенные

ситуации, формируемые самой жертвой преступного деяния; криминогенные ситуации, формируемые преступником; криминогенные ситуации, создаваемые иными субъектами[1].

Необходимым представляется отметить то, что именно возрастные характеристики психики несовершеннолетних крайне часто являются непосредственным «катализатором» конфликтов в сложноустроенных объективных условиях вследствие недостаточного объема жизненного опыта, отсутствия необходимого уровня интеллектуального и волевого становления подрастающей личности. Несовершеннолетним личностям также характерна такая черта, как переоценка мотивов личного поведения в совокупности с параллельной недооценкой опасности для всего общества реализуемого ими деяния и тяжести потенциальных последствий, что, в свою очередь, делает достаточно затруднительным возможность принятия правильного решения в конфликтной обстановке.

Среди числа виктимологически существенных факторов преступных деяний, совершаемых лицами, не достигшими совершеннолетнего возраста, особой значимостью обладает повышенный уровень латентности виктимизации, существующий вследствие несообщения в правоохранительные органы о фактах совершенных посягательств. Особо высокая степень латентности прослеживается в тех ситуациях, при которых между жертвами и несовершеннолетними правонарушителями присутствуют взаимосвязи первого и второго типов. При первом типе, сокрытие факта совершения преступного деяния осуществляется вследствие отсутствия естественного желания родителей, либо же иных родственников, подвергать несовершеннолетнего воздействию со стороны правоохранительных органов.

---

[1] См.: Вирясова Н.В., Федина Н.А., Наконечная А.В., Чугуй А.А. Некоторые проблемы преступности несовершеннолетних и меры ее профилактики // Модернизация общественных наук в эпоху глобальных перемен: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты материалы международной научно-практической конференции: в 3 частях. Саратов, 2017. С. 58.

При втором типе высокая степень латентности существует вследствие имеющегося панического страха самого потерпевшего возможной расправы со стороны преступника[1].

Представляется возможным отметить, что исследование виктимологических профилактических аспектов посягательств на безопасность здоровья человека, совершаемых несовершеннолетними, в отношении несовершеннолетних, позволяет сделать ряд выводов. В качестве доминирующих виктимогенных факторов для насильственной категории преступлений несовершеннолетних представляется возможным отметить половозрастную и стрессовую виктимность, которые обусловлены психофизиологическими спецификами жертв-несовершеннолетних. Жертвой сверстников может оказаться практически любой несовершеннолетний субъект, без учета его нравственно-психологических характеристик, образа жизни, уровня приспособленности в обществе. В деятельности субъектов виктимологической профилактики наиболее широко применяются такие средства, которые никак не связаны с принуждением: убеждение воспитательного и защитного характера (воспитание, защита прав и законных интересов личности конкретной жертвы); оказание комплексной (юридической, социальной, медицинской, психологической) помощи жертвам. При этом все равно в конкретных ситуациях представляется наиболее приемлемым применять и средства принудительного характера, а в частности, посредством включения сдерживающих механизмов (ограничение количества выдаваемых родителями денежных средств, сокращение объема предоставляемой свободы при распоряжении материальными ценностями, запрет посещения досуговых центров, игровых залов, мест проживания малознакомых сверстников).

---

[1] См.: Жадан В.Н. Проблемы криминологической характеристики преступности несовершеннолетних в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 181.

В процессе изучения личностных и психологических специфических характеристик жертв посягательств несовершеннолетних было установлено то обстоятельство, что внезапный характер нападения, численное превосходство лиц, совершивших преступление, психологическая и физическая неподготовленность жертв к противостоянию посягательству влекут за собой то, что из десяти потерпевших лишь один предпринимает попытку оказать физическое сопротивление в ходе непосредственного посягательства.

Следует отметить, что необходимо внедрить в практическую деятельность статистические формы учета, которые отражали бы следующие характеристики жертв преступных деяний: пол и возраст, семейное положение, образование, профессию, характер взаимоотношений с преступником до и после совершения преступления, характер поведения жертвы вследствие совершения преступного деяния, а также характер воздействия, оказываемого на самого потерпевшего.

Исследование причин и условий преступности несовершеннолетних выступает в качестве одной из фундаментальных задач криминологической науки. Знание причинного комплекса предоставляет возможность выработать общую и частную систему профилактики и предупреждения совершения преступных деяний несовершеннолетними.

Как правило, легкий вред здоровью причиняется подростками во время обоюдной драки, такие повреждения становятся проявлением детского озорства, средством самоутверждения среди сверстников, и они не сознают общественную опасность этих деяний в силу неразвитого правосознания.

Если в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства возникают сомнения относительно вменяемости обвиняемого или его способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, должна быть назначена судебно-психиатрическая экспертиза.

Значительное число осужденных за посягательства на безопасность здоровья человека находилось в состоянии опьянения. По данным, полученным нами в ходе изучения приговоров судов по рассматриваемым деяниям, такое количество составляло порядка 70 % осужденных. Примерно треть осужденных (около 29 %) ранее совершали различные посягательства на безопасность здоровья человека, что говорит о наличии устоявшихся антиобщественных взглядов, склонности к совершению новых насильственных преступлений.

Таким образом, при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека следует внимательно подходить к определению субъективных признаков рассматриваемых деяний, оказывающих влияние на квалификацию преступлений.

4.3. Уголовно-правовая характеристика побоев

Общественная опасность побоев, на первый взгляд, кажется не столь высокой[1]. Однако следует отметить, что такие менее опасные виды насильственных действий со временем приобретают весьма тяжелые криминальные формы, влекут безнаказанность, наступление более тяжких последствий в виде причинения вреда здоровью человека либо даже смерти при систематичности и особой жестокости таких деяний. Полагаем, что с целью недопущения совершения более тяжких насильственных преступлений с необратимыми последствиями следует обратить внимание на вопросы противодействия и профилактики нанесения побоев. Планомерному противодействию нанесения побоев препятствует многократное реформирование уголовного законодательства, не согласованное с криминологической реальностью и обоснованностью криминализации таких

[1] При подготовке данного параграфа использованы материалы следующей работы: Безручко Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нанесение побоев // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1. С. 36–40.

деяний, неоднозначная, противоречивая практика применения данных норм, либеральная политика судов, провоцирующих дальнейшее совершение аналогичных деяний, влекущих наступление более тяжких последствий, нежелание сотрудников органов внутренних дел реагировать на заявления граждан о нанесении побоев.

Между тем, показатель личной безопасности человека и гражданина на территории его проживания, говорит о способности государства обеспечить безопасность жизни, здоровья, телесной неприкосновенности и способности государства сохранить себя, свою территориальную целостность, суверенитет. Ибо если сами граждане Российской Федерации будут чувствовать себя незащищенными от таких криминальных проявлений, считающихся нетяжкими, то и существование самого государства ставится под угрозу в связи с нежеланием защищать его этими же гражданами в случае возникновения реальной опасности.

Уголовная политика Российской Федерации в последнее время характеризуется противоречивостью, неустойчивостью в принятии решений о криминализации или декриминализации деяний, сиюминутностью подхода к этому процессу в зависимости от обретших определенный резонанс тех или иных преступлений, широко освещаемых в средствах массовой информации. Определенный ажиотаж вызвало принятие уголовного закона об ответственности за нанесение побоев близким, который породил активные споры в юридической и не юридической общественности.

Начала складываться такая ситуация, когда за нанесение побоев близким родственникам субъекта преступления неминуемо следовало привлекать к уголовной ответственности, а за нанесение побоев чужому лицу – только в случае повторного совершения административного правонарушения. Например, в три часа ночи приходит домой сын со своим другом в состоянии сильного алкогольного опьянения и оба начинают себя вести вызывающе, громко слушать музыку, на замечания отца реагировать грубо, дерзко, хамить ему. Отец пытается выпроводить из дома запоздавшего

гостя, в результате чего возникает потасовка, обоюдная драка, связанная с нанесением побоев как своему собственному сыну, так и его другу, которые на следующий день оба написали заявление о привлечении отца к уголовной ответственности. Получалось, что отца за нанесение побоев сыну привлекали к уголовной ответственности, а за аналогичные действия в отношении постороннего человека – нет, только к ответственности административной.

Среди противников введения в Российской Федерации положений о ювенальной юстиции, согласно которым появится возможность изымать детей из так называемых неблагополучных семей, когда ребенок мог пожаловаться в школе или в специализированный орган о том, что к нему было применено насилие или его поставили в угол, тем самым ограничили его свободу, появление «закона о шлепках» стало знаковым событием, позволяющим надеяться, что в Российской Федерации будет последовательно проводиться политика по разрушению семей и изъятию детей в случаях, надуманных или имеющих место быть, но связанных с особенностями воспитания и традициями в российском обществе, когда дать вовремя ремня подростку в исключительных случаях, означает не нарушить его права, а по отечески с любовью направить его по верному жизненному пути, чтобы несовершеннолетний осознавал неправильность выбранного в настоящий момент правила поведения.

Президент России Владимир Путин подписал закон о декриминализации побоев в семье[1]. Закон перевел побои в отношении близких родственников из разряда уголовных преступлений в административные правонарушения в случаях, когда такой проступок совершен впервые. Стоит ли это считать победой здравого смысла над желанием безудержно реформировать уголовное законодательство в угоду сложившейся конъюнктуре, показывая при этом свою кипучую деятельность

[1] См.: Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

в рамках заседания соответствующих комитетов, назвать сложно. В юридической литературе имеется позиция, сторонники которой не приветствуют установление административной преюдиции в отношении побоев, полагая, что у самих побоев имеется невысокая степень общественной опасности, их давно следует декриминализовать и перевести в ранг административного правонарушения. Полагаем, что при решении таких вопросов следует обращаться к серьезному криминологическому анализу данных деяний, а не к возникшему в данный период времени особому вниманию в средствах массовой информации пусть и к резонансным, но не влекущим немедленного реформирования уголовного законодательства происшествиям.

Распространенным в последнее время стало освещение в средствах массовой информации случаев нападения на медицинских работников и применения насилия в отношении них. Вопиющим стал случай, произошедший 11 февраля 2017 года, когда фельдшер «скорой медицинской помощи» прибыла в квартиру дома в городе Саратове, в связи с поступившим сообщением о высоком артериальном давлении у 41-летнего жителя областного центра. Кроме указанного мужчины в жилом помещении находились четверо его знакомых. После того, как медицинский сотрудник вошла в квартиру, 44-летний хозяин жилища закрыл за ней дверь, пояснив при этом, что из квартиры ее не выпустит. Испугавшись, фельдшер зашла в ванную комнату, откуда смогла сообщить о произошедшем диспетчеру «скорой медицинской помощи», которая передала данные сведения в правоохранительные органы. В связи с тем, что медицинскому работнику стали поступать угрозы о применении насилия от находившихся в квартире мужчин, женщина вышла из ванной комнаты. Тогда двое из присутствующих стали осуществлять действия, направленные, по ее мнению, на ее изнасилование, а также высказывать соответствующие намерения.

Возбуждено уголовное дело по статьям «Незаконное лишение свободы» и «Покушение на изнасилование»[1].

Сразу же возникли предложения о том, чтобы приравнять медицинских работников к сотрудникам правоохранительных органов при посягательстве на их жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность. Нисколько не умаляя значимость и важность уголовно-правовой охраны жизни и здоровья медицинских работников, полагаем, что все же не следует их сравнивать с сотрудниками правоохранительных органов. Считаем достаточным внести в нормы о причинении вреда здоровью человека квалифицирующие или особо квалифицирующие признаки, позволяющие показать более высокую степень общественной опасности таких деяний в отношении лиц, оказывающих медицинскую помощь.

Между тем, ученые правоведы в области уголовного права до сих пор не определились в едином мнении относительно того, что выступает в качестве непосредственного объекта уголовно-правовой охраны побоев: телесная неприкосновенность или здоровье человека. Более того, большинство авторов считают объектом побоев здоровье человека в связи с расположением данной статьи в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья».

Согласно пункту 23 Правил судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений 1978 года побои не являлись видом телесных повреждений и характеризовались многократным нанесением ударов. Если же после нанесения побоев остались повреждения на теле потерпевшего, их определяли по степени тяжести наступивших последствий.

В Правилах судебно-медицинской экспертизы тяжести вреда здоровью 1996 г. определялось понятие побоев, которые выступали в качестве отдельного вида телесных повреждений и характеризовались многократным нанесением ударов. Однако в результате нанесения побоев могли возникать телесные повреждения. Но следует указать, что и многократное или

[1] См.: URL: http://www.interfax.ru/russia/549554 (дата обращения: 12.02.2017).

однократное нанесение ударов могло и не оставить никаких подтверждаемых повреждений.

Согласно государственно-правовой (конституционной) теории под телесной (физической) неприкосновенностью понимается право лица на неприкосновенность его здоровья от каких-либо посягательств.

При определении объекта преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, возникает сложность его оценки в связи с тем, что с одной стороны, в диспозиции части первой статьи 116 УК РФ содержится указание на отсутствие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, то есть не должен быть причинен легкий вред здоровью человека, а, соответственно, и другие его виды (средней тяжести или тяжкий вред здоровью), с другой стороны, месторасположение побоев в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» исключают иное толкование при определении объекта уголовно-правовой охраны при совершении этих деяний.

В юридической литературе имеется точка зрения, согласно которой именно здоровье человека выступает объектом побоев, так как, претерпев побои, хоть и не связанные с конкретным причинением вреда здоровью человека, потерпевший все же «не будет являться здоровым в полной мере». Но понятие полной меры отсутствует в уголовном законодательстве и при правовой оценке насильственных преступлений определяющим документом, влияющим на квалификацию деяния, является заключение судебно-медицинской экспертизы о наличии или отсутствии признаков вреда, причиненного здоровью человека в результате совершения преступления.

Мы полагаем, что объектом побоев является телесная неприкосновенность, так как в случае причинения конкретного вреда здоровью человека наступление последствий в виде ущерба здоровью прямо описано в статьях 115, 112 и 111 УК РФ, тогда как в статье 116 УК РФ имеется конкретное указание законодателя на отсутствие последствий в виде причинения вреда здоровью человека при нанесении побоев.

В Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 года, из понятия вреда здоровью исключены телесные повреждения, заболевания, патологические состояния. Данный нормативный правовой акт содержит указание на нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека. До принятия Уголовного кодекса 1996 года в законодательстве говорилось о телесных повреждениях, в настоящее время используется понятие «вред здоровью», определяемое в Правилах определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2007 года и в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека 2008 года.

Побои в юридической литературе вполне справедливо относят к различным формам проявления насилия. В теории уголовного права принято насилие разделять на опасное и не опасное для жизни или здоровья. Под насилием, не опасным для жизни или здоровья, понимаются побои (статья 116 УК РФ), а также иные насильственные действия, причинившие физическую боль. В ряде составов преступлений насилие, не опасное для жизни или здоровья представлено в виде обстоятельства, квалифицирующего преступление. К таким деяниям относятся грабеж (пункт «г» части второй статьи 161 УК РФ) и другие преступления (пункт «в» части второй статьи 166 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 221 УК РФ, пункт «г» части третьей статьи 226 УК РФ, пункт «г» части второй статьи 229 УК РФ, часть третья статьи 296 УК РФ, часть третья статьи 309 УК РФ, часть первая статьи 318 УК РФ, часть первая статьи 321 УК РФ). В уголовном законодательстве насилием является реальное применение физического насилия. Что касается насилия психического, то уголовный закон говорит об угрозе применения насилия в специально предусмотренных случаях.

В уголовном законодательстве Российской Федерации побои упоминаются в статье 116 УК РФ, статье 116^1 УК РФ, статье 117 УК РФ, статье 334 УК РФ. Побои характеризуются многократным, более двух,

нанесением ударов. Однако в практической деятельности встречаются случаи неверной первоначальной правовой оценки побоев.

Так, Исакогорским районным судом г. Архангельска рассмотрено уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного К. по части первой статьи 116 УК РФ. К., находясь в подъезде дома в состоянии алкогольного опьянения, умышленно, в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений, с целью причинения физической боли, нанес Х. удар в область спины, отчего последний испытал физическую боль и упал на лестницу, а также порвал на потерпевшем одежду (брюки, нижнее белье). Таким образом, К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 116 УК РФ, - в нанесении побоев, то есть в совершении иных насильственных действий, причинивших потерпевшему физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 УК РФ.

Не согласившись с постановленным приговором, К. и его адвокат М. обжаловали его в апелляционном порядке.

В результате суд, установив, что К. совершил в отношении потерпевшего насильственные действия, причинившие физическую боль, то есть нанес Х. один удар по спине, пришел к выводу, что мировой суд излишне квалифицировал его действия, в том числе как побои, которые образуются нанесением более чем 2-х ударов. Таким образом, указание на нанесение К. побоев Х. подлежит исключению из приговора, что влечет сокращение назначенного наказания, и изменение приговора вследствие нарушений требований Особенной части УК РФ[1].

Отнесение всех видов причинения вреда здоровью к преступлениям с материальным составом не вызывает сомнений, однако аналогичное решение вопроса применительно к нанесению ударов, побоев неоднозначно решается в юридической литературе. Установление таких последствий вызывает

[1] Архив Исакогорского районного суда г. Архангельска за 2011 год. Уголовное дело № 10-4/2011.

практические затруднения, но, как правило, удары, побои оставляют после себя гематомы, ссадины, кровоподтеки.

Возникают также сложности при правовой оценке побоев относительно трактовки понятия иных насильственных действий, причинивших физическую боль. В юридической литературе под таковыми понимают щипание, сечение, длительное лишение пищи, воды, тепла, причинение множественных повреждений тупыми или острыми предметами, прижигание отдельных частей тела, их защемление, блокирование дыхания, связывание, выкручивание рук, воздействие термическими факторами, воздействие биологическими или природными факторами, оставление (помещение) потерпевшего во вредных для него условиях, использование электротока, воздействие на потерпевшего при помощи животных, птиц, насекомых, физическое принуждение, связанное с ограничением свободы человека и другие насильственные действия, причинившие физическую боль, перечень которых конкретно в законе не определен, что, безусловно, является негативным фактором, влекущим неоднозначность правовой оценки рассматриваемых деяний. Однако мы полагаем, что не все указанные признаки следует отнести к иным насильственным действиям, причинившим физическую боль, применительно к статье 116 УК РФ. Такие действия, как длительное лишение пищи, воды, тепла, оставление или помещение потерпевшего во вредных для него условиях, полагаем, следует отнести к истязаниям.

В практической деятельности имеется неоднозначная оценка иных насильственных действий. Так, Кизеловским городским судом Пермского края рассмотрены материалы уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 117, частью первой статьи 119, частью первой статьи 119, частью первой статьи 119, пунктом «д» части второй статьи 112, пунктом «а» части второй статьи 116 УК РФ. Суд, не соглашаясь с мнением государственного обвинителя, исключил из обвинения К. по части первой статьи 117 УК РФ

квалифицирующий признак «совершение иных насильственных действий». В обоснование своей позиции суд указал следующее. Статья 117 УК РФ именуется «истязание» и предусматривает уголовную ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев или совершение иных насильственных действий, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ. Из этого следует, что систематическое нанесение побоев является частным случаем. К иным насильственным действиям законодатель относит такие действия, как щипание, уколы, защемление той или иной части тела при помощи каких-либо инструментов, при этом они должны совершаться в течение определенного времени, а не виде одновременного акта. Учитывая изложенное, суд посчитал, что из обвинения К. следует исключить квалифицирующий признак – совершение иных насильственных действий, как излишне вмененный и действия К. следует правильно квалифицировать по части первой статьи 117 УК РФ – как причинение физических и психических страданий путем систематического нанесения побоев, если это не повлекло последствий, указанных в статьях 111 и 112 УК РФ[1].

Субъективная сторона побоев выражается умышленной формой вины. Умысел, как правило, прямой, то есть лицо стремится причинить только физическую боль потерпевшему, не желая наступления более тяжких последствий в виде причинения вреда здоровью какой-либо тяжести.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 116 УК РФ, является наличие хулиганского мотива или мотива политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотива ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Довольно часто побои совершаются в состоянии алкогольного опьянения.

---

[1] Архив Кизеловского городского суда Пермского края за 2010 год. Дело № 1-207/2010.

Уголовная ответственность за нанесение побоев (статья 116 УК РФ) установлена с 16 лет. Побои, как правило, причиняются подростками во время драки, являются средством самоутверждения среди несовершеннолетних, которые в полной мере не сознают общественную опасность своих деяний. Однако считаем, что в связи со значительной общественной опасностью этих действий, проявляемой в них жестокостью и с учетом того, что они не носят спонтанного характера, а являются умышленными, было бы целесообразно, по нашему мнению, установить ответственность за их совершение с 14 лет.

В результате исследования, проведенного в данной главе, нами было проанализировано понятие насилия в уголовном праве как объединяющего признака умышленных деяний, посягающих на безопасность здоровья человека, предложено авторское определение насилия, рассмотрена уголовно-правовая характеристика умышленного причинения вреда здоровью человека, уголовно-правовая характеристика побоев, что позволит внести ряд предложений по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за посягательства на безопасность здоровья человека, а также практики его применения.

Глава 5. Совершенствование комплекса мер по противодействию преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека

5.1. Квалификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека

Квалификация преступления в теории уголовного права – это установление соответствия (тождества) между признаками совершенного деяния в объективной действительности и признаками конкретного состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации[1].

В настоящем параграфе будут рассмотрены отдельные вопросы квалификации преступлений, посягающих на безопасность здоровья

[1] См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999; Мухамедзянов И.А. Квалификация преступлений. Казань, 1999; Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория и практика. М., 2001; Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001; Рарог А.И. Квалификация преступления по субъективным признакам. СПб., 2003; Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования: Теория и практика. М., 2003; Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004; Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007; Нафиев С.Х., Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. М., 2009; Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство, теория, судебная практика: Монография. М., 2014; Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступлений: монография. М., 2014; Мурашов Н.Ф. Квалификация преступлений: научн.-практич. пособие. М., 2014; Квалификация преступлений: учебное пособие / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2016; Сумский Д.В. Переквалификация преступлений. М., 2016; Гарбатович Д.А. Квалификация непреступных уголовно-правовых деяний. М., 2017; Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Квалификация преступлений: теория и практика. М., 2017; Бавсун М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / М.В. Бавсун, С.В. Векленко. М., 2017; Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений: монография. М., 2018 и др.

человека, с учетом тех аспектов, которые являются проблемными в теории и практике применения уголовного закона.

В следственно-судебной практике порой не учитывается состояние аффекта, либо наоборот, первоначальная правовая оценка связана с наличием особого психического состояния, но впоследствии судом эти данные отвергаются. Также встречаются случаи, когда в качестве физиологического аффекта признаются стрессовые состояния, к аффекту не относящиеся.

Часто вопреки заключениям экспертов суд отвергает наличие состояния аффекта. Так, В. первоначально осужден за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью Ф., а также за убийство З. В. виновным себя не признал. В апелляционной жалобе адвокат К., не соглашаясь с приговором, указал, что факт совершения В. данных преступлений не нашел своего подтверждения. Считает, что суд в приговоре не указал, в связи с чем В. причинил тяжкий вред здоровью Ф. и смерть З. Считает, что В. не намеревался причинять потерпевшим телесные повреждения, а они напали на него, нанесли удары руками, ногами, табуретом, что подтверждается заключениями эксперта о наличии у В. телесных повреждений. Полагает, что судом не дана оценка выводам генотипоскопической экспертизы, согласно которой на куртке В. обнаружены следы крови человека, произошедшие от него, а происхождение их от потерпевших исключается. В., обороняясь, нанес повреждения Ф., а после того, как последний прекратил нападение на В., тот также прекратил действия в отношении потерпевшего, что подтверждено показаниями Ф. Из показаний В. следует, что З. продолжил нападение на него с ножом в руках, а он, взяв висевший на вешалке мачете, стал размахивать им в разных направлениях до тех пор, пока З. не прекратил нападение. Полагает, что нахождение трупа З. на крыльце, а не в домике, подтверждает показания В. о нападении на него З., а не наоборот, и что З. нападал на В., пока силы не оставили его. Не соглашается с выводами суда о признании несостоятельными доводов защиты о причинении В. потерпевшим тяжкого вреда здоровью и убийства в состоянии аффекта. Считает, что

выводы суда об отсутствии у В. физиологического аффекта и наличии эмоционального напряжения, неудачной попытки решить ситуацию, противоречат выводам судебно-психиатрических экспертиз и показаниям эксперта, согласно которым В. находился в состоянии значимого эмоционального напряжения, которое способствовало возникновению физиологического аффекта. Адвокат полагает, что действия В. подлежат оценке по ст. 113 УК РФ и по ч. 1 ст. 107 УК РФ. Суд пришел к выводу о том, что имевшиеся у В. повреждения не могут свидетельствовать о совершенном на него посягательстве, опасном для его жизни, в то время как количество, характер и локализация телесных повреждений у потерпевших, зафиксированные в протоколах осмотра и в заключениях судебных экспертиз, свидетельствуют об однозначно преимущественно активных действиях именно В. Судом не установлено фактических обстоятельств, позволяющих прийти к выводу, что со стороны потерпевших имела место система противоправных действий или аморальное поведение, которые бы обусловили длительную психотравмирующую ситуацию для В., который подробно и обстоятельно рассказывал обо всех обстоятельствах конфликта, о своих действиях и своем состоянии, мотивах и целях, на провалы в памяти не ссылался, им были совершены последовательные и адекватные действия, он правильно оценивал происходящее, действовал не импульсивно, а целенаправленно, контролировал свое поведение. Суд указал, что в момент совершения преступлений В. не находился в состоянии физиологического аффекта. На основании исследованных доказательств суд пришел к выводу о доказанности вины В. и необоснованности доводов апелляционной жалобы осужденного[1].

В ряде случаев ошибочно оцениваются причины, породившие состояние аффекта. Так, Семикаракорским районным судом Ростовской области рассмотрено уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111

[1] Архив Хабаровского краевого суда. Уголовное дело № 22-1165/2018.

УК РФ, при следующих обстоятельствах. К., 2 сентября 2010 года, в период времени с 21 до 22 часов, находившийся в помещении летней кухни своего домовладения, нанес жене удар рукой в голову, от которого та упала на пол. Продолжая свои действия, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью, подсудимый К. нанес жене два удара ногой в живот. В результате причинил последней тупую травму живота с разрывом тонкой кишки, повлекшую причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни, что повлекло смерть жены, наступившую 5 сентября 2010 года. Согласно заключению психологической экспертизы, К. в момент совершения преступления не находился в состоянии физиологического аффекта, но находился в состоянии сильной психической напряженности (стресса); на поведение К. могли существенно повлиять такие индивидуально-психологические особенности как чувствительность в отношении средовых взаимодействий, эмоциональная неустойчивость, обидчивость, впечатлительность, пессимистичность, застревание на негативных переживаниях, ранимость; К. не мог точно соотносить свои действия объективным требованиям ситуации. Однако в данном решении суд посчитал, что подсудимый совершил в отношении погибшей преступление в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Длительная психотравмирующая ситуация, по мнению суда, была вызвана аморальным поведением погибшей, ежедневно злоупотреблявшей спиртным на протяжении более трех лет подряд, пропивавшей пенсию, фактической утратой человеческого облика (пренебрежение гигиеной как личной, так и в доме, единственная цель – поиск спиртного). В момент совершения преступления осужденный нанес удары, повлекшие тяжкий вред здоровью, а затем и смерть жены только в ответ на ее аморальное поведение (алкогольное опьянение, испражнения в доме и словесное оскорбление в его адрес). В итоге действия подсудимого судом были переквалифицированы с части

четвертой статьи 111 УК РФ на статью 113 УК РФ и часть первую статьи 109 УК РФ[1].

В уголовном законодательстве при определении аффекта используется признак внезапности. То есть аффект представляет собой яркую эмоциональную бурно протекающую кратковременную вспышку, которая, как правило, длится не более 5-7 минут и возникает сразу непосредственно после насилия, издевательства или тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего либо иных противоправных или аморальных действий (бездействия) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего. Однако в следственно-судебной практике встречаются случаи, когда состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) возникает не сразу после совершения противоправных действий потерпевшего, а по истечении какого-то времени.

Представляется, в данном исследовании следует рассмотреть вопрос о правовой оценке случаев, когда в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, по неосторожности наступает смерть потерпевшего. Законодатель не установил специального вида уголовной ответственности за совершение деяния, аналогичного части четвертой статьи 111 УК РФ.

В вышеприведенном нами примере из судебно-следственной практики действия К. были переквалифицированы с части четвертой статьи 111 УК РФ на статью 113 УК РФ и часть первую статьи 109 УК РФ[2]. Также встречаются случаи правовой оценки таких деяний либо по статье 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии аффекта, либо только по статье 113 УК РФ.

---

[1] Архив Семикаракорского районного суда Ростовской области за 2011 год. Уголовное дело № 1-180/2011.

[2] Там же.

Так, Петрозаводским городским судом Республики Карелия в открытом судебном заседании рассмотрено уголовное дело в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ при следующих обстоятельствах. К., разыскивая свою супругу, пришел на квартиру, принадлежащую ее подруге, где застал супругу в одной кровати с Х., которому умышленно с силой нанес руками и неустановленным следствием предметом не менее 10 ударов по голове и туловищу, а также один удар коленом правой ноги в область груди. В результате указанных умышленных действий, согласно заключению эксперта, потерпевшему Х. причинен тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, который стоит в прямой причинной связи с наступлением смерти потерпевшего, а также иные телесные повреждения, не отнесенные экспертом к тяжкому вреду здоровью. Смерть Х. наступила от открытой черепно-мозговой травмы с переломами костей свода и основания черепа, кровоизлияниями под оболочки головного мозга и ушибом головного мозга, осложнившейся отеком и дислокацией головного мозга. Эксперт Ц., допрошенная по ходатайству защиты как свидетель, в судебном заседании показала, что участвовала как психолог в составлении заключения амбулаторной судебной психолого-психиатрической экспертизы, что ситуация, в которой оказался К., застав жену с другим мужчиной в кровати, была психотравмирующей и он находился в состоянии, которое ограничивало его способность в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Государственный обвинитель в судебном заседании, в судебных прениях, просил квалифицировать действия К. по части первой статьи 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности и статье 113 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, отказавшись от поддержания обвинения по части четвертой статьи 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, предъявленного К. органами

предварительного следствия. Суд поддержал правовую оценку, предложенную государственным обвинителем действиям подсудимого верной, в части квалификации действий К. по статье 113 УК РФ – причинение тяжкого вреда здоровью в состоянии аффекта, исходя из следующего. В момент нанесения ударов потерпевшему подсудимый находился в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), которое было вызвано аморальными действиями со стороны потерпевшего. Об аморальности действий потерпевшего свидетельствует факт вступления в интимные отношения с замужней женщиной. О наличии внезапно возникшего сильного душевного волнения свидетельствует то, что такое состояние возникло внезапно, как ответная реакция на неожиданно обнаруженное прелюбодеяние. Предложенную государственным обвинителем квалификацию тех же действий К. также по части первой статьи 109 УК РФ, суд нашел необоснованной, указав следующее. Действия, которые характеризуются как причинение смерти по неосторожности, совершаются непредумышленно и связаны с общей нераспорядительностью, непредусмотрительностью, беспечностью по отношению к деянию и его последствиям. В данном случае действия К. являлись умышленными, направленными на причинение тяжкого вреда здоровью и представляли опасность для жизни. По мнению суда, данное деяние К. не обладает признаками совокупности преступлений и не может быть дополнительно квалифицировано по части первой статьи 109 УК РФ, так как последствия в виде смерти, по отношению к которым вина характеризуется неосторожностью, как это следует из обвинения, охватывается составом статьи 113 УК РФ. То есть суд фактически согласился с доводами государственного обвинителя, указав на то, что последствия в виде смерти, по отношению к которым вина характеризуется неосторожностью, как это следует из обвинения, охватываются составом статьи 113 УК РФ[1].

[1] Архив Петрозаводского городского суда Республики Карелия за 2011 год.

Полагаем, что суд неверно квалифицировал данное деяние по статье 113 УК РФ. Не был учтен тот факт, что К. умышленно с силой нанес руками и куском металлической трубы не менее 10 ударов по голове и туловищу Х., в результате чего образовалась открытая черепно-мозговая травма: кровоподтек на лице в лобной области слева с распространением на область наружного угла левого глаза и левую скуловую область с рвано-ушибленной раной на его фоне в лобной области слева, пять ран мягких тканей теменно-затылочной области слева, кровоизлияние в кожно-мышечный лоскут головы в лобной области слева, кровоизлияние в кожно-мышечный лоскут головы в теменно-височно-затылочной области слева и в левую височную мышцу, кровоизлияние в правую височную мышцу, многооскольчатый перелом костей свода и основания черепа, захватывающий левую теменную и височную кости, затылочную кость, линейные переломы глазничных пластинок лобной кости, клиновидной кости, чешуи правой височной кости, острое кровоизлияние над твердой мозговой оболочкой в теменно-затылочной области слева объемом 3 мл, острое правостороннее кровоизлияние под твердую мозговую оболочку объемом 200 мл (по клиническим данным), кровоизлияния под мягкую мозговую оболочку: по выпуклой поверхности правых лобной, теменной, височной и затылочной долей, левых лобной, теменной, височной и затылочной долей, на основании левой затылочной доли, на основании и в области полюсов левой височной и лобной долей, ушиб головного мозга с локализацией очагов ушиба на основании левой затылочной доли и в области полюсов левой лобной и височной долей. Поэтому считаем, что данное деяние следовало бы квалифицировать по статье 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Интересным представляется также следующее уголовное дело. Баунтовским районным судом Республики Бурятия рассмотрено в открытом судебном заседании в особом порядке уголовное дело в отношении Т.,

обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 107, статьей 113 УК РФ при следующих обстоятельствах.

Так, в период времени с 19 часов по 23 часа в жилом вагончике Т. распивал спиртное с Ф. и О. После распития спиртного Ф. и О. стали наносить удары Т. После нанесения ударов Т. лег на свою кровать. В период времени с 23 часов по 01.00 часов Ф. стал высказывать мысли об убийстве Т. Далее суд каким-то немыслимым образом, без заключения экспертизы установил, что в это же время Т. на почве уже окончившихся противоправных действий Ф. и О., а также на почве высказывания Ф. мыслей о совершении убийства пришел в состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). В период времени с 23. 00 часов по 01.00 часов, учитывая, что состояние аффекта в среднем длится около 5-7 минут, у Т., как полагает суд, на почве личных неприязненных отношений, возникших из-за противоправных действий Ф. и О., а также на почве высказывания Ф. мыслей о совершении убийства, возник прямой преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Ф. Реализуя свой прямой преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Ф., Т., достал из кармана рубашки складной нож, раскрыл его, взял в правую руку и, используя указанный нож в качестве орудия преступления, умышленно нанес Ф. четыре удара в область шеи, туловища, плеча. Своими противоправными действиями Т. Причинил Ф. следующие телесные повреждения: а) колото-резаное ранение шеи с повреждением щитовидного хряща, осложненное посттравматической анемией средней степени тяжести, по своим свойствам расценивающееся как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью человека по признаку опасности для жизни; б) непроникающее колото-резаное ранение шеи, расценивающееся как повреждение, причинившее легкий вред здоровью человека, по своим свойствам расценивающееся как повреждение, причинившее легкий вред здоровью человека, по признаку кратковременного расстройства здоровья не свыше 21 дня; в) колото-резаное ранение правой поясничной области, не

проникающее в брюшную полость, расценивающееся как повреждение, причинившее легкий вред здоровью человека по признаку кратковременного расстройства здоровья не свыше 21 дня; г) резаную рану правого плеча, расценивающуюся как повреждение, не причинившее вред здоровью человека. В это время, в период с 23.00 часов по 01 час от шума проснулся О. После причинения тяжкого вреда здоровью Ф., подсудимый нападает на спящего О. В отношении О. суд почему-то устанавливает прямой преступный умысел, направленный на причинение смерти, хотя Т. умышленно нанес О. всего один удар клинком ножа, находящегося у него в правой руке, в область шеи, причинив ему проникающее резаное ранение шеи с повреждением сонной артерии, по своим свойствам расценивающееся как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью человека по признаку опасности для жизни. В результате преступных действий Т. смерть О. наступила на месте происшествия от острой кровопотери, развившейся в результате проникающего резаного ранения шеи с пересечением сонной артерии. Таким образом, суд действия Т. в отношении Ф. квалифицировал по статье 113 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством со стороны потерпевшего и иными противоправными действиями потерпевшего, хотя состояние аффекта фактически не присутствовало, подсудимый нанес потерпевшему четыре удара ножом в область шеи, туловища, плеча не в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, которое в судебном заседании ничем не было подтверждено, а по мотивам мести за причиненные ранее телесные повреждения. В отношении спящего О. суд квалифицировал действия Т. по части первой статьи 107 УК РФ как убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством со стороны потерпевшего и иными противоправными действиями потерпевшего. Более того, намерение убить подсудимого Т. высказал Ф., в

отношении которого действия подсудимого были квалифицированы не как покушение на убийство, а только по статье 113 УК РФ. И почему у подсудимого в отношении Ф., высказавшего намерение его убить, вдруг возник умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, как указано в приговоре суда, непонятно. А в отношении спящего О., не намеревавшегося убить подсудимого Т., и не высказывавшего такие угрозы, вдруг, по мнению суда, возник умысел на убийство. В итоге, в соответствии с частью второй статьи 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний, Т. окончательно назначено наказание в виде одного года 6 месяцев лишения свободы. На основании статьи 73 УК РФ суд определил наказание в виде лишения свободы считать условным с испытательным сроком 2 года[1].

Полагаем, что в данном судебном заседании при рассмотрении уголовного дела вообще не было представлено никаких доказательств, подтверждающих нахождение подсудимого в состоянии аффекта. И если действия в отношении одного потерпевшего суд квалифицировал как убийство, то в отношении другого лица следовало аналогично определять правовую оценку содеянного, но не как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. В итоге, полагаем, суд в данных обстоятельствах должен был квалифицировать это деяние таким образом, как это разъяснено в пункте пятом постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», а именно: «Убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

---

[1] Архив Баунтовского районного суда Республики Бурятия за 2011 год. Уголовное дело № 1-56/2011.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» указано: «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягавшего лица, надлежит квалифицировать только по части 1 статьи 114 УК РФ»[1].

Согласно позиции высшей судебной инстанции последствие в виде причинения смерти потерпевшего охватывается деянием, предусмотренным частью первой статьи 114 УК РФ без дополнительной правовой оценки по статье 109 УК РФ, что представляется недопустимым. Тем более что санкция за деяние, указанное в диспозиции части первой статьи 109 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок до двух лет, а в части первой статьи 114 УК РФ – до одного года. Не может поглощать часть первая статьи 114 УК РФ последствие в виде неосторожного причинения смерти по статье 109 УК РФ. Тем более, не следует в данном случае отождествлять состояние необходимой обороны как обстоятельства, исключающего преступность деяния, и состояние физиологического аффекта, к таким обстоятельствам не относящегося, а лишь смягчающего уголовную ответственность. В пункте 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», отмечается «…для преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, характерно причинение вреда потерпевшему не с целью защиты и, следовательно, не в состоянии необходимой обороны»[2].

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС Консультант Плюс.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении

Полагаем, что случаи, когда в результате умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенного в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), наступает по неосторожности смерть потерпевшего, следует квалифицировать по статье 113 и статье 109 УК РФ.

Посягательства на безопасность здоровья человека сопряжены также и с возможным причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 114 УК РФ).

Представляет интерес следующее уголовное дело в отношении И. В течение 10 лет совместной жизни ее муж систематически пьянствовал, жестоко избивал ее и детей. Однажды муж, возвратившись домой в нетрезвом состоянии, как обычно, избил жену и детей. И., увидев, что муж схватил железную кочергу и пытается ударить сына, схватила нож и нанесла ему множество ранений в спину, причинив тяжкий вред здоровью. Действия И. были квалифицированы по статье 114 УК РФ, однако Хабаровский краевой суд обоснованно прекратил дело, не усмотрев в ее действиях превышения пределов необходимой обороны. Судебная коллегия Хабаровского краевого суда признала, что И. вправе была избрать в качестве средства защиты нож, т.к. ее муж был физически намного сильнее ее, находился в состоянии алкогольного опьянения, никто ей в данный момент не мог оказать никакой помощи и с учетом обстоятельств дела есть все основания считать, что И. избрала средства защиты, соразмерные характеру и интенсивности нападения[1].

Не всегда в ходе первоначального расследования уголовного дела и при предъявлении обвинения учитывается наличие состояния необходимой

вреда при задержании лица, совершившего преступление» // СПС Консультант Плюс.

[1] См.: Архив Хабаровского краевого суда. 2015.

обороны при посягательствах на безопасность здоровья человека, вследствие чего происходит неверная правовая оценка таких деяний. Так, Солецким районным судом Новгородской области рассмотрены в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении М., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ при следующих обстоятельствах. М., в ходе ссоры, возникшей на почве бытовых разногласий, после нанесения ей А. удара деревянным стулом в область спины и левого уха, при этом высказывая угрозы расправой, нанесла А. один удар ножом в брюшную область, чем причинила последнему телесные повреждения в виде колото-резаной раны брюшной полости с повреждением желудка, повлекшие за собой тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни. В судебном заседании государственный обвинитель изменил обвинение в отношении М. в сторону смягчения путем переквалификации ее действий на часть первую статьи 114 УК РФ, поскольку, как установлено в ходе судебного следствия, М. причинила тяжкий вред здоровью посягающему при защите от общественно опасного посягательства с превышением пределов необходимой обороны. В итоге действия М. судом были переквалифицированы на часть первую статьи 114 УК РФ. Несмотря на имеющийся у М. рецидив преступлений, поскольку она имеет непогашенную судимость, суд посчитал возможным не применять правила назначения наказания при рецидиве и указал, что исправление М. возможно без реального отбывания наказания, назначив ей условное осуждение с установлением испытательного срока, в течение которого она должна своим поведением доказать свое исправление[1].

Но не всегда в суде происходит переквалификация со статьи 111 УК на статью 114 УК РФ. Так, Судебной коллегией по уголовным делам Иркутского областного суда рассмотрено в открытом судебном заседании уголовное дело по кассационной жалобе Г., осужденной по части четвертой статьи 111 УК РФ. Приговором суда Г. признана виновной в умышленном

[1] См.: Архив Солецкого районного суда Новгородской области за 2013 год.

причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни Б., повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. В кассационной жалобе и дополнениях к ней в форме «возражений» осужденная Г. выразила несогласие с приговором суда в связи с неполнотой проведенного следствия по уголовному делу. Неполнота, по мнению осужденной, выразилась в том, что не были допрошены свидетели, от которых она узнала, что виновным в преступлении является ее брат Г. Об истинном виновнике преступления она не сообщала, так как была введена в заблуждение защитником К. обещаниями о благополучном разрешении для нее уголовного дела. В кассационной жалобе Г. выражает несогласие с приговором, которым ее действия квалифицированы по части четвертой статьи 111 УК РФ и полагает, что действия надлежало квалифицировать по части первой статьи 114 УК РФ, поскольку в уголовном деле имеются доказательства, свидетельствующие о нападении потерпевшего на Г. с целью совершения действий сексуального характера. Суд указал, что Г. стала причинять телесные повреждения Б. на почве неприязненных отношений, вызванных ее оскорблением со стороны погибшего. При этом суд правильно мотивировал свой вывод об умысле осужденной на причинение тяжкого вреда здоровью. Об этом свидетельствовали характер и локализация причиненных телесных повреждений, использование при этом виновной железной кочерги, деревянной палки, металлического таза. Суд обоснованно исключил возможность квалификации действий Г. по части первой статьи 113 УК РФ либо части первой статьи 114 УК РФ, не усматривая признаков совершения осужденной преступных действий в состоянии аффекта либо при превышении пределов необходимой обороны. В итоге действия Г. верно квалифицированы судом по части четвертой статьи 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Приговор

суда первой инстанции в отношении Г. оставлен без изменения, а кассационная жалоба – без удовлетворения[1].

До сих пор в следственно-судебной практике возникают проблемы разграничения убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, и причинения смерти по неосторожности. Также имеются сложности в разграничении посягательств на безопасность здоровья человека и покушения на убийство.

Высокий общественный резонанс вызвал приговор Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 27.11.2012 по уголовному делу № 1-264/2012[2]. 17 августа 2011 года органом предварительного следствия в отношении неустановленного лица было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ. 19 августа 2011 года действия неустановленного лица, причинившего смерть Агафонову И.А., переквалифицированы с части первой статьи 111 на часть четвертую статьи 111 УК РФ. Чемпион мира по боям без правил Мирзаев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 109 УК РФ, - причинении смерти по неосторожности Агафонову, наступившей 18.08.2011 в больнице, куда он был доставлен и где, не приходя в сознание, скончался. Причиной явилась черепно-мозговая травма, полученная им 13.08.2011 якобы при ударе головой о решетку ливневой канализации после падения в результате нанесенного ему Мирзаевым удара. Квалификация преступления обосновывается судом отсутствием прямой (т.е. непосредственной) причинной связи между ударом Мирзаева и причинением тяжкого вреда здоровью (черепно-мозговой травмы). Полагаем, что квалификация деяния, менявшаяся не один раз, произведена неверно, и действия спортсмена следует квалифицировать

---

[1] Архив Иркутского областного суда за 2012 год. Уголовное дело дело № 22-6321/2012.

[2] См.: Архив Замоскворецкого районного суда г. Москвы. 2012.

именно по части четвертой статьи 111 УК РФ, но никак не по статье 109 УК РФ.

Мы полагаем, что если умысел виновного был направлен на нанесение побоев, причинение легкого вреда здоровью, причинение средней тяжести вреда здоровью, а в результате по неосторожности наступает смерть потерпевшего, такие деяния должны квалифицироваться по статье 109 УК РФ, то есть как причинение смерти по неосторожности.

При разграничении части четвертой статьи 111 УК РФ и статьи 109 УК РФ необходимо выяснять следующее:

- наличие умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека;
- обусловило ли умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека наступление смерти;
- существует ли причинно-следственная связь между совершением умышленного причинения тяжкого вреда здоровью и наступлением смерти потерпевшего;
- орудие, которым умышленно был причинен тяжкий вред здоровью человека;
- способ умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека;
- взаимоотношение потерпевшего и виновного в совершении преступления до причинения вреда здоровью;
- наличие состояния аффекта;
- нахождение виновного в состоянии необходимой обороны или ее превышения.

Имеются проблемы определения причинно-следственной связи между умышленным причинением тяжкого вреда здоровью, причинением смерти потерпевшему. При этом в практической деятельности встречаются случаи перепредъявления обвинения государственным обвинителем и смены позиции по правовой оценке деяния.

Так, Тындинским районным судом Амурской области рассмотрены в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью четвертой статьи 111 УК РФ. Органы предварительного следствия квалифицировали действия К. по части четвертой статьи 111 УК РФ. До удаления суда в совещательную комнату государственный обвинитель перепредъявил обвинение К., и квалифицировал его действия по части первой статьи 109 УК РФ – причинение смерти по неосторожности. В итоге Амурский областной суд вообще прекратил уголовное преследование в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 109 УК РФ, на основании пункта третьего части первой статьи 24 УПК РФ – за истечением сроков давности уголовного преследования[1].

Законодатель в ряде норм конкретно не указывает психическое отношение виновного к наступившим последствиям. К таким преступлениям относятся часть вторая статьи 237, часть первая статьи 239 УК РФ. В части второй статьи 237 УК РФ установлена ответственность за совершение следующих деяний: сокрытие, искажение информации о событиях, фактах, явлениях, создающих опасность для жизни или здоровья людей или окружающей среды, обязательным последствием которых является причинение вреда здоровью человека или наступление иных тяжких последствий.

Данная норма не содержит прямого указания на неосторожное причинение вреда здоровью человека. В соответствии с положениями статьи 27 УК РФ это деяние в целом признается совершенным умышленно.

Мы полагаем, что в преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека, законодатель должен конкретно называть психическое отношение виновного к последствиям в виде причинения вреда здоровью той или иной степени тяжести.

---

[1] См.: Архив Амурского областного суда за 2015 год.

Уголовное законодательство России содержит множество деяний, в которых безопасность здоровья человека выступает в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта состава преступления.

Закрепленные Конституцией Российской Федерации права и свободы предполагают и наличие определенных свобод человека по распоряжению своим правом на безопасность здоровья. Данному вопросу определенное внимание уделяется в последние годы в юридической литературе, например, в работах М.В. Панова[1], С.В. Расторопова[2], Б.В. Сидорова[3], И.А. Фаргиева[4] и др., несмотря на это многие вопросы остаются мало изученными.

Например, при оказании медицинской помощи, при проведении операций, возможно заведомое причинение вреда здоровью в состоянии крайней необходимости для устранения опасности большей, предотвращенной в результате врачебной деятельности, чем нанесение меньшего вреда здоровью человека. Безусловно, при этом должны соблюдаться все необходимые требования в соответствии с законами, иными нормативными правовыми актами, инструкциями, в отдельных случаях необходимо согласие лица, которому оказывается медицинская помощь или его родственников, когда необходима осведомленность о возможных негативных последствиях, которые могут наступить в результате оказания медицинской помощи, заведомо связанной с возможным причинением вреда здоровью человека.

---

[1] См.: Панов М.В. Уголовно-правовое значение согласия потерпевшего на причинение вреда своему здоровью: Дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

[2] См.: Расторопов С.В. Уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда своему здоровью // Законность. 2003. № 10.

[3] См.: Сидоров Б.В. Поведение потерпевших от преступления и уголовная ответственность. Казань-Елабуга, 1998.

[4] См.: Фаргиев И.А. Значение согласия потерпевшего в уголовном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2005. № 2.

В последнее десятилетие проводится огромное количество операций во всевозможных частных или государственных клиниках по омоложению граждан, считающих себя недостаточно молодыми и красивыми. Проводится множество операций по увеличению груди, увеличению некоторых органов, операций по смене половой принадлежности, различных пластических операций, которые заканчиваются неблагоприятно для потерпевших.

В связи с этим существует масса проблем правовой оценки таких деяний, так как возмущенные граждане, заплатившие значительные для них денежные средства за проведенную операцию, либо не всегда удовлетворены получившимся результатом, либо действительно наступают негативные последствия, отражающиеся на здоровье потерпевших, требующих привлечения к уголовной ответственности таких псевдоврачей, основным мотивом деятельности которых является желание заработать как можно больше денег на существующей волне развития индустрии красоты.

В практике встречаются случаи, когда вред здоровью лица причиняется с его согласия другим человеком, например, с целью получения страховых выплат, с целью получить военную травму, получить статус инвалида и все последующие преференции, связанные с выплатами и назначением пенсии и т.п.

Например, возможно причинение вреда здоровью с целью уклонения от прохождения военной, альтернативной гражданской службы, с целью уклонения от исполнения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения. В юридической литературе уголовно-правового характера высказывались предложения о дополнении уголовного законодательства специальной нормой, которая бы устанавливала ответственность за совершение таких деяний[1]. Полагаем, что в настоящий момент в этом нет необходимости.

---

[1] См.: Ковалев М.И. Уголовно-правовые проблемы охраны здоровья с точки зрения прав и свобод человека // Советская юстиция. 1989. № 10.

Осуществляя законную деятельность, связанную с возможным или необходимым причинением вреда здоровью человека или даже смерти, общество сталкивается с такими проявлениями, как нанесение повреждений различного характера при занятии отдельными опасными видами спорта, например, такими, как популярные в последнее время бои без правил. В девяностые годы был особенно популярным такой вид спорта как рестлинг. Однако он все же был связан в основном с постановочными мероприятиями, в которых реально не причинялась боль сопернику, а всяческим образом организаторы и участники таких боев пытались показать зрелищность такого псевдосостязания.

Весьма часто вред здоровью причиняется в процессе различных спортивных контактных состязаний, где причинение телесных повреждений вообще является необходимым атрибутом зрелищности таких турниров, а при отсутствии активного поведения соперников, и судьи, и особенно зрители, пришедшие на бой, высказывают активное недовольство в адрес участников и организаторов.

Вред здоровью причиняется в боксе, боях без правил, в различных видах борьбы (классической, вольной, дзюдо, самбо), при проведении хоккейных турниров, реже в обычном футболе, чаще в футболе американском и т.д. Не так часто, но случались и случаи наступления смерти в результате таких умышленно нанесенных повреждений и таким случаям необходима правовая оценка.

В юридической литературе имеются различные позиции по правовой оценке деяний, связанных с причинением вреда здоровью при занятиях спортом. Так, согласно одной позиции, такие действия следует оценивать как умышленное причинение вреда здоровью и квалифицировать по фактически наступившим последствиям[1]. Согласно другой позиции, деяния, в результате

[1] См.: Миронова З., Хейфец Л. Профилактика травм в спорте и доврачебная помощь. М., 1962. С. 15.

которых причинен вред здоровью или смерть в процессе спортивных состязаний, признаются совершенными невиновно[1].

Действительно, невиновное причинение вреда возможно в тех случаях, когда спортсмен не нарушал правил проведения спортивных состязаний. И, несмотря на то, что в результате его действий наступают вредные негативные последствия, к уголовной и иной ответственности данное лицо привлечено быть не может.

Возможно причинение вреда здоровью в случае умышленного нарушения правил соответствующих спортивных состязаний, где субъективная сторона в отношении наступивших последствий выражена неосторожной формой вины. В данном случае мы полагаем, что следует исходить из существующей конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 118 УК РФ.

И если в результате умышленного нарушения спортивных правил проведения игрового турнира причинен легкий или средней тяжести вред здоровью человека, то лицо, совершившее такое деяние, не следует привлекать к уголовной ответственности. Если же по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью человека, наступивший в результате умышленных действий спортсмена, выразившихся в нарушении специальных правил проведения соревнований, такие действия следует квалифицировать по статье 118 УК РФ.

Также возможны случаи неосторожного нарушения правил спортивных соревнований, в результате которых по неосторожности причиняется вред здоровью человека определенной тяжести. Полагаем, что в таких случаях отсутствует основание для привлечения лица к уголовной ответственности. Хотя П.А. Дубовец полагал, что лиц, по неосторожности нарушивших

---

[1] См.: Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 25–26.

правила спортивных состязаний, в результате чего был причинен вред здоровью другого лица, следует привлекать к уголовной ответственности[1].

Встречаются случаи, когда вред здоровью потерпевшего причиняется не в связи с проведением спортивных соревнований, хотя и во время турнира. Так, боксер умышленно наносит удар не противнику, а рефери, судье, которому причиняется вред здоровью.

Весьма часто происходят ледовые побоища на хоккейных соревнованиях, когда соперники бьют друг друга руками по голове и практически все игроки обеих команд, порой даже включая вратарей, вовлечены в обоюдную драку, которая уже не связана с проведением спортивного соревнования, в результате чего причиняются различные повреждения, в том числе и вред здоровью человека.

Полагаем, что в таких ситуациях спортсменов следует привлекать к уголовной ответственности на общих основаниях за фактически причиненные повреждения, выразившиеся в нанесении побоев или причинении вреда здоровью человека конкретной степени тяжести.

Данные способы нанесения повреждений, вне зависимости от того, кем и где они совершаются, не отличаются от случаев причинения вреда здоровью человека, совершенных обычными гражданами, не спортсменами, поэтому исключения в данном случае быть не должно.

В юридической литературе высказывались суждения о дополнении Уголовного кодекса Российской Федерации специальной нормой, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное нарушение правил спортивных состязаний, повлекшее причинение вреда здоровью или смерть потерпевшего в случаях грубого нарушения правил спортивных состязаний, а также наличия у виновного лица умысла на причинение повреждений, связанных с травмированием спортсмена, и влекущих

---

[1] См.: Дубовец П.А. Ответственность за телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1964. С. 19.

отсутствие возможности продолжать участвовать в спортивном соревновании[1].

Мы полагаем, что пока в российском законодательстве отсутствует необходимость установления уголовной ответственности за особые виды посягательств на безопасность здоровья, совершенных в результате нарушения установленных правил проведения спортивных соревнований.

В результате проведенного исследования нами сформулированы специальные правила правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, где безопасность здоровья человека выступает в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта преступления, а причинение вреда здоровью – в качестве квалифицированного вида преступного деяния:

1. В случаях, когда деяние, в котором причинение вреда здоровью человека выступает в качестве квалифицированного вида преступления, наказывается менее строго, чем наказывается причиненный вред здоровью человека той или иной степени тяжести, или санкции в виде лишения свободы в обоих преступлениях одинаковы, то состав причинения вреда здоровью человека не охватывается составом основного преступления. Такие посягательства на безопасность здоровья человека следует квалифицировать по совокупности со статьей Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей уголовную ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека.

2. В случаях, когда деяние, в котором причинение вреда здоровью человека выступает в качестве квалифицированного вида преступления, наказывается более строго, чем причиненный вред здоровью человека, то составом этого преступления охватывается и состав причинения вреда здоровью человека. Такие посягательства на безопасность здоровья человека не требуют дополнительной квалификации по совокупности по статьям,

---

[1] См.: Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976. С. 110.

устанавливающим ответственность за причинение вреда здоровью человека, если иное не предусмотрено разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации.

5.2. Совершенствование уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека

Успешность достижения уголовным законом задач, определенных в части первой статьи второй Уголовного кодекса Российской Федерации, определяется результативностью применения конкретных уголовно-правовых норм. В свое время Н.Ф. Кузнецова при определении эффективности уголовно-правовой нормы выделяла такие критерии, как ее стабильность (что после принятия УК РФ 1996 года является довольно редким явлением), реальную применяемость в соответствии с существующим в данный момент уровнем преступной деятельности, а также количество и качество просчетов, совершаемых в процессе правоприменительной деятельности[1].

Общественно опасное посягательство на безопасность здоровья человека может быть совершено как путем активных действий, так и путем бездействия, которое обязательно должно носить противоправный характер. При этом, как мы уже указывали, обязательно следует выяснять, не находилось ли лицо, применяющее насилие, в состоянии необходимой обороны или при задержании лица, совершившего преступление, так как в случае отсутствия превышения необходимых для этого мер, преступность деяния будет исключена.

Исходя из названия статьи 114 УК РФ «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица,

---

[1] См.: Кузнецова Н.Ф. Критерии эффективности уголовного закона // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы. М., 2003. С. 37–38.

совершившего преступление» вытекает, что к уголовной ответственности привлекаются лица, причинившие тяжкий вред здоровью человека, средней тяжести вред здоровью человека при превышении пределов необходимой обороны, а также лица, которые совершили аналогичные деяния, связанные с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

В существующей редакции части первой статьи 114 УК РФ указано лишь на возможное умышленное причинение только тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Имеющееся в названии статьи 114 УК РФ указание на возможное причинение также вреда здоровью и средней тяжести, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, законодатель проигнорировал, фактически декриминализировав это деяние. Полагаем, что данное несоответствие должно быть устранено на законодательном уровне.

При этом в части второй статьи 114 УК РФ законодателем, как и полагается, исходя из названия данной нормы, установлена уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Несмотря на то, что Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» причинение средней тяжести вреда здоровью исключено из части первой статьи 143 УК РФ, части первой статьи 216 УК РФ, части первой статьи 219 УК РФ, части первой статьи 263 УК РФ, части первой статьи 264 УК РФ, части первой статьи 266 УК РФ, части первой статьи 267 УК РФ, части первой статьи 268 УК РФ, части первой статьи 269 УК РФ (утратила силу в соответствии с федеральным законом от 23.04.2018 № 114-ФЗ), в названии статьи 114 УК РФ по-прежнему содержится указание на причинение вреда здоровью средней тяжести как в случае превышения

пределов необходимой обороны, так и равным образом в случае превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Напомним, что к повреждениям, по своим признакам причисляющимся к вреду здоровью средней тяжести, относятся: черепно-мозговая травма, повлекшая за собой отдельные очаговые симптомы (анизокория, неравенство глазных щелей, отклонение (девиация) языка в сторону, нистагм, сглаженность носогубной складки); периферическое повреждение тройничного, лицевого, подъязычного нервов, повлекшее за собой резкое нарушение их функций; повреждение шейного, плечевого сплетений и их нервов, повлекшее за собой нарушение их функций; паралич аккомодации обоих глаз; двухстороннее отсутствие носового дыхания; деформация грудной клетки в результате множественных переломов ребер, грудины; резкое нарушение прикуса и открывания рта, деформация челюсти; потеря 11 и более зубов; отсутствие какого-либо одного пальца руки; отсутствие третьего с четвертым или пятым пальцем руки; отсутствие четвертого с пятым пальцем руки и т.д.

Как видим, причинение вреда здоровью средней тяжести, представляет собой значительную степень общественной опасности, нанося порой повреждения с необратимыми последствиями в виде потери пальцев рук и т.п.

В связи с вышеизложенным, предлагается внести в диспозицию части первой статьи 114 УК РФ изменения, представив ее в следующем виде:

«1. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны, -

наказывается…».

В названии преступления, предусмотренного статьей 114 УК РФ, законодатель почему-то не указывает форму вины совершаемого деяния, описывая признаки субъективной стороны преступления лишь в диспозиции нормы. Полагаем, что следует устранить данное несоответствие, указав

конкретную формы вины, с которой может быть совершено преступление, предусмотренное статьей 114 УК РФ, изложив ее название следующим образом:

«Статья 114. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление».

Как видно из названия статьи 114 УК РФ, законодатель не устанавливает уголовную ответственность за причинение легкого вреда здоровью человека при превышении пределов необходимой обороны, а также при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Считаем такое решение законодателя вполне справедливым, так как при защите от общественно опасного посягательства в состоянии необходимой обороны допустимо причинение хотя бы легкого вреда здоровью человека в случае превышения необходимых для этого мер.

В статье 113 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения. Законодатель не только объединил в одну диспозицию нанесение вреда и наступление последствий в виде тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, но и практически приравнял санкции, определяющие наказание в виде лишения свободы за убийство, совершенное в состоянии аффекта и умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека в состоянии аффекта. Так, по части первой статьи 107 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность за убийство, совершенное в состоянии аффекта, предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет. По части первой статьи 113 УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта, предусмотрено

наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет. Такое соотношение наказаний, выражающих реакцию государства на степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, представляется недопустимым.

Название статьи 107 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель определил как «Убийство, совершенное в состоянии аффекта». При определении названия статьи 113 УК РФ законодатель пренебрег уже существующими правилами законодательной техники в отношении аналогичного по сути деяния не по характеристике состава преступления с наступившими последствиями меньшей тяжести, а по форме, обозначив название «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» без указания формы вины совершенного преступления и без указания на то, что причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью должно быть совершено в состоянии аффекта.

В связи с этим мы предлагаем название статьи 113 Уголовного кодекса Российской Федерации представить в следующем виде:

«Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта».

В состоянии аффекта лицо может причинить легкий вред здоровью человека. Уголовное законодательство Российской Федерации за такие деяния не устанавливает ответственность, и лица, причинившие легкий вред здоровью человека в состоянии аффекта, либо не привлекаются к уголовной ответственности вообще, либо такие деяния квалифицируются по статье 115 УК РФ.

Так, судебной коллегией по уголовным делам Краснодарского краевого суда рассмотрено в открытом судебном заседании уголовное дело, поступившее с кассационной жалобой осужденного Г. по части первой статьи 115 УК РФ. В кассационной жалобе осужденный Г. считает приговор мирового судьи и апелляционное постановление судьи не законными. Легкий вред здоровью потерпевшего он причинил в состоянии аффекта, вызванного тяжким оскорблением со стороны потерпевшего. В связи с этим просит об

отмене постановления и приговора, прекращении в отношении его уголовного дела. Как видно из материалов дела, и это не отрицал в судебном заседании осужденный, находившийся в нетрезвом состоянии, Л. высказал в адрес Г. оскорбительные слова. В связи с этим между Г. и Л. возникла ссора, в процессе которой Г. избил Л., причинив тому легкий вред здоровью с его кратковременным расстройством. Судом первой и апелляционной инстанции исследован вопрос о том, являлись ли высказанные Л. слова тяжким для Г. оскорблением, и повлекло ли это у Г. внезапно возникшее сильное душевное волнение. С учетом показаний потерпевшего, осужденного, свидетелей, всех обстоятельств возникновения конфликта суд первой и апелляционной инстанции обоснованно пришли к выводу, что оскорбление, высказанное Л., не являлось для Г. тяжким и, следовательно, не повлекло у осужденного внезапно возникшего сильного душевного волнения. В связи с этим в этом случае действия Г. правильно квалифицированы по части первой статьи 115 УК РФ[1].

В теории уголовного права имеется позиция, согласно которой в УК РФ следует включить норму об ответственности за умышленное причинение легкого вреда здоровью человека в состоянии аффекта[2]. Однако мы считаем, что конструирование специальной нормы УК РФ, которая бы предусматривала более мягкое наказание за причинение легкого вреда здоровью в состоянии аффекта, не вызывается необходимостью и привело бы лишь к излишней казуистичности законодательства. За причинение легкого вреда здоровью человека в законе предусмотрены весьма мягкие меры наказания, и у суда есть достаточно возможностей для учета состояния

---

[1] Архив Краснодарского краевого суда за 2010 год. Уголовное дело № 22-5104/2010.

[2] См.: Даурова Т.Г. Уголовная ответственность за легкие телесные повреждения. Саратов, 1980. С. 73; Сидоров Б.В. Аффект и его уголовно-правовое и криминологическое значение: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 1974. С. 24 и др.

сильного душевного волнения субъекта и назначения ему наказания с учетом степени общественной опасности содеянного и личности преступника.

Уголовное законодательство Российской Федерации в статье 113 УК РФ устанавливает ответственность за умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта). Причем, как мы видим, основания возникновения аффекта в законе прописаны достаточно конкретно. Однако в юридической литературе к действиям, способным привести к появлению внезапно возникшего сильного душевного волнения, относят и другие. Так, в теории уголовного права к действиям, которые могут привести к возникновению состояния аффекта, относят самоуправство, разглашение тайны переписки, разглашение тайны усыновления, доведение до самоубийства, повреждение имущества, уничтожение имущества, клевету, оскорбление, высказанное близким виновного, отказ от уплаты долга, отказ освободить жилище или помещение, причинение смерти, причинение тяжкого вреда здоровью человека в результате нарушения правил безопасности дорожного движения и др. Полагаем, что действия, совершение которых может повлечь возникновение аффекта, в результате чего потерпевшему может быть умышленно причинен тяжкий или средней тяжести вред здоровью, должны быть объективно противоправными, хотя и причинены виновно либо невиновно. Считаем, что диспозицию статьи 113 Уголовного кодекса Российской Федерации следует дополнить словами «иные противоправные действия (бездействие), которые повлекли или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия».

Приведем пример такого деяния, могущего повлечь состояние афекта при умышленном причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека. Так, посетитель мастерской известного скульптора, случайно споткнувшись, налетел на изваяние мастера, которое он кропотливо создавал в течение нескольких лет, и необратимо повредил его, полностью уничтожив без возможности восстановления. В результате таких неосторожных

действий, относящихся в целом к невиновному причинению вреда, объективно был причинен ущерб – уничтожена скульптура. При этом у мастера в результате таких действий, не относящихся по своей сущности к числу противоправных, возникло состояние аффекта, в результате которого был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего. Предлагаем дополнить статью 113 Уголовного кодекса Российской Федерации указанием на возможность совершения иных действий, не относящихся по своей сущности к числу противоправных.

С учетом изложенного, целесообразно внести предложение о редакционном изменении диспозиции статьи 113 Уголовного кодекса Российской Федерации и дополнении данной статьи частью второй.

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия, либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего в отношении виновного или других лиц, а равно иными действиями, не относящимися к числу противоправных, -

наказывается…

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта, -

наказывается… .

Уголовное законодательство Российской Федерации в пункте «з» части второй статьи 105 устанавливает ответственность за убийство из корыстных побуждений или по найму. В пункте «г» части второй статьи 111 УК РФ установлена уголовная ответственность только лишь за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека по найму. Получается, что

умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека из корыстных побуждений в настоящее время следует квалифицировать по части первой статьи 111 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» убийство по найму отграничивается от убийства из корыстных побуждений, определяя для каждого из них свои значения. Полагаем, что вполне вероятно причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное с умышленной формой вины из корыстных побуждений.

Предлагаем пункт «г» части второй статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции: «из корыстных побуждений или по найму».

В пункте «$е^1$» части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена уголовная ответственность за совершение убийства по мотиву кровной мести.

Состав преступления, предусмотренного статьей 111 УК РФ, не устанавливает в качестве обязательного признака субъективной стороны основного или квалифицированного деяния, мотив кровной мести.

Кровная месть является обычаем, распространенным среди коренных жителей Северного Кавказа. Сущность кровной мести состоит в обязанности лица, которому нанесена кровная обида, отомстить обидчику или его родственникам. Причем обида может быть нанесена путем причинения смерти как умышленно, так и по неосторожности, путем причинения вреда здоровью человека, путем унижения чести, достоинства, путем тяжкого оскорбления. Если же лицо, которому нанесена обида, не отомстит обидчику или его родственникам, то согласно обычаям, его и его род считали опозоренными.

Мотив кровной мести имеет высокую степень общественной опасности в связи с тем, что лицо заранее готовится к совершению преступления, планирует его. Высокая степень общественной опасности посягательств на

безопасность здоровья человека, совершенных по мотиву кровной мести, заключается также в том, что совершение таких деяний влечет целую череду, цепочку обязанностей отомстить лицу, совершившему противоправное деяние. И все эти последующие деяния также совершаются по мотиву кровной мести.

В судебно-следственной практике случаи посягательств на безопасность здоровья человека квалифицируются без учета высокой степени общественной опасности мотива кровной мести. Более того, защита лиц, виновных в совершении таких посягательств, просит признать наличие кровной мести обстоятельством, смягчающим наказание.

Так, Кандалакшским городским судом Мурманской области рассмотрены в открытом судебном заседании материалы уголовного дела в отношении М., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ при следующих обстоятельствах.

В период с 12 час. 00 мин. до 14 час. 35 мин. 01 сентября 2011 года М., находясь на автостоянке, увидел Ф., сын которого 28 августа 2011 года нанес множественные ножевые ранения его брату и племяннику, и у М. возник преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Ф.

Реализуя свои преступные намерения, М., действуя на почве личных неприязненных отношений, возникших из-за причинения тяжкого вреда здоровью его близким родственникам сыном Ф., действуя умышленно, с целью причинения тяжкого вреда здоровью, нанес Ф. удар ножом в область грудной клетки, причинив тем самым потерпевшему телесное повреждение в виде колото-резаной раны на левой половине грудной клетки по средне-подмышечной линии, проникающей в грудную полость, повлекшее за собой тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни.

Сторона защиты просила суд признать в качестве смягчающего наказание подсудимого обстоятельства противоправность поведения близкого родственника потерпевшего, поскольку действия подсудимого

фактически являются «кровной местью». То есть сторона защиты признала, что деяние было совершено по мотиву кровной мести.

Тем не менее, суд признал М. виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 111 УК РФ, назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком два года шесть месяцев, посчитал его считать условным с испытательным сроком один год шесть месяцев[1].

Полагаем, что при правовой оценке посягательств на безопасность здоровья человека, совершенных по мотивам кровной мести, следует данный мотив выявлять и давать ему уголовно-правовую оценку, если лицо, совершившее такое посягательство, обязано соблюдать обычай кровной мести и при совершении такого посягательства руководствовалось именно таким мотивом.

Мы предлагаем часть вторую статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнить пунктом «е[1]», где следует установить уголовную ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное по мотиву кровной мести.

Считаем, что вышеизложенные положения, касающиеся мотивов посягательств на безопасность здоровья человека, следует учесть при правовой оценке умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью человека, а также умышленного причинения легкого вреда здоровью человека.

Мы предлагаем часть вторую статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации дополнить пунктом «е[1]», где следует установить уголовную ответственность за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное по мотиву кровной мести. Часть вторую статьи 112 УК РФ также предлагаем дополнить п. «и» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму». Часть вторую статьи

---

[1] Архив Кандалакшского городского суда Мурманской области за 2011 год. Уголовное дело № 1-229/2011.

115 Уголовного кодекса Российской Федерации предлагаем дополнить пунктом «г»: «из корыстных побуждений или по найму».

В пункте «а» части второй статьи 111 УК РФ, в пункте «б» части второй статьи 112 УК РФ законодатель предусмотрел квалифицированный вид умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека и средней тяжести вреда здоровью человека в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга в соответствии с пунктом «ж» части первой статьи 63 УК РФ является обстоятельством, отягчающим наказание. В части второй статьи 102 УК РФ «Продление, изменение и прекращение применения принудительных мер медицинского характера» законодатель указывает на близкого родственника, наделенного правом ходатайствовать о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения. В примечании к статье 205^{6} УК РФ «Несообщение о преступлении» указано, что лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Примечание к статье 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» также наделяет правоприменителя обязанностью не привлекать к уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников.

Причинение вреда близким потерпевшему в российском уголовном законодательстве предусмотрено в качестве конструктивного (часть первая статьи 163 УК РФ «Вымогательство»; часть первая статьи 179 УК РФ «Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения»; статья 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»; часть первая статьи 296 УК РФ

«Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»; часть вторая статьи 309 УК РФ «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу»; часть первая статьи 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса»; статья 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»; часть первая статьи 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»; часть первая статьи 320 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа») либо в качестве квалифицирующего признака (пункт «б» части второй статьи 105 УК РФ «Убийство»; пункт «а» части второй статьи 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; пункт «б» части второй статьи 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; пункт «б» части второй статьи 117 УК РФ «Истязание»; часть третья статьи 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов»; часть вторая статьи 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»; часть вторая статьи 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти»; часть вторая статьи 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

Таким образом, уголовное законодательство Российской Федерации использует два термина: «близкий родственник» и «близкий».

В пункте 3 статьи 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» под близкими лицами понимаются иные, за исключением близких родственников и родственников, лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу

сложившихся личных отношений. В пункте 4 этой же нормы указано, что близкие родственники – это супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

В статье 14 Семейного кодекса Российской Федерации «Обстоятельства, препятствующие заключению брака» указано, что заключение брака не допускается в том числе и между близкими родственниками, под которыми понимаются родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. Термин «близкие родственники» также употребляется в ст. 67 Семейного кодекса Российской Федерации «Право на общение с ребенком дедушки, бабушки, братьев, сестер и других родственников»; в ст. 73 Семейного кодекса Российской Федерации «Ограничение родительских прав»; в ст. 127 Семейного кодекса Российской Федерации «Лица, имеющие право быть усыновителями»; в ст. 146 Семейного кодекса Российской Федерации «Опекуны (попечители) детей».

Административное законодательство Российской Федерации использует термины «близкие родственники» и «близкие». Согласно примечанию к статье 25^{6} «Свидетель» КоАП РФ, к числу близких родственников относятся родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки. Понятие близких лиц в КоАП РФ не раскрывается.

В Жилищном кодексе Российской Федерации отсутствует понятие «близкие родственники», однако согласно части первой статьи 31 «Права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помещении», к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. При этом другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане

могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

В пункте 18^1 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации законодатель, упоминая о близких родственниках, делает отсылку к вышеупомянутой статье 14 СК РФ. Так, в статье 217 Налогового кодекса Российской Федерации близкими родственниками признаются супруги, родители и дети, в том числе усыновители и усыновленные, дедушка, бабушка и внуки, полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры.

В пункте третьем статьи 108 «Прекращение по инициативе пассажира действия договора воздушной перевозки пассажира» Воздушного кодекса Российской Федерации указано, что под членами семьи понимаются супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), под близкими родственниками – дедушки, бабушки и внуки, полнородные и неполнородные братья и сестры.

В статье 64^1 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 18.07.2017) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.09.2017) близкими родственниками являются: супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки.

Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в статье 31 «Требования к участникам закупки» близкими родственниками считает родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей или усыновленных.

В пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее – Постановление) говорится, что

«к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений». Понятие «близкие» использовано также в п. 8, 16 данного Постановления.

Примечание к статье 116 УК РФ «Побои» в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ определяло на законодательном уровне понятие близких лиц применительно к данной норме. Так, под близкими лицами в настоящей статье понимались «близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство».

Мы полагаем, что законодатель, пошел по верному пути, определив понятие «близкого лица» применительно к статье 116 УК РФ «Побои», однако данная норма в редакции Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ в настоящее время утратила силу и представлена в уголовном законодательстве Российской Федерации в существующей редакции без примечания, раскрывающего понятие данного термина.

Как видно из представленных выше конструктивных и квалифицирующих признаков отдельных составов преступлений, использующих термин «близкие» лица, а также положений отдельных норм Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации, законодатель в УК РФ использует 22 раза термины «близкий родственник» и «близкий», не определяя их. Данные термины в Особенной части УК РФ используются как раз применительно к насильственным преступлениям, посягающим на безопасность жизни и здоровья человека, где причинение вреда является негативным последствием совершения преступного деяния, имеется реальная

угроза причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, благам и интересам или реальная угроза распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

Итак, в настоящее время сложилась такая ситуация, когда законодатель в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации определяет понятие «близкие лица» и «близкие родственники», в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в Воздушном кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и других нормативных правовых актах раскрывает понятие «близкие родственники», в Уголовном кодексе Российской Федерации законодатель до недавнего времени определял понятие «близкие лица», в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» раскрывается понятие «близкие» лица.

Однако, во-первых, понятие «близкие лица» отсутствует в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, в Воздушном кодексе Российской Федерации в других нормативных правовых актах. Во-вторых, понятие «близкие родственники», определенное в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в Семейном кодексе Российской Федерации, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях отличаются друг от друга. В-третьих, данные понятия распространяются только на статьи этих нормативных правовых актов. В-четвертых, определяя в примечании к статье 116 УК РФ понятие «близкие лица», законодатель указывал, что данное понятие распространяется только на настоящую статью. В-пятых, под близкими лицами в примечании к статье 116 УК РФ

понимались также лица, ведущие с ним общее хозяйство, что также не совпадает по смыслу с понятием близких лиц, указанным в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». В-шестых, понятие «близкие лица», указанное в вышеназванном Постановлении распространяется только на деяния, относящиеся к убийству (ст. 105 УК РФ). Отметим, что статья 105 УК РФ «Убийство» является общей нормой по отношению к статье 277 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля», к статье 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», к статье 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа». Что же касается статьи 277 УК РФ, то законодатель почему-то вообще не допускает наличие «близких лиц» у государственного или общественного деятеля при посягательстве на его жизнь, ведь в аналогичных нормах (статья 295 УК РФ и статья 317 УК РФ) идет речь о посягательстве не только на жизнь потерпевших, указанных в данных нормах, но и на их близких. В-седьмых, в пункте 3 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации говорится о близких лицах как иных, за исключением близких родственников и родственников, лицах, а в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» указано, что к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. В-восьмых, законодатель в примечании к статье 205^{6} УК РФ «Несообщение о преступлении», а также в примечании к статье 308 УК РФ «Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний» отделяет супруга от близких родственников.

Полагаем, что сложившаяся ситуация требует нормативного разрешения и в Уголовном кодексе Российской Федерации следует определить понятия «близкие лица» и «близкие родственники», которые правоприменителю надлежит использовать при правовой оценке деяний, посягающих на безопасность жизни и здоровья человека.

Под близкими родственниками мы предлагаем понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка, прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

Мы предлагаем данные понятия включить в примечание к статье 111 УК РФ.

Далее предлагаем рассмотреть следующую проблему. Глава 16 Уголовного кодекса Российской Федерации называется «Преступления против жизни и здоровья». Название главы 25 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель определил как «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Полагаем, что в данном исследовании диссертационного уровня следует рассмотреть проблему соотношения объектов уголовно-правовой охраны от преступлений, расположенных в главе 16 и главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проблемы правовой оценки умышленного причинения вреда здоровью были исследованы в диссертациях многих авторов. К числу данных работ следует отнести диссертационные исследования Р.Ю. Смирнова «Дифференциация уголовной ответственности за посягательства на здоровье человека» (Москва, 2013), И.А. Шаматульского «Уголовная ответственность

за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь» (Москва, 2015), Е.Н. Чучелова «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта» (Москва, 2016), Д.Ж. Гостьковой «Квалифицирующие признаки, относящиеся к субъективной стороне составов преступлений против жизни и здоровья: вопросы теории и практики (по материалам Уральского федерального округа) (Челябинск, 2018) и др. Однако в данных работах проблема соотношения здоровья человека и здоровья населения как объектов уголовно-правовой охраны не изучалась вовсе.

В юридической литературе не проводятся какие-либо дискуссии по поводу легитимности определения объекта преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» и не выявляется проблема соотношения здоровья человека и здоровья населения как объекта уголовно-правовой охраны.

В теории уголовного права как под копировальную бумагу, при определении определения объекта преступлений, предусмотренных главой 25 УК РФ, представлена одна и та же позиция, согласно которой преступления против здоровья населения посягают на здоровье многих людей[1].

Согласно данной позиции, объекты преступлений, предусмотренных главой 16 УК РФ и главой 25 УК РФ, являются одинаковыми и отличаются только лишь количеством потерпевших, которым причиняется вред здоровью, исходя из названия этих глав Уголовного кодекса Российской Федерации.

Глава 25 Уголовного кодекса Российской Федерации с названием «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» расположена в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Соответственно родовым объектом

---

[1] См., например: Уголовное право России. Практический курс: Учебник. М., 2010. С. 565.

преступлений, размещенных в данном разделе и в главе 25 УК РФ выступают общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок».

Разделив условно всю совокупность преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ на преступления против здоровья населения и преступления против общественной нравственности, мы увидим, что в условно выделяемой нами первой части совокупности всех деяний главы 25 УК РФ, расположены преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных или других веществ. При этом данные деяния совершаются в нарушение положений существующего нормативного правового акта, устанавливающего правовые основы государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, именуемого Федеральным законом от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Если проанализировать российское уголовное законодательство, начиная с советского периода его становления, можно понять логику законодателя, определившего объект преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных или других веществ, расположенных в главе 25 УК РФ 1996 года в существующем виде.

Так, в Уголовном кодексе РСФСР 1922 года не была установлена уголовная ответственность за совершение преступлений, связанных с изготовлением или сбытом наркотиков. В главе восьмой УК РСФСР 1922 года, которая именовалась «О нарушении правил, охраняющих народное здоровье, общественную безопасность и публичный порядок», в статье 215 была установлена уголовная ответственность за приготовление ядовитых и сильнодействующих веществ лицами, не имеющими на то права[1].

В статье 10 УК РСФСР 1922 г. содержалось положение о легитимности аналогии уголовного закона, согласно которому «в случае отсутствия в

[1] См.: Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917 – 1953 г.г. М., 1953.

Уголовном Кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статей Уголовного Кодекса, предусматривающих наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части сего Кодекса».

В связи с этим такие деяния, как уклонение от сдачи или несдача государству в соответствии с договорными условиями опия, квалифицировались по ст. 139 УК РСФСР 1922 года, предусматривавшей уголовную ответственность за «скупку и сбыт в виде промысла продуктов, материалов, изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение»[1].

6 ноября 1924 года Советом Народных Комиссаров РСФСР принят декрет «О мерах регулирования торговли наркотическими средствами»[2]. В пункте 7 данного нормативного правового акта содержалось положение, согласно которому за нарушение соответствующих правил торговли наркотическими средствами предусматривалось применение по аналогии статей 136 и 141 УК РСФСР 1922 года. Так, в статье 136 УК РСФСР 1922 года устанавливалась уголовная ответственность за нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий. Статья 141 УК РСФСР 1922 года предусматривала уголовную ответственность за нарушение правил о торговле теми или другими продуктами или изделиями в тех случаях, когда в них установлена ответственность по суду.

Но такое положение не удовлетворяло требованиям правоприменителя и принятый 22 декабря 1924 года декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О дополнении Уголовного кодекса статьей 140-д» в данной норме (статье 140-д), установил уголовную ответственность за изготовление и хранение с

---

[1] Уголовный кодекс РСФСР. М., 1923. С. 124.
[2] СУ РСФСР. 1924. № 85. С. 867.

целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ, без надлежащего разрешения[1].

Норму, предусматривающую уголовную ответственность за изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ, без надлежащего разрешения, законодатель поместил в главу IV «Преступления хозяйственные», что не являлось правильным с позиции определения объекта уголовно-правовой охраны рассматриваемых общественных отношений и местоположения статьи 140-д в Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 года в рассматриваемый период.

В связи с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1926 года уголовная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств не претерпела изменений, так как положения об установлении уголовной ответственности за изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ, без надлежащего разрешения, представленные ранее в ст. 140-д Уголовного кодекса РСФСР 1922 года законодатель полностью воспроизвел в статье 104 УК РСФСР 1926 года «Изготовление и хранение с целью сбыта и самый сбыт кокаина, опия, морфия, эфира и других одурманивающих веществ без надлежащего разрешения».

Что касается определения однородной группы общественных отношений, охраняемых уголовным законом от преступных посягательств, выступающих в качестве видового объекта преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, законодатель поместил статью 104 УК РСФСР 1926 года в главу вторую Особенной части «Иные преступления против порядка управления»[2].

В УК РСФСР 1926 года в соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1934 г. были внесены изменения, в соответствии с

---

[1] См.: СУ РСФСР. 1925. № 5. С. 23; СУ РСФСР. 1925. № 9. С. 211.
[2] СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

которыми в статье 179-а устанавливалась уголовная ответственность за производство посевов опийного мака и индийской конопли без соответствующего разрешения. Данная статья располагалась в главе восьмой «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок»[1].

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года сменил принятый УК РСФСР 1960 года, в котором устанавливались уголовная ответственность за деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Эту группу преступлений законодатель поместил в главу «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения». Данная глава содержала такие деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков, как незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт наркотических средств (статья 224), хищение наркотических средств (статья 224^1, введена Указом Президиума ВС РСФСР от 15.07.1974), склонение к потреблению наркотических средств (статья 224^2, введена Указом Президиума ВС РСФСР от 15.07.1974), незаконные приобретение или хранение наркотических средств в небольших размерах (статья 224^3, введена Указом Президиума ВС РСФСР от 29.06.1987), посев или выращивание запрещенных к возделыванию опийного мака и конопли (статья 225), незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли (статья 225^1, введена Указом Президиума ВС РСФСР от 29.06.1987), содержание притонов и сводничество (статья 226), организация или содержание притонов для потребления наркотических средств (статья 226^1, введена Указом Президиума ВС РСФСР от 15.07.1974), незаконное изготовление, приобретение, хранение, перевозка или сбыт сильнодействующих и ядовитых веществ (статья 226^2, введена Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.07.1974).

В Уголовном кодексе 1996 года преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, расположены в

[1] СУ РСФСР. 1934. № 42. С. 259.

главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Проведя анализ определения законодателем объекта уголовно-правовой охраны при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и иных веществ, мы определили, что нормы об ответственности за совершение деяний в сфере незаконного оборота наркотиков, начиная с советского периода существования уголовного законодательства Российской Федерации, были включены в главу, содержащую уголовно-правовые нормы об ответственности за хозяйственные преступления (УК РСФСР 1922 года); в главу, содержащую уголовно-правовые нормы об ответственности за иные преступления против порядка управления (УК РСФСР 1926 года); в главу, содержащую уголовно-правовые нормы об ответственности за нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок (УК РСФСР 1926 года); в главу, содержащую уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (УК РСФСР 1960 года); в главу, содержащую уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (УК РФ 1996 года).

Таким образом, в современном уголовном законодательстве общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств, обеспечивающие безопасность здоровья населения, объединены в главе 25 УК РФ с другим объектом уголовно-правовой охраны от посягательств на общественную нравственность.

Говоря о здоровье населения как объекте уголовно-правовой охраны, следует указать, что законодатель неверно сформулировал по сути название главы 25 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Просмотреть в названии главы 25 УК РФ общественную опасность, выраженную в причинении вреда общественным отношениям в сфере

законного оборота наркотических средств, психотропных и других веществ невозможно.

Мы считаем, что законодатель при определении объекта уголовно-правовой охраны преступлений, расположенных в главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации, допустил погрешность или безграмотность, так как в результате незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, сильнодействующих, ядовитых веществ ущерб причиняется не только здоровью граждан, но и существует реальная угроза наступления смерти человека, поэтому уместно вести речь о безопасности жизни населения как объекте уголовно-правовой охраны от преступлений, связанных с наркотизмом.

В настоящее время в промышленных масштабах в основном производят синтетические наркотики, новые потенциально опасные психоактивные вещества, так называемые соли, спайсы, от которых может мгновенно наступить смерть и здесь не следует говорить об угрозе вреда здоровью человека. Более того, говоря о здоровье населения, мы ведем речь о неопределенном количестве потерпевших, которым причиняется вред здоровью. В Российской Федерации в настоящее время существует много заброшенных сел, деревень, где все население этих мест фактического проживания состоит из двух, трех человек. Получается, что при нанесении телесных повреждений сразу всем жителям этой деревни, всему населению, в результате которых им будет причинен вред здоровью какой-либо тяжести, мы обязаны будем квалифицировать такие деяния по статьям, расположенным в главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», а не по статьям, регламентирующим уголовную ответственность за «Преступления против жизни и здоровья», расположенным в главе 16 Уголовного кодекса Российской Федерации, что представляется неприемлемым.

В связи с этим мы считаем, что в качестве видового объекта уголовно-правовой охраны от преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и иных веществ, предусмотренных главой 25 Уголовного кодекса Российской Федерации, следует признать общественные отношения, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных и иных веществ, но никак не здоровье населения.

Проследим теперь наполняемость главы 25 Уголовного кодекса Российской Федерации составами преступлений, в которых следует определить конкретные общественные отношения, охраняемые уголовным законом (здоровье населения или здоровье человека).

В статье 228^2 УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ» в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления, указанного в части 2, называется в том числе и причинение по неосторожности вреда здоровью человека или наступление иных тяжких последствий. В статье 229 УК РФ «Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» содержатся квалифицированные виды данного преступления, связанные с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (пункт «г» части второй статьи 229 УК РФ), а также с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (пункт «в» части третьей статьи 229 УК РФ). В статье 229^1 УК РФ «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ»

содержится квалифицированный вид данного преступления, связанный с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль (пункт «в» части четвертой статьи 229^1 УК РФ). В статье 230 УК РФ «Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов» в качестве квалифицированного вида основного состава преступления указывается на возможность его совершения с применением насилия или с угрозой его применения (пункт «г» части второй статьи 230 УК РФ). Статья 230^1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» в качестве квалифицированного вида данного преступления, предусматривает совершение деяния с применением шантажа, насилия или с угрозой его применения (пункт «в» части второй статьи 230^1 УК РФ). В части третьей статьи 230^1 УК РФ установлена уголовная ответственность за совершение деяний, предусмотренных частями первой или второй настоящей статьи, повлекших по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия, к которым судебная практика обычно относит и причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности. В статье 230^2 УК РФ «Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» квалифицированным видом данного деяния выступает совершение тех же деяний, повлекших по неосторожности смерть спортсмена или иные тяжкие последствия. Статья 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» в части четвертой предусматривает ответственность за нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ, если это повлекло по неосторожности их хищение либо причинение иного существенного вреда. В соответствии с пунктом 34 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и

ядовитыми веществами» причинение иного существенного вреда вследствие нарушения правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих или ядовитых веществ (часть четвертая статьи 234 УК РФ) может выражаться в длительном заболевании человека, загрязнении ядовитыми веществами окружающей среды, приостановке на длительный срок производственного процесса, возникновении пожара и т.п. При этом причинение по неосторожности смерти либо тяжкого вреда здоровью человека не охватывается составом части четвертой статьи 234 УК РФ. В этих случаях действия виновного влекут ответственность по совокупности преступлений, предусмотренных частью четвертой статьи 234 УК РФ и соответствующими частями статьи 109 или статьи 118 УК РФ[1].

Статья 234^1 УК РФ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» в качестве квалифицированного вида данного преступления в части второй предусматривает те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору либо повлекшие по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Статья 238^1 УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» в пункте «б» части второй предусматривает ответственность за совершение деяний, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека.

В результате проведенного анализа мы приходим к выводу о том, что нормы, непосредственно направленные на противодействие преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и иных веществ, лекарственных средств, медицинских изделий, биологически

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // СПС Консультант Плюс.

активных добавок, не содержат в качестве основного объекта уголовно-правовой охраны общественные отношения, обеспечивающие реализацию права населения на безопасность его здоровья. В данных посягательствах основным непосредственным объектом уголовно-правовой охраны выступают общественные отношения, обеспечивающие реализацию правовых основ государственной политики в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Единственной нормой, расположенной в главе 25 Уголовного кодекса Российской Федерации, где здоровье человека (а не здоровье населения) выступает в качестве основного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны, является ст. 235 УК РФ «Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности», предусматривающая ответственность за осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это деяние повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека. То есть для привлечения к уголовной ответственности за незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью достаточно единичного случая причинения вреда здоровью хотя бы одному человеку, но не населению. В связи с этим не ясна логика законодателя, поместившего данную норму (ст. 235 УК РФ) в главу 25 УК РФ с названием «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Существующая редакция ст. 123 УК РФ «Незаконное проведение искусственного прерывания беременности» устанавливает в части первой уголовную ответственность за проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля без наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью человека, и расположена данная норма в главе 16 УК РФ,

предусматривающей ответственность за совершение преступлений против жизни и здоровья.

Только четыре нормы, как мы полагаем, имеют право на присутствие в главе 25 УК РФ в существующем ее виде в нынешней редакции названия и непосредственно связаны с посягательством на здоровье населения как на основной непосредственный объект уголовно-правовой охраны таких деяний. Это статья 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил»; статья 237 УК РФ «Сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей»; статья 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности»; а также статья 239 УК РФ «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан».

Таким образом, из 22 составов преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ, и, отнесенных законодателем к преступлениям, где основным непосредственным объектом должно выступать здоровье населения, только статьи 235, 236, 237, 238 и 239 УК РФ относятся к нормам, основным непосредственным объектом которых является безопасность в сфере обеспечения здоровья человека. В связи с этим предлагается законодателю перенести данные нормы в главу о преступлениях против жизни и здоровья человека.

В части первой статьи 235^1 УК РФ «Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий» установлена ответственность за производство лекарственных средств или медицинских изделий без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна). При этом последствий в виде причинения вреда здоровью человека в данной норме не предусмотрено вообще, даже в квалифицирующих признаках.

В части первой статьи 238^1 УК РФ «Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств,

медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок» законодатель устанавливает ответственность за производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации недоброкачественных лекарственных средств или медицинских изделий, либо незаконные производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации в целях сбыта незарегистрированных лекарственных средств или медицинских изделий, либо производство, сбыт или ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции, совершенные в крупном размере. Последствия в виде причинения вреда здоровью человека в качестве обязательного признака основного состава данного преступления законодателем не предусмотрены.

В связи с этим законодателю предлагается статьи 235^1 и 238^1 УК РФ перенести в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, так как основной целью незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий (статья 235^1 УК РФ) и обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (статья 238^1 УК РФ) все же является извлечение прибыли из этих действий.

Мы считаем, что в целях приведения в соответствие с правилами законодательной техники при определении месторасположения деяний в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны для отграничения одинаковых по своей сущности объектов посягательства – здоровья человека и здоровья населения – отличающихся между собой только количеством потерпевших, законодателю следует отказаться от названия главы 25 УК РФ в

существующей редакции «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Мы предлагаем название главы 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «Глава 25. Преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ». Данное название будет соответствовать Федеральному закону от 08.01.1998 № 3-ФЗ (в ред. от 29.12.2017 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах».

Преступления, предусмотренные статьей 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией», статьей 240^1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего», статьей 241 УК РФ «Организация занятия проституцией», статьей 242 УК РФ «Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов», статьей 242^1 УК РФ «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних», статьей 242^2 УК РФ «Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов», статьей 243 УК РФ «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей», статьей 243^1 УК РФ «Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия», статьей 243^2 УК РФ «Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания», статьей 243^3 УК РФ «Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ,

осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере», статьей 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения», статьей 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» следует выделить в отдельной главе 25^1 УК РФ: «Глава 25^1. Преступления против общественной нравственности».

Что касается выделения отдельной главы 25^1 УК РФ, то в данном случае отсутствует нарушение установленных правил законодательной техники, применяемых при реформировании Уголовного кодекса Российской Федерации, так как в УК РФ уже включены глава 15^1 «Конфискация имущества», глава 15^2 «Судебный штраф».

Таким образом, в результате проведенного диссертационного исследования в связи с совершенствованием уголовного законодательства в сфере обеспечения безопасности здоровья человека, мы предлагаем внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) название раздела VII изложить в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека»;

2) название Главы 16 изложить в следующей редакции: «Глава 16. Преступления против безопасности жизни и здоровья человека»;

3) в статье 111:

а) в части первой слова «опасного для жизни» заменить словами «опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «прерывание беременности» заменить словами «прерывание беременности в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности»;

в) в части первой слова слова «психическое расстройство» заменить словами «тяжелое психическое расстройство либо его обострение в период ремиссии»;

г) в части первой слова «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» заменить словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела»;

д) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности свыше 30 %»;

е) пункт «г» части второй изложить в следующей редакции: «из корыстных побуждений или по найму»;

ж) часть вторую дополнить пунктом «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

з) дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание.

1. Под причинением вреда здоровью человека в статьях настоящего Кодекса следует понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

2. Под насилием в статьях настоящего Кодекса следует понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

3. Под близкими родственниками в статьях настоящего Кодекса следует понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка, прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих

отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам в статьях настоящего Кодекса следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство».

4) в статье 112:

а) в части первой слова «не опасного для жизни» заменить словами «не опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «вызвавшего длительное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21 дня до 120 дней»;

в) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности от 10 до 30 %»;

г) часть вторую дополнить пунктом «и» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму»;

д) часть вторую дополнить пунктом «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

5) статью 113 изложить в следующей редакции:

«Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия, либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с

систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего в отношении виновного или других лиц, а равно иными действиями, не относящимися к числу противоправных, -

наказывается…

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта, -

наказывается…»;

6) в статье 114:

а) название изложить в следующей редакции: «Статья 114. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»;

б) часть первую изложить в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»;

7) в статье 115:

а) в части первой слова «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью свыше 7 дней до 21 дня»;

б) в части первой слова «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности, равную 5 %»;

в) часть вторую дополнить пунктом «г» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму».

8) В целях приведения в соответствие с правилами законодательной техники при определении месторасположения деяний в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в зависимости от объекта уголовно-правовой охраны для отграничения одинаковых по своей сущности объектов посягательства – здоровья человека и здоровья населения –

отличающихся между собой только количеством потерпевших, законодателю следует отказаться от названия главы 25 УК РФ в существующей редакции «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Мы предлагаем название главы 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «Глава 25. Преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ». Преступления, предусмотренные статьями 240, 240^1, 241, 242, 242^1, 242^2, 243, 243^1, 243^2, 243^3, 244, 245 УК РФ следует выделить в отдельной главе 25^1 УК РФ: «Глава 25^1. Преступления против общественной нравственности».

Предложения по квалификации преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, а также по совершенствованию норм об ответственности за рассматриваемые преступления в большинстве случаев поддержали опрошенные нами респонденты. Аналитическая справка по результатам экспертного опроса судей, сотрудников прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, судебно-медицинских экспертов, адвокатов, а также педагогических работников и научных сотрудников высших образовательных учреждений юридического профиля по вопросам правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, представлена в приложении № 4 диссертации. Нами подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека», который представлен в приложении № 5 диссертации.

5.3. Меры по предупреждению преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека

Эффективность предупреждения преступности в целом и любого его вида зависит как от надлежащего анализа причин и условий,

способствующих совершению преступлений, так и от того, насколько государство и все его институты участвуют в их устранении и нейтрализации. В данном параграфе мы рассмотрим причины и условия совершения преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, в том числе и на сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, сотрудников органов внутренних дел и меры по их предупреждению.

Факторов, так или иначе влияющих на состояние безопасности сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, сотрудников органов внутренних дел, можно назвать достаточно много. В этой связи некоторые исследователи проблем предупреждения преступлений против представителей власти связывают негативные тенденции таких преступлений с наличием ряда объективных и субъективных виктимологических факторов: ухудшением социально-экономического положения в стране, нерешенностью многих социальных проблем служащих; усилением миграционных процессов, порождающих рост преступности в целом; ощутимым недостатком средств, выделяемых на охрану общественного правопорядка и обеспечения криминологической и виктимологической безопасности, а также на противодействие преступности[1]. В этом ключе К.В. Вишневецкий отмечает, что в совокупности с другими обстоятельствами эти факторы обусловили увеличение нагрузки на личный состав органов внутренних дел, что послужило основой эскалации их виктимности[2]. В результате это привело к снижению профессионализма поступающих на службу в правоохранительные органы и стало причиной увольнения квалифицированных кадров.

---

[1] См.: Шрамченко А.В. Уголовно-правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей / Науч. ред. С.Ф. Милюков: Учеб. пособие. Ставрополь, 2007.

[2] См.: Вишневецкий К.В. Виктимология преступлений, совершенных против сотрудников полиции. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-prestupleniy-sovershennyh-protiv-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 20.12.2017).

Другие исследователи этой сложной проблемы в качестве детерминант посягательств, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, видят трехуровневую систему факторов. Первую группу составляет факторный комплекс преступности в целом, который, так или иначе, предопределяет совершение иных видов и групп преступлений. Вторую группу определяют детерминанты, имеющие в своей основе формирование и развитие противоправной агрессии на сотрудников правоохранительных органов. В третью группу включены детерминанты, которые повышают уязвимость сотрудников от совершения в отношении них посягательств[1]. Указанная точка зрения, безусловно, представляет интерес, однако она требует более глубокого анализа и детальной оценки. Как справедливо замечали некоторые ученые еще в конце XX века, неблагополучие населения и имущественная дифференциация создают реальную угрозу национальной безопасности страны, поскольку существенно повышают вероятность массовых социальных протестов и взрывов, дальнейшей криминальной экспансии в экономику и власть[2]. Но прошло с тех пор уже почти 20 лет, и что же изменилось? Последствия мирового финансового, а затем и российского социально-экономического кризиса, связанного с событиями на Украине, самым негативным образом сказались на большей части населения. Существенный скачок инфляции, снижение уровня реальных доходов населения, обесценивание денежных накоплений граждан, безусловно, сказывается на настроении российских граждан, которые винят в своих проблемах не только западных и американских партнеров (так принято их называть), но и практически все институты власти, как на государственном, так и на региональном и местном уровнях. Указанные антипатии, постоянно наблюдаемое чувство безысходности, апатии становятся побудительными

---

[1] См.: Панов Ю.Н. Криминологический анализ и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении работников милиции: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 11.

[2] См.: Путь в XXI век. Стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Под ред. Д.С. Львова. М., 1999. С. 147–148.

мотивами протестных выступлений и движений, которые нередко сопровождаются стычками с представителями правопорядка, в том числе с сотрудниками полиции.

Нужно признать, что в условиях сложившейся ситуации, когда государство не имеет возможности нейтрализовать весь спектр глобальных криминогенных факторов, недовольство, злорадство, откровенные вспышки мести и ненависти будут по-прежнему сопровождать наше общество. А это, так или иначе, будет связано с распространением негативных стереотипов поведения, что будет выражаться в фактах игнорирования нормативных предписаний, оскорбительном, враждебном и агрессивном поведении в отношении представителей власти. Череда же реформаторских идей и концепций, реализуемых в течение последних десятилетий в правоохранительных органах, постепенно разрушили соответствующие формы контроля за поведением граждан, что опять-таки обуславливает негативные качественные и количественные изменения преступности, усугубляет отношения между правоохранительными органами и гражданами.

Пытаясь найти объяснения по поводу высокого уровня виктимности сотрудников правоохранительных органов, в особенности случаев, связанных с их гибелью и получением ранений, причинения вреда здоровью, А.К. Кисилев в несколько ироничной форме отмечает, что неподготовленность сотрудников, слабая и несоответствующая времени экипировка и отсутствие бдительности дает преступникам преимущество: «При встрече со стражами порядка бандиты каждый раз убеждаются: можно смело вступать в бой. Скорее всего, первые не окажут никакого сопротивления. Скорее всего, убившие их не понесут никакого наказания»[1]. Все это в большинстве случаев правильно, но жизнь вносит коррективы в эту ситуацию. Сегодня на вооружении сотрудников ОВД находится более

[1] См.: Кисилев А.К. Современная история: ещё раз о причинах гибели полицейских // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1 (39). С. 266–267.

эффективное и точное огнестрельное оружие, более качественные средства выявления и пресечения фактов перевозки и хранения оружия, взрывчатых веществ и т.д. Это и современные и непревзойденные в мировой практике пистолеты-пулеметы («ПП-93», «Кедр», «Кипарис», «Клин»), усовершенствованные пистолеты (например, пистолет Стечкина «Бердыш») и малогабаритные автоматы («Вихрь»), и многое другое. Однако само высокоточное оружие и качественные средства защиты могут быть бесполезными в случае игнорирования человеческого фактора. Как показывает практика, сотрудники правоохранительных органов почему-то не в состоянии в одиночку, даже в паре с напарником, быстро и эффективно отразить нападение на них, почему-то не так метко стреляют, как преступники, действуют отнюдь не уверенно, робко, с опаской и т.д. Иными словами, у многих сотрудников не сформированы соответствующие психологические установки и отсутствуют навыки применения и использования оружия, физической силы и спецсредств.

Еще одной проблемой является противоречивость нашего законодательства и практики его применения. От порой противоречивых и пробельных законов страдает практика их применения. Отдельным блоком факторов, влияющих на распространенность преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, являются недостатки в организации самой деятельности по обеспечению правопорядка в стране в целом и отдельно взятом регионе. Так, если посмотреть на факты посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов, то сразу же появляется мысль, почему для этих целей преступники стали чаще использовать оружие, взрывчатые вещества или взрывные устройства. Ответ лежит на поверхности – такие посягательства становятся возможными в результате широкой распространенности оружия в обществе. Нужно признать, что в российском обществе в соответствии с нашим законодательством отношение к оружию двоякое. С одной стороны, у нас предусмотрен законный оборот оружия (покупка гладкоствольного,

охотничьего оружия и т.д.), а с другой – в России, на всей ее территории, во всех субъектах неисполнение уголовного запрета приводит к ответственности (ст. 222 – 226 УК РФ). Теперь несколько цифр: после создания войск национальной гвардии и передачи им функции по контролю за оборотом оружия было подсчитано количество оружия, которое находится у наших граждан на законном основании – это уже 6,7 миллиона единиц оружия в руках 4,4 млн. граждан[1]. Семью годами ранее (2010 год) количество единиц такого оружия не превышало 5,5 млн. Стало быть, интерес к оружию растет. Подсчитать, сколько у нас продается гражданского оружия самообороны, не составляет особой сложности. Сейчас заявки на приобретение такого оружия оформляются через электронную систему. В 2015 году таких заявлений было более 353 тыс. В принципе, ничего серьезного в этом нет, есть закон, есть требования и условия, которые следует соблюдать, и тогда появляется право на приобретение оружия, его хранение и использование по назначению (например, для охоты). Но не так давно в нашем обществе стало возможным приобретать травматическое оружие, относящееся к оружию самообороны. Тревожные тенденции с его использованием дают о себе знать и сегодня. Правонарушители и преступники стали чаще применять, и к тому же незаконно, именно травматическое оружие, что влечет причинение вреда здоровью человека. Оно используется при дорожных и бытовых конфликтах, в пьяных драках, разбойных нападениях, и в том числе при посягательствах на сотрудников правоохранительных органов.

Конечно же, некоторая часть граждан и сотрудников правоохранительных органов с неодобрением восприняли факт разрешения оборота травматического оружия, считая, что его специально приобретают для совершения преступлений. Но статистика фактов использования и применения такого оружия не только в нашей стране, свидетельствует об

---

[1] См.: Фалалеев М. Черные стволы // Российская газета. 10 июня 2016 года. (Федеральный выпуск № 7002 (134)).

обратном. Так, например, в Казахстане были проанализировали данные об этом и получилось, что за несколько лет из 800 тыс. зарегистрированных в стране преступлений 800 были совершены с применением травматического оружия – это всего 0,1 % от общего числа всех посягательств. При этом из этих же 800 преступлений лишь 47 были совершены с применением зарегистрированного травматического оружия, что составило всего 0,06 %[1]. То есть в 99,9 % случаев преступники используют оружие, находящееся у них незаконно, и в этом вся проблема. Стало быть, необходимо поставить на новый уровень работу по профилактике незаконного оборота оружия, которая, к сожалению, оставляет желать лучшего, несмотря на результаты.

Так, согласно данным статистики МВД России за 2017 год сотрудниками правоохранительных органов выявлено почти 29 тыс. преступлений (28916), связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, что больше на 3,3% чем в 2016 году[2]. В 2016 году было выявлено около 28 тыс. преступлений (+2,5%). Ежегодно наблюдается тенденция роста преступлений, связанных с изготовлением оружия (точнее переделкой охотничьего, газового или травматического оружия под боевое) – в 2016 году (4811), в 2017 году (5010).

Одним из субъективных факторов, предопределяющих большую или меньшую вероятность сотрудника правоохранительного органа стать потерпевшим от преступлений, является некая предрасположенность к этому. Она, по нашему мнению, не может являться фатальной, неизбежной, хотя сотрудники каждый день и по нескольку раз «ходят по лезвию ножа», рискуют своей жизнью и здоровьем. Тем не менее, эта

---

[1] См.: Оружие в руках населения может остановить рост преступности. [Электронный ресурс] URL: http://maxpark.com/community/4590/content/365933 (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2017 года. [Электронный ресурс] URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/12167987.

предрасположенность может существенно возрасти, если сотрудник имеет пониженную психологическую устойчивость, тревожность и подверженность к страху, если у него развита эмоциональная неуравновешенность и импульсивность, наблюдается недостаточная способность к концентрации внимания, имеются некоторые физические недостатки (снижен слух, плохое зрение, избыточный вес и т.д.). Наряду с внешними факторами (усталость, переутомление, головная боль, другие симптомы болезни и т.д.), ситуативными психическими состояниями, которые могут влиять на работоспособность сотрудника, а также наличие опыта действий в опасных ситуациях, риск стать жертвой заметно повышается. Так, например, в ряде случаев, сотрудники правоохранительных органов, вызванные на какой-либо бытовой скандал или происшествие, зачастую игнорируют элементарные правила безопасности, что сказывается на последствиях. Вспоминая не так давно произошедшее в Ростове-на-Дону трагическое происшествие, в результате которого один сотрудник был убит, а второй получил тяжелейшее ранение, можно сказать, что речь идет о как раз таком случае. Непрофессиональные, неподготовленные, легкомысленные действия сотрудников привели к гибели и ранению сотрудников. Ведь сама обстановка, наличие информации о нахождении в квартире лица с явными признаками агрессии должны были служить основанием для проявления осторожности, возможности применения оружия, а не распылять перцовый газ в отношении вооруженного преступника[1].

Совсем иного характера ситуации в неблагополучных регионах нашей страны (Дагестан, Ингушетия и т.д.) должны давать основание сотрудникам правоохранительных органов и их руководителям для

[1] См.: Кровавая «клубничка» в Ростове. Проститутка оказалась не женщиной. [Электронный ресурс] URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5a7ff86df03173b2b23b0df1/krovavaia-klubnichka-v-rostove-prostitutka-okazalas-ne-jenscinoi-5a883adb1aa80c8ca638ed2f (дата обращения: 20.12.2017).

применения более четких и строгих правил обеспечения своей безопасности. В этой связи вполне уместной является и критика сложившейся практики обеспечения безопасности личного состава. Конечно же, кто-то скажет, что сотрудники правоохранительных органов не виноваты, что их не научили, как правильно действовать[1]. Но любой сотрудник должен и сам самосовершенствоваться в плане физической подготовки, владения приемами самообороны, оружия. Хотя следует признать, что принятые приказы и наставления по огневой подготовке и практика проведения стрельб в горрайлинорганах сводится к тому, что личный состав в основном учится правилам стрельбы и навыкам отработки упражнений, которые в реальной обстановке не дают сотруднику преимущества над преступником, тем более вооруженным. Что же касается сотрудников спецподразделений, то их тренировки и полученные при этом навыки отражаются и на частоте боевых потерь и ранений среди них. И эти потери в разы меньше потерь и ранений среди сотрудников других служб, и подразделений.

Как известно, виктимологическая наука изучает различные категории жертв, ситуации, при которых происходят преступления, разрабатывает на основе этой информации конкретные рекомендации относительно того, как избежать последствий преступлений вообще или хотя бы снизить вероятность наступления более существенного ущерба. В этой связи интерес представляет и такая социальная группа людей, которая по логике вещей вообще не должна становиться жертвами.

Общепринятый подход применительно к профилактике насильственных посягательств представляет собой, в первую очередь, полное устранение криминогенных факторов, выступивших в качестве детерминанты криминального насилия. Факторы, которые обусловливают виктимное поведение, в этом случае отходят на дальний план и, зачастую, не

---

[1] См.: [Электронный ресурс] URL: http://pravo.ru/interpravo/practice/ 10 апр. 2012. (дата обращения: 20.12.2017).

подлежат детальному изучению. Увеличение уровня «виктимологической стойкости» потерпевших способно в значительной степени отразиться на возрастании уровня профилактики насильственных преступных деяний.

В плане формирования криминологического учения и увеличения степени эффективности его использования в практической деятельности, в частности профилактики преступных деяний, представляется крайне значимым изменить позицию самих правоохранительных органов и иных субъектов относительно профилактических мероприятий преступлений, в связи с тем, что такая деятельность реализуется только в отношении правонарушителей. Такому направлению профилактической деятельности, как активное формирование виктимологического аспекта в процессе развивающейся предупредительной системы преступных деяний должна предоставляться приоритетная позиция. Под виктимологическим предупреждением правонарушений следует понимать совокупность мер, нацеленных на ликвидацию тех обстоятельств, что связаны с потерпевшим субъектом, и способствующих поведению криминального характера. В связи вышеуказанным, в целях увеличения степени эффективности профилактики преступных деяний, представляется необходимым как можно больше применять все возможности противостояния преступным деяниям самого населения, потенциал которых, бесспорно, представляется значительным, однако, на сегодняшний день, к сожалению, изучен в недостаточной степени. В качестве еще одного достоинства выступает относительная малозатратность виктимологической профилактики, в связи с тем, что исследуемые меры, основываясь на присущей всем людям потребности в самозащите, наделены внутренним источником развития системы предупреждения преступных деяний.

Следует согласиться с позицией, согласно которой профилактическая работа выступает в качестве многоаспектной и содержит в себе такие меры криминологического характера, как предупреждение, меры виктимологического характера, как разновидность предупреждения,

итоговым результатом которого также следует считать недопущение преступных деяний, где предупредительные усилия устремлены на поведение жертвы[1]. Помимо этого, при одновременном применении виктимологической и традиционной профилактики, предупредительная деятельность становится логически завершенной.

В последнее время в России начали уделять особое внимание изучению вопросов защиты прав потерпевших от совершения преступных деяний. Данное обстоятельство обусловлено тем, что общемировой тенденцией стало укрепление правовых гарантий потерпевших, игнорировать которое уже недопустимо. Россия все глубже интегрируется в мировое сообщество, что, в свою очередь, накладывает некоторые обязательства на соблюдение международных стандартов в области защиты прав человека. К сожалению, в России проблемам потерпевших от совершения преступных деяний уделено еще недостаточное количество внимания, в то время как в иностранных государствах (в частности в таких странах, как Германия, Франция, Великобритания, США, Япония) интересы жертв преступных деяний первичны. Формируются специализированные службы оказания содействия жертвам преступных деяний, оказывается специализированная медицинская и психологическая помощь, помощь в правовых вопросах, в которую входят бесплатные консультации, содействие при участии в судебном разбирательстве, помощь в правильном оформлении всей необходимой документации. Потерпевшему лицу в зарубежных государствах выплачивается государственная компенсация ущерба от совершенного в отношении них преступного деяния, с жертвами проводят индивидуальную и групповую работу. В средствах массовой информации непрерывно публикуются статьи о том, каким образом возможно защитить себя, собственную семью, жилище от преступных посягательств.

---

[1] См.: Коновалова И.А. Виктимологическая стойкость как способ предупреждения преступлений несовершеннолетних // Современные научные исследования. 2012. № 6 (3). С. 10.

В некоторых университетах США научные центры реализуют исследования разнообразных показателей виктимизации населения, организуют специализированные виктимологические клиники. В Германии в процессе непосредственного обучения сотрудников полиции преподается специализированный курс по основам виктимологии, читаются лекции и проводятся соответствующие семинары, связанные с изучением специфики использования положений данного курса в практике полицейской работы. В Японии исследованиями в данной виктимологической сфере занимаются такие структуры как: комплексный юридический НИИ и НИИ полиции, в которых имеются специально-предназначенные для этого лаборатории, а также имеются психологи, проводящие воспитательную работу, и занимающиеся изучением личности и поведенческих характеристик потерпевших, исследуется моральный вред, который был им причинен, а также формы взаимоотношения жертвы с правонарушителями[1].

В России в качестве достаточно перспективного направления становления виктимологической науки выступает формулирование методик, способов и средств виктимологической профилактики. Такой вид профилактики, выступающий в качестве одного из направлений предупреждения преступности, выражен в специфической деятельности определенных общественных институтов, целью которой выступает выявление и полная ликвидация факторов и различных ситуаций, создающих виктимное поведение и в таком качестве детерминирующих совершение преступных деяний; выявление групп риска и определенных субъектов с повышенным уровнем виктимности и воздействие на таких лиц, с целью восстановления либо же активизации их защитных свойств, выработку, либо

[1] См.: Вирясова Н.В., Федина Н.А., Наконечная А.В., Чугуй А.А. Некоторые проблемы преступности несовершеннолетних и меры ее профилактики // Модернизация общественных наук в эпоху глобальных перемен: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты материалы международной научно-практической конференции. Саратов, 2017. С. 59.

усовершенствование уже существующих специализированных средств защиты граждан от преступных деяний и дальнейшей их виктимизации.

Виктимологическое направление профилактической деятельности следует относить, в первую очередь, к категории специально-криминологического предупреждения, вследствие того, что лишь применительно к виктимогенной деформации личности представляется возможным рассматривать особо выделенные в системе целей общесоциальных мероприятий наиболее узкие цели нравственного воспитания определенных категорий населения, выработки у них правильной жизненной позиции.

Внимания заслуживает исследование сущности связей взаимодействия между лицом, совершившим преступное деяние и его жертвой. Воздействие на личность и поведенческие реакции потенциальных и реально существующих жертв реализуется применительно к каждому отдельно взятому лицу с учетом специфики его поведения. В частности, меры виктимологической профилактики наиболее целесообразным представляется дифференцировать исходя из того, являлось ли поведение жертвы виктимным до и во время непосредственного совершения преступного деяния[1]. В ходе избрания целесообразных профилактических мер особую значимость приобретает тот факт, что лица с повышенным уровнем виктимности могут быть определены к одной из трех разновидностей: активной (отрицательной), пассивной (положительной) и нейтральной. Если же поведение жертвы виктимно (активное или пассивное), то следует применять в полной мере все меры индивидуальной профилактики, и психологической коррекции, которые позволяют сформировывать в личности положительные черты и снижать уровень негативных характеристик. Для жертв с невиктимной (нейтральной) моделью поведения, достаточным представляется, как правило, применение общепрофилактических мер.

---

[1] См.: Пирожков В.Ф. Криминальная психология: Психология криминальной преступности. Кн. 1. М. Ось-89. 1998. С. 88.

Сотрудники правоохранительных органов наделяются специальными полномочиями и законными возможностями бороться с преступностью и ее проявлениями, задерживать и доставлять правонарушителей, пресекать и предотвращать преступления. Для реализации этих задач они проходят специальное обучение, включающее получение не только правовых знаний в сфере правоохранительной деятельности, что, кстати, так же важно, как и получение навыков оперативно-служебной деятельности и применение их на практике. К тому же сотрудники правоохранительных органов должны быть подготовлены к действиям в экстремальных условиях, иметь отменную физическую подготовку, владеть приемами самообороны, отвечать высоким моральным и нравственным качествам и т.д. Сотрудники правоохранительных органов постоянно должны совершенствовать свое профессиональное мастерство, ежегодно проходить проверку на профпригодность, подтверждать свою классную специальность. И как ни странно, все это, так или иначе, работает – создана прочная ведомственная правовая основа, совершенствуются условия и порядок проверки сотрудников, работают комиссии по аттестации и т.д. Однако практика почему-то вносит в эту системную деятельность свои коррективы, и как мы уже убедились, нередко не в пользу сотрудников. Сотни убитых и искалеченных, боязнь сотрудников правоохранительных органов применять оружие в отношении преступников, снижение имиджа сотрудников и авторитета службы в полиции – куда еще дальше! Разобраться в комплексе причин и условий, способствующих совершению в отношении сотрудников правоохранительных органов преступлений, мы попытаемся посредством анализа виктимологического аспекта. Изучая материалы о фактах гибели и ранений сотрудников полиции, причинения вреда их здоровью, совершения в отношении них иных преступлений, можно обнаружить одну характерную особенность всех этих проблем – в них неожиданным образом соединились и переплелись профессиональная подготовка, отсутствие бдительности и

заботы о личной безопасности, а также легкомысленная беспечность[1]. Да, было время, когда у сотрудников МВД России не хватало бронежилетов, спецсредств для досмотра автотранспортных средств и личного обыска подозреваемых, не было средств видеофиксации и контроля, не всегда работала связь и т.п. А что же сейчас мешает сотрудникам бдительно нести службу, своевременно распознавать опасность и принимать превентивные меры в отношении правонарушителей? По мнению А.И. Папкина, сотрудники правоохранительных органов нередко становятся потерпевшими потому, что игнорируют элементарные правила безопасности: забывают произвести личный обыск у задержанных; утрачивают связь и взаимодействие с напарниками, не обеспечивают их прикрытие в случае нападения; не применяют в установленных законом случаях специальные средства, физическую силу и оружие; не соблюдают безопасную пространственную дистанцию с правонарушителем; проявляют ненужную и не вызванную ситуацией и действиями правонарушителей нервозность и действия и т.д.[2] Кстати говоря, указанные выше факторы и обстоятельства, которые имели место 20-25 лет тому назад, сохранили свою актуальность и сегодня. Как отмечается даже в ведомственных справках и докладах, к основным причинам гибели сотрудников полиции следует относить: низкую обеспеченность их «…индивидуальными средствами защиты и бронежилетами…», неумение «…владеть оружием, методами обезвреживания вооруженных преступников, их преследования и задержания…»[3].

---

[1] См.: Полицейский получил ранение при освобождении заложника в Павлове. [Электронный ресурс] URL: https://news.rambler.ru/crime/35204127/?utm_content= rnews&utm_medium=read_ more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Папкин А.И. Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел (тактика и психология безопасной деятельности). М., 1996. С. 8.

[3] См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. М., 2014. С. 28.

Как замечают некоторые исследователи, виктимогенная потенция жертвы, обладающей знаниями закона, в том числе уголовного, обладающей специальными навыками, умениями и имеющей возможности применения различных средств защиты от преступных посягательств, должна оставаться таковой[1]. Практика показывает, что большинство преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов совершается непосредственно при исполнении ими своих профессиональных обязанностей, как правило, в рабочее время или же вне его, но, когда жертва выполняла обязанности, вытекающие из его правового положения сотрудника органов внутренних дел, например, при задержании правонарушителя, пресечении преступления[2]. Это обстоятельство позволяет говорить о так называемой профессиональной виктимности, поскольку такие преступления не могут быть совершены в отношении представителей иных профессий.

По мнению А.М. Столяренко, недостатки в подготовке и качествах сотрудника правоохранительного органа определяют его предрасположенность к несчастным случаям, что является разновидностью «профессиональной виктимности». Ее содержательной стороной нередко выступают следующие компоненты: потеря бдительности, неумение предвидеть и оценить опасность, игнорирование очевидных признаков опасности, переоценка своей подготовленности, отсутствие контроля за другими людьми, неверие в возможности стать объектом нападения и др.[3]

Как отмечает К.В. Вишневецкий, виктимность сотрудников, подвергшихся насилию со стороны преступников, связана с занимаемым ими должностным (служебным) положением, что имеет важное значение и при

---

[1] См.: Акимова Н.В. Криминологические и виктимологические меры предупреждения преступлений, совершаемых против сотрудников органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1999.

[2] См.: Магомедов М.М. Объект преступления. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3.

[3] См.: Столяренко А.М. Экстремальная психопедагогика: Учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 385.

таких достаточно распространенных аспектах профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел, как возможность стать жертвами преступления[1]. Действительно, сотрудникам полиции могут поступать угрозы, чтобы они отпустили задержанного правонарушителя, не регистрировали материалы о совершенном преступлении, изменили меру пресечения, переквалифицировали преступление на менее тяжкое и т.д.

Сотрудник нередко становится жертвой не только в связи с наличием у него соответствующих полномочий принимать меры и решения по отношению к лицам, которые не подчинены ему по службе, но и возможностей, связанных с принадлежностью к правоохранительной службе. Так, в 2015 году в г. Санкт-Петербурге было совершено разбойное нападение на лиц, которые перевозили денежные средства для нелегальных рабочих из Средней Азии, труд которых использовался на стройках города. Жертвами нападения оказались два сотрудника ОМОН, один из которых был убит, второй – получил тяжелое ранение. Как выяснило следствие, сотрудники полиции выполняли эту работу в свободное от службы время, о чем знал их непосредственный начальник, и который и привлек их для такого рискованного заработка. И вопрос даже не в том, сколько денег забрали преступники (24 млн. рублей), а в том, что злоупотребление служебными обязанностями одного сотрудника привело к таким печальным последствиям[2].

Преступления в отношении сотрудников правоохранительных органов нередко связаны и с самим фактом их отношения и принадлежности к правоохранительной службе. Особенно эта проблема представляет

---

[1] См.: Вишневецкий К.В. Виктимология преступлений, совершенных против сотрудников полиции. [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologiya-prestupleniy-sovershennyh-protiv-sotrudnikov-politsii (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Незаконная инкассация полицейских закончилась делом для руководства. [Электронный ресурс] URL: http://moment-istini.com/news/nezakonnaya-inkassatsiya-politseyskih-zakonchilos-delom-dlya-rukovodstva.html (дата обращения: 20.12.2017).

актуальность и злободневность на территории Северного Кавказа. Согласно информации, полученной из ряда источников, в этом неспокойном регионе смерть или ранение сотрудника правоохранительного органа участниками бандформирований, их идейными вдохновителями и организаторами не только считается неким «боевым трофеем», но это еще и основание получить вознаграждение за такое дерзкое преступление. По данным МВД России цена смерти рядового полицейского составляет около 30 тыс. руб., офицера – 50 тыс. руб., за подрыв авто – от 100 тыс. руб.[1]

Согласно данным МВД Республики Ингушетия, в 2017 году жертвами вооруженных конфликтов стали не менее 24 человек, из них 11 убиты и 13 ранены. В сравнении с 2016 годом общее число жертв выросло на 26 %, а среди силовиков – шестикратно[2]. Не лучшим образом обстоят дела и в Республике Дагестан, где за 2017 год было зарегистрированы 24 вооруженных инцидента, в ходе которых погибло 5 сотрудников силовых структур, хотя годом ранее число погибших сотрудников на территории Республики было 19[3]. Указанные выше данные свидетельствуют о высоком уровне виктимности сотрудников полиции, который по некоторым оценкам в 4,5 раза превышает соответствующий уровень виктимности населения применительно к умышленным убийствам при отягчающих обстоятельствах в расчете на 10 тыс. человек.

В рамках данного исследования мы не раскрыли все аспекты виктимного поведения сотрудников правоохранительных органов,

---

[1] См.: Криминал затеял передел сфер влияния круче, чем в лихие 90-е. [Электронный ресурс] URL:http://www.prav-prof.com/news/kriminal-zateyal-peredel-sfer-vliyaniya-kruche-chem-v-lihie-90-e (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Число жертв вооруженного конфликта в Ингушетии за 2017 год выросло на 26 %. [Электронный ресурс] URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/315153/ (дата обращения: 05.01.2018).

[3] См.: Число жертв вооруженного конфликта в Дагестане за 2017 год сократилось на 73 %. [Электронный ресурс] URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/315125/ (дата обращения: 05.01.2018).

представителей власти, тем не менее, изложенные выше доводы дают основание для некоторых выводов:

1. Преступления, совершаемые в отношении сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, сотрудников полиции кроме общих причин, характерных для преступности в целом связаны и с ростом агрессивности граждан, широким распространением в обществе асоциальных явлений, широким распространением оружия на руках у населения, в том числе находящегося незаконно[1];

2. Факты совершения преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов, представителей власти, сотрудников полиции обусловлены и наличием серьезных недостатков в подготовке личного состава правилам и приемам обеспечения личной безопасности, а также некой предрасположенностью (виктимностью) стать жертвой преступления, которая повышается в силу личностных, ситуативных и внешних обстоятельств;

3. Сотрудники правоохранительных органов, представители власти, сотрудники полиции становятся жертвами преступлений в результате потери бдительности, неумения предвидеть и оценить опасность, игнорирования очевидных признаков опасности, переоценки своей подготовленности, отсутствие навыков задержания правонарушителей, неумения применять боевые приемы борьбы, спецсредств и оружия[2].

---

[1] См.: В Москве арестовали 22-летнего жителя Чечни, стрелявшего в замначальника ОВД «Тропарево-Никулино». [Электронный ресурс] URL: https://zona.media/news /ovd_troparevonikulino?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 05.01.2018).

[2] См.: Шумный 19-летний меломан порезал ножом приехавшего на вызов полицейского в Ростовской области. [Электронный ресурс] URL: http://bloknot-rostov.ru/news/shumnyy-19-letniy-meloman-porezal-nozhom-priekhavsh-934764; В Красноярском крае при исполнении служебных обязанностей погиб полицейский, еще один получил ранение. [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/news/item/11838379 (дата обращения: 20.12.2017).

Криминологическая наука в качестве своей конечной цели ставит вопрос о разработке оптимальных мер предупреждения преступности в целом, отдельных ее видов и групп, в частности. С учетом накопленного объема знаний и практического опыта, предупреждение преступлений, как криминологическая категория, является необходимой основой обеспечения законности и правопорядка в стране. Меры, применяемые для предупреждения преступлений в различных странах, отличаются, но в целом их объединяет опора на закон, силу и авторитет государства и его органов, а также используемые ими правовые механизмы.

Говоря о предупреждении преступлений, совершаемых в отношении представителей власти в целом и сотрудников ОВД в частности, следует отметить, что в нашем государстве указанная проблема не решается обособленно. У нас нет какой-либо узконаправленной государственной или региональной программы предупреждения преступлений, потерпевшими от которых выступают сотрудники полиции. Единственным, пожалуй, утешением в этой ситуации является то, что интерес к указанной проблеме не пропадает, вследствие чего появляются работы ученых и исследователей, которые не только заявляют о необходимости критического осмысления проблем борьбы с такими посягательствами, но и предлагают пути и способы совершенствования их предупреждения. Но одно дело теоретические изыскания, и совсем другое – современные реалии. В этой связи А.В. Боков вполне справедливо замечает, что множество разработанных «теоретических схем» по предупреждению преступности и ее отдельных видов часто не используются[1].

Предупреждать посягательства на сотрудников правоохранительных органов, представителей власти с одной стороны достаточно просто. Эти субъекты с учетом их высоких профессиональных, моральных, деловых и физических качеств уже обладают неким преимуществом в части защиты от преступных посягательств. Они проходят обучение, повышают

[1] См.: Боков А.В. Организация борьбы с преступностью. М., 2003. С. 136.

квалификацию, сдают нормативы по физической и огневой подготовке, имеют право на законных основаниях хранить, носить и применять оружие в установленных законом случаях. То есть уровень их виктимности должен быть на порядок выше, нежели обычных граждан. Но на практике всего этого оказывается недостаточно для обеспечения их безопасности. Виктимность (предрасположенность стать жертвой преступлений) у сотрудников правоохранительных органов заметно выросла в последние годы. В этой связи некоторые авторы справедливо указывают о «двойной опасности» таких преступлений для общества, поскольку помимо непосредственных жертв они причиняют вред установленному правопорядку, ослабляют силу и авторитет государства, снижают результативность борьбы с преступностью[1]. Предупреждение рассматриваемых преступлений следует осуществлять с учетом современных реалий и объективных возможностей государства. При этом процесс предупреждения преступлений должен основываться на знании общих закономерностей развития общества, использовании конкретных правовых рычагов по минимизации политических, социальных, экономических, нравственных, психологических и иных явлений и процессов, выступающих детерминантами преступлений.

Проблема обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов, представителей власти достаточно остро стоит во многих странах. Уровень и распространенность их в различных странах неодинаковы. Так, для некоторых государств (например, Израиль)[2] высокий уровень виктимности полицейских объясняется непрекращающимся политическим противостоянием Израиля и Палестины, которое предопределяет конфликты и стычки не только между гражданами этих стран на улицах, но и нападения

---

[1] См.: Криминология: учебник под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2004. С. 598; Кураков А.В. К вопросу о криминологическом изучении преступлений против правосудия // Актуальные проблемы экономики и права. 2009. № 1. С. 177.

[2] См.: Международная уголовная статистика. Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып. № 1. М.: ГИЦ МВД России, 2004.

на стражей правопорядка, ибо полицейские выступают в роли «сдерживающего противовеса». Мировая практика предупреждения посягательств на полицейских с учетом жестких репрессивных мер также не оправдывает себя полностью. Так, наблюдая за ситуацией в США, нетрудно заметить, что чрезвычайно жесткие действия полицейских, которые пресекают правонарушения и задерживают реальных и потенциальных преступников, оборачиваются таким же яростным противодействием последних. Как следствие, растет число убитых и раненых с той и другой стороны.

В любом случае решать указанную проблему необходимо только опираясь на закон, который должен быть эффективен в части адекватности мер уголовно-правового воздействия. Действующий закон, в данном случае УК РФ, все же имеет изъяны и противоречия, которые мешают или дают возможность следствию или суду субъективно оценивать то или иное преступление, основываясь на внутреннем убеждении, применять ту или иную норму. Так, в статье И.Е. Сулеймановой приведено несколько примеров, когда один и тот же суд, рассматривая практически аналогичные примеры уголовных дел, принимает совершенно разные решения в плане квалификации. В одном случае по ч. 1 ст. 318 УК РФ был осужден П., который нанес удар кулаком в лицо сотруднику полиции, сделавшему ему замечание. В результате удара и падения, сотрудник ударился головой о бордюр и получил сотрясение мозга легкой степени с повреждением мягких тканей скуловой области. В другом аналогичном случае суд признал Ж. и Ч. виновными в причинении сотруднику органов внутренних дел Ю. тупой травмы левого голеностопного сустава и осудил их по ч. 2 ст. 318 УК РФ[1].

По мнению Ю.Н. Панова, предупреждение преступлений, совершаемых в отношении сотрудников ОВД, должно осуществляться на

[1] См.: Сулейманова И.Е. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации и правоприменительной практики. [Электронный ресурс] URL: http://отрасли-права.рф/article/25546 (дата обращения: 20.12.2017).

общесоциальном уровне и посредством организации специальной виктимологической профилактики, включающей в себя виктимологическую самопрофилактику сотрудников. Первый уровень должен предусматривать реализацию таких мероприятий, которые будут по возможности сглаживать объективные и субъективные противоречия между правоохранительными органами, и в частности ОВД, с населением. К данному уровню вышеназванный автор относит и совершенствование норм законодательства, регламентирующего ответственность за деяния, совершаемые в отношении сотрудников, а также повышение эффективности применения этих норм[1]. Второй уровень предусматривает повышение уровня защищенности граждан, в том числе сотрудников от преступных посягательств, а также реализацию задач руководства ОВД по надлежащему отбору и расстановке кадров, сохранению и повышению их профессионально-деловых, физических и психологических качеств, уровня их подготовки для повседневной работы и специальных операций и т.д.[2] Все это правильно, конечно. Однако, как и применительно к организации всей системы борьбы с преступностью, в нашей стране общесоциальные меры предупреждения преступлений «работают» крайне неудовлетворительно. Ссылаясь на мнение того же Ю.Н. Панова, по снижению уровня социальной напряженности и противоречий в обществе, который обязаны поддерживать именно сотрудники ОВД, следует отметить, что это весьма трудная задача современного российского общества. Те сцены насилия, откровенного произвола и хамства, которые мы видим уже не в кино, и не в реалити шоу, а в повседневной жизни, тем более, когда в них участвуют уже не обычные граждане, а известные всей стране люди (депутаты, журналисты, политические и общественные деятели, спортсмены-футболисты), свидетельствуют о превышении порога психологической напряженности в

---

[1] См.: Панов Ю.Н. Криминологический анализ и предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении работников милиции: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. С. 12.

[2] См.: Там же. С. 12–13.

обществе. В любом таком конфликте между гражданами, сопровождающимся последующим вмешательством сотрудников в его разрешение, страдают сами стражи порядка – им нередко причиняют травмы, их оскорбляют, а еще хуже – они погибают от рук преступников.

Еще драматичнее ситуация выглядит в Северо-Кавказском регионе, где уровень экстремистской и террористической угрозы просто зашкаливает. Преступники-экстремисты и террористы посредством своих атак на государственные органы, их инфраструктуру и т.д. преследуют цели продемонстрировать свою силу и показать уязвимость таких объектов. Посягательства же на сотрудников правоохранительных органов считаются у них проявлением героизма. В этой связи переломить эту ситуацию в рамках правового поля, воспитательного воздействия и соответствующей пропаганды не реально. Поэтому государство стало резко и адекватно реагировать на такие угрозы, естественно давая возможность преступникам вначале сдаться и сложить оружие. И такая практика в регионе приносит уже свои плоды. Если ранее боевые потери сотрудников в регионе превышали потери так называемых боевиков, то сейчас положение не только выправилось, оно уже в пользу правоохранительных органов. Так, за 2017 год из общего числа жертв в результате вооруженных конфликтов, а их было 134, погибло 30 гражданских лиц, 22 сотрудника правоохранительных органов и 82 боевика! В любом случае, ориентироваться на то, кто кого перестреляет, не следует. К тому же это не соревнования, а преступники стреляют в сотрудников ночью, тщательно маскируют и организуют свои атаки, применяют взрывные устройства и т.д.

С учетом складывающейся обстановки на Северном Кавказе, прибытия туда все новых боевиков и приверженцев ИГИЛ, иных террористических организаций в Россию (имеются в виду те российские граждане, которые примкнули к этим организациям и выехали за пределы страны воевать в Сирии и Ираке), серьезных политических преобразований в Республике Дагестан и других субъектах, возрастает нагрузка на личный состав

правоохранительных органов. Стало быть, в современных условиях и с учетом слабой эффективности действия мер общесоциального предупреждения следует рассчитывать в большей мере на специальные меры, в том числе меры виктимологической профилактики.

В рамках организации мер специально-криминологического предупреждения следует усилить внимание государства к вопросам уголовно-правовой защиты сотрудников правоохранительных органов. Не совсем понятна логика законодателя по усилению ответственности (п. «о» ст. 63 УК РФ). Не должен проступок какого-либо человека, пусть даже с очень серьезными последствиями, служить основой для принятия таких неординарных решений.

В этой связи возникают несколько вопросов, от решения которых может зависеть, насколько государство может повысить безопасность тех лиц, которые охраняют его устои. Во-первых, почему законодатель не усиливает ответственность в отношении преступников, когда практически каждый день, ценой своей жизни, спасая людей, погибает сотрудник полиции либо причиняется вред его здоровью? Во-вторых, почему нет никакой разницы в санкциях статей, когда преступник причиняет вред здоровью обычному человеку, либо, когда потерпевшим от насильственных действий выступает сотрудник правоохранительного органа? В-третьих, почему факт оскорбления представителя власти законодатель оценивает слишком лояльно? Ответы на этот вопрос лежат на поверхности. Либо государство не заинтересовано в укреплении престижа и авторитета правоохранительных структур, либо эти издержки в виде погибших, раненых и ежедневно оскорбляемых и унижаемых сотрудников все еще не свидетельствуют о необходимости повышения их защиты.

Сотрудники правоохранительных органов должны быть крепче преступников по духу, сильнее их физически, мудрее их и разумнее. Но образцы честности, порядочности, компетентности и добросовестности исполнения своих профессиональных обязанностей должны формироваться

постоянно. Следует создать для сотрудников надлежащие условия для труда, отдыха, следует внушить каждому необходимость совершенствовать свою боевую выучку, физическую подготовку. Да, для этого предусмотрены соответствующие занятия, однако их организация оставляет желать лучшего. Исключением является подготовка сотрудников спецподразделений – это понятно. Но ведь тот же участковый уполномоченный, полицейский патрульно-постовой службы, сотрудник ГИБДД и т.д. навыками задержания преступников практически не обладают. Нужны занятия, необходимы тренировки, нужны новые методики.

Когда на улице граждане увидят высоких, крепких, с уверенным взглядом и походкой сотрудников полиции, в подогнанной форме и снаряжении, когда не будет в интернете роликов с весьма неприглядными и непрофессиональными действиями сотрудников, тогда в корне изменится отношение населения к ним. Возрастет число тех, кто вовремя сообщит о совершенных или готовящихся преступлениях, увеличится число тех, кто окажет помощь в задержании преступников, кто реально, а не на бумаге будет патрулировать улицы городов вместе с личными составом, кто будет испытывать желание поступить на службу в ОВД, которая к тому времени будет весьма престижной и почетной.

Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, представителей власти должно опираться на результаты следственной и судебной практики, а также те недостатки и просчеты, которые служат причинами и условиями, способствующими совершению таких преступлений. Необходимость в совершенствовании и повышении эффективности предупредительной деятельности становится непременным условием борьбы с правонарушениями и преступностью именно в период формирования новых экономических отношений[1]. Указанный тезис не потерял своей значимости и

[1] См.: Галиакбаров Р.Р. Борьба с групповой преступностью средствами уголовного закона: Учебное пособие. Саратов, 1999. С. 3.

актуальности и сегодня, ибо используемые в настоящий период правовые и иные механизмы противодействия преступности в целом и отдельным видам преступлений требуют не столько ревизии и пересмотра, сколько обновления и реанимации. Это объясняется тем, что именно в настоящий период наблюдается возрастание криминальной активности некоторой категории граждан, ранее считавшихся законопослушными, появление агрессивно настроенных и психически неуравновешенных лиц, что продуцирует не только научный интерес к проблеме адекватности приемов и методов именно борьбы с преступностью этим вызовам, но и совершенствование приемов и методов предупреждения преступлений.

Разумеется, во всем этом процессе практика должна опираться на науку, как «наиболее рациональный путь совершенствования практики борьбы с преступностью». Об этом писал уже в этом веке академик В.Н. Кудрявцев[1]. Именно опора на криминологическую науку позволит и дальше разрабатывать теорию предупреждения преступности, совершенствовать ее механизмы, что в конечном итоге будет способствовать определению в качестве концептуального положения социально-регулятивной роли государства, разрешающего переход от карательных мер к реальному предупреждению преступлений.

Реальные успехи в предупреждении преступности в целом и отдельных видов преступлений, конечно же, есть. Статистика преступности, как и ее отдельных видов, демонстрирует положительную динамику. С учетом внедренной практически повсеместно системы видеонаблюдения в 2017 году удалось выявить более 9 млн. правонарушений, что на 40 % больше, чем в 2016 году[2].

---

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 216.

[2] См.: Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России. [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/document/12414315 (дата обращения: 28.02.2018).

Но если реально посмотреть на состояние дел в сфере предупреждения преступлений, то его можно с большой натяжкой признать удовлетворительным. Так, сам факт увеличения числа правонарушений уже является свидетельством неблагополучия в обществе. С 2010 года в стране более чем на 88 % выросло число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а это значит, что предупредительно-профилактические меры в отношении таких субъектов либо не проводились, либо были неэффективными.

Современный период развития общества предопределяет соответствующие требования к обеспечению защиты интересов граждан, общества и государства. И в этом ключе государство через свои институты и правовые механизмы должно обеспечивать охрану этих интересов путем целенаправленного, системного и эффективного воздействия на криминальные проявления и их последствия. И нужно признать, что у российского государства уже есть такие механизмы и возможности по противодействию преступности, но они требуют некоторых новаций, обновления, и даже «реанимации». Причиной этого выступают не только критические замечания некоторых ученых, но и потребности практиков, которые ежедневно сталкиваются с разбалансированностью этих механизмов, их несовершенством, противоречиями и т.д.

Многие считают, что в России исчерпаны экономические возможности для полномасштабной предупредительной деятельности в связи с затяжным экономическим и финансовым кризисом, нестабильностью во внешнеполитическом взаимодействии, обусловленном событиями на Украине, Сирии, Ираке, Южной Кореи, последствиями американских и европейских санкций и т.д. Финансовые и экономические ресурсы, требуемые для локализации указанных факторов, огромны, что в свою очередь затрудняет реализацию внутренних и достаточно крупных социальных проблем. Без улучшения качества жизни, без гарантированной защиты прав и интересов личности, без надлежащего превентивного и

предупредительного воздействия на преступность и ее составляющие невозможно добиться реальных успехов в сфере противодействия криминалу. Упор только на уголовно-правовые меры, жесткую репрессивную политику и практику уже доказал не раз свою несостоятельность.

Но в российском обществе все еще сохраняется достаточно весомый антикриминогенный потенциал, который строится в первую очередь за счет институтов гражданского общества, особенно семьи, высочайшего уровня патриотизма и т.д. Тем не менее, многолетняя практика противодействия преступности все еще базируется на системе борьбы с ней, которая была разработана и успешно апробирована в нашей стране в советский период.

Следует отметить, что в современный период термин «борьба с преступностью» используется достаточно редко[1], но все же он обладает большей информационной и содержательной сущностью. Попытки придать этому термину новый смысл или новое содержание путем использования синонимов (контроль над преступностью, противодействие преступности и т.д.) в целом удачны, однако они не в полной мере отражают перспективы если не полной победы над преступностью, то хотя бы преодоления ее на самых сложных участках. Что касается контроля над преступностью и противодействия ей, то эти практики, с одной стороны, рассчитаны на весьма длительную перспективу и нацелены лишь на сдерживание преступности в социально допустимых пределах[2]. С другой стороны – они выгодны лишь

---

[1] См.: Осипенко А.Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы: монография. Омск, 2009; Борьба с налоговой и коррупционной преступностью. Вопросы теории и практики: монография / П.И. Иванов [и др.]. – Электрон. текстовые данные. М., 2012; Карпович О.Г. Некоторые проблемы борьбы с коррупцией в государствах СНГ. Теоретические и практические аспекты: научно-практическое пособие текстовые данные. М., 2015; Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней: монография. М., 2017 и др.

[2] Некоторые авторы вполне справедливо считают, что противодействие преступлениям является одним из эффективных средств борьбы с ними. См.:

политикам, которые в случае неудач снимают с себя ответственность, уповая на вечный характер преступности или на низкую эффективность предупредительно-профилактической деятельности, прежде всего органов внутренних дел.

Практика борьбы с преступностью и отдельными ее видами, по нашему мнению, является необходимым условием развития криминологической науки, а также выступает важнейшим средством научного поиска в области управления процессами борьбы с этим криминальным феноменом. Но для того, чтобы определить проблемные вопросы этих процессов, необходимо остановиться на анализе теоретических основ и характеристике научных понятий и категорий. Иными словами, речь идет о некой целенаправленной социальной практике деятельности компетентных органов, должностных лиц, организаций и граждан с преступностью, представляющей собой ряд последовательно реализуемых государством и его институтами стадий, имеющих свои непосредственные цели и задачи на различных уровнях. При этом успешное решение задач на более ранних стадиях снижает затраты для реализации целей и задач других стадий и повышает уровень безопасности граждан. Так, своевременное и полноценное осуществление профилактики, когда государство эффективно воздействует на криминогенные детерминанты, устраняя и нивелируя социально-экономические и политические диспропорции, создавая нормальные условия для жизнедеятельности граждан, существенно снижает вероятность совершения преступлений, тем более тяжких и особо тяжких. При этом вполне уместным является и использование в случае необходимости потенциала правоохранительных органов по обеспечению правопорядка и законности, предотвращению и пресечению преступлений.

Следует отметить, что исследователи и специалисты систему и стадии (элементы) борьбы с преступностью выделяют по-разному. Так, И.И. Карпец

Жубрин Р.В. Борьба с легализацией преступных доходов: теоретические и практические аспекты. М., 2011. С. 3.

в качестве первостепенного элемента борьбы с преступностью называл предупреждение преступлений, а последнего – надзор за освободившимися из мест лишения свободы лицами[1]. По мнению Ю.М. Антоняна, борьба с преступностью предусматривает четыре уровня (направления) деятельности: профилактика, предотвращение, пресечение и исправление преступников[2]. Профессор В.Н. Кудрявцев в качестве стратегий борьбы с преступностью выделял предупреждение преступлений, осуществляемое на общем и индивидуальном уровне, пресечение преступлений, уголовное преследование преступников, а также их наказание и последующую ресоциализацию[3]. Об отсутствии полной ясности и понимания сути и содержания этапов борьбы (предупреждения) с преступностью писал в своей докторской диссертации С.И. Герасимов[4], вполне справедливо указывая на то, что нет смысла возражать и в замене термина «борьба» синонимом «противодействие» преступности[5].

Указанные позиции ведущих криминологов страны и различных исследователей, как видим, имеют нечто схожее, объединяющее их подходы и модели борьбы с преступностью. Этим общим являются, очевидно, цели борьбы с преступностью. Так, в свое время А.А. Пионтковский выделял в качестве таковой сохранение господствующего правопорядка и защиту охраняемых индивидуальных и коллективных интересов, а также парализацию развития проявлений преступности[6]. Достичь этих целей можно путем надлежащей организации деятельности всех субъектов, включенных в борьбу с преступностью и ее отдельными видами.

---

[1] См.: Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969. С. 149.
[2] См.: Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 23.
[3] См.: Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 49.
[4] См.: Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2001. С. 18.
[5] См.: Там же. С. 25.
[6] См.: Пионтковский А.А. Уголовное право (пособие к лекциям). Часть Общая. Выпуск Казань, 1913. С. 24.

На наш взгляд, борьба с преступностью, в том числе и с отдельными видами и группами преступлений, должна осуществляться с учетом разработанных и апробированных практикой «теоретических схем» (элементов) предупреждения преступлений: профилактики, предотвращения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, судебного разбирательства и наказания виновных, а также предупреждения рецидива и постпенитенциарной профилактики.

Бурное развитие современной экономики нашего государства связано со стремительно растущими противоречиями, возникающими в различных сферах жизни современного общества. И как следствие таких процессов, возникновение различного рода негативных реакций в поведении граждан, в том числе отбывающих уголовные наказания в условиях изоляции от общества.

Одной из важных проблем нашего государства является наличие достаточно большого числа осужденных, где определенную опасность представляют лица, распространяющие преступное насилие в этой среде. При этом, мы с уверенностью можем говорить о таком насилии как разновидности пенитенциарной преступности. Как показывает статистика, определенная часть осужденных систематически совершает различные нарушения режима отбывания наказания, многие из которых связаны с насилием.

Рассматривая качественную характеристику пенитенциарной преступности, отметим, что за 2017 год в исправительных учреждениях для совершеннолетних осужденных было совершено немного более 10 убийств, а умышленного причинения тяжкого вреда здоровью – свыше 20.

Фактически, если обратиться к статистически данным по уголовно-исполнительной системе за 2017 год, то мы увидим следующую картину. В исправительных учреждениях для «взрослых» осужденных содержалось:

- в возрасте от 18 до 25 лет – 71530 человек;

- в возрасте от 25 до 55 лет – 400566 человек;

- в возрасте от 55 до 60 лет – 14229 человек;

- в возрасте свыше 60 лет – 8814 человек.

При этом по основным видам преступлений, показатели представлены следующим образом. За 2017 год совершено:

- убийств – 14;

- действий, дезорганизующих работу исправительных учреждений – 6;

- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 23;

- побег – 106;

- захват заложников – 1.

Современные ученые в своих научных трудах в области криминологии и уголовно-исполнительного права, постоянно ищут новые подходы к проблеме исправления осужденных. Корни данной проблемы затрагивают доктринальные аспекты системы исполнения уголовных наказаний, поскольку, имея призвание исправлять осужденных, она на практике приводит к сохранению стабильного процента рецидивной преступности.

Изучение осужденных, совершающих насильственные действия среди себе подобных и сотрудников администрации, помогает решить следующие вопросы: кем являются эти преступники, если они не дорожат важнейшей ценность человека, коей является свобода? Что толкает их на путь совершения подобного рода преступлений? Какие меры могут повлиять на предотвращение и профилактику совершения преступного насилия в исправительном учреждении?

Рассматривая современное состояние преступности в нашей стране, следует обращать особое внимание на то обстоятельство, что определенная часть лиц, ранее совершивших преступные деяния, идут на повторное их совершение. При этом мы прекрасно должны понимать, что процесс неоднократного проявления правонарушающего поведения вполне может характеризоваться как особое социальное, ярко выраженное неблагополучие. В подобной ситуации вполне можно учитывать то обстоятельство, что на повторное совершение преступления человека толкают как определенные

жизненные обстоятельства, так и серьезные просчеты в системе исправления лиц, ранее совершивших преступления, на уровне государства.

Криминология как наука имеет свой взгляд на процесс повторного совершения преступного деяния. «Фактический рецидив» предполагает факт причастности к преступным деяниям различных категорий граждан, которые уже попадали в поле зрения правоохранительных органов по различным причинам, например, таким как: «наличие снятой или погашенной судимости» или «совершивших ранее преступление и освобожденных от наказания по нереабилитирующим основаниям».

Рассматривая криминологическое толкование «рецидивной преступности», следует учитывать основные цели и задачи, стоящие перед данной фундаментальной наукой в этом направлении. Определенные усилия ученых должны быть прежде всего направлены на:

- исследование ее основных аспектов;

- определение специфических черт, которые фактически привели индивида на путь повторного совершения преступного деяния;

- проведение мониторинга эффективности процесса исправления осужденных;

- возникновение и постоянная корректировка способов профилактики и предупреждения данного явления;

- изучение особенностей и тенденций возникновения и развития профессиональной преступности на основе исследуемого явления.

Вполне можно говорить об определенных видах «рецидивной преступности», а именно:

- совершенное повторно определенным лицом преступное деяние при условии ненадлежащей эффективности в деятельности органов, отвечающих за противодействие преступности;

- совершенное повторно преступное деяние лицом, в отношении которого уже проводятся следственные действия по ранее совершенным преступным эпизодам;

- совершенное повторно преступное деяние лицом, к которому ранее не применялось наказание, связанное с изоляцией от общества;

- совершенное повторно преступное деяние лицом, находящимся в условиях изоляции от общества за ранее совершенное преступное деяние;

- совершенное повторно преступное деяние лицом, отбывшим уголовное наказание.

При определенных обстоятельствах, когда необходимо выяснить некоторые аспекты «рецидивной преступности», возможно проведение специализированных действий по «расчету специального коэффициента рецидива». Данный процесс предполагает выявление к числу лиц, совершивших преступления в целом по стране, лиц, которые допустили повторность преступного деяния. Подобного рода расчеты также могут осуществляться при выявлении от общего числа преступлений, совершенных в стране, лиц, допустивших «рецидив».

Можно определить ряд особых черт «рецидивной преступности». К ним можно отнести: «кратность рецидива», «интенсивность рецидива», «специализацию рецидива» и «дифференциацию рецидива». Где под последней позицией подразумевается процесс изменения преступной направленности определенного лица. Данный процесс может осуществляться по следующим направлениям – индивид вовлечен в преступную деятельность, в том числе в условиях изоляции от общества в исправительном учреждении, а после выхода из него продолжает преступную деятельность профессионально, как способ зарабатывания средств к существованию. И второй случай, когда индивид, совершая преступления сугубо корыстные, под влиянием определенных факторов переходит к совершению преступлений с применением насилия.

Итак, говоря о «рецидивной преступности» с точки зрения криминологии, мы подразумеваем определенную совокупность преступных деяний, причастными к которым являются индивиды, ранее преступавшие закон, а также и совокупность данных индивидов.

Рассматривая современное состояние преступности в нашей стране, следует обращать особое внимание на то обстоятельство, что определенная часть лиц, ранее совершивших преступные деяния, идут на повторное их совершение. При этом мы прекрасно должны понимать, что процесс неоднократного проявления правонарушающего поведения вполне может характеризоваться как особое социальное, ярко выраженное неблагополучие. В подобной ситуации вполне можно учитывать то обстоятельство, что на повторное совершение преступления человека толкают как определенные жизненные обстоятельства, так и серьезные просчеты в системе исправления лиц, ранее совершивших преступления на уровне государства.

Рассматривая лицо с признаками рецидива, мы с уверенностью можем говорить о наличии у такого лица определенных отклонений в социальной сфере, выражающихся прежде всего в различных маргинальных наклонностях, а также в наличии специфической досуговой среды.

Исследуя данную категорию лиц, можно выделить определенные тенденции, которые видоизменялись в различные временные промежутки развития нашего общества, а именно:

- значительное снижение среднего возраста;

- увеличение числа лиц с высшим образованием;

- повышения уровня лиц, официально трудоустроенных и работающих на предприятиях различных форм собственности;

- возникновение определенно, ранее не известного вида преступников-рецидивистов, которые преступным путем добились высокого уровня благосостояния, при этом, не попадая в поле зрения правоохранительных органов;

- значительное расширение коррупционных связей между преступниками и органами власти, что позволяет оставаться данной категории лиц безнаказанными в течении длительного периода времени;

- «отмирание» традиционных постулатов криминальной субкультуры, либо ее полная трансформация в соответствии с современными экономическими и криминальными реалиями.

Рассмотренные нами признаки данной категории преступников, позволяют определить специфические группы, которые нуждаются в постоянном контроле со стороны правоохранительных органов для недопущения возможности продолжения преступной деятельности.

Можно выделить следующую типологию преступников:

1. Тип – криминально-нацеленный, у которого вся преступная деятельность направлена на повышение профессионализма и признание «заслуг» в преступной среде.

2. Тип – не наказанный, преступная деятельность которого успешно продолжилась в следствии не привлечения к ответственности за ранее совершенные преступления.

3. Тип – с маниакальными наклонностями, преступная активность которого связана с нарушениями нормальных психических процессов в организме человека.

4. Тип – неустойчивый. Данный тип находится под отрицательным влиянием определенных лиц криминальной направленности, которому он даже не пытается сопротивляться.

5. Тип – маргинал, характеризующийся соответственными маргинальными наклонностями.

Предупреждение рецидива преступлений формируется из определенных мер, которые имеют как общий, так и специально криминологический характер. Говоря о содержании данных мер, следует отметить, что их количество не постоянно, поскольку с развитием законодательства и юридической мысли оно непрерывно увеличивается.

Практика показывает, на сегодняшний день вопросы предупреждения рецидивной преступности реализуются крайне сложно и малоэффективно, поскольку это связано и с материальными затратами, и в некоторых случаях с

отсутствием квалифицированных специалистов.

На наш взгляд, положительную характеристику процесса предупреждения рецидивной преступности буду иметь меры, направленные не на всех поголовно осужденных, отбывших наказание, а именно на нуждающихся в определенном внимании. И такой процесс на сегодняшний день реализуется в рамках установления как административного надзора, так и оказания нуждающимся социальной помощи.

При определенных целях можно вполне сформулировать задачи, стоящие перед исправительными учреждениями, которые будут заключаться в оказании различных видов помощи лицу, решившему твердо встать на путь исправления. В противном же случае у осужденного просто не остается шансов закрепиться в современном мире, что фактически приведет его в категорию рецидивистов.

Немаловажное значение в предупредительной деятельности в рамках противодействия рецидивной преступности возлагается на профилактическую работу с лицами, имеющими определенные психические отклонения в развитии. Подобная деятельность должна осуществляться только узкими специалистами с учетом современных средств, методов и научных разработок.

Эффективность процесса предупреждения рецидивной преступности напрямую будет зависеть и от политики государства в данном направлении и от эффективной деятельности правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение и противодействие преступности, в том числе и рецидивной.

Институт пробации необходимо рассматривать как специализированную возможность по осуществлению постоянного мониторинга за лицами, которые ранее попадали в поле зрения правоохранительных органов. Для лиц, которые в несовершеннолетнем возрасте совершили преступления, система пробации предусматривает определенные ограничения, но и соответственно возможность оказания

определенной помощи. Рассматривая деятельность правоохранительных органов нашей страны по поддержанию закона и порядка, следует отметить, что наиболее качественная работа подразделений пробации должна осуществляться специально для этого подготовленными лицами, обладающими соответствующими знаниями и навыками. Причем подобные подразделения должны постоянно находиться в тесном взаимодействии с другими субъектами профилактики. Подобная стратегия явно не будет противостоять ранее принятой и функционирующей на сегодняшний день профилактической и предупредительной деятельности.

Как показывает практика применения института пробации в других государствах, эффективное его применение вполне реально влияет на уменьшение показателей рецидивной преступности, что в конечном счете, напрямую влияет на снижение показателей преступности в целом по стране.

Социальная напряженность, пронизывающая все сферы деятельности человека, выступает негативным фактором, формирующим криминогенную обстановку в современном российском обществе. Усугубляет положение затянувшийся кризис, экономическая нестабильность, утрата обществом социально-полезных ценностей. Складывающееся равнодушие, при этом иногда оформление преступного поведения в ауру героизма, является значительной причиной для того, чтобы показатели рецидивной преступности увеличивались.

Будучи неотъемлемой частью всего массива преступности, рецидивная ее часть способствует образованию новых преступных посягательств. При этом совершение преступлений приобретает единый стиль, образовывает качественные особенности, оттачивается мастерство преступника, который представляет собой источник активного распространения привычек и обычаев криминальной субкультуры, выступает, к сожалению, образцом для подражания у подростков и лиц с несформировавшимся профилем поведения. Отличается преступная деятельность профессионалов повышенной общественной опасностью, стремлением усовершенствовать

свои умения и навыки, а также отмечается тенденция к выработке все более новых способов совершения преступлений с целью избежать уголовной ответственности.

Правоохранительные органы, используя свои законные полномочия активно способствуют предотвращению негативного влияния рецидивной насильственной преступности на общество. Применяя общую и индивидуальную профилактику, устраняя причины и условия совершения преступлений, они формируют сознание граждан, направленное на недопущение совершения общественно опасных посягательств.

Рецидивная насильственная преступность представляет собой наименее изученный пласт преступности. В настоящее время данный вид преступного поведения все чаще становится предметом пристального внимания со стороны ученых, изучающих криминологические аспекты преступного поведения.

Общеизвестно, что информация по статистике совершения преступлений профессионалами не находит отражения в современных официальных источниках правоохранительных органов. Криминальная специализация выступает первым признаком рассматриваемого явления. Данная специализация состоит в регулярном совершении преступниками равных противоправных деяний. Поэтому вторым признаком исследуемого типа преступности является систематичность или устойчивость.

Криминологическая характеристика рецидивиста выражается в том, что это лицо, ранее имевшее судимость, причем данная судимость может быть снята либо погашена, либо это индивид, освобожденный от уголовной ответственности, с заменой наказания мерами, предусмотренными уголовным законодательством, а также лица, совершившие преступление и оставшиеся не выявленными. В более широком смысле можно охарактеризовать рецидивиста с учетом знаний о личности преступника вообще, так как рецидивист характеризуется теми же признаками, что и преступник вообще, однако отдельные отрицательно значимые свойства

личности обуславливаются в нем ввиду взаимодействия с социальной средой, в которой он находится. Действительно, совершение преступления повторно свидетельствует о том, что индивид не исправился, цели наказания, провозглашенные в УК РФ, не достигнуты, а те меры воздействия, направленные на личность со стороны исправительного учреждения, не реализованы в должном объеме. Более того, происходит прямо пропорциональная ситуация: лицо, совершившее преступление вместо исправления обрастает специальными навыками, знаниями и умениями, необходимыми для успешного совершения преступлений. Безусловно, что выявление особых отличительных свойств и качеств личности профессионального преступника – рецидивиста, будет способствовать выработке эффективных мер профилактики рецидивной преступности, позволит сформулировать более действенные средства предупреждения профессиональной преступности.

Отличительной чертой профессиональных преступников является их корыстно-насильственная направленность. Причем любая сфера преступного поведения доводится ими до совершенства. При этом преступник-профессионал не стремится к извлечению дохода в крупных размерах, он ставит перед собой цель – совершить преступление, и жить на полученный от преступления доход. Профессиональный преступник совершает преступления с умышленной формой вины, которая характеризуется осознанием виновным общественной опасности содеянного и желанием наступления общественно опасных последствий.

Личностные характеристики рецидивистов можно разделить на три основных типа:

1. Рецидивисты антисоциального типа. К ним относят лиц с повышенной криминальной активностью. В их поведении наблюдается ярко-выраженная преступная направленность. Причем эта направленность приобретает черты профессии, именно поэтому данную группу преступников называют профессионалами, которые систематически получают доход от

своей преступной деятельности и обладают необходимыми знаниями и умениями, способствующими совершению преступления.

2. Рецидивисты ситуативного типа. Эта категория преступников отождествляет свою преступную деятельность с конкретной ситуацией. Характеризуются эмоциональной неустойчивостью, отсутствием нравственных начал.

3. Рецидивисты асоциального типа. Этот тип личности преступника представлен чаще всего теми, кто находится за чертой социализации. Иными словами, деградация личности у этого типа настолько ярко выражена, что она довлеет над его волей и сознанием и способствует совершению преступлений. Многие из этих лиц имеют социальные пороки: наркотическую или алкогольную зависимость. Зачастую именно эта зависимость подталкивает на совершение преступных деяний. Разложение человека как личности в этом случае – неизбежный процесс, который невозможно остановить, т.е., этот тип преступника уже прошел «точку невозврата», когда профилактирование его деятельности представляется безуспешным.

Повторность преступного поведения происходит по причине того, что общество недостаточно качественно борется с преступностью, правонарушающее поведение остается основой, побуждающей индивида на совершение новых общественно опасных посягательств, а рецидив, в свою очередь, является фактором, воспроизводящим преступность.

К объективным криминогенным факторам относят круг обстоятельств, включающих в себя организационные, воспитательные и правовые меры, а субъективные факторы содержат в себе личностные характеристики преступника.

Проблему представляет и недостаток в квалифицированных сотрудниках правоохранительных органов, так как опытные сотрудники, уходя на пенсию, не передают свои знания и умения вновь поступающим на службу сотрудникам полиции. Знания специфики методов и форм борьбы с

профессиональной преступностью позволяло сотрудникам вести качественную профилактическую борьбу в этом направлении и способствовало выявлению преступной деятельности. В связи с этим, недооценка правоохранительными органами опасности профессиональной преступности приводит к дестабилизации сотрудников розыскных аппаратов в сфере борьбы и профилактики профессиональной преступности, а как следствие, влечет снижение профессионализма и отсутствие систематической наступательной работы в борьбе с теми, кто совершает преступления на профессиональном уровне.

Отсутствие единой правовой базы, включающей аналитическую информацию о профессиональных преступниках, на основе которой можно осуществлять их классификацию, не позволяет на должном профессиональном уровне оценивать криминогенную обстановку на отдельно взятых территориях.

Сформированная преступниками-профессионалами субкультура представляет интерес для современной молодежи, так как молодое поколение считает «романтичным» наличие неоднократных «ходок» и стремится подражать рецидивистам. В некотором роде этому способствует тенденция снижения нравственности в обществе, ослабление института семьи, ненадлежащая охрана материнства и детства. Переоценка ценностей в обществе привела к тому, что ценность жизни стала меньше по своему содержанию, чем ценность вещей, «гаджетов» и жизни «на широкую ногу». А вот престиж работы снизился, в результате чего возникла следующая ситуация: молодежь не хочет работать, при этом хочет тратить деньги.

Рассматривая объективные факторы, влияющие на рецидивную преступность, отдельно следует выделить специфические факторы, характерные исключительно для данного типа преступности. К детерминантам рецидивной преступности, в первую очередь можно отнести недостатки предварительного следствия, дознания, а также судопроизводства. Здесь в качестве примера можно назвать затягивание

сроков производства предварительного следствия и дознания, некачественное формирование доказательственной базы, невыполнение законного требования о всестороннем и полном исследовании обстоятельств дела. Такое отношение способствует росту числа лиц, совершающих повторные преступления. Во-вторых, это неквалифицированное вынесение решений об избрании сроков и видов наказаний.

Предупреждение рецидивной преступности складывается из реализации комплекса мер общесоциального и специально-криминологического характера. Одной из мер общесоциального характера безусловно является улучшение качества жизни в социальной, экономической, идеологической сферах. Эти сферы более других подвержены воздействию со стороны криминальных структур, за счет коррупционной составляющей преступность проникает в эти сферы и формирует свои правила поведения, предписывает свои законы в угоду реализации преступных планов. В связи со сращиванием криминалитета с структурами государственной власти правоохранительным органом весьма затруднительно проводить борьбу с проявлениями преступного поведения. Особую тревогу вызывает сфера идеологии. Анализируя современную культуру художественных фильмов, текстов песен, мы обнаруживаем активную пропаганду криминального образа жизни, выраженную в том, что криминальным авторитетам приписываются качества героев, на которых хочется равняться современному поколению. Со страниц книг, с экранов телевизоров нам доносят образ преступника – героя, красивого, смелого, успешного, пользующегося авторитетом среди преступников и соседей по дому. Введение определенной цензуры, разумной, обоснованной позволит избежать формирование у членов общества искаженных представлений о преступниках.

Помимо указного, нам представляется необходимым совершенствование комплексного подхода к вопросу борьбы с рецидивной преступностью. Разработка и внедрение комплексных программ позволит

избежать дублирования деятельности правоохранительных органов, повысит эффективность этой деятельности и будет способствовать единой политике в борьбе с данным негативным явлением. В частности, возможно создание новой единой структуры в системе МВД России, которая бы специализировалась на борьбе с рецидивной и профессиональной преступностью, накапливала бы и систематизировала информацию и опыт работы в указанном направлении всех государственных и общественных служб и институтов. Пока такие структуры не созданы, существенно повысить эффективность деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с рецидивной преступностью, можно с учетом грамотного планирования.

Несмотря на то, что законом прямо предусмотрена реакция государства на совершение преступления в виде наказания, обеспечить его неотвратимость удается не всегда. Высокий уровень латентности, коррупция, некомпетентность органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, зачастую способствуют возможности избежать ответственность и наказания лицам, виновным в совершении преступлений. Сокращение этих условий позволит осуществлять стимулирование формирования у граждан представления о «невыгодности» совершения преступлений ввиду неотвратимости наказания. Специальная профилактика, проводимая исправительными учреждениями, должна быть усилена и переведена на новый, более качественный уровень.

Первым и наиболее важным элементом системы борьбы с преступностью является предупреждение. Этот термин является достаточно понятным и широко применяемым в криминологии[1].

Необходимость создания эффективной системы предупреждения преступлений в настоящее время предопределена достаточно сложной

[1] См.: Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М., 1977. С. 25–34; Аванесов Г.А. Профилактика: термины и понятия // Профилактика правонарушений. 1978. № 7. С. 64.

криминологической обстановкой в стране, что выражается уже не в статистическом «благополучии», а в наличии различных угроз и страхов у населения. Так, ежедневно просматривая новости в стране и в своем регионе, постоянно наталкиваешься на те или иные криминальные события: убийства, грабежи и разбои, похищения людей, различные коррупционные скандалы и т.д. Вся эта информация становится доступной населению и у него формируется не только страх перед опасностью, которая подстерегает дома, на улице, в общественном месте и т.д., но и вопросы к представителям власти по поводу бездействия, недостатка сил и средств по охране общественного порядка, отсутствия действенных предупредительно-профилактических мер в отношении правонарушителей. И в целом, нужно признать, что эти вопросы вполне справедливы. Правоохранительная система продолжает реализовывать задачи борьбы с преступностью после того, как наступили последствия – когда найдены тела убитых[1] или пропавших без вести[2], когда в полицию обратились обманутые и введенные в заблуждение потерпевшие и т.д. Получается, что предупреждение и профилактика преступности как приоритетные направления борьбы с ней остаются формальными придатками этого процесса. На это обращают внимание и сами сотрудники правоохранительных органов, уставшие от непрофессиональных действий руководителей, их чрезмерно неуемных «аппетитов» и иных незаконных требований. Так, в России, можно сказать началась новая волна суицидов среди сотрудников ОВД, недовольных проводимой политикой и

---

[1] См.: Массовая драка в центре Сочи: есть жертвы. [Электронный ресурс] URL: https://www.vesti.ru/doc.html?id=2992370&utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Жестокий мужчина под крики жертвы проломил череп и выбросил в воду знакомого под Ростовом: [Электронный ресурс] URL: http://bloknot-rostov.ru/news/zhestokiy-muzhchina-pod-kriki-zhertvy-prolomil-che-942765?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 20.12.2017).

организацией деятельности служб и подразделений в рамках продолжающегося процесса реформирования МВД.

Например, в День защитника отечества – 23 февраля 2018 года в г. Благовещенске покончил жизнь самоубийством оперуполномоченный Ш., который в предсмертной записке отразил причины, повлиявшие на принятие им такого решения[1]. В Уфе, годом ранее, 34-летний следователь И., накануне написавший видеообращение с подробностями палочной системы в структуре МВД России, о раскрытии преступлений, неприятностях в отношениях с руководителем, также свел счеты с жизнью[2]. И этих примеров в последнее время все больше.

Использование предупредительных мер менее затратно, нежели дальнейшие действия по розыску преступника, привлечению его к ответственности, контролю за его поведением в период отбытия наказания и т.д. Предупреждение преступности представляет собой важный и неотъемлемый элемент борьбы с ней, имеющий высокий потенциал и широкие возможности, которые менее затратны в экономическом плане и более гуманны по отношению к лицам, к которым могут применяться предупредительно-профилактические меры. Несмотря на различные подходы и дискуссии по вопросу понятия и содержания предупреждения преступности, считаем достаточно правильными и аргументированными позиции тех ученых и исследователей, которые считают предупреждение преступности комплексной системной и многоплановой деятельностью всех субъектов, включая государство и его институты, направленной на

---

[1] См.: Полицейский, покончивший с собой в Башкирии, оставил предсмертную записку. [Электронный ресурс] URL: https://mkset.ru/news/society/26-02-2018/politseyskiy-pokonchivshiy-s-soboy-v-bashkirii-ostavil-predsmertnuyu-zapisku?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 26.02.2018).

[2] См.: В МВД Башкирии завершили проверку по факту самоубийства следователя. [Электронный ресурс] URL: https://mkset.ru/news/incident/13-10-2016/v-mvd-bashkirii-zavershili-proverku-po-faktu-samoubiystva-sledovatelya (дата обращения: 20.12.2017).

недопущение возможности совершения преступлений путем надлежащей профилактики, предотвращения подготавливаемых и пресечения начатых, но еще не законченных преступлений.

Предупреждение преступности отличается от других видов практик практическим отсутствием карательного воздействия на правонарушителей, но в то же время имеет необходимый арсенал средств и методов, способных при правильной и четкой их регламентации (установление оснований для применения и ответственности за игнорирование при их применении) до минимума свести возможность совершения преступлений и, тем самым, повысить уровень безопасности в обществе.

Предупреждение преступности и соответствующая практика предупредительно-профилактических мер должны опираться на достижения науки криминологии, что является наиболее рациональным путем совершенствования этой практики борьбы с преступностью. Об этом писал не так давно академик В.Н. Кудрявцев[1]. Именно опора на криминологическую науку позволит и дальше разрабатывать теорию предупреждения преступности, совершенствовать ее механизмы, что в конечном итоге будет способствовать определению в качестве концептуального положения социально-регулятивной роли государства, разрешающего переход от карательных мер к реальному предупреждению преступлений.

Говоря о роли предупреждения преступности в обеспечении правопорядка и безопасности, следует сказать несколько слов о первой ее стадии – профилактике. До недавнего времени некоторые исследователи уповали на отсутствие «единого закона, регулирующего предупредительную деятельность в криминальной сфере»[2], что актуализировало необходимость

---

[1] См.: Кудрявцев В.Н. Преступность и нравы переходного общества. М., 2002. С. 216.

[2] См.: Аминов Д.И., Жариков Ю.С., Ревин В.П. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование). М., 2010. С. 19–20.

разработки концептуальных основ предупреждения преступности. Одно дело – статистические данные, которые даже на самом высоком уровне называют, мягко говоря, неправдой, а другое – факт ощущения граждан своей личной безопасности, уровень их тревоги, неуверенности, опасение стать жертвой и т.д. Реалии практики и основанные на данных социологических опросов и мнений экспертов несколько расходятся с отчетами правоохранительных органов[1]. С одной стороны, это повод для критических оценок, соответствующих проверок и принятия управленческих решений, а с другой – основа для совершенствования деятельности по предупреждению преступлений с учетом выявленных пробелов и недостатков.

В различных регионах и населенных пунктах Российской Федерации разница видна. Быть может, причиной этому является уровень экономического развития региона, уровень культуры и т.д. Да, может быть, но этого мало. Даже в сложных социально-экономических условиях найти оптимальные решения по тем или иным проблемам (например, профилактике наркомании, пьянства, детской преступности и т.д.) можно. Так, например, в Чеченской Республике указанные проблемы не стоят так остро, как в других регионах. А почему? Да потому, что местные органы власти очень тесно взаимодействуют с правоохранительными структурами и общественностью, там не только быстро принимаются соответствующие решения, но также быстро и своевременно их реализуют, контролируют ход выполнения мероприятий, осуществляют надзор за законностью и т.д.

Между тем, в Российской Федерации создано и функционирует почти 4,5 тыс. межведомственных комиссий по профилактике правонарушений, которые должны на основе мониторинга анализировать ситуацию и координировать деятельность субъектов системы профилактики. Их деятельность в отсутствии формализма и упрощенчества может реально

---

[1] См.: Изучение мнения населения относительно безопасности жизни в РФ. М.: ВЦИОМ, 2017. [Электронный ресурс] URL: http://soprotivlenie.org/doc/issledovanie-vciom-izuchenie-mneniya-naseleniya-otnositelno-bezopasnosti-zhizni-v-rf/ (дата обращения: 05.01.2018).

способствовать решению задач по профилактике правонарушений и снижению уровня преступности в том или ином регионе. Результаты деятельности региональных органов в целом, так и в части реализации мер по предупреждению преступности, также видны с учетом того, как серьезно к этой проблеме относится руководство региона. В этой связи не случайно, что в течение последних двух лет организован мониторинг качества жизни в регионах. В 2017 году лучшими регионами по качеству жизни (ко всему прочему он включает в себя уровень доходов населения, уровень их занятости, жилищные условия, безопасность и т.п.) признали Москву, Санкт-Петербург, Московскую область, Татарстан и т.д.[1]

Что же касается общероссийских тенденций, то, как видно, то ли с учетом слабого экономического развития региона, то ли с учетом тотальной коррумпированности региональных властей, то ли чего-то еще, разница между регионами, в том числе и в уровне безопасности, колоссальна.

Этому есть и некоторое оправдание. Так, многие из программных документов, в том числе, таких, как региональная программа Ростовской области «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2015-2020 годы» и прочие, на реализацию которых планировалось выделить значительные материальные ресурсы, в настоящий момент в связи с нестабильностью доходной части федерального и местных бюджетов перерабатываются и преобразуются в комплексные планы мероприятий, которые не требуют материальных затрат.

В Ростовской области еще несколько лет назад была завершена реализация ряда региональных программ по предупреждению преступлений и правонарушений («Профилактика правонарушений в Ростовской области на 2011 – 2013 годы», «Профилактика экстремизма и терроризма в Ростовской области на 2012 – 2014 годы», «Противодействие коррупции в

[1] См.: Эксперты определили лучшие и худшие для жизни регионы России. [Электронный ресурс] URL: https://www.rbc.ru/society/5a83ca76979473f3341b87 (дата обращения: 05.01.2018).

Ростовской области» на 2010 – 2014 годы), а новые программы так и не были приняты[1]. Как следствие, это начинает отражаться на состоянии безопасности и уровне правопорядка. Так, например, в г. Ростове-на-Дону в 2017 году был зафиксирован рост преступности в целом и отдельных ее видов и групп.

Сегодня в России, в городах и иных населенных пунктах, установлено 233 тыс. камер видеонаблюдения, 1200 терминалов экстренной связи «Гражданин-полиция». Казалось бы, неплохо. А каков коэффициент полезного действия от них? Ответ МВД России – с их помощью в 2017 году выявлено свыше 9 млн. правонарушений (+ 40 %) и раскрыто почти 29 тыс. преступлений. Если учесть, что число фиксируемых административных правонарушений варьируется в районе 70 – 90 млн. ежегодно, а число преступлений за последние годы составляет чуть более 2 млн., то путем самых простых арифметических расчетов получается, что с использованием системы «Безопасный город» выявляется 10 – 15 % правонарушений и раскрывается примерно одно из семи-восьми преступлений.

На территории Ростовской области функционирует 8 программно-технических комплексов, которые входят в состав АПК «Безопасный город», включающий территориальную систему централизованного оповещения населения, систему видеонаблюдения на федеральных автодорогах; систему мониторинга автомобильного транспорта Глонасс - «Наблюдатель» (38 аппаратно-программных комплексов систем видеонаблюдения с общим количеством камер – 1042) и т.д. В 55 муниципальных районах и городских поселениях области установлено 1278 видеокамер. Но результат работы всей этой системы также скромен – использование АПК «Безопасный город» в 2015 году способствовало раскрытию 112 преступлений, выявлению 9341

[1] См.: [Электронный ресурс] URL: http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=123683 (дата обращения: 23.12.2017).

административного правонарушения[1]. Но прок в ней, безусловно, есть – она рассчитана на профилактику правонарушений и преступлений. Для правопослушных граждан наличие камеры является своеобразным психологическим барьером типа «нельзя», и это уже хорошо.

Не так просто осуществлять противодействие преступности, к субъектам профилактики правонарушений только несовершеннолетних относится более 10 органов и учреждений, включая органы государственной власти, органы местного самоуправления, которые не относятся к специализированным субъектам профилактики, но от их непосредственного участия в этой сфере зависит очень многое. Так, сложно себе представить реализацию какой-либо региональной программы по профилактике тех или иных видов преступлений и правонарушений без организационного и финансового обеспечения. Также вряд ли может быть повышен уровень безопасности и правопорядка, когда местные органы власти заняты другими проблемами и не оказывают помощи в реализации поставленных профилактических задач. Иными словами, там, где эти вопросы решаются сообща, в тесном взаимодействии с органами власти и управления и там, где есть заинтересованность в достижении целей профилактики, там успех может быть достигнут. Конечно же, на наш взгляд, многое зависит и от авторитета правоохранительных органов и в частности органов внутренних дел, правовых оснований для реализаций сотрудниками своих профессиональных полномочий при решении задач по предупреждению преступлений и правонарушений.

Законные требования сотрудника полиции к правонарушителю, например, появившемуся в общественном месте в состоянии опьянения, либо

---

[1] См.: Информационно-аналитическая записка к отчету о результатах деятельности Главного управления МВД России по Ростовской области за 2015 год. [Электронный ресурс] URL https://61.мвд.рф/upload/site62/document_file/informacionno-analiticheskaya_spravka_o_rezultatah_deyatelnosti_GU_MVD_Rossii_po_Rostovskoy_oblasti_za_2015.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

употребляющему спиртные напитки в таких местах, о прекращении нарушения должны восприниматься правильно и адекватно. Однако нередко правонарушители пытаются спорить с сотрудниками, высказывая недоумение, упреки и даже угрозы в их адрес. Это происходит, в том числе и потому, что ответственность за такие правонарушения слишком мягкая – штраф по ч. 1 ст. 20^{20} КоАП РФ составляет от 500 до 1500 рублей[1]. В случае, если правонарушителей оказывается больше, чем сотрудников, привлечь виновных к ответственности становится весьма проблематичным – требуются дополнительные силы, а их, как правило, можно использовать только в самых серьезных случаях.

Но, как известно, непринятие мер профилактического и правового воздействия к правонарушителям ведет к безнаказанности. Так, кто бы мог представить такую ситуацию в советский период, когда на помощь сотруднику сразу же подоспели бы неравнодушные граждане. В настоящее время рисковать своим здоровьем и тем более жизнью, оказывая помощь сотрудникам ОВД в задержании преступников и правонарушителей, желает далеко не каждый. Тем не менее, граждане стали активнее включаться в деятельность по оказанию помощи правоохранительным органам, обеспечивающим охрану общественного порядка.

В обеспечении безопасности и правопорядка большую роль играют не только меры профилактики, но и меры по предотвращению и пресечению преступлений. Анализ ежегодных отчетов МВД России о состоянии преступности позволяет констатировать, что эффективность деятельности по реализации мер, направленных на недопущение подготавливаемых и начатых преступлений, является крайне неудовлетворительной. Да, с одной стороны умышленные преступления предотвратить сложно. Преступники, подготавливающие тяжкие и особо тяжкие преступления, действуют весьма

---

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/ document /cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 20.12.2017).

осторожно. Но работу по их выявлению и изобличению должны осуществлять преимущественно оперативные подразделения. Но и они в современный период испытывают серьезные проблемы – дефицит кадров, недостаточно высокий уровень профессионализма, слабые оперативные позиции в криминальной среде, недостаток техники и финансирования и многое другое. Как результат, на указанном направлении борьбы с преступностью видны серьезные проблемы, ведь в общей сложности на стадии подготовки и покушения преступлений предотвращается и пресекается лишь 3 – 5 % всех регистрируемых преступлений в стране.

Такой низкий результат обусловлен как организационными, так и правовыми проблемами. Так, с учетом ч. 2. ст. 30 УК РФ за приготовление к преступлению уголовной ответственности может подлежать только лицо, предпринявшее меры по подготовке к тяжкому или особо тяжкому преступлению. Однако на практике данная норма применяется крайне редко, равно как и добровольный отказ от совершения преступления. Причинами этого, кроме вышеназванных факторов (слабые оперативные позиции в криминальной среде, низкий уровень осведомленности оперативных сотрудников о лицах, планирующих совершение преступлений) являются и сложности сбора и предъявления доказательств. Сами сотрудники ОВД, сталкивающиеся с ситуацией задержания лиц, покушающихся на совершение преступлений (например, пытающихся вскрыть квартиру с целью хищения чужого имущества), впоследствии признавали, что следователи и дознаватели рекомендовали им в дальнейшем задерживать таких лиц только «с поличным», т.е. тогда, когда они уже будут выходить с похищенным имуществом. Нужно признать, что те же следователи и дознаватели, обязанные раскрывать преступления, очевидно не понимают, что, делая свою работу и, привлекая к уголовной ответственности лиц, задержанных после совершения преступления, не способствуют снижению преступности и повышению уровня безопасности. Государство в большей мере заинтересовано в результатах борьбы с преступностью на стадии

оконченного преступления, нежели в недопущении совершения преступлений на ранних этапах противоправной деятельности. Такая позиция представляется в корне неверной.

Реализация комплекса профилактических мер позволяет на отдельных направлениях деятельности (в том числе в предупреждении тяжких и особо тяжких преступлений против личности) видеть определенные успехи. Так, например, в результате организации работы по добровольной сдаче оружия населением в 2016 году было сдано почти 92 тыс. единиц оружия и 483,9 тыс. штук патронов. Это обусловило снижение на 13,1 % числа преступлений, совершенных с использованием оружия (в том числе на 7,9 % – огнестрельного, на 13,7 % – взрывчатых веществ и взрывных устройств)[1].

К сожалению, основная нагрузка мер профилактики все еще продолжает лежать на органах внутренних дел, а точнее на сотрудниках конкретных служб и подразделений. Так, например, участковым уполномоченным полиции приходится рассматривать ежегодно свыше 10 млн. заявлений, сообщений и обращений граждан (в 2016 г. – 13,4 млн.) – это очень много. С одной стороны, отчеты участковых уполномоченных из разных регионов страны подтверждают, что большая часть преступлений в быту совершается в условиях очевидности. Все это, как отмечается в отчетах, создает «правовую и моральную основу для вмешательства ОВД»[2].

С другой стороны, профилактике преступлений в сфере быта по-прежнему уделяется явно недостаточное внимание. Так, заместитель

---

[1] См.: Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы за 2016 год. [Электронный ресурс] URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/отчет-о-ходе-реализации-программы-2016. (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Отчеты участковых уполномоченных полиции. 2016 год сайт ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. [Электронный ресурс] URL:https://78.xn--b1aew.xn--p1ai/slujba/otch/uup/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B-%D1%83%D1%83%D0%BF.2016 (дата обращения: 20.12.2017).

министра МВД России И.Н. Зубов в этой связи предлагает освободить полицию от процессуального рассмотрения заявлений, заведомо не связанных с преступными посягательствами. Полагаем, что с одной стороны, это правильно, но с другой – не совсем. Так, граждане, официально заявившие о каком-либо правонарушении, и получившие ответ «не вижу признаков правонарушения» от сотрудника МВД России в словесной форме, будут явно недовольны от принятого таким образом решения.

Таким образом, можно сказать, что предупреждение преступности в целом и отдельные ее составляющие (профилактика, предотвращение и пресечение преступлений) при надлежащем правовом, организационном, техническом и ресурсном обеспечении, а также при заинтересованности всех участников (субъектов) в решении задач по борьбе с преступностью, может создавать надежную основу для обеспечения безопасности и правопорядка как в стране в целом, так и в отдельно взятом регионе.

Руководители всех рангов в течение последних лет констатируют позитивные сдвиги в сфере обеспечения безопасности и противодействия преступности. Снижение числа зарегистрированных преступлений связывается нередко с отлаженным и работающим механизмом или системой мер борьбы с преступностью. Об этом говорили 1 июня 2017 года на парламентских слушаниях, посвященных обеспечению безопасности и правопорядка в стране. Между тем, сами руководители признают наличие целого ряда серьезных и конструктивных проблем, связанных с профилактикой и предупреждением преступлений. Так, статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел России И.Н. Зубов отметил, что серьезной проблемой, требующей большего внимания, остается рецидивная преступность, поскольку отмечается не только фактическое, но и статистическое увеличение удельного веса ранее судимых, повышается уровень профессионализма преступной среды[1]. Еще одной проблемой

[1] См.: Стенограмма парламентских слушаний на тему «Состояние и нормативно-правовое регулирование обеспечения общественной

является сохранение и воспроизводство в стране террористического подполья, основу которого составляют правонарушении и преступления экстремистской направленности. Действительно, только с 2010 по 2017 год количество зарегистрированных преступлений террористического характера выросло более чем в 3,2 раза, а преступлений экстремистского характера – в 2,3 раза.

Отмечается также нарастание в обществе социальной напряженности, которую нередко используют различные оппозиционеры и политические противники в своих целях, что связано как с возросшим числом публичных мероприятий, так и ростом числа их участников, особенно в период предвыборной кампании. В таких условиях правоохранительные органы, как один из ведущих субъектов противодействия преступности, должны предпринимать массу усилий для недопущения эскалации любых, особенно массовых криминальных проявлений, связанных с насилием. А для этого требуется прочная правовая основа и строгая регламентация правоотношений между гражданами и государственными органами. Правовой фундамент предупреждения преступлений и организации профилактики уже заложен, сотрудники правоохранительных органов наделены соответствующими полномочиями, у них есть специальные средства и оружие для тех или иных случаев, когда по закону их можно использовать и применять. Но, к сожалению, как отмечают многие специалисты в области криминологии и уголовного права, многое, связанное с профилактикой, уже утрачено и разрушено[1]. И если в СССР эффективно функционировала разветвленная и достаточно продуманная система по предупреждению преступлений и административных правонарушений, то вполне закономерно и то, что некоторые зарубежные страны не только

безопасности и правопорядка в Российской Федерации». [Электронный ресурс] URL: http://www.council.gov.ru/media/files/TYklABQEmp8F5ETT3EyYZ7N2mgSM3zAA.pdf (дата обращения: 20.12.2017).

[1] См.: Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. Монография. М., 2001. С. 3.

интересовались ей, но и заимствовали и переняли этот передовой опыт (например, Венгрия, Австрия и др.). Сегодня о такой системе больше говорят, но насколько она представляет из себя полноценную систему, приходится сомневаться. Кому помешали лечебно-трудовые профилактории (ЛТП), медвытрезвители и иные государственные учреждения, призванные упреждать распущенность, алкоголизм и пьянство, наркоманию и иные асоциальные проявления? Характерно, что за возврат таких учреждений сегодня выступают не только ученые, но и практики[1].

Разработанные отечественной криминологией методы и способы предупреждения преступности с учетом сегодняшних реалий должны быть критически осмыслены и уяснены для последующего использования на практике. При этом важной предпосылкой такого осмысления является научная обоснованность предложенных форм, методов и способов предупредительной деятельности, которые должны базироваться на прочной методологической основе и фундаментальных принципах предупреждения преступлений: законности, социальной обусловленности, экономической целесообразности, комплексности и т.д. В этой связи неслучайно выделение в числе главных направлений государственной политики в Стратегии национальной безопасности России предупреждения преступности, с постановкой задач по совершенствованию нормативно-правового регулирования этой сферы, созданию единой системы профилактики преступлений и т.д.[2]

---

[1] См.: В Россию возвращаются вытрезвители. [Электронный ресурс] URL: https://mirnov.ru/lenta-novostej/minzdravu-predlozhili-vernut-vytrezviteli.html; Глава МВД Колокольцев потребовал срочно возродить вытрезвители. [Электронный ресурс] URL: http://www.mk.ru /social/2015/10/02/glava-mvd-kolokolcev-potreboval-srochno-vozrodit-vytrezviteli.html; Глава Минздрава выступает за возвращение к системе вытрезвителей. [Электронный ресурс] URL: https://www.medvestnik.ru/content/news/Glava-Minzdrava-vystupaet-za-vozvrashenie-k-sisteme-vytrezvitelei.html (дата обращения: 20.12.2017).

[2] См.: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства

Многолетняя практика подтвердила, что человечество должно использовать в борьбе с преступностью как минимум два способа – наказание и предупреждение преступлений. Первый способ имеет неоспоримое значение, но только в случае надлежащего правового обоснования ответственности и установления такой «преграды», при которой отрицательные последствия в случае привлечения лица к уголовной ответственности должны в разы превышать выгоду от совершенного им преступления. Второй способ борьбы с преступностью – предупреждение. Он же является более гуманным, менее затратным и к тому же носит сугубо упреждающий характер. К этому виду социальной практики интерес в последнее время не пропадает и усиливает стремление ученых и практиков к поиску наиболее эффективных способов и методов.

Как справедливо замечает профессор Д.А. Корецкий, правоохранительные структуры организуют и осуществляют свою предупредительно-профилактическую деятельность не так, как им хотелось, а так, как им позволяют сложившиеся условия[1]. Действительно, ранее существовавшая система предупреждения преступлений подверглась весьма существенному негативному воздействию вследствие происходящих в последние годы в России социально-экономических и политических процессов.

Остаются невостребованными и предлагаемые наукой методы и методики по противодействию преступности. Но это происходит не потому, что их нельзя реализовать, а потому что для этого зачастую нужна политическая воля, законные и обоснованные управленческие решения, а также соответствующее материально-техническое обеспечение. Последнее, к сожалению, не дает возможности субъектам профилактики, в том числе и

Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212. // СПС КонсультантПлюс.

[1] См.: Корецкий Д.А. Основы теории и методологии криминологического исследования тяжких преступлений, совершенных с применением оружия: Дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 219.

органам местного самоуправления предметно заниматься организацией предупредительной деятельности. Как следствие, в целом по стране и в целом ряде регионов наблюдается рост числа преступлений, совершенных в состоянии алкогольного и наркотического опьянения и т.д. Положение дел в этой сфере осложняется тем, что сотрудники, прежде всего органов внутренних дел в современных условиях не имеют реальных возможностей надлежащим образом осуществлять свои функции.

Не привнес уверенности и оптимизма принятый недавно Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1]. По этому поводу не прекращается волна дискуссий и научных споров[2], но главная проблема остается – закон слишком прост и поверхностен, а его рамочные предписания, к тому же не имеющие четкой конкретики и правовых механизмов реализации, создают еще больше вопросов и проблемных ситуаций. Так, по мнению Т.В. Пинкевич, он (закон) «опоздал как минимум на двадцать лет, и ожидали мы его в другой качественной редакции»[3].

Законодатели не стали «брать» из проекта этого же закона такую разновидность профилактики, как виктимологическую профилактику. Внести представление об устранении причин и условий, способствующих

---

[1] См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

[2] См.: Добрикова Е. Эксперты о новом законе об основах профилактики правонарушений. [Электронный ресурс] URL: http://mariabast.com/20-07-16-eksperty-o-novom-zakone-ob-osnovah-p/; Лютых С. О подводных камнях закона о профилактике правонарушений в России. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/articles/2016/06/30/profilatika/; Швабауэр А.В. Профилактика – каждому! Анализ угроз нового закона о профилактике правонарушений. [Электронный ресурс] URL: https://ivan4.ru/news/society/profilaktika_kazhdomu_analiz_ugroz_novogo_zakona_o_profilaktike_pravonarusheniy/ и др. (дата обращения: 20.12.2017).

[3] См.: Пинкевич Т.В. Особенности предупреждения преступности в современной России // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / Под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2017. С. 182.

совершению только преступлений, а не правонарушений, как это указано в ст. 22 вышеуказанного Закона, могут только следователи и дознаватели, и только в случае окончания производства по уголовному делу, находящемуся в их производстве.

Накопившаяся усталость, разбалансированность правоохранительной системы, отсутствие надлежащего взаимодействия субъектов профилактики, борьба за полномочия и престижное место среди правоохранительных органов, зачастую приводит к новым реформаторским решениям, которые, к сожалению, не оказывают позитивного воздействия на криминогенную ситуацию в стране[1]. Переименование милиции в полицию, ликвидация ФСКН, возвращение в лоно МВД России миграционной службы, появление новой структуры – войск национальной гвардии – это далеко не полный перечень организационно-управленческих решений последних лет, итог которых уже известен. Очередная попытка создать новую систему правоохранительных органов, которая практически будет копировать советскую систему, не просто потребует очередных затрат на смену вывесок, она может самым негативным образом отразиться на состоянии и уровне правопорядка[2].

Конечно, в арсенале системы предупреждения преступности еще достаточно средств для обеспечения широкого комплекса разнообразных реакций на вызовы криминального мира, а также возможностей принятия мер воздействия к отдельным лицам. Для этого требуется не только гибкость и адаптивность организационной структуры этой системы, но и деятельное повседневное участие в ее работе субъектов с самыми различными функциями и возможностями, чтобы обеспечить такое разнообразие.

---

[1] См.: Жариков Ю.С., Ревин В.П., Ревина В.В. Взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с преступностью в России: Монография / Под ред. В.П. Ревина. М., 2010. С. 7.

[2] См.: Реформы в ФСБ 2018 года: слияние с ФСО. [Электронный ресурс] URL: http://god-2018s.com/novosti/reformy-v-fsb-2018-goda-sliyanie-s-fso (дата обращения: 05.01.2018).

Сопутствовать этому процессу должна криминологическая наука. По мнению некоторых исследователей, современный уровень накопленных знаний о профилактическом воздействии на преступность можно рассматривать как показатель зрелости науки криминологии[1].

Если преступность, как и другие негативные социальные явления, это продукты общества, всегда сопутствующие человеческому развитию, то полностью избавиться от них не удастся никогда. Но это не повод отказаться от самой идеи противодействовать преступности и ее проявлениям, ибо создание любого, даже самого малого преимущества этому негативному явлению, как показывает история и практика, приводит к весьма серьезным последствиям. Именно поэтому в современных условиях необходим соответствующий набор самых, что ни на есть эффективных приемов и методов, с помощью которых можно обеспечить наступление желательных для общества изменений преступности. Здесь я имею в виду реальное (не на бумаге) сокращение числа совершаемых преступлений, позитивное изменение качественных характеристик преступности (снижение уровня организованной преступности, рецидива, крупномасштабных хищений государственных ресурсов, коррупции и т.д.).

Вопрос о достижении таких целей поднимается чуть ли не на каждом совещании в Правительстве РФ, в МВД России, ФСБ России, прокуратуре и т.п. И если раньше были совсем другие возможности для реализации вышеназванных задач (прежде всего материальные, финансовые, технические и иные), то сейчас речь идет о другом – не срабатывают правовые механизмы, граждане игнорируют установленные запреты, государство делает что-то не так, или не совсем так.

Ученые-криминологи уже в самом начале развития криминологической науки сделали потрясающий вывод – бороться с преступностью можно

---

[1] См.: Аминов Д.И., Жариков Ю.С., Ревин В.П. Предупреждение преступлений: отечественный и зарубежный опыт (криминологическое и уголовно-правовое исследование). М., 2010. С. 4.

эффективно, если о ней есть достаточно полная и объективная информация. А есть ли у нас такая информация? Насколько она соответствует реалиям? Не вдаваясь в подробности и полемику, следует признать, что данные официальной статистики преступности попросту необъективны. А если это так, тогда выделяемые на борьбу с ней силы и средства не пропорциональны. Это признают даже руководители территориальных управлений МВД России. Так, выступая на заседании Законодательного собрания Ростовской области, генерал-майор полиции О.П. Агарков (начальник ГУ МВД России по Ростовской области) заявил, что в регионе не хватает почти 9 тыс. сотрудников для успешной реализации поставленных оперативно-служебных задач[1]. Как следствие, на действующих сотрудников существенно возросла нагрузка, которая превосходит среднюю по стране и по ЮФО.

В этой связи важным подспорьем выступает мониторинг ситуации и практики борьбы с преступностью. Нужно сказать, что этот процесс в стране уже активно развивается в течение последних лет. Но этого недостаточно, чтобы представлять характер тех или иных угроз и своевременно принимать соответствующие управленческие решения с целью их нейтрализации. Кстати, в некоторых государствах, например, в Германии в целях определения эффективности тех или иных проектов профилактики, разработана и давно функционирует централизованная система мониторинга и контроля за проведением превентивных мероприятий. Поэтому их передовой опыт можно взять и нам на «вооружение»[2].

Важную роль в этих мероприятиях следует отводить специалистам-криминологам, как например, в США, Великобритании и Канаде. Их там

---

[1] См.: Глава МВД Ростовской области рассказал, кого из сотрудников ГИБДД пришлось уволить по приказу президента. [Электронный ресурс] URL: http://www.donnews.ru/Glava-MVD-Rostovskoy-oblasti-rasskazal-kogo-iz-sotrudnikov-GIBDD-prishlos-uvolit-po-prikazu-prezidenta_32966 (дата обращения: 15.02.2018).

[2] См.: Щеглова И.К. Социальная профилактика правонарушений несовершеннолетних за рубежом // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2009. № 2. С. 190.

именуют криминальными аналитиками, т.е. специалистами в области изучении и анализа преступности. Такие специалисты, основываясь на непосредственной связи с практикой борьбы с преступностью, вносят предложения и коррективы в работу полицейских служб, основываясь на своих теоретических знаниях, имеющемся опыте и т.д. Так, например, еще в начале XX века О. Воллмер, начальник полиции г. Беркли (штат Калифорния), разработал такую форму полицейской отчетности, которая упрощала не только организацию анализа преступности, но и позволяла полицейским на основе регулярного изучения отчетов наносить на специально подготовленную карту места преступлений для определения и изменения маршрутов патрулирования[1].

Целесообразным считается разработка отдельного федерального закона, устанавливающего общие правовые основы формирования самостоятельных органов правопорядка в составе местного самоуправления, закрепляющего особый статус их работников. Такие работники могут впоследствии стать муниципальными помощниками участкового уполномоченного полиции. Это также предусмотрено опытом зарубежных стран, который опирается на так называемый соседский присмотр.

Еще одним важным шагом на пути повышения эффективности предупреждения преступности является рассмотрение вопроса о воссоздании в городах специализированных учреждений (медвытрезвителей), оказывающих лицам, находящимся в состоянии опьянения и не нуждающимся в оказании медицинской помощи. В настоящее время такие учреждения уже функционируют в ряде субъектов Российской Федерации (Татарстане, Башкортостане, Туве, Саха (Якутии), Томской, Ивановской и Челябинской областях), в других же субъектах этот вопрос упирается на отсутствие федерального закона. В связи с изложенным, полагаем, что

---

[1] См.: Евсеев А.В. К вопросу о зарубежном опыте криминологического обеспечения предупреждения преступлений // Вестник Всероссийского инчтитута повышения квалификации сотрудников МВД России. 2013. № 3 (27). С. 71.

следует также предусмотреть возможность внесения изменений в законодательство в части определения мер принудительного характера по размещению и содержанию в соответствующих учреждениях лиц, находящихся в общественных местах в состоянии опьянения и не нуждающихся в оказании экстренной медицинской помощи.

Следующим направлением является вопрос об усилении ответственности за совершение правонарушений. Предусмотренные размеры штрафа за самые распространенные виды административных проступков слишком малы и не могут оказывать оптимального воспитательно-профилактического воздействия на правонарушителей. К тому же для отдельных из них размер штрафа, да и сама административная ответственность со всеми ее последствиями представляется просто очередным недоразумением, на которое они не обращают никакого внимания[1].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Анализ реализации вопросов борьбы с преступностью показывает, что, несмотря на значительную теоретическую основу и многочисленные разработки концепции противодействия криминалу в отечественной криминологической науке, практика их не использует в полной мере и игнорирует. Вследствие чего предупреждение преступности, как важный элемент всей системы борьбы с ней, в большей части является лишь декларативным направлением, отражаемым в различных нормативных правовых актах.

2. Сформированная государством правовая база, регламентирующая деятельность по предупреждению преступности, позволяет выстраивать и реализовывать широкий круг мероприятий в рассматриваемой сфере, однако это дает положительные результаты только на уровне отдельных регионов,

[1] См.: Преступления и наказания Мары Багдасарян. [Электронный ресурс] URL: http://varlamov.ru/2447957.html (дата обращения: 20.12.2017).

где реально взаимодействуют все заинтересованные субъекты, включая местные органы власти и управления.

3. Правоохранительные органы, и в частности органы внутренних дел, с учетом сложной социально-экономической обстановки и продолжающегося процесса реформирования претерпевают серьезные проблемы, связанные как с лимитом финансовых средств, так и с возросшей нагрузкой, что существенно влияет на качество выполняемых служебно-боевых задач и реализацию функций по профилактике и предупреждению преступлений и правонарушений.

4. В практической деятельности скопилось немало проблем, связанных с реализацией мер по предупреждению преступлений, начиная с недостатков правового регулирования, и заканчивая организационно-управленческими просчетами.

5. Несмотря на общее понимание необходимости активизации деятельности по предупреждению преступлений и административных правонарушений, многовековую практику и обширный опыт реализации предупредительно-профилактических мер, а также существующую правовую базу, результативность деятельности всех вместе взятых субъектов профилактики следует с большой натяжкой признать удовлетворительной. Нужно принципиально подходить к оценке тех итогов и результатов деятельности, в частности правоохранительных органов и ОВД, которые, к сожалению, не отражают минимально допустимый уровень безопасности граждан как в целом по стране, так и в отдельно взятых регионах.

6. В целях реализации мер по предупреждению преступности целесообразно шире использовать возможности средств массовой информации. При этом СМИ должны сосредотачивать больше внимание не на смаковании сцен насилия, жестокости, садизма, половой развращенности и т.п., а на показе тех нежелательных последствий противоправного поведения виновных, которые должны формировать у граждан высокий уровень правосознания, чувства ответственности, сострадания и помощи.

Представители СМИ должны делать свои репортажи не после совершенных уже преступлений и наступивших последствий, а во время выполнения сотрудниками ОВД своих функциональных обязанностей (при патрулировании, при приеме граждан и разрешении их заявлений и сообщений и т.д.), что будет служить основой для показа реальной нагрузки личного состава, тех условий, в которых им приходится нести службу, а также будет способствовать повышению степени доверия им со стороны населения.

7. Для повышения эффективности предупреждения преступлений необходима фактическая переориентация субъектов профилактики, и прежде всего сотрудников органов внутренних дел, именно на профилактическую деятельность, результаты которой должны служить основным критерием оценки их деятельности с возможностью поиска дополнительных мер по стимулированию труда сотрудников и граждан, оказывающих помощь и содействие в решении таких задач.

8. Необходимо расширить правовые основания и категории лиц для осуществления административного надзора, повысить размер ответственности за административные правонарушения, придать виктимологической профилактике законодательную основу и практический импульс для реализации мер виктимологической профилактики.

Заключение

В результате проведения теоретико-правового исследования преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, сформулированы выводы, которые в общем виде могут быть представлены в следующих основных положениях.

1. В настоящее время право на охрану здоровья человека рассматривается с позиций медико-социального подхода, согласно которому к социальным факторам, определяющим уровень здоровья, относят социальное благополучие человека, определенный уровень заработной платы, длительность рабочего времени, уровень напряженности и условия труда, присутствие профессиональной опасности, санитарное состояние государства. Мы считаем, что социальная составляющая правового определения здоровья – это состояние здоровья общества, которое определяется рядом не только социальных, но и иных факторов: рождаемостью, смертностью, продолжительностью жизни, заболеваемостью, уровнем физического развития, безопасностью здоровья человека от преступных посягательств.

2. Право человека на здоровье в Конституции Российской Федерации прямо не закреплено. В Конституции Российской Федерации выделено и гарантировано лишь право человека на охрану здоровья, которое в нормативных правовых актах связывается с оказанием своевременной медицинской помощи. Получается, что право человека на безопасность здоровья напрямую не признается и не защищается государством. В связи с вышеизложенным предлагается закрепить в Конституции Российской Федерации право человека на безопасность здоровья, включающее в себя право на безопасность здоровья человека от преступных посягательств, право на неприкосновенность здоровья, право на распоряжение своим здоровьем, право на недопущение причинения вреда здоровью и право на его компенсацию, если вред здоровью человека был все же причинен.

3. Объект преступных деяний, причиняющих вред здоровью человека, предлагается рассматривать с позиции обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств. При этом объектом посягательств на здоровье человека предлагается считать безопасность здоровья с биологических (медицинских) позиций как определенное физическое и (или) психическое состояние человека, каким бы далеким от идеального состояния оно (здоровье) не было. С учетом этого представлена авторская классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека.

4. Определение понятия «вред здоровью», содержащее указание на нарушение анатомической целостности, является не верным. Наступившие в результате посягательства на безопасность здоровья человека заболевания и (или) патологические состояния не всегда сопровождаются нарушением анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека. Мы полагаем, что при определении вреда здоровью в качестве обязательных составляющих данной дефиниции следует указывать на такие признаки, как заболевания и (или) патологические состояния.

5. Сформулировано понятие причинения вреда здоровью человека, под которым предлагается понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

6. Представлена авторская классификация преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека: 1) преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, включающие в свой состав понятие насилия, опасного для жизни или здоровья как конструктивный либо как квалифицирующий признак; 2) преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, включающие в свой состав понятие насилия, не опасного

для жизни или здоровья или все другие насильственные действия; 3) преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, имеющие признаки угрозы применения насилия, признаки неприменения насилия, признаки насилия без подразделения насилия на физическое, психическое, опасное для жизни или здоровья или не опасное для жизни или здоровья; 4) преступления, посягающие на безопасность здоровья человека, имеющие своим последствием причинение вреда здоровью человека любой степени тяжести, иное причинение вреда здоровью, причинение существенного вреда здоровью человека.

7. Сформулировано понятие насилия, под которым предлагается понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

8. Сформулированы понятия«близкие родственники» и «близкие лица». Под близкими родственниками предлагается понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка, прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство.

9. Диспозиция части первой статьи 111 УК РФ в качестве последствий умышленного причинения тяжкого вреда здоровью человека указывает на потерю какого-либо органа или утрату органом его функций. Предлагается отнести к данному перечню потерю внутренних органов либо утрату их функций. Под потерей органа предлагается понимать потерю и внешнего, и внутреннего органа.

10. Законодателю предлагается отказаться от таких конструктивных или квалифицирующих признаков преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, как «иное причинение вреда здоровью», «причинение вреда здоровью» без указания степени тяжести, «существенный вред здоровью человека», указывая при описании диспозиции данных деяний на признаки легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека.

11. В статье 2 Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве задач уголовного законодательства по охране общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств, предлагается закрепить обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации.

12. Предлагается законодателю отказаться от названия главы 25 УК РФ в существующей редакции для отграничения одинаковых по своей сущности объектов посягательства – здоровья человека и здоровья населения – отличающихся между собой только количеством потерпевших. В связи с этим предлагается название главы 25 УК РФ изложить в следующей редакции: «Глава 25. Преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ».

Из 22 составов преступлений, расположенных в главе 25 УК РФ, и, отнесенных законодателем к преступлениям, где основным непосредственным объектом выступает здоровье населения, только статьи 235, 236, 237, 238 и 239 УК РФ относятся к нормам, основным непосредственным объектом которых является безопасность в сфере обеспечения здоровья человека. В связи с этим предлагается законодателю перенести данные нормы в главу 16 УК РФ о преступлениях против жизни и здоровья человека. Законодателем в статьях 235^1 и 238^1 УК РФ не предусмотрены последствия в виде причинения вреда здоровью человека в качестве обязательного признака основного состава данных преступлений. Между тем, основной целью совершения данных преступлений является извлечение прибыли. В связи с этим законодателю предлагается статьи 235^1 и

238^1 УК РФ перенести в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Преступления, предусмотренные статьями 240, 240^1, 241, 242, 242^1, 242^2, 243, 243^1, 243^2, 243^3, 244, 245 УК РФ следует выделить в отдельной главе 25^1 УК РФ: «Глава 25^1. Преступления против общественной нравственности».

13. Для успешного противодействия преступлениям, посягающим на безопасность здоровья человека, в диссертации сформулирован комплекс рекомендаций по квалификации соответствующих деяний.

14. Раскрыты наиболее острые проблемы уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере обеспечения безопасности здоровья человека от преступных посягательств (как на законодательном уровне, так и на уровне правоприменения), и на этом основании обоснованы и сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за преступления, посягающие на безопасность здоровья человека.

15. В результате проведенного исследования сформулированы специальные правила правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, где безопасность здоровья человека выступает в качестве дополнительного непосредственного или факультативного объекта преступления, а причинение вреда здоровью – в качестве квалифицированного вида преступного деяния:

- в случаях, когда деяние, в котором причинение вреда здоровью человека выступает в качестве квалифицированного вида преступления, наказывается менее строго, чем наказывается причиненный вред здоровью человека той или иной степени тяжести, или санкции в виде лишения свободы в обоих преступлениях одинаковы, то состав причинения вреда здоровью человека не охватывается составом основного преступления. Такие посягательства на безопасность здоровья человека следует квалифицировать по совокупности со статьей Уголовного кодекса Российской Федерации,

предусматривающей уголовную ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека;

- в случаях, когда деяние, в котором причинение вреда здоровью человека выступает в качестве квалифицированного вида преступления, наказывается более строго, чем причиненный вред здоровью человека, то составом этого преступления охватывается и состав причинения вреда здоровью человека. Такие посягательства на безопасность здоровья человека не требуют дополнительной квалификации по совокупности по статьям, устанавливающим ответственность за причинение вреда здоровью человека, если иное не предусмотрено разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации.

Список литературы

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред от 12.11.2018) // СПС Консультант Плюс.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СПС Консультант Плюс.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СПС Консультант Плюс.

5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 15.09.2018).

6. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

7. Федеральный закон № 323-ФЗ от 21 ноября 2011 года (ред. 03.08.2018) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

8. Закон Российской Федерации «О безопасности» от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. 05.10.2015) // СПС Консультант Плюс.

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2007 г. № 522 (ред. 17.11.2011) «Об утверждении Правил

определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС Консультант Плюс.

10. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 г. № 194 н (ред. 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // СПС Консультант Плюс.

Книги

11. Адельханян Р.А. Причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах (уголовно-правовое и криминологическое исследование) / под ред. Э.Ф. Побегайло. Кисловодск, 2000. – 254 с.

12. Аитова О.Ф. Уголовно-правовые проблемы времени преступления. Монография / О.Ф. Аитова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 248 с.

13. Антонян Е.А. Личность рецидивиста. Монография / Е.А. Антонян. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 264 с.

14. Антонян Ю.М. Бегство от цивилизации. Монография / Ю.М. Антонян. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 368 с.

15. Антонян Ю.М. Личность осужденного. Монография / Ю.М. Антонян и др. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 288 с.

16. Антонян Ю.М. Личность убийцы. Монография / Ю.М. Антонян, Б.Г. Бовин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.

17. Антонян Ю.М. Мотивация преступного поведения. Монография / Ю.М. Антонян. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 376 с.

18. Антонян Ю.М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди. Монография / Ю.М. Антонян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. – 312 с.

19. Антонян Ю.М. Теория человеческой агрессии. Почему жестоки люди. Монография / Ю.М. Антонян, Е.А. Антонян, О.Р. Афанасьева, М.В. Гончарова, В.А. Рачицкая, Е.М. Тимошина, В.И. Шиян. – М.: Проспект, 2017. – 224 с.

20. Артемов В.Ю. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ. Монография / В.Ю. Артемов, И.С. Власов, Н.А. Голованова. – М.: Инст. зак-ва и сравнит. правовед. при Правительстве РФ, 2012. – 496 с.

21. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. Монография / А.А. Арутюнов. – М.: Статут, 2013. – 408 с.

22. Арямов А.А. Альтернативные формы решения уголовно-правового конфликта. Монография / А.А. Арямов, М.А. Колыванцева. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

23. Арямов А.А. Разрешение уголовно-правовых конфликтов, инициированных несовершеннолетними. Учебник / А.А. Арямов, В.П. Бодаевский и др. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 368 с.

24. Арямов А.А. Уголовное право зарубежных государств. Учебное пособие / А.А. Арямов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 144 с.

25. Бабаев М.М. Политика предупреждения преступлений: концептуальные проблемы (глава III): Предупреждение преступности в России / М.М. Бабаев. – М., 2014. – 301 с.

26. Бабаев М.М. Проблемы российской уголовной политики. Монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Проспект, 2014. – 292 с.

27. Бабаев М.М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа. Монография / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 696 с.

28. Бабаев М.М. Социальные последствия и цена преступности. Монография / М.М. Бабаев, О.Р. Афанасьева. – М.: ВНИИ МВД России, 2012. – 125 с.

29. Бабаев М.М. Теоретические и прикладные проблемы предупреждения сексуальной эксплуатации женщин и детей. Монография / М.М. Бабаев, В.И. Коваленко. – М.: ВНИИ МВД России, 2012. – 160 с.

30. Бабий Н.А. Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность. Монография / Н.А. Бабий. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 744 с.

31. Бабий Н.А. Учение о стадиях преступления и неоконченных преступлениях. Монография / Н.А. Бабий. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 752 с.

32. Бавсун М.В. Квалификация преступлений по признакам субъективной стороны: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / М.В. Бавсун, С.В. Векленко. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 152 с.

33. Бавсун М.В. Конспект лекций по уголовному праву России. Общая часть. Учебное пособие / М.В. Бавсун, В.Н. Баландюк, Н.В. Вишнякова, К.Д. Николаева. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

34. Баумштейн А.Б. Концептуальные начала уголовного права России. Монография / А.Б. Баумштейн. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 256 с.

35. Безуглый С.Н. Неоконченное преступление в российском уголовном праве. Монография / С.Н. Безуглый. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 144 с.

36. Благов Е.В. Основной курс уголовного права. Лекции для бакалавров / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 360 с.

37. Благов Е.В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человека: лекции / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 200 с.

38. Благов Е.В. Специальный курс уголовного права. Курс лекций для бакалавров / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 184 с.

39. Благов Е.В. Элементарный курс уголовного права. Курс лекций для бакалавров / Е.В. Благов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 240 с.

40. Бойко А.И. Преступное бездействие. Монография / А.И. Бойко. – М.: Юридический центр Пресс, 2003. – 320 с.

41. Борзенков Г.Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. – М.: Зерцало-М, 2005. – 144 с.

42. Борков В.Н. Квалификация должностных преступлений. Монография / В.Н. Борков. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 288 с.

43. Бородин С.В. Квалификация преступлений против жизни. Монография. – М.: Юридическая литература, 1977. – 240 с.

44. Бородин С.В. Квалификация убийства по действующему законодательству. – М.: Юрид. лит., 1966. – 252 с.

45. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 1999. – 356 с.

46. Бытко Ю.И. Справедливость и уголовная политика. Монография / Ю.И. Бытко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 216 с.

47. Бычков В.В. Квалификация и расследование преступлений против здоровья. Учебное пособие / В.В. Бычков. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 392 с.

48. Варданян А.В. Раскрытие и расследование тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности: криминалистические и оперативно-разыскные аспекты. Монография / А.В. Варданян. – Ростов-на-Дону.: РЮИ МВД России, 2016. – 232 с.

49. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: учебное пособие / А.В. Варданян. – Ростов-на-Дону.: РЮИ МВД России, 2015. – 220 с.

50. Власов Ю.А. Квалификация похищения человека. Монография / Ю.А. Власов, О.А. Михаль – М.: Юрлитинформ, 2015. – 160 с.

51. Волосюк Е.А. Грамматическое толкование норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Монография / Е.А. Власов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 184 с.

52. Воронин М.Ю. и др. Актуальные проблемы современного уголовного права. Учебное пособие. М., 2016. – 113 с.

53. Воронин М.Ю. и др. Актуальные проблемы уголовного права. Учебное пособие. Академия управления МВД России. М., 2016. – 119 с.

54. Воронин М.Ю., Полтарыгин Р.В., Титушкина Е.Ю., Черняков С.А., Шишкин Р.В. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (схемы): Учебное пособие. М., 2017. – 148 с.

55. Воскобитова Л.А. Защита прав и интересов организаций и граждан: уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминологический аспект (состояние, проблемы, пути совершенствования). Общее состояние и региональная специфика. Монография / Л.А. Воскобитова. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 144 с.

56. Гарбатович Д.А. Квалификация непреступных уголовно-правовых деяний. Монография / Д.А. Гарбатович. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 320 с.

57. Гриненко А.В. Использование судебно-медицинских знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья. Научно-практическое пособие / А.В. Гриненко, Н.П. Кондрашева. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 192 с.

58. Густова Э.В. Теоретические основы построения санкций в уголовном праве Российской Федерации. Монография / Э.В. Густова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

59. Дамаскин О.В. Криминологические аспекты противодействия преступности. Монография / О.В. Дамаскин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 264 с.

60. Денисова А.В. Системность российского права. Монография / А.В. Денисова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 512 с.

61. Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. Монография / А.А. Докуев. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 192 с.

62. Донец С.П. Квалифицированные и привилегированные составы преступлений в системе уголовно-правового воздействия. Монография / С.П. Донец. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.

63. Дорогин Д.А. Противоправные деяния, связанные с органами и (или) тканями человека: уголовно-правовое исследование. Монография / Д.А. Дорогин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 224 с.

64. Жданов Ю.А. Грани физического и психического насилия. Монография / Ю.А. Жданов. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 264 с.

65. Закомолдин Р.В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. Монография / Р.В. Закомолдин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 192 с.

66. Законодательство Российской Федерации в области психиатрии. Комментарий к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ГК РФ и УК РФ (в части, касающейся лиц с психическими расстройствами). Постатейный. 2-е издание, исправленное и дополненное / Под ред. Т.Б. Дмитриевой. – М.: Спарк, 2002. – 383 с.

67. Замалеева С.В. Криминализация ятрогенных преступлений. Монография / С.В. Замалеева. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 176 с.

68. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступлений. Монография / А.М. Зацепин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 184 с.

69. Зубкова В.И. Преступления против личности по законодательству России: история, законодательство, теория и практика. Монография / В.И. Зубкова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 274 с.

70. Иванов Д.А. Актуальные вопросы теории и практики возмещения причиненного преступлением вреда (в деятельности органов предварительного расследования). Монография / Д.А. Иванов. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 288 с.

71. Иванов Н.Г. Преступления против личности: учебное пособие для академического бакалавриата / Н.Г. Иванов. – М.: Юрайт, 2017. – 173 с.

72. Капитонова Е.А. Правовое регулирование трансплантологии. Монография / Е.А. Капитонова, О.В. Романовская, Г.Б. Романовский. – М.: Проспект, 2016. – 144 с.

73. Капитонова Е.А. Современный терроризм. Монография / Е.А. Капитонова, Г.Б. Романовский. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.

74. Карабанова Е.Н. Уголовная ответственность за посягательства на участников судопроизводства. Монография / Е.Н. Карабанова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 184 с.

75. Карпачева Т.С. Преступления в нетрадиционных религиозных объединениях: уголовно-правовая характеристика. Монография / Т.С. Карпачева. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 192 с.

76. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность / И.И. Карпец. – М.: Российское право, 1992. – 432 с.

77. Кибальник А.Г. Гл. 1 § 2 «Актуальные проблемы преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности личности», гл. 1 § 4 «Актуальные проблемы преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина», гл. 5 «Актуальные проблемы преступлений против мира и безопасности человечества» // Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная: учебник для магистров / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М.: Проспект, 2016. – С. 35-55, 205-216.

78. Кибальник А.Г. Гл. 4 «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности (сексуальные преступления)», гл. 5 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» // Уголовное право. В 2-х т. т. 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. 5-е изд. / отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Юрайт, 2017. – С. 78-112.

79. Коваленко Т.С. Принцип субъективного вменения и проблемы его реализации в преступлениях с двумя формами вины. Монография / Т.С. Коваленко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 160 с.

80. Козаев Н.Ш. Современные технологии и проблемы уголовного права. Монография / Н.Ш. Козаев. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 216 с.

81. Коротких Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений. Монография / Н.Н. Коротких. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 328 с.

82. Костенко Н.И. Международное уголовное право. / Н.И. Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 504 с.

83. Костенко Н.И. Право международной безопасности (теоретические основы становления и развития). Монография. / Н.И. Костенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 408 с.

84. Кулагин А.Н., Ображиев К.В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации. Монография / А.Н. Кулагин, К.В. Ображиев. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 152 с.

85. Курсаев А.В. Неосторожное сопричинение в российском уголовном праве. Монография. / А.В. Курсаев. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 280 с.

86. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. Монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 656 с.

87. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность. Монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2012. – 528 с.

88. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ. Монография / Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 528 с.

89. Лукашевич Е.А. Права человека. Учебник / Е.А. Лукашевич. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 1999. – 573 с.

90. Лукомская А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка. Монография / А.С. Лукомская. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 184 с.

91. Максимов С.В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. Монография / С.В. Максимов. – Ульяновск.: УлГУ, 2002. – 148 с.

92. Малешина А.В. Преступления против жизни в странах общего права. Монография / А.В. Малешина. – М.: Статут, 2017. – 480 с.

93. Малинин В.Б. Объективная сторона преступления. Монография / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов. – СПб.: Издателство С.-Петербургского юр. ин-та, 2004. – 301 с.

94. Мальков С.М. Преступления против военной службы. Монография / С.М. Мальков. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 176 с.

95. Мальцев В.В. Курс российского уголовного права. Общая часть. В 4-х томах. Том 2. Уголовный закон. Научное исследование / В.В. Мальцев. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 531 с.

96. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. Монография / В.В. Мальцев. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 648 с.

97. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего. Монография / Н.Э. Мартыненко. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 414 с.

98. Маслова Е.В. Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование. Монография / Е.В. Маслова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 240 с.

99. Международные акты о правах человека. Сборник документов / Сост. и вступит. ст.: А.В. Карташкин, Е.А. Лукашева. – М. Норма, Инфра-М, 1998. – 784 с.

100. Мелюханова Е.Е. Система наказаний: статическая и динамическая характеристики. Монография / Е.Е. Мелюханова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 240 с.

101. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право. Общая часть / Агаев Г.А., Алешина-Алексеева Е.Н., Бычков С.Н., Готчина Л.В., Денисов С.А., Трифонов В.Г., Епифанов Б.В., Кокин Д.М., Милюков С.Ф., Никуленко А.В., Огарь Т.А., Семенов К.П., Степанов Ю.И., Тимина Т.Н., Тюнин В.И., Хлебушкин А.Г., Шкеле М.В. Учебник. Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2017. – С. 181-203.

102. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Монография. СПб., 2015. – 558 с.

103. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Уголовная политика и ее основные направления // Уголовное право. Общая часть / Агаев Г.А., Алешина-Алексеева Е.Н., Бычков С.Н., Готчина Л.В., Денисов С.А., Трифонов В.Г., Епифанов Б.В., Кокин Д.М., Милюков С.Ф., Никуленко А.В., Огарь Т.А., Семенов К.П., Степанов Ю.И., Тимина Т.Н., Тюнин В.И., Хлебушкин А.Г., Шкеле М.В. Учебник. Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2017. – С. 27-33.

104. Мурашов Н.Ф. Квалификация преступлений. Учебно-практическое пособие / Н.Ф. Мурашов. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 160 с.

105. Мурашов Н.Ф. Совокупность преступлений по УК РФ. Монография / Н.Ф. Мурашов. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 280 с.

106. Назаренко Г.В. Квалификация преступлений: теория и практика. Учебное пособие / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.

107. Назаренко Г.В. Субъект преступления в отечественном уголовном праве. Монография / Г.В. Назаренко, А.И. Ситникова, А.А. Байбарин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 232 с.

108. Найбойченко В.В. Вина в умышленных преступлениях: философское, историческое и правовое исследование. Монография / В.В. Найбойченко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 176 с.

109. Наумов А.В. и др. Актуальные проблемы уголовного права. Курс лекций / под ред. О.С. Капинус. М., 2016. – 484 с.

110. Наумов А.В. и др. Уголовное право России. Особенная часть. В 2 т. Учебник. Сер. 58. Бакалавр. Академический курс (1-е изд.). М., 2015. – 941 с.

111. Наумов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 Т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII. М., 2017. – 371 с.

112. Наумов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 Т. Том 3. Особенная часть. Разделы X-XII. 1-е изд. - Сер. 1 Профессиональные комментарии. М., 2017. – 278 с.

113. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России: монография. В 2-х частях. М.: Юрлитинформ, 2014. Ч. I. 752 с. Ч. II. – 656 с.

114. Наумов А.В. Уголовное право России. Особенная часть в 2 Т. Том 1. Учебник, 1-е изд. - Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М., 2017. – 437 с.

115. Наумов А.В. Уголовное право России. Особенная часть в 2 Т. Том 2. Учебник, 1-е изд. - Сер. 58 Бакалавр. Академический курс. М., 2017. – 504 с.

116. Наумов А.В., Кибальник А.Г., Орлов В.Н., Волосюк П.В. Международное уголовное право. Учебник. М., 2015. – 510 с.

117. Наумов А.В. Преступление и наказание в истории России. В 2-х частях. Монография / А.В. Наумов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 1408 с.

118. Неретина Н.С. Методологические, правовые и организационные аспекты формирования и развития новых родов и видов судебных экспертиз. Монография / Н.С. Неретина. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 152 с.

119. Нечаев А.Д. Концептуальные основы криминализации и декриминализации деяний. Монография / А.Д. Нечаев. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 320 с.

120. Николаев К.Д. Уголовно-правовое противодействие вымогательству: история, современность, перспективы совершенствования. Монография / К.Д. Николаев, Ю.А. Никитин. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 168 с.

121. Новое в Уголовном кодексе. Комментарий / Под ред. А.И. Чучаева. – М.: Юридическая фирма «Контракт», 2012. – 94 с.

122. Норвартян Ю.С. Заражение инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих. Монография / Ю.С. Норвартян, Ю.А. Никитин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 192 с.

123. Ображиев К.В. Квалификация преступлений. Учебное пособие / К.В. Ображиев, Н.И. Пикурова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 352 с.

124. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права. Монография / К.В. Ображиев. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 504 с.

125. Ображиев К.В. Сложные единичные преступления. Монография / К.В. Ображиев, Д.С. Чикин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 184 с.

126. Павлов В.Г. Учение о субъекте преступления. Монография / В.Г. Павлов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 376 с.

127. Панов Н.И. Квалификация насильственных преступлений. Учебное пособие / Н.И. Павлов. – Харьков.: Издат. Харьк. юр. инст., 1986. – 54 с.

128. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава. Монография / Н.И. Пикуров. – М.: Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.

129. Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. – Воронеж, 1965. – 205 с.

130. Побегайло Э.Ф., Ревин В.П., Гордуз Н.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с бытовыми насильственными преступниками. М., 1983. – 53 с.

131. Противодействие преступлениям на почве ненависти. Уголовно-правовые, криминалистические и психолого-правовые аспекты / Под науч. ред. О.Н. Коршуновой. – СПб., 2009. – 96 с.

132. Райский М.И. Судебная медицина / М.И. Райский. – М.: Медгиз, 1953. – 467 с.

133. Рарог А.И. и др. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части. М., 2017. – 384 с.

134. Рарог А.И. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). М., 2019. – 1536 с.

135. Рарог А.И. и др. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Том 7. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Книга II / Под редакцией Н.А. Лопашенко. М., 2016. – 400 с.

136. Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие. Монография. М., 2012. – 359 с.

137. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам. Монография. М., 2015. – 239 с.

138. Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть. 4-е издание. Учебник / Под ред. Иногамовой-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И. М., 2015. – 482 с.

139. Рогова Е.В. Учение о дифференциации уголовной ответственности. Монография / Е.В. Рогова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 344 с.

140. Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека = Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights. № 2 (2016) [Электронный ресурс]: «Автономное толкование» Конвенции и «судейский активизм» / М.В. Агальцова [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – М.: Статут, 2016. – 656 с. – Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/58280.html. – ЭБС «IPRbooks».

141. Русанов Г.А. Международная уголовная ответственность и международное преступление. Монография / Г.А. Русанов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 144 с.

142. Рыжаков А.П. Прекращение уголовного дела: новое основание. Научно-практическое пособие / А.П. Рыжаков. 2016. Доступ из информационно-справочной системы «Консультант Плюс».

143. Сверчков В.В. Преступления против жизни и здоровья человека. Учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В.В. Сверчков. – М.: Юрайт, 2017. – 172 с.

144. Сергеев Ю.Д. Ненадлежащее врачевание: возмещение вреда здоровью и жизни пациента. Монография / Ю.Д. Сергеев, А.А. Мохов. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007. – 312 с.

145. Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем. Учеб. пособие / Л.В. Сердюк. – Волгоград: ВСШ, 1981. – 62 с.

146. Сидоров С.А., Честнов И.Л., Рабош А.В., Галлямова Ю.С. Правовая политика современного российского государства в сфере общественной безопасности: монография / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; под редакцией С. А. Сидорова, И. Л. Честнова. Санкт-Петербург, 2016. – 291 с.

147. Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение состояния опьянения. Монография / Б.А. Спасенников, С.Б. Спасенников. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 168 с.

148. Старков О.В. Криминовиоленсология (учение о криминальном насилии). Спецкурс для магистратуры. Курс лекций / О.В. Старков, А.В. Тюменев. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 448 с.

149. Сумский Д.В. Переквалификация преступлений. Монография / Д.В. Сумский. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 184 с.

150. Терских А.И. Компромисс в российском уголовном праве. Монография / Д.В. Сумский. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 184 с.

151. Тимошенко Ю.А. Субъекты экологических преступлений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика. Монография / Ю.А. Тимошенко. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 200 с.

152. Тихомиров А.В. Медицинское право. Практическое пособие / А.В. Тихомиров. – М.: Статут, 1998. – 418 с.

153. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 10. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 512 с.

154. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность. / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 752 с.

155. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 4. Уголовный закон. Законодательная техника. / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 703 с.

156. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступлений. Книга 1. Множественность преступлений. / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

157. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 8. Множественность преступлений. Стадии преступлений. Книга 2. Стадии преступлений / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 392 с.

158. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 томах. Т. 9. Соучастие в преступлении / Под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 528 с.

159. Фаргиев И.А. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический). М., 2019. – 1536 с.

160. Фаргиев И.А. и др. Преступления против личности: учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 171 с.

161. Фаргиев И.А. и др. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 218 с.

162. Фаргиев И.А. и др. Уголовная ответственность и состав преступления как ее основание // Уголовное право в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. Подройкина И.А и др. М.: «Юрайт», 2014. – С. 130-140.

163. Фаргиев И.А. и др. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для академического бакалавриата. – 4-е изд., пер. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2018. – 248 с.

164. Фаргиев И.А. и др. Уголовное право. Особенная часть. В 2 т. Том 2: учебник для академического бакалавриата / отв. ред. И.А. Подройкина, Е.В. Серегина, С.И. Улезько. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 442 с.

165. Фаргиев И.А. и др. Уголовное право. Т. 2. Особенная часть: учебник для академического бакалавриата. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: «Юрайт», 2016. – 993 с.

166. Фаргиев И.А. Уголовно-правовые и криминологические основы учения о потерпевшем / И.А. Фаргиев. – СПб.: Юридический цент Пресс, 2009. – 338 с.

167. Филимонов В.Д. Генезис преступления. Монография / В.Д. Филимонов. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 144 с.

168. Филимонов В.Д. Самоорганизация преступного поведения. Опыт синергетического подхода к изучению преступления и вида преступности. Монография / В.Д. Филимонов. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 144 с.

169. Хабриева Т.Я. Судебная практика в современной правовой системе России. Монография / Т.Я. Хабриева и др. – М.: Инст. закон. и сравнит. правовед. при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 432 с.

170. Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция. Монография / К.А. Цай. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 248 с.

171. Чернова Н.А. Эмоции, связанные с преступлением: понятие, виды, проблемы учета по уголовным делам. Монография / Н.А. Чернова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 152 с.

172. Шалагин А.Е. Преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Монография / А.Е. Шалагин. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 200 с.

173. Шарапов Р.Д. Преступное насилие. М., 2009. – 490 с.

174. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовая характеристика психического насилия. Тюмень, 2005. – 78 с.

175. Шарапов Р.Д. Физическое насилие в уголовном праве: монография. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 297 с.

176. Шарапов Р.Д., Коновалов А.И. Правовые основы судебно-медицинского определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека: научно-практическое пособие Тюменский юридический институт МВД России. Тюмень, 2009. – 81 с.

177. Щербаков А.Д. Вопросы субъективной стороны преступного деяния в доктрине уголовного права России, Германии и Чехословакии конца XIX и первой четверти XX века / А.Д. Щербаков. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 352 с.

178. Янина И.Ю. Причинение и специальное причинение в уголовном праве. Монография / И.Ю. Янина. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 240 с.

Статьи

179. Абрамова Н.Г. Некоторые вопросы квалификации побоев // Эксперт-криминалист. 2010. № 1. – С. 21-26.

180. Абубакиров Ф.М. К вопросу о принципе справедливости в уголовном законодательстве // Российский судья. 2015. № 5. – С. 33-35.

181. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Охрана здоровья человека: вопросы законодательной техники и правоприменения // Российский судья. 2015. № 10. – С. 18-22.

182. Авдеева Е.В. Основные направления оптимизации наказания за преступления против личности // Российский следователь. 2016. № 12. – С. 21-24.

183. Авдеева Е.В. Спорные вопросы квалификации преступлений против личности // Российский судья. 2016. № 7. – С. 31-35.

184. Аитова О.Ф. Понятие «время преступления» в уголовном праве // Современное право. 2016. № 9. – С. 97-102.

185. Акимова А.Н. Теоретические и методологические основы системного криминологического анализа криминальной сферы общественной жизни // Юридический мир. 2016. № 5. – С. 44-48.

186. Акимочкин В.И. К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. 2017. № 8. – С. 14-16.

187. Акутаев Р.М. К вопросу об установлении истины по уголовному делу в свете принципов уголовного права и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 7. – С. 43-46.

188. Акутаев Р.М. Некоторые проблемы определенности уголовно-правовых норм // Российская юстиция. 2014. № 12. – С. 19-22.

189. Алексеев С.В. Правовое обеспечение охраны здоровья спортсменов // Спорт: экономика, право, управление. 2013. № 3. – С. 7-17.

190. Алехин Д.В. Обстановка совершения убийств, связанных с безвестным исчезновением потерпевшего // Российский следователь. 2014. № 22. – С. 3-6.

191. Анисимков В.М., Королева Е.В. Характеристика личности виновного в преступлении как самостоятельное начало в назначении наказания // Российский следователь. 2014. № 1. – С. 32-35.

192. Анощенкова С.В. Механизм легитимации норм морали (уголовно-правовой аспект) // "Lex russica". 2016. № 8. – С. 33-47.

193. Антипов А.Н. Справедливость как средство обеспечения безопасности в обществе // История государства и права. 2015. № 6. – С. 9-13.

194. Антонян Ю.М. Агрессивная толпа // Научный портал МВД России. 2012. № 4 (20). – С. 111-120.

195. Антонян Ю.М. Концепция причин преступности // Научный портал МВД России. 2014. № 4 (28). – С. 31-37.

196. Антонян Ю.М. Личность преступника и движущие силы преступного поведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2015. № 4. – С. 73-81.

197. Антонян Ю.М. Причины рецидива преступного насилия в России // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 3 (3). – С. 78-85.

198. Антонян Ю.М. Психологические особенности убийц и причинивших тяжкий вред здоровью // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 2 (10). – С. 143-149.

199. Антонян Ю.М. Современные проблемы предупреждения преступности // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2015. № 4. – С. 63-70.

200. Антонян Ю.М., Антонян Е.А. Убийства детей как криминологическая проблема // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5 (17). – С. 49-55.

201. Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Мотив преступного поведения: основные характеристики // Общество и право. 2012. № 4 (41). – С. 150-157.

202. Антонян Ю.М., Волконская Е.К. Понятие насильственного преступления // Научный портал МВД России. 2013. № 1 (21). – С. 3-8.

203. Антонян Ю.М., Еркубаева А.Ю. Преступления из хулиганских побуждений: объяснение и мотивы // Общество и право. 2014. № 2 (48). – С. 129-132.

204. Арзамасцев М. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность // Уголовное право. 2017. № 2. – С. 12-20.

205. Атагимова Э.И., Потемкина А.Т., Цопанова И.Г. Конфликт интересов в уголовном праве (частный случай) // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. – С. 124-134.

206. Афанасьева О. Понятие и содержание криминального насилия // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 13-15.

207. Бабаев М.М. Криминологические предпосылки формирования уголовной политики // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3 (26). – С. 94-99.

208. Бабаев М.М. Криминологическое мышление в структуре

интеллектуального обеспечения уголовной политики // Научный портал МВД России. 2013. № 1 (21). – С. 14-21.

209. Бабаев М.М. Криминология и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2 (51). – С. 7-19.

210. Бабаев М.М. Прошлое, настоящее и будущее преступности: неопределенность процесса // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практ. конф. Отв. ред. Е.Н. Рахманова. – СПб., 2016. – С. 28-35.

211. Бабаев М.М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. – С. 419-434.

212. Бабаев М.М. Уголовное наказание как восприятие // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5 (17). – С. 112-118.

213. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Диалектика традиций и новаций в уголовном праве // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 2 (19). – С. 9-28.

214. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания // Вестник Московского университета, серия 11. Право 4. 2016. – С. 40-58.

215. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовный закон как источник насилия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3 (14). – С. 9-23.

216. Бабаев М.М., Староверова О.В. России нужна нормальная уголовная политика // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 2. – С. 32-38.

217. Багмет А.М., Бычков В.В. Предупреждение сексуального насилия в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 10. – С. 33-36.

218. Багмет А.М., Петрова Т.Н. О необходимости включения в Уголовный кодекс Российской Федерации ятрогенных преступлений //

Российский следователь. 2016. № 7. – С. 27-32.

219. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Криминалистические особенности расследования преступлений, совершенных медицинскими работниками // Российский следователь. 2014. № 1. – С. 10-14.

220. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Некоторые вопросы квалификации преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 6. – С. 8-10.

221. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Особенности расследования профессиональных преступлений медицинских работников // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. – С. 3-5.

222. Багмет А.М., Черкасова Л.И. Составы преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Юридический мир. 2014. № 12. – С. 56-58.

223. Баранов М.С. Соотношение понятий «потерпевший», «пострадавший» и «жертва правонарушения» // Административное и муниципальное право. 2015. № 9. – С. 963-966.

224. Белоцерковский С.Д. Направления оптимизации уголовного законодательства в контексте оптимизации системы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // "Lex russica". 2018. № 1. – С. 126-143.

225. Беспаль О.Л. Зарубежный опыт уголовно-правовой охраны жизни и здоровья несовершеннолетних // Российская юстиция. 2013. № 12. – С. 14-17.

226. Благов Е.В. Признаки состава преступления: традиции и реальность // "Lex russica". 2017. № 6. – С. 156-165.

227. Борзенков Г. Бланкетные ли диспозиции статей УК о причинении вреда здоровью? // Законность. 2007. № 12. – С. 14-18.

228. Борзенков Г. Как применять ч. 4 ст. 111 УК РФ // Уголовное право. 2009. № 5. – С. 14-20.

229. Борзенков Г. Проблемы квалификации преступлений против

жизни и здоровья, совершенных из хулиганских побуждений // Законность. 2008. № 5. – С. 25-30.

230. Борисова О.В. Уголовно-правовое значение шантажа // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. – 3 с.

231. Борков В. Признание деяния в силу малозначительности непреступным // Уголовное право. 2017. № 1. – С. 17-25.

232. Борков В.Н. Актуальные проблемы квалификации превышения должностных полномочий // Уголовное право. 2016. № 4. – С. 4-8.

233. Борков В.Н. Обратная сила уголовного закона в условиях его либерализации и модификация объекта уголовно-правовой охраны // Современное право. 2016. № 10. – С. 112-115.

234. Бохан А.П., Петрашева Н.В. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? // "Lex russica". 2016. № 5. – С. 217-224.

235. Будякова Т.П. Проблемы назначения судебно-психологической экспертизы аффекта // Эксперт-криминалист. 2014. № 1. – С. 6-10.

236. Бутырская А.В. Актуальные вопросы содержания криминалистической характеристики убийства по найму // Российский следователь. 2016. № 20. – С. 7-11.

237. Варданян А.В. Концептуальные аспекты предупреждения тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности в деятельности следственных и оперативных подразделений // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). – С. 50-53.

238. Варданян А.В. Криминалистическая типология субъектов насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. – С. 3-9.

239. Варданян А.В. Насилие и угроза его применения как способ совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Известия Тульского государственного университета.

Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. – С. 3-9.

240. Варданян А.В. Некоторые проблемы назначения психолого-психиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2-2. – С. 168-172.

241. Варданян А.В. Особенности формирования преступной мотивации у лиц, имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости, при совершении ими преступлений против жизни и здоровья личности на сексуальной почве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3 (30). – С. 164-167.

242. Варданян А.В. Противодействие уголовному судопроизводству по делам о насильственных преступлениях на жизнь и здоровье личности: некоторые актуальные аспекты // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Иркутск, 2018. – С. 14-17.

243. Варданян А.В. Процессуально-тактический потенциал проверки показаний на месте и особенности его реализации при расследовании насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. – С. 3-9.

244. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции // Криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. – С. 244-251.

245. Варданян А.В. Феномен агрессии в структуре современной насильственной преступности // Юристъ - Правоведъ. 2018. № 2 (85). – С. 39-44.

246. Варданян А.В. Формирование типичных следственных версий как организационно-методический аспект повышения результативности расследования насильственных преступлений, совершенных лицами, имеющими психические расстройства // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики. Сборник научных трудов участников Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2018. – С. 7-13.

247. Варданян А.В., Безручко Е.В. К вопросу о неоднозначной оценке беспомощного состояния в практике Верховного Суда Российской Федерации // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 3-2. – С. 9-16.

248. Варданян А.В., Безручко Е.В. Правовая оценка причинения вреда здоровью человека при проведении спортивных состязаний // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 2 (85). – С. 39-45.

249. Варданян А.В., Говорухина Е.В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 3 (70). – С. 34-38.

250. Васильев А.М., Васильева Н.А. Признание вины под принуждением // Администратор суда. 2012. № 2. – С. 23-26.

251. Васильченко А. Прецедентный характер правоположений в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2014. № 3. – С. 19-25.

252. Ведищев Н.П. Ответственность по статье 228 Уголовного кодекса РФ: вопросы правотворчества и правоприменения // Адвокат. 2014. № 8. – С. 11-38.

253. Векленко В.В., Никитин Ю.А. Предпосылки совершенствования законодательной конструкции вымогательства, совершенного при отягчающих обстоятельствах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016.

№ 6. – С. 16-21.

254. Вилкова А.В., Спасенников Б.А. О судебной оценке состояния опьянения // Российский судья. 2015. № 1. – С. 27-30.

255. Вилкова А.В., Спасенников Б.А. Уголовно-правовое значение психических расстройств в судебной практике // Мировой судья. 2015. № 1. – С. 27-33.

256. Винокуров В.Н. Аксиологический и функциональный подходы к определению объекта преступления // Современное право. 2014. № 8. – С. 100-106.

257. Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. – С. 74-83.

258. Винокуров В.Н. Об увеличении объема и роли защищающих (публично-правовых) отношений как объекта уголовно-правовой охраны // Российский юридический журнал. 2015. № 4. – С. 50-56.

259. Винокуров В.Н. Признаки и пределы малозначительности деяния в уголовном праве // Современное право. 2017. № 6. – С. 64-70.

260. Волконская Е.К. Рецидив насильственных преступлений // "Lex russica". 2014. № 6. – С. 64-70.

261. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: современное состояние и перспективы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. – С. 11-16.

262. Волчецкая Т.С. Роль идей профессора Р.С. Белкина в развитии научной школы криминалистической ситуалогии // Современное развитие криминалистики и судебной экспертизы как реализация идей Р.С. Белкина: Материалы Международной научно-практической конференции «К 95-летию со дня рождения ученого, педагога, публициста». М., 2018. – С. 166-171.

263. Волчецкая Т.С. Тактические аспекты судебной экспертизы:

ситуационный подход // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: материалы международной научно-практической конференции. Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России. Калининград, 2017. – С. 21-22.

264. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В. Оптимизация деятельности прокурора по поддержанию государственного обвинения по делам об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с позиций ситуационного подхода // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2017. Т. 27. № 1. – С. 86-91.

265. Волчецкая Т.С., Загоскин А.В. Современные проблемы профилактики терроризма и экстремизма и пути их решения с позиций ситуационного подхода // Ситуационный подход в решении современных проблем противодействия терроризму и экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Противодействие терроризму и экстремизму: ситуационный подход (в условиях организации и проведения крупных спортивных мероприятий, с учетом геополитического положения региона и др.)». Калининград, 2017. – С. 6-14.

266. Волчецкая Т.С., Ренер Н.А., Макарова О.А. Развитие ситуационного подхода в юридической науке и дидактике // Современное право. 2017. № 12. – С. 88-92.

267. Волчецкая Т.С., Рябенькая Н.Л. Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2. – С. 3-9.

268. Воробьев А. Наказание за аморальное преступление // ЭЖ-Юрист. 2015. № 35. – С. 64-70.

269. Воробьев А. Похищение человека и захват заложника // ЭЖ-Юрист. 2015. № 36. – С. 2.

270. Воробьев А.С. Специфические методы правовых изменений и

построения правовых механизмов на примере редакции 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. – С. 30-34.

271. Воронин В.Н. Учет мнения потерпевшего при назначении наказания: позиция судебной практики // Адвокатская практика. 2014. № 3. – С. 30-35.

272. Воронин М.Ю. Аналитическое обеспечение построения системы криминологической безопасности населения от наркотизации // Государственная служба и кадры. 2015. № 4. – С. 121-124.

273. Воронин М.Ю. К вопросу о соотношении государственной антинаркотической политики и уголовной политики в области контроля за оборотом наркотиков // Современный юрист. 2013. № 2 (3). – С. 68-76.

274. Воронин М.Ю. Реализация государственной политики в сфере профилактики преступлений // Научный портал МВД России. 2017. № 2 (38). – С. 85-88.

275. Воронов А. Убить насильника и не сесть в тюрьму // ЭЖ-Юрист. 2015. № 32. – С. 16.

276. Воропаев С.А. Уголовная ответственность в механизме уголовно-правового регулирования // Адвокат. 2014. № 2. – С. 27-31.

277. Вяземская А.А. Склонение к употреблению наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов в российском и нидерландском законодательстве // Российский юридический журнал. 2014. № 6. – С. 65-69.

278. Габдрахманов Р.Л. Квалификация террористического акта по УК РФ // Российский следователь. 2015. № 4. – С. 16-20.

279. Гаврилов Б.Я Уголовный проступок в контексте совершенствования российской уголовной политики // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: Материалы Четвертой Всероссийской научно-практической конференции. М., 2017. – С. 44-53.

280. Гаврилов Б.Я. Введение института уголовного проступка как одно из направлений оптимизации деятельности органов предварительного

расследования // Оптимизация деятельности органов предварительного следствия и дознания: правовые, управленческие и криминалистические проблемы. Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. М., 2017. – С. 106-112.

281. Гаврилов Б.Я. Перспективы возвращения уголовного проступка в российское законодательство // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 2 (38). – С. 9-13.

282. Гаврилов Б.Я. Современные проблемы уголовно-судебной политики назначения наказания: мифы законодателя и правоприменительные реалии // Криминалистическая характеристика и оперативное сопровождение раскрытия и расследования пенитенциарных преступлений: Сборник материалов круглого стола международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.Н. Некрасова, Ю.Н. Спиридоновой. Вологда, 2018. – С. 19-31.

283. Гаврилов Б.Я. Уголовно-правовая политика назначения наказания: законодательные мифы и реалии правоприменения // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2017. – С. 53-60.

284. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 2. – С. 131-136.

285. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в российском уголовном законодательстве: проблемы законодательного урегулирования // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Сборник тезисов выступлений и докладов участников. В 8-ми томах. Рязань, 2017. – С. 145-150.

286. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в стратегии развития уголовного права России в XXI веке // Борьба с преступностью: теория и

практика: тезисы докладов V Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования милиции Беларуси. Могилев, 2017. – С. 23-26.

287. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок в структуре уголовного законодательства: мнение ученого и практика // Мир юридической науки. 2017. № 4. – С. 27-31.

288. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. – С. 2-5.

289. Гаврилов Б.Я., Рогова Е.В. Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32). – С. 7-45.

290. Галюкова М.И. Врачебная ошибка в уголовном праве Российской Федерации: виды и подходы к определению // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2017. – С. 105-107.

291. Галюкова М.И. Основные противоречия уголовно-правовой политики в области охраны здоровья пациента // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XI международной научно-практической конференции. Челябинск, 2014. – С. 215-217.

292. Галюкова М.И. Особенности реформирования законодательного уровня уголовно-правовой политики в сфере охраны здоровья человека // Актуальные проблемы совершенствования законодательства и правоприменения: Материалы IV международной научно-практической конференции в двух частях. Евразийский научно-исследовательский институт проблем права; Под общей редакцией А.В. Рагулина, М.С. Шайхуллина. Уфа, 2014. – С. 191-193.

293. Галюкова М.И. Охрана психического здоровья человека как приоритетное направление социальной политики государства // Личность и общество: проблемы взаимодействия: Материалы VII Международной

научно-практической конференции. Челябинск, 2014. – С. 73-74.

294. Галюкова М.И. Проблемы экспертизы и квалификации преступлений против здоровья человека // Уголовный процесс. 2014. № 7 (115). – С. 22-33.

295. Гарбатович Д.А. Необходимая оборона от непреступных побоев // Российский судья. 2017. № 6. – С. 31-33.

296. Гармышев Я.В. Особенности установления оценочных понятий при квалификации отдельных видов преступлений // Российский следователь. 2015. № 19. – С. 35-39.

297. Гасанов Р.С. Проблемы квалификации и доказывания разбойных нападений // Уголовное право. 2015. № 1. – С. 35-39.

298. Гаухман Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 39-42.

299. Гаухман Л.Д., Журавлев М.П. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. – С. 40-43.

300. Гецманова И.В. Правовое регулирование искусственного прерывания беременности и ответственности за незаконное производство аборта: история, проблемы, перспективы // Медицинское право. 2016. № 5. – С. 31-35.

301. Гилинский Я.И. Некоторые проблемы формирования современной российской уголовной политики // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XIII международной научно-практической конференции. М., 2016. – С. 12-14.

302. Гилинский Я.И. Обеспечение национальной безопасности как элемента мировой безопасности // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвящённого памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова. М., 2018. – С. 338-341.

303. Гилинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалистъ. 2016. № 1 (18). – С. 3-8.

304. Гилинский Я.И. Российская криминология сегодня: состояние и перспективы // Право в современном мире: вопросы теории и практики: сборник научных статей по материалам Второй международной научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2015. – С. 185-189.

305. Гилинский Я.И. Уголовная политика в эпоху постмодерна: проблемы и реальность // Уголовная политика и правоприменительная практика: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. Отв. ред. Е. Н. Рахманова. СПб., 2018. – С. 91-99.

306. Гнедов Е.В. Противодействие насильственному экстремизму // Российский следователь. 2014. № 10. – С. 34-36.

307. Головин А.Ю., Аристархова Т.А. Криминалистическая характеристика способов совершения преступлений против законных интересов человека и гражданина, совершаемых по экстремистским мотивам // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 2-2. – С. 11-23.

308. Головин А.Ю., Аристархова Т.А., Бибиков А.А. Причинно-следственная связь мотива с другими элементами механизма экстремистских преступлений (криминалистические аспекты) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 2-2. – С. 10-19.

309. Голубов И.И. О необходимости упразднения частного обвинения // Мировой судья. 2016. № 5. – С. 33-40.

310. Голубов И.И. Юридическая оценка применения насилия при совершении преступлений против правосудия // Российская юстиция. 2014. № 11. – С. 35-38.

311. Горбатова М.А. Беспомощный потерпевший в уголовном законе

и судебной практике: некоторые вопросы квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. – С. 39-42.

312. Горбатова М.А. Особенности квалификации группового изнасилования // Проблемы права. 2016. № 1 (55). – С. 161-167.

313. Горбатова М.А. Потерпевший при оставлении в опасности: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № 2. – С. 13-20.

314. Гравина А.А. Тенденции развития уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права. 2016. № 11. – С. 95-106.

315. Грачева Ю.В. Перспективы существования судейского усмотрения в уголовном праве // "Lex russica". 2014. № 8. – С. 947-957.

316. Григорьев М.Ю. Особенности доказывания при расследовании превышения должностных полномочий с применением физического и психического насилия, специальных средств или оружия // Законность. 2017. № 1. – С. 63-66.

317. Григорьева Т.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних как последствие посягательств на их жизнь и здоровье // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 12. – С. 99-102.

318. Гриненко А.В. Частное обвинение в механизме уголовно-процессуального регулирования // Мировой судья. 2018. № 2. – С. 14-17.

319. Гузеева О.С., Скуратова А.Ю. Проблема квалификации насильственных исчезновений в международном праве и российском уголовном законодательстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. – С. 116-123.

320. Давыдова Д.Ю. Система институтов уголовного права, направленных на противодействие насильственной групповой преступности в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2015. № 7. – С. 24-28.

321. Двоеглазов В.А. Общая характеристика преступлений, совершаемых в фармацевтической сфере // Российский следователь. 2014. №

12. – С. 19-23.

322. Деревянская Т.П. Медицинские изделия как предмет преступлений, предусмотренных статьями 235^1 и 238^1 Уголовного кодекса РФ // Медицинское право. 2016. № 6. – С. 46-49.

323. Долгополов П.С. Терроризм: понятие и противодействие // СПС КонсультантПлюс. 2017. – 7 с.

324. Долгополов П.С. Экстремизм: понятие и меры по противодействию // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. – 3 с.

325. Дядюн К.В. Анализ объективных признаков состава ст. 123 УК РФ: проблемные вопросы законодательного подхода и правоприменения // Адвокат. 2014. № 9. – С. 29-35.

326. Егоров А.В. Некоторые аспекты квалификации умышленных убийств // Судья. 2016. № 4. – С. 25-27.

327. Егорова Т.И. Законодательные возможности уяснения аналогии в содержании незаконного оборота наркотиков // Журнал российского права. 2017. № 7. – С. 125-133.

328. Ермаков М.Г., Чекмезова Е.И. Статья 234 УК РФ: от практики к теории // Российский следователь. 2015. № 12. – С. 23-26.

329. Ефремов И.А. Нет «бортовому» хулиганству! // Транспортное право. 2016. № 1. – С. 20-24.

330. Жариков Ю.С. Санкция в уголовном праве: к вопросу о понятии и соотношении с мерами принуждения и поощрения // Современное право. 2018. № 1. – С. 98-104.

331. Жарких Е.А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. 2016. № 19. – С. 23-26.

332. Жданов Ю.А. Уголовно-правовая попытка защиты личности от психического насилия // Российский следователь. 2014. № 1. – С. 19-21.

333. Жданова Е.В. История развития современного российского законодательства, направленного на обеспечение антинаркотической

безопасности // Российский следователь. 2015. № 17. – С. 46-50.

334. Загорьян С.Г. Негативное влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2016. № 19. – С. 40-43.

335. Залов А.Ф. Проблемы квалификации продолжаемых наркопреступлений // Законность. 2014. № 2. – С. 41-45.

336. Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступлений при вступлении в силу нового уголовного закона, смягчающего или усиливающего наказание // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 2. – С. 92-97.

337. Зацепин А.М. Изменения уголовного закона и квалификации преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. – С. 849-855.

338. Зацепин А.М. Признаки дополнительной квалификации преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. – С. 116-122.

339. Земцова А. Перспективы либерализации уголовного закона… посредством административной преюдиции // ЭЖ-Юрист. 2016. № 10. – С. 4-5.

340. Зенкин А.Н. Квалификация и признаки единого продолжаемого преступления в зависимости от вида преступления // Российская юстиция. 2016. № 8. – С. 16-18.

341. Иванов А.Г. К проблеме о квалификации убийства в условиях фактической ошибки виновного // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. – С. 72-75.

342. Иванов Н.Г. Криминализация опасного состояния личности в современном УК РФ // Российская юстиция. 2017. № 1. – С. 17-20.

343. Иванова Е.О. Латентная преступность: понятие и критерии классификации // Современное право. 2015. № 5. – С. 119-123.

344. Илюхин А.В., Архипов С.В. Уложение о наказаниях уголовных и

исправительных 1845 г. как пролог судебной реформы 1864 г. в России // История государства и права. 2015. № 18. – С. 50-54.

345. Иншаков С.М., Казакова В.А. Методологические подходы к наказуемости преступлений в ракурсе современной уголовной политики // Уголовное право. 2016. № 1. – С. 84-92.

346. Исаев Н.А. Беспомощное состояние жертвы преступления: состояние проблемы и некоторые теоретические предпосылки // Актуальные проблемы юридической науки, практики и высшего образования: I Ежегодные научные чтения, посвящённые памяти Почетного президента Санкт-Петербургской юридической академии профессора Зыбина Станислава Фёдоровича. СПб., 2014. – С. 56-59.

347. Исаев Н.А. Виктимологический анализ насильственных сексуальных преступлений // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). – С. 157-159.

348. Исаев Н.А. Генезис сексуального насилия: теоретические модели // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 4 (39). – С. 15-18.

349. Исаев Н.А. Жертва преступления в беспомощном состоянии: состояние законодательства и вопросы правоприменительной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 2 (81). – С. 162-163.

350. Исаев Н.А. Криминологический концепт личности преступника // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 2. – С. 44-46.

351. Исаев Н.А. Уголовное право и теории постсовременности // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 3. – С. 45-48.

352. Исаев Н.А. Уголовно-правовая оценка субъекта насильственных сексуальных преступлений с психическими аномалиями // Общество и человек. 2014. № 1 (7). – С. 142-145.

353. Исаев Н.А., Рукинов В.А. Общество и безопасность: взаимосвязь

концепций // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). – С. 151-153.

354. Исмаилов Ч.М. Анализ преступлений, замаскированных под безвестное исчезновение // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. – С. 79-83.

355. Кажкеева Б.С. Некоторые аспекты объективной стороны преступлений, квалифицируемых как массовые беспорядки, по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан // Современное право. 2014. № 10. – С. 140-145.

356. Калинин А.А. Единичные преступления и их совокупность // Законность. 2016. № 9. – С. 50-53.

357. Камалова Д.Г. Возможно ли покушение путем бездействия? // Российский следователь. 2016. № 18. – С. 43-46.

358. Карабанова Е. Проблемы квалификации насильственных преступлений по совокупности со статьями гл. 16 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 55-57.

359. Карабанова Е.Н. Понятие и особенности многообъектного состава преступления // Российская юстиция. 2017. № 3. – С. 24-27.

360. Карабанова Е.Н. Проблемы квалификации многообъектных убийств, совершенных в связи с осуществлением потерпевшим служебной деятельности // Законность. 2016. № 9. – С. 41-45.

361. Карабанова Е.Н. Социально-правовая природа многообъектных преступлений // Журнал российского права. 2017. № 1. – С. 130-138.

362. Карпова Н.А., Калининская Я.С. Изменение категории преступления на менее тяжкую: теория и практика применения // Современное право. 2016. № 11. – С. 84-90.

363. Касторский Г.Л. Дискриминация как фактор детерминации экстремизма: международно-правовой анализ // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). – С. 74-77.

364. Касторский Г.Л. Ответственность за экстремистские проявления: уголовный закон и практика его применения // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 6 (41). – С. 49-54.

365. Касторский Г.Л. Типичные факторы эксплуатации как стимуляторы экстремизма // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 1 (65). – С. 77-80.

366. Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. – С. 92-101.

367. Кибальник А.Г. Преступления против человечности в решениях современных международных судов (трибуналов) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 4. – С. 147-159.

368. Кибальник А.Г. Религиозные чувства и уголовное право // Библиотека уголовного права и криминологии. 2018. № 2. – С. 170-177.

369. Кибальник А.Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно–правовой доктрине // Общество и право. 2017. № 1. – С. 31-34.

370. Кибальник А.Г. Традиции и новации в уголовном праве: очевидное и невероятное // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 5. – С. 70-74.

371. Кибальник А.Г. Уголовный кодекс РФ: двенадцатый год деградации // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 3. – С. 36-44.

372. Кибальник А.Г. Уголовный проступок и его правовые последствия // Уголовное право. 2017. № 4. – С. 65-68.

373. Кирилловых А.А. Охрана здоровья граждан: современные законодательные ориентиры // Законодательство и экономика. 2012. № 4. – С. 46-63.

374. Кисин В.Р. Состояние границы между административной и

уголовной ответственностью // Административное право и процесс. 2016. № 7. – С. 12-16.

375. Клименко Ю.А. Эксцесс соучастника преступления // Судья. 2016. № 4. – С. 22-24.

376. Ковальчук А. Теория уголовно-правовой борьбы с насилием в трудах Л.Д. Гаухмана // Уголовное право. 2017. № 3. – С. 31-36.

377. Колоколов Н. Новая такса за мордобой // ЭЖ-Юрист. 2016. № 31. – С. 3.

378. Колоколов Н. Хулиганство: апофеоз эволюции // ЭЖ-Юрист. 2014. № 33. – С. 1-3.

379. Колоколов Н.А. Новая уголовная политика? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 4. – С. 3-10.

380. Колоколов Н.А. Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 2 (часть вторая). Текущие проблемы применения ст. 213 УК РФ // Мировой судья. 2014. № 5. – С. 3-6.

381. Колоколов Н.А. Хулиганство: генезис, эволюция и современное состояние состава преступления. Статья 2 (часть вторая). Текущие проблемы применения ст. 213 УК РФ // Мировой судья. 2014. № 4. – С. 3-7.

382. Комиссаров В.С., Кибальник А.Г. Восьмой Международный форум по борьбе с преступностью и уголовному праву в глобальную эру // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. № 2. – С. 184-188.

383. Корецкий Д., Стешич Е. Анализ причинно-следственной связи при разграничении неосторожности и косвенного умысла // Уголовное право. 2014. № 4. – С. 37-41.

384. Корецкий Д.А., Стешич Е.С. Гомицид: преступления, связанные с убийством // Уголовное право. 2016. № 1. – С. 93-98.

385. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. – С. 46-59.

386. Коротков А.В., Еремина Н.В. Внутрисемейное насилие в пределах ответственности за побои // Ленинградский юридический журнал.

2017. № 2. – С. 208-215.

387. Костылева О.В. Криминализация как метод уголовно-правовой политики: теория и практика принятия законодательных решений // Закон. 2015. № 8. – С. 60-71.

388. Кочетов Р.М. Применение необходимой обороны при защите половой неприкосновенности и свободы личности от преступного посягательства // Российский следователь. 2016. № 18. – С. 23-25.

389. Кочои С.М. Общеевропейское законодательство о борьбе с терроризмом и перспективы реформирования УК РФ // "Lex russica". 2014. № 9. – С. 1061-1069.

390. Крамаров А.О. Перспективы законодательного регулирования ювенальной юстиции в Российской Федерации // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 2. – С. 24-27.

391. Красиков А.Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1976. – 120 с.

392. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. – Саратов: Полиграфист, 1996. – 211 с.

393. Красносельских И.М. Административное право как способ влияния на профилактику преступлений // Административное и муниципальное право. 2016. № 2. – С. 143-148.

394. Кузнецова И.А. Дискуссионные вопросы установления возраста субъекта в некоторых сложных составах преступлений и преступлениях с отягчающими обстоятельствами // Российский следователь. 2016. № 20. – С. 23-25.

395. Кузнецова Н.И. Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1. – С. 64-69.

396. Куликов А.В., Шелег О.А. К вопросу о понятиях организованной этнической преступности и организованных этнических преступных групп // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета

МВД России. 2016. № 4 (46). – С. 15-18.

397. Куликова О.Н. Проблемные вопросы, возникающие при применении ст. 238 УК РФ в случаях оказания услуг водным транспортом // Российский следователь. 2015. № 20. – С. 52-54.

398. Лакеев А.Е. Международно-правовые стандарты в сфере охраны здоровья в правовой системе Российской Федерации // Медицинское право. 2016. № 3. – С. 28-33.

399. Лапина М.А., Карпухин Д.В., Трунцевский Ю.В. Административная преюдиция как способ декриминализации уголовных преступлений и разграничения уголовных преступлений и административных правонарушений в современный период // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. – С. 1138-1148.

400. Липинский Д.А. Виновность деяния – общий принцип юридической ответственности // Законность. 2015. № 4. – С. 37-41.

401. Липинский Д.А. Об унификации характеристик субъекта правонарушения, умысла и неосторожности в различных нормативных правовых актах // Российская юстиция. 2016. № 8. – С. 45-47.

402. Лихолетов А.А. К вопросу об объекте незаконного производства лекарственных средств и медицинских изделий // Российская юстиция. 2016. № 7. – С. 64-66.

403. Лоба В.Е. Вопросы преступления и наказания в Новгородской судной грамоте // Российский юридический журнал. 2014. № 2. – С. 181-186.

404. Лозовицкая Г.П. Нормативные правовые проблемы борьбы с психотронным насилием над личностью в Российской Федерации // Российский следователь. 2015. № 18. – С. 20-24.

405. Лозовицкая Г.П. Психотронное насилие как способ совершения преступления // Российский следователь. 2015. № 17. – С. 7-11.

406. Лопатина Т.М. Судейское усмотрение: теория и практика регионального применения // Журнал российского права. 2016. № 7. – С. 149-156.

407. Луценко С.И. Длящиеся и продолжаемые преступления // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. – 4 с.

408. Луценко С.И. Разграничение хулиганства в уголовном и административном праве // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2016. – 3 с.

409. Макаров А.В., Жукова А.С. Преступления против личности несовершеннолетних: вопросы внесения изменений в УК РФ и дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 12. – С. 23-27.

410. Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. – С. 58-68.

411. Малеина М.Н. Юридическая характеристика здоровья как нематериального блага // Медицинское право. 2014. № 4. – С. 12-16.

412. Мальков С.М. Квалификация преступлений против военной службы, связанных с нарушением установленных правил взаимоотношений между военнослужащими при соучастии и вооруженном насилии // Современное право. 2017. № 1. – С. 101-104.

413. Мальцев В.В. Необходимая оборона при посягательствах на свободу, здоровье, половую свободу и неприкосновенность // Законность. 2012. № 2. – С. 32-34.

414. Мамхягов З.З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8. – С. 72-74.

415. Маринкин Д.Н., Маринкина Ю.А. Уголовно-правовая характеристика бандитизма // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. – С. 292-297.

416. Маркарьян Р.В. Основные направления совершенствования правовой защиты детей от распространения через информационно-коммуникационные сети информации, причиняющей вред их здоровью и

развитию // Вопросы ювенальной юстиции. 2012. № 4. – С. 11-13.

417. Маркиянов С.В., Танимов О.В. Некоторые примеры применения юридических фикций в правовом регулировании отношений в сфере охраны здоровья граждан // Юридический мир. 2014. № 2. – С. 44-49.

418. Маркунцов С.А. Особенности правовой оценки конкретного уголовно-правового запрета // "Lex russica". 2016. № 2. – С. 100-109.

419. Марчук В.В. Специальные принципы квалификации преступлений // Журнал российского права. 2014. № 2. – С. 79-90.

420. Мелешко Д.А. Квалификация преступлений, совершенных при фактическом участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Уголовное право. 2016. № 4. – С. 57-65.

421. Мелихов С.Ю. Быть ли статье Уголовного кодекса РФ о нападении на медицинских работников? // Медицинское право. 2016. № 3. – С. 18-22.

422. Мельников Е.А. Основные проблемы в сфере уголовной политики // Закон. 2015. № 8. – С. 72-80.

423. Милюков С.Ф. Кризис уголовно-правовой политики. Диагноз: острая криминологическая недостаточность // Обеспечение национальной безопасности – приоритетное направление уголовно-правовой, криминологической и уголовно-исполнительной политики: материалы XI Российского Конгресса уголовного права, посвящённого памяти доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Комиссарова. М., 2018. – С. 433-437.

424. Милюков С.Ф. Миграционная составляющая современной преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 2 (49). – С. 19-23.

425. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Новый взгляд на провокацию обороны // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: Материалы XV Международной научно-практической конференции. М., 2018. – С. 122-127.

426. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от

безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). – С. 8-14.

427. Миненок М.Г. Преступность и ее предупреждение: реальность и фикция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 9. – С. 73-81.

428. Миненок М.Г., Миненок М.М. Генезис и сущность насилия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2007. № 9. – С. 16-24.

429. Миненок М.Г., Миненок М.М. Нравственные и правовые аспекты корыстной преступности в современной России: детерминанты и противодействие // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник научных статей, посвященный 50-летию Юридического института БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. – С. 173-179.

430. Михайлов В.И. Институт правомерного вреда обстоятельств, исключающих преступность деяния, в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. – С. 65-72.

431. Михаль О.А., Власов Ю.А. Об уголовном проступке в российском уголовном праве // Современное право. 2014. № 3. – С. 110-115.

432. Молчанов Д.М. Множественность преступлений: актуальные проблемы и теоретический опыт исследований ученых кафедры уголовного права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. – С. 107-118.

433. Мухачева И.М. Уголовно-правовая и психологическая характеристика аффекта // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 7. – С. 118-126.

434. Наумов А.В. Исследование целей наказания и их достижения как возрождение научных традиций 60-х годов XX века // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 3 (65). – С. 40-44.

435. Наумов А.В. О разумных пределах судебного усмотрения (в

связи с принятием Федерального закона от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ) // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 25: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Системная среда уголовного права», посвященной 80-летию профессора Г.И. Чечеля (Ставропольский государственный университет, 6 мая 2011 г.). Ставрополь, 2011. – С. 64-68.

436. Наумов А.В. Об одной забытой исторической дате (к 1000-летию принятия Русской Правды) // Уголовное право. 2016. № 2. – С. 57-58.

437. Наумов А.В. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 76-79.

438. Наумов А.В. Уголовно-правовой «маятник» жестокости и мягкости наказания как условие пределов наполняемости исправительных учреждений // Общество и право. 2015. № 4 (54). – С. 81-84.

439. Наумов А.В. Уголовный проступок как преступление небольшой тяжести // Уголовное право. 2017. № 4. – С. 93-97.

440. Наумов А.В. Конкретизация Конституционным Судом принципа законности Уголовного кодекса РФ // Уголовное право. 2018. № 1. – С. 88-94.

441. Небратенко О.О. Правовая регламентация понятий «жертва», «потерпевший», «пострадавший» в российском и международном праве // Российская юстиция. 2014. № 11. – С. 28-32.

442. Непомнящая Т.В., Савин С.В. Совершение преступления в состоянии опьянения как отягчающее наказание обстоятельство // Уголовное право. 2015. № 6. – С. 36-39.

443. Нечаев А.Д. Типология (де) криминализации (обзор отечественного законотворчества) // Российская юстиция. 2017. № 2. – С. 59-62.

444. Нешатаев В.Н., Векленко В.В. Понятие квалификации преступлений // Российский следователь. 2015. № 21. – С. 26-29.

445. Ниезова С.С. Виктимологическая профилактика тяжких

преступлений // Российская юстиция. 2017. № 6. – С. 52-55.

446. Никитин Д.А. Проблемные вопросы квалификации заражения ВИЧ-инфекцией и дифференциации ответственности // Российский следователь. 2015. № 13. – С. 16-18.

447. Николаев К.Д. Совершенствование регламентации ответственности за преступления против собственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. – С. 41-45.

448. Оноколов Ю.П. Институт административной преюдиции как инструмент противодействия преступлениям и иным правонарушениям // Таможенное дело. 2014. № 2. – С. 20-23.

449. Орешкина Т.Ю. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния // "Lex russica". 2015. № 3. – С. 73-85.

450. Орлов А.В. Модели конституционного закрепления права на охрану здоровья в Российской Федерации и государствах Европы: Сравнительно-правовой анализ // Трибуна молодых ученых: Сборник научных трудов. Вып. 8: Правовые споры: способы и порядок разрешения / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2005. – С. 199-206.

451. Осадчая А.С. К вопросу о функциях состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. – С. 861-866.

452. Осипов М.Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. 2015. № 3. – С. 28-30.

453. Панов М. Согласие потерпевшего как признак привилегированного состава преступления // Уголовное право. 2014. № 1. – С. 57-62.

454. Панова С.В., Байер С.С. Противоправное поведение потерпевшего – аффект для виновного или факт для суда? // Законность. 2015. № 11. – С. 51-54.

455. Панько К.К. Правила и приемы российского уголовного законотворчества // "Lex russica". 2014. № 3. – С. 294-304.

456. Перепечина И.О. Анализ статистических сведений о преступлениях против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками // Российский юридический журнал. 2013. № 5. – С. 139-144.

457. Пестерева Ю.С., Заровчатская Н.В. Характеристика лиц, осужденных за производство и сбыт алкогольной продукции, не отвечающей требованиям безопасности // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1. – С. 49-52.

458. Плотников А.И. Соучастие в системе преступлений, характеризующихся стечением преступников // "Lex russica". 2016. № 5. – С. 117-132.

459. Побегайло Э.Ф. Исследование проблемы причинности и причинной связи как признака объективной стороны преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 2. – С. 407-410.

460. Побегайло Э.Ф. Концептуальные основы современной российской уголовной политики // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. – С. 279-284.

461. Побегайло Э.Ф. Криминологическая обоснованность современной уголовной политики: проблемные вопросы и пути их решения // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова. Под редакцией В.Ф. Лапшина. Рязань, 2016. – С. 10-19.

462. Побегайло Э.Ф. Новый Том юридической энциклопедии // Вестник Российской нации. 2017. № 5 (57). – С. 240-246.

463. Повзун С.А., Унгурян В.М. К проблеме определения степени тяжести вреда здоровью, причиненного непреднамеренными интраоперационными повреждениями // Медицинское право. 2014. № 6. – С. 37-40.

464. Пронина М.П. Юридическая техника внесения изменений в

действующее уголовное законодательство // Адвокатская практика. 2016. № 1. – С. 23-28.

465. Проценко С.В. Неосторожные преступления в области нарушения правил безопасности // Российский следователь. 2016. № 19. – С. 44-46.

466. Проценко С.В. О законодательной конструкции объективной стороны преступления в составах «поставления в опасность» // Российский следователь. 2014. № 10. – С. 23-27.

467. Проценко С.В. О субъективной стороне и субъекте преступления как элементах состава преступления // Российский следователь. 2016. № 14. – С. 18-23.

468. Пташенко Д.С. Мнимая оборона в уголовном праве государств - участников Содружества Независимых Государств: особенности законодательной регламентации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2. – С. 261-266.

469. Рагозина И.Г. Уголовно-правовая политика противодействия преступлениям против собственности // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 2. – С. 35-38.

470. Разграничение хулиганства в уголовном и административном праве // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. – 3 с.

471. Рарог А.И. «Работа над ошибками» – обязанность законодателя // Государство и право. 2014. № 4. – С. 65-73.

472. Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. – С. 24-32.

473. Рарог А.И. О количественных признаках состава преступления // Уголовное право. 2017. № 4. – С. 100-103.

474. Рарог А.И. Обозначение насилия в Особенной части УК РФ характеризуется чрезвычайной терминологической пестротой // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 85-86.

475. Рарог А.И. Перспективы развития учения о вине в современной

российской науке уголовного права // Судья. 2017. № 8 (80). – С. 14-16.

476. Рарог А.И. Практика Верховного Суда РФ и уголовно-правовая наука // Государство и право. 2015. № 12. – С. 38-46.

477. Рарог А.И. Реформирование уголовного законодательства и применение нормы об обратной силе // Уголовное право. 2012. № 5. – С. 111-113.

478. Рарог А.И. Судебный прецедент – источник уголовного права? // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4 (30). – С. 3-8.

479. Рарог А.И. Уголовно-правовое противодействие организованной преступности и качество уголовного закона // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. – С. 54-57.

480. Рарог А.И. Уголовно-правовые амбиции российского законодателя // Судья. 2016. № 4. – С. 10-12.

481. Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции Верховного Суда РФ // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: de lege lata et de lege ferenda: Материалы Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Л.Л. Кругликов. Ярославль, 2016. С. 44-49.

482. Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции российского законодателя // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. – С. 10-15.

483. Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. 2017. № 4 (125). – С. 155-178.

484. Рарог А.И., Нагаева Т.И. Нападение как вид преступного деяния // Lex Russica. 2012. Т. LXXI. № 2. – С. 342-358.

485. Расторопов С.В. Виктимологический аспект проблемы борьбы с насильственными преступлениями в исправительных учреждениях // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 1 (34). – С. 65-74.

486. Расторопов С.В. Деяние в системе обязательных признаков объективной стороны преступлений против здоровья человека // Вестник

Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). – С. 111-117.

487. Расторопов С.В. К вопросу об изучении личности преступника, причинившего вред здоровью человека // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. 2003. № 3. – С. 114-116.

488. Расторопов С.В. Квалификация преступлений против здоровья человека при причинении вреда собственному здоровью // Актуальные проблемы публичного права: Сборник научных трудов. В 2-х томах. Редколлегия: О.Н. Дядькин (пред.), А.И. Сморчков, А.И. Неряхин. 2015. – С. 135-140.

489. Расторопов С.В. Нормативное закрепление понятия «вред здоровью» в Уголовном кодексе Российской Федерации и ведомственных приказах и инструкциях // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 2 (39). – С. 81-85.

490. Расторопов С.В. Развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека в первой половине XX столетия // Социально-политические науки. 2016. № 4. – С. 210-213.

491. Расторопов С.В. Развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда здоровью человека во второй половине XX столетия // Социально-политические науки. 2016. № 4. – С. 214-217.

492. Расторопов С.В. Согласие на причинение вреда собственному здоровью и его уголовно-правовое значение // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4 (91). – С. 83-87.

493. Расторопов С.В. Уголовно-правовое значение согласия лица на причинение вреда своему здоровью // Законность. 2003. № 10. – С. 46-48.

494. Расторопов С.В., Горшкова Н.А. Насильственная преступность во время отбывания наказания в виде лишения свободы как один из показателей его эффективности // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 4 (41). – С. 45-50.

495. Расторопов С.В., Унтеров В.А. Некоторые аспекты зарубежного опыта в предупреждении насильственных преступлений в местах лишения

свободы // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4 (26). – С. 79-82.

496. Рахманова Е.Н. О целях и задачах уголовного закона // Адвокатская практика. 2015. № 1. – С. 34-39.

497. Рахматулин З.Р. Анализ отдельных аспектов рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы // Современное право. 2018. № 1. – С. 105-109.

498. Ревин В.П. Современная реформа уголовного законодательства как отражение непоследовательности уголовной политики России // Российский следователь. 2014. № 21. – С. 13-15.

499. Решетников А.Ю. Квалификационные ошибки: сущность, классификация и причины // Журнал российского права. 2016. № 10. – С. 89-95.

500. Рогова Е.В. Дифференциация уголовной ответственности // Российский следователь. 2014. № 21. – С. 30-32.

501. Ролик А.И. Преступление, предусмотренное ст. 228^1 УК РФ: спорные вопросы характеристики // "Lex russica". 2014. № 9. – С. 1079-1092.

502. Романов А.К. Квалификация преступлений, совершаемых бездействием // Законность. 2016. № 5. – С. 38-41.

503. Ростокинский А.В. Проблемы реформирования уголовного законодательства в современной России // Российский следователь. 2016. № 21. – С. 32-35.

504. Ростокинский А.В., Толпекин К.А. Об охране общественной безопасности списком // Российский следователь. 2016. № 16. – С. 46-50.

505. Рубанов А.В. Об актуальных вопросах квалификации преступлений в суде // Судья. 2014. № 2. – С. 59-62.

506. Рубцова А.С. Проблемы охраны здоровья и телесной неприкосновенности личности в свете частичной декриминализации побоев // Адвокат. 2017. № 3. – 4 с.

507. Рукинов В.А., Исаев Н.А. Общество и безопасность:

перераспределение безопасности в обществе // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2 (43). – С. 154-157.

508. Руева Е.О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российский следователь. 2016. № 4. – С. 42-46.

509. Руева Е.О. Некоторые проблемные аспекты применения обратной силы уголовного закона // Российский следователь. 2016. № 17. – С. 36-40.

510. Рябинин Д.А. Особенности уголовно-правовой характеристики убийств, совершаемых по религиозным мотивам // Современное право. 2016. № 8. – С. 103-108.

511. Савельева В.С. Усиление ответственности за преступления террористической направленности: проблемы комплексного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. – С. 156-162.

512. Савинский А.В. О перечне обстоятельств, исключающих преступность деяния // Российская юстиция. 2014. № 5. – С. 57-59.

513. Сафуанов Ф.С., Исаева И.В. Анализ решений верховных судов по аффективным преступлениям и проблемы судебной экспертизы // Российский судья. 2015. № 12. – С. 37-40.

514. Сверчков В. Актуальные вопросы применения уголовного законодательства об ответственности за убийство // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 93-96.

515. Семин Ю.Ю., Плохов С.В. Имплементации международных норм – процесс сложный. О приведении законодательства Российской Федерации в соответствие с международными стандартами уголовного законодательства // Прокурор. 2015. № 1. – С. 45-50.

516. Сергеев Ю.Д., Козлов С.В. Возникновение неблагоприятных последствий для здоровья при оказании медицинской помощи (анализ и прогноз) // Медицинское право. 2014. № 6. – С. 13-16.

517. Сердюк Л. Угроза как вид насилия // Уголовное право. 2014. № 3.

– С. 69-72.

518. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в российском уголовном праве: проблемы квалификации // Мировой судья. 2016. № 3. – С. 28-34.

519. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 6. – С. 125-133.

520. Сидоренко Э.Л. Гуманизация уголовного законодательства сквозь призму системного анализа // Мировой судья. 2016. № 11. – С. 18-22.

521. Сидоренко Э.Л. Квалификация преступлений против личности, совершенных с согласия потерпевшего // Мировой судья. 2016. № 9. – С. 27-34.

522. Сидоров С.А. Национальная безопасность: политико-правовой анализ // Геополитика и безопасность. 2013. № 3 (23). – С. 98-103.

523. Сидоров С.А. Представления о справедливости в истории философской мысли // Право в современном мире: вопросы теории и практики: сборник научных статей по материалам Второй международной научно-практической конференции. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб., 2015. – С. 42-48.

524. Сидоров С.А., Галлямова Ю.С. Соотношение личности и свободы. Социализация индивида в переходном обществе // Герценовские чтения – 2017. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2017. – С. 254-256.

525. Сипки М.В. О практике применения статей 205^4 и 205^5 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1. – С. 120-125.

526. Ситникова А.И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // "Lex russica". 2016. № 8. – С. 48-61.

527. Ситникова А.И. Правила квалификации приготовления и

покушения // Юридический мир. 2016. № 11. – С. 42-45.

528. Смирнов Л.Б. К вопросу о некоторых криминогенных угрозах национальной безопасности России // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2017. № 2 (45). – С. 77-81.

529. Смирнов Л.Б. Криминалистические, криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения общественно опасных деяний, совершаемых лицами с психическими девиациями в местах лишения свободы // Ситуационный подход в юридической науке и практике: современные возможности и перспективы развития. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию научной школы криминалистической ситуалогии БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. – С. 125-129.

530. Смирнов Л.Б. Криминологические аспекты теории кризиса наказания // Герценовские чтения – 2017. Актуальные проблемы права и гражданско-правового образования: материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2017. – С. 277-280.

531. Смирнов Л.Б. Уголовное наказание в виде лишения свободы в механизме социального регулирования // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 3-2. – С. 36-45.

532. Степанов С.Н., Степанов Э.С. Возможность соучастия в неосторожном преступлении // Законность. 2016. № 3. – С. 32-34.

533. Степанов-Егиянц В.Г. Некоторые вопросы квалификации содействия террористической деятельности // Российский следователь. 2018. № 2. – С. 43-46.

534. Степенко А.В. Обратная сила и действие уголовного закона во времени: теория и практика // Российский следователь. 2016. № 18. – С. 30-32.

535. Стешич Е. Авария с тяжкими последствиями: неосторожное преступление или убийство? // Уголовное право. 2014. № 2. – С. 74-77.

536. Сулейманова И.Е. Применение насилия в отношении представителя власти: проблемы квалификации и правоприменительной практики // Российский судья. 2017. № 4. – С. 30-32.

537. Суслопаров И.А. Вымогательство в российском законодательстве: ретроспективный анализ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4. – С. 110-116.

538. Суслопаров И.А. Типы угроз при вымогательстве чужого имущества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1. – С. 141-147.

539. Талалаев В.А., Брайчук Н.В. Способы сокрытия нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими (на примере Вооруженных Сил Республики Беларусь) // Право в Вооруженных Силах. 2016. № 11-12. – С. 2-7.

540. Танимов О.В. Развитие фикций в Новейшее время (опыт России) // История государства и права. 2014. № 16. – С. 52-56.

541. Терроризм: понятие и противодействие // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2018. – 7 с.

542. Тикстинский К.Б., Синякова Т.В., Малышев А.И. Уголовно-правовая защита граждан от преступных посягательств, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи // Законность. 2015. № 11. – С. 33-36.

543. Титушкина Е.Ю. К вопросу о криминологических терминах // Российский следователь. 2014. № 21. – С. 23-25.

544. Тихомирова В.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Эксперт-криминалист. 2014. № 2. – С. 25-28.

545. Токманцев Д.В. Объект нарушений правил оборота наркотических средств // Современное право. 2017. № 6. – С. 74-78.

546. Трофимова Г.А. Принцип судебного усмотрения: расширение границ правоприменения // Российский судья. 2014. № 6. – С. 42-45.

547. Трофимова Г.А. Причиненный преступлением вред: спорные вопросы // Современное право. 2016. № 11. – С. 91-98.

548. Трофимова Г.А. Расширение границ принципа судейского усмотрения // Российский судья. 2014. № 1. – С. 25-27.

549. Трошина С.М. Уголовные составы в административных правоотношениях // Законодательство и экономика. 2014. № 1. – С. 44-54.

550. Трунцевский Ю.В. В помощь судьям: о признаках криминализации новых видов опасного поведения и их учете при квалификации преступлений и назначении судом наказания // Российский судья. 2014. № 6. – С. 15-19.

551. Тютюнник И.Г. Особенности корыстного мотива в преступлениях против свободы личности // Российский следователь. 2014. № 11. – С. 21-25.

552. Тютюнник И.Г. Соотношение понятий «корыстного побуждения» и «корыстного мотива» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. – С. 36-38.

553. Устинова Т.Д. Общественная опасность и ее влияние (учет) при конструировании норм Общей части УК РФ // "Lex russica". 2015. № 3. – С. 63-72.

554. Файзрахманов Н.Ф. Новеллы уголовного законодательства о борьбе с оборотом фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции: правовая характеристика и судебно-следственная практика // Российский следователь. 2016. № 16. – С. 31-34.

555. Файзрахманов Н.Ф. Обзор законодательства и судебно-следственной практики применения новых норм Уголовного кодекса РФ о борьбе с оборотом фальсифицированной и недоброкачественной медицинской продукции // Медицинское право. 2016. № 5. – С. 51-55.

556. Фаргиев И.А. Виктимологическая терминология // Юрист Юга России и Закавказья. 2014. № 4. – С. 20-25.

557. Фаргиев И.А. Виктимология в системе научного знания // Северо-

Кавказский юридический вестник. 2014. № 4. – С. 101-104.

558. Фаргиев И.А. Заметки к проекту постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Уголовное право. 2014. № 5. – С. 98-100.

559. Фаргиев И.А. К вопросу о криминологической экспертизе // Уголовное право: стратегия развития в XXI Веке. Материалы 12-ой междунар. практической конф. 29-30 января 2015 г. М.: МГЮУ. 2015. – С. 191-193.

560. Фаргиев И.А. Назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено за преступление (историко-правовой аспект) // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. – С. 34-36.

561. Фаргиев И.А. О соотношении объекта преступления и потерпевшего от преступления // "Lex russica". 2004. № 3. – С. 734-742.

562. Фаргиев И.А. Оценка поведения потерпевшего – физического лица – в уголовном законе и судебной практике // Уголовное право. 2005. № 1. – С. 71-74.

563. Фаргиев И.А. Состояние современного уголовного законодательства (некоторые проблемные вопросы) // Закон и законодатель: проблемы законотворческого процесса. Материалы междунар. науч.-практ. конференции (24 ноября 2014 г.). М.: РПА Минюста России, 2015. – С. 220-223.

564. Фаргиев И.А. Чрезвычайное смягчение наказания // Уголовное право. 2016. № 4. – С. 85-92.

565. Фаргиев И.А., Фаргиева А.И. Криминалистический и цивилистический аспекты статуса потерпевшего в Русской Правде // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. – С. 87-91.

566. Федосюткин Б.А. Судебно-медицинская оценка вреда здоровью // Адвокат. 2008. № 11. – С. 71-80.

567. Филимонов В. Проблема степени вины в уголовном праве //

Уголовное право. 2017. № 3. – С. 92-99.

568. Флоря В.Н. Врачебная ошибка с тяжкими последствиями и ее юридическая квалификация (сравнительно-правовой анализ) // Медицинское право. 2014. № 6. – С. 44-47.

569. Хасанов Ф.З. Обеспечение и защита права человека на здоровье при нахождении за границей // Туризм: право и экономика. 2014. № 2. – С. 12-14.

570. Хасанов Ф.З. Уголовная ответственность за обращение фальсифицированных лекарственных средств // Медицинское право. 2015. № 1. – С. 49-51.

571. Хмелева А.В. Убийство по найму: результаты обобщения следственной практики // Российский следователь. 2015. № 18. – С. 11-14.

572. Хромова Н.М. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних // Журнал российского права. 2018. № 4. – С. 96-109.

573. Хуснетдинова Л.М. К вопросу о домашнем насилии в отношении детей // Российская юстиция. 2017. № 5. – С. 57-59.

574. Цыганова О.А., Ившин И.В. Неоказание помощи больному: теоретические аспекты и правоприменительная практика // Медицинское право. 2014. № 6. – С. 26-32.

575. Чернова Н.А. Соотношение мотива совершения преступления и эмоций в уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9. – С. 116-121.

576. Чечель Г.И. Личность преступника как фактор, влияющий на назначение наказания // Российский следователь. 2012. № 5. – С. 36-40.

577. Чечель Г.И. Некоторые особенности личности несовершеннолетних, способствующие совершению преступлений // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2018. № 1. – С. 84–86.

578. Чечель Г.И. Общественная опасность преступления и ее влияние на индивидуализацию наказания // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 4. – С. 389–398.

579. Чечель Г.И. Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения // Общество и право. 2016. № 4. – С. 25–31.

580. Шарапов Р. Актуальные вопросы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2015. № 1. С. 112–124.

581. Шарапов Р. Вопросы квалификации преступных угроз // Уголовное право. 2006. № 1. – С. 58-62.

582. Шарапов Р. Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, и обратная сила уголовного закона // Уголовное право. 2009. № 1. – С. 54-57.

583. Шарапов Р., Коновалов А. Понятие вреда здоровью в условиях правовой дезориентации судебно-медицинской экспертизы живых лиц // Уголовноеправо. 2007. № 1. – С. 127-131.

584. Шарапов Р.Д. «Совместность умысла соучастников»: проблема правопонимания // Право и общество. 2016. № 5 (21). – С. 251-254.

585. Шарапов Р.Д. Альтернативные теории объекта преступления в современном уголовном праве России // Lex Russica. 2015. Т. 109. № 12. – С. 43-51.

586. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. – С. 78-83.

587. Шарапов Р.Д. Насилие как уголовно-правовая категория и его виды // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 1. – С. 132-138.

588. Шарапов Р.Д. О роли судебного нормотворчества в практике применения уголовного закона // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2017. Т. 1. № 1. – С. 61-65.

589. Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: посредственное исполнение, неосторожное сопричинение // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32). – С. 31-38.

590. Шарапов Р.Д. Совместная преступная деятельность без признаков соучастия: прикосновенность к преступлению, участие в преступлении при отсутствии совместности умысла // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). – С. 36-41.

591. Шарапов Р.Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). – С. 7-16.

592. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica. 2016. № 10 (119). – С. 105-115.

593. Шарапов Р.Д. Социологические теории объекта преступления в российском уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2014. № 1. – С. 46-49.

594. Шарапов Р.Д. Старые и новые проблемы российской системы уголовных наказаний // Российский юридический журнал. 2017. № 6 (117). – С. 116-121.

595. Шарапов Р.Д. Уголовно-правовое значение юридического определения момента рождения ребенка // Уголовное право. 2012. № 3. – С. 75-78.

596. Шарапов Р.Д. Характер и степень соучастия в преступлении: закон, теория, практика // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14-2. – С. 88-90.

597. Шарапов Р.Д., Дидрих М.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 6. – С. 81-90.

598. Шевелева С.В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // "Lex russica". 2014. № 7. – С. 853-861.

599. Шевелева С.В. Уголовно-правовое значение субъективного элемента свободы воли // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 11. – С. 159-165.

600. Шель Ю.А. Убийство в состоянии аффекта // Законность. 2015. № 2. – С. 56-58.

601. Шибанова Е.В. Роль Верховного Суда РФ в нивелировании пробелов законодательной техники УК РФ и УПК РФ // Российская юстиция. 2014. № 10. – С. 47-50.

602. Ширяев А.Ю. Косвенный умысел: правовая оценка и доказывание // Законность. 2016. № 12. – С. 42-45.

603. Ширяев А.Ю. О возможности косвенного умысла в преступлениях с формальным составом // Российский юридический журнал. 2016. № 5. – С. 150-155.

604. Ширяев А.Ю. Оценка вины в контексте исследования уголовно-релевантного факта // Российский юридический журнал. 2015. № 6. – С. 142-150.

605. Ширяев А.Ю. Содержание общественной опасности и вины в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ, совершенных в ходе внутрисемейных конфликтов // Российский юридический журнал. 2014. № 5. – С. 161-167.

606. Шиханов В.Н. О поиске оптимальных моделей взаимодействия уголовного права и криминологии // Судья. 2016. № 9. – С. 54-59.

607. Шишков С.Н. Пробелы и противоречия в законодательстве о психиатрии // Законность. 2014. № 9. – С. 27-32.

608. Шкабин Г.С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // "Lex russica". 2016. № 8. – С. 62-80.

609. Эминов В.Е. Сексуальные преступники: криминолого-психологический характер // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 5. – С. 147-153.

610. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1. – С. 107-112.

611. Юрченко И.А. Мелкое преступление: новеллы российского

уголовного законодательства и вопросы его совершенствования // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 1. – С. 58-63.

612. Яковлева С.Е. Уголовно-правовая категория заведомости при оставлении в опасности // Российский следователь. 2015. № 13. – С. 19-23.

Диссертации

613. Афанасьева О.Р. Теоретические основы криминологического исследования и минимизации социальных последствий насильственной преступности: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2014. – 450 с.

614. Варданян А.В. Криминологическая характеристика и социально-правовые меры предупреждения изнасилований: Дис. … канд. юрид. наук. М., 1996. – 133 с.

615. Клейменов И.М. Сравнительная криминология: криминализация, преступность, уголовная политика в условиях глобализации: Дис. … докт. юрид. наук. Омск, 2015. – 486 с.

616. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: Дис. … докт. юрид. наук. Краснодар, 2016. – 630 с.

617. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. – 550 с.

618. Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. – 508 с.

619. Матушкин П.А. Предупреждение побоев и истязаний: Дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2017. – 201 с.

620. Ображиев К.В. Система формальных (юридических) источников российского уголовного права: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2014. – 587 с.

621. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2014. – 408 с.

622. Тюменев А.В. Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологические аспекты): Дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2002. – 216 с.

623. Фаргиев И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2005. – 403 с.

624. Фильченко А.П. Реализация уголовной ответственности: проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/рассогласования: Дис. … докт. юрид. наук. Рязань, 2014. – 590 с.

625. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения): Дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. – 418 с.

626. Шевелева С.В. Свобода воли и принуждение в уголовном праве: Дис. … докт. юрид. наук. М., 2015. – 403 с.

Авторефераты диссертаций

627. Деревянская Т.П. Уголовная ответственность за незаконное обращение лекарственных средств и медицинских изделий: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2015. – 22 с.

628. Досаева Г.С. Уголовно-правовой институт множественности преступлений: Автореф. дис. … доктора юрид. наук. М., 2017. – 64 с.

629. Дрожжина Е.А. Общественная безопасность как объект преступления: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. – 27 с.

630. Левков Д.Ю. Потерпевший в преступлениях против правосудия: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2017. – 30 с.

631. Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2017. – 23 с.

632. Мосина С.В. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым при подготовке и проведении спортивных соревнований: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. – 27 с.

633. Плешкова Н.О. Семейное насилие и пути его преодоления в современном российском обществе: региональный аспект: Автореф. дис. … канд. социол. наук. Пенза, 2017. – 22 с.

634. Саблина М.А. Исполнитель преступления в институте соучастия: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. – 26 с.

635. Семочкина А.А. Предупреждение насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними в ритуальной форме: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2016. – 23 с.

636. Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. – 24 с.

Приложения

Приложение 1

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 г.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество выявленных лиц, совершивших преступление	Количество осужденных лиц
1997	46131	35286	32483
1998	45170	35069	31895
1999	47668	35646	31972
2000	49784	39227	35045
2001	55739	41930	38504
2002	58469	41420	38152
2003	57087	43006	39193
2004	57352	46069	42433
2005	57863	44633	42995
2006	51429	41554	40533
2007	47348	39291	37842
2008	45436	37702	36504
2009	43112	38017	35993
2010	39745	34913	33776
2011	38512	34279	32412
2012	37091	33419	30879
2013	34786	32297	30213
2014	32899	30726	28776
2015	30167	28474	26893
2016	27442	26548	25223
2017	24552	23356	22649

Приложение 2

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 112 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 г.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество выявленных лиц, совершивших преступление	Количество осужденных лиц
1997	24855	18142	15083
1998	26995	19815	17398
1999	28393	20631	16545
2000	29678	22360	19122
2001	32953	22514	20789
2002	35100	24161	21032
2003	40086	27439	24571
2004	44229	30538	27394
2005	54551	31661	28793
2006	56781	34466	30652
2007	51402	32573	29277
2008	47000	30289	26842
2009	43838	28953	14221
2010	39704	27403	13382
2011	37638	26348	12657
2012	37371	26874	11821
2013	36179	26960	12256
2014	35555	26467	11779
2015	34440	25549	11770
2016	33254	24452	10930
2017	31177	22936	10446

Приложение 3

Динамика преступлений, предусмотренных ст. 115 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 г.

Год	Количество зарегистрированных преступлений	Количество выявленных лиц, совершивших преступление	Количество осужденных лиц
1997	30168	25776	9832
1998	26748	24706	8257
1999	28733	25389	9156
2000	25594	23742	7342
2001	19328	16539	6455
2002	14936	13148	5917
2003	13301	11053	5077
2004	20740	13900	6112
2005	33555	18232	6788
2006	35313	23860	7525
2007	39633	25363	8247
2008	39771	25665	8553
2009	36775	24795	7492
2010	30048	20473	9168
2011	27334	18702	8441
2012	24874	17250	7960
2013	22774	16782	7705
2014	22810	15867	7224
2015	39841	29431	10040
2016	45756	36202	13389
2017	44418	30706	13728

Приложение 4

А Н А Л И Т И Ч Е С К А Я С П Р А В К А

по результатам экспертного опроса судей, сотрудников прокуратуры, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, судебно-медицинских экспертов, адвокатов, а также педагогических работников и научных сотрудников высших образовательных учреждений юридического профиля по вопросам правовой оценки преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека

Вопросы анкеты и варианты ответов	Количество респондентов
1. Ваша должность:	
а) следователь МВД России;	24
б) дознаватель МВД России;	27
в) следователь Следственного комитета Российской Федерации;	29
г) прокурор;	23
д) судья;	33
е) судебно-медицинский эксперт;	17
ж) адвокат;	15
з) педагогический работник, научный сотрудник высшей образовательной организации юридического профиля	35
2. Стаж работы по специальности:	
а) до 5 лет;	37
б) от 5 до 10 лет;	77
в) свыше 10 лет	89
3. Как часто приходится лично Вам сталкиваться с преступлениями, причиняющими вред здоровью, в своей профессиональной деятельности?	
а) часто;	159
б) редко	44
4. Отражают ли, на Ваш взгляд, данные официальной уголовной статистики фактическую распространенность деяний, причиняющих вред здоровью человека?	
а) да;	48
б) нет	155
5. Как Вы оцениваете уровень латентности преступлений, причиняющих вред здоровью человека?	
а) уровень латентности этих преступлений является относительно невысоким;	51
б) уровень латентности этих преступлений является высоким;	58
в) уровень латентности этих преступлений является очень высоким	94
6. Как Вы оцениваете в целом уголовное законодательство	

в области охраны здоровья человека?	
а) как вполне удовлетворительное;	37
б) как отчасти удовлетворительное;	44
в) как неудовлетворительное	122
7. Какие факторы, на Ваш взгляд, препятствуют неотвратимости уголовной ответственности за совершение преступлений, причиняющих вред здоровью человека?	
а) сокрытие (утаивание) факта причинения вреда здоровью самими потерпевшими;	29
б) нежелание потерпевших и свидетелей содействовать правоохранительным органам в ходе расследования;	17
в) невысокий уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов;	36
г) недостаточная теоретическая разработанность проблем квалификации преступлений, причиняющих вред здоровью человека;	58
д) отсутствие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации	63
8. Что, по Вашему мнению, является объектом преступления против здоровья человека?	
а) здоровье как общественное отношение;	32
б) здоровье как правовое благо;	24
в) право человека на здоровье;	48
г) безопасность здоровья человека	99
9. Как Вы считаете, необходимо ли законодательное определение понятия «причинение вреда здоровью», понятия «насилие», понятия «близкие родственники», а также понятия «близкие лица»?	
а) да;	158
б) нет	45
10. Если Да, то где, на Ваш взгляд, должны быть разъяснены данные понятия?	
а) непосредственно в тексте ч. 1 ст. 111 УК РФ;	16
б) в примечании к ст. 111 УК РФ;	79
в) в отдельной статье УК РФ, специально посвященной терминологии;	43
г) в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации	65
11. С какими проблемами в применении норм об ответственности за умышленное причинение вреда здоровью человека Вам приходилось сталкиваться?	
а) определение умысла на причинение вреда здоровью человека;	49
б) определение вреда здоровью конкретным лицом в соучастии;	59

в) установление причинно-следственной связи между действием и наступившим последствием	95
12. Следует ли изменить виды вреда здоровью, предусмотренные уголовным законодательством (тяжкий вред здоровью, вред здоровью средней тяжести и легкий вред здоровью)?	
а) да;	185
б) нет	18
13. Как Вы полагаете, следует ли заменить уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью на исчерпывающий перечень повреждений?	
а) да;	14
б) нет	189
14. Где следует установить признаки причинения вреда здоровью?	
а) в Медицинских критериях определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека;	80
б) в нормах Особенной части УК РФ;	101
в) в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ	22
15. Как Вы полагаете, следует ли совершенствовать уголовно-правовые признаки причинения вреда здоровью?	
а) анатомо-патологический признак;	39
б) экономический признак;	43
в) анатомо-патологический и экономический признаки	121
16. Какие признаки анатомо-патологического критерия следует совершенствовать?	
а) опасность для жизни человека;	25
б) потеря зрения, речи, слуха;	15
в) потеря какого-либо органа или утрата органом его функций;	18
г) прерывание беременности;	22
д) неизгладимое обезображивание лица;	47
е) психическое расстройство, заболевание наркоманией или токсикоманией;	36
ж) все выше перечисленное	40
17. Следует ли совершенствовать экономический критерий?	
а) да;	164
б) нет	39
18. Чем, по Вашему мнению, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, отличается от убийства?	
а) объектом преступления;	33
б) способом совершения преступления;	28
в) временем наступления последствий преступления;	49

г) направленностью умысла; д) отношением виновного к смерти потерпевшего; е) ничем не отличается	55 22 16
19. Как Вы относитесь к предложению об исключении из УК РФ ч. 4 ст. 111? а) отрицательно; б) положительно	 182 21
20. Как Вы относитесь к предложению о замене термина «психическое расстройство» термином «тяжелое психическое расстройство»? а) отрицательно; б) положительно	 23 180
21. Как Вы относитесь к предложению о дополнении диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ после слов «психическое расстройство» словами «либо его обострение в период ремиссии»? а) отрицательно; б) положительно	 49 154
22. Как Вы относитесь к предложению о замене в ч. 1 ст. 111 УК РФ слов «значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть» словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности свыше 30 %»; о замене в ч. 1 ст. 112 УК РФ слов «значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть» словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности от 10 до 30 %»; о замене в ч. 1 ст. 115 УК РФ слов «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности, равную 5 %»? а) отрицательно; б) положительно	 17 186
23. Как Вы относитесь к предложению о замене в ч. 1 ст. 111 УК РФ слов «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела»? а) отрицательно; б) положительно	 55 148
24. Поддерживаете ли Вы предложение об изменении названия раздела VII УК РФ и изложении его в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека»; а также об изменении названия Главы 16 УК РФ и изложении ее в следующей редакции: «Глава 16.	

Преступления против безопасности жизни и здоровья человека»?	
а) да;	137
б) нет	66
25. Поддерживаете ли Вы предложение о дополнении ч. 1 ст. 111 УК РФ указанием на заведомость в отношении беременности женщины?	
а) да;	169
б) нет	34
26. Поддерживаете ли Вы предложение об изложении п. «г» ч. 2 ст. 111 УК РФ в следующей редакции: «из корыстных побуждений или по найму», о дополнении ч. 2 ст. 112 УК РФ п. «и» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму», о дополнении ч. 2 ст. 115 УК РФ п. «г» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму»?	
а) да;	177
б) нет	26
27. Поддерживаете ли Вы предложение о дополнении ч. 2 ст. 111 и ч. 2 ст. 112 УК РФ п. «$е^1$»: «по мотиву кровной мести»?	
а) да;	129
б) нет	74
28. Поддерживаете ли Вы предложение об изложении названия ст. 114 УК РФ в следующей редакции: «Статья 114. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»?	
а) да;	115
б) нет	88
29. Поддерживаете ли Вы предложение об изложении ч. 1 ст. 114 УК РФ в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»?	
а) да;	121
б) нет	82
30. Поддерживаете ли Вы предложение об изложении названия и диспозиции ст. 113 УК РФ в следующей редакции: «Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта	

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия, либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего в отношении виновного или других лиц, а равно иными действиями, не относящимися к числу противоправных, - наказывается… 2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта, - наказывается…»? а) да; б) нет	 156 47
31. Поддерживаете ли Вы предложение о юридическом закреплении в ст. 2 УК РФ в качестве приоритетного направления реализации задач уголовного законодательства по охране общественных отношений, благ, интересов от преступных посягательств, обеспечение безопасности здоровья человека в Российской Федерации? а) да; б) нет	 165 38
32. Считаете ли Вы, что законодателю необходимо отказаться от таких конструктивных или квалифицирующих признаков преступлений, посягающих на безопасность здоровья человека, как «иное причинение вреда здоровью», «причинение вреда здоровью» без указания степени тяжести, «существенный вред здоровью человека», указывая при описании диспозиции данных деяний на признаки легкого вреда здоровью человека, средней тяжести вреда здоровью человека или тяжкого вреда здоровью человека? а) да; б) нет	 179 24
33. Поддерживаете ли Вы предложение о замене в ч. 1 ст. 112 УК РФ слов «вызвавшего длительное расстройство здоровья» словами «вызвавшего длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21 дня до 120 дней»; о замене в ч. 1 ст. 115 УК РФ слов «вызвавшего	

кратковременное расстройство здоровья» словами «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью свыше 7 дней до 21 дня»?	
а) да;	188
б) нет	15
34. Поддерживаете ли Вы предложение об изложении названия главы 25 УК РФ в следующей редакции: «Глава 25. Преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ»?	
а) да;	172
б) нет	31
35. Считаете ли Вы, что ст. 235, 236, 237, 238 и 239 УК РФ относятся к нормам, основным непосредственным объектом которых является безопасность в сфере обеспечения здоровья человека, в связи с чем данные нормы следует перенести в главу о преступлениях против жизни и здоровья человека?	
а) да;	153
б) нет	50
36. Считаете ли Вы, что ст. 235^1 и 238^1 УК РФ следует перенести в главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, так как законодателем не предусмотрены последствия в виде причинения вреда здоровью человека в качестве обязательного признака основного состава данных преступлений?	
а) да;	166
б) нет	37
37. Считаете ли Вы, что преступления, предусмотренные ст. 240, 240^1, 241, 242, 242^1, 242^2, 243, 243^1, 243^2, 243^3, 244, 245 УК РФ следует выделить в отдельной главе 25^1 УК РФ: «Глава 25^1. Преступления против общественной нравственности»?	
а) да;	172
б) нет	31
Всего респондентов	203

Приложение 5

Проект

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о преступлениях, посягающих на безопасность здоровья человека

Статья 1.

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25, ст. 2954; 1998, № 26, ст. 3012; 1999, № 12, ст. 1407; № 28, ст. 3490; 2001, № 11, ст. 1002; 2003, № 50, ст. 4848; 2004, № 30, ст. 3091, 3092; 2006, № 2, ст. 176; № 31, ст. 3452; 2007, № 21, ст. 2456; № 31, ст. 4008;№ 45, ст. 5429; 2008, № 52, ст. 6235; 2009, № 31, ст. 3921; № 45, ст. 5263; № 52, ст. 6453; 2010, № 19, ст. 2289; № 21, ст. 2525; № 30, ст. 3986; № 49, ст. 6412; № 50, ст. 6610; 2011, № 11, ст. 1495; № 19, ст. 2714; № 30, ст. 4598; № 50, ст. 7362; 2012, № 10, ст. 1166; 2014, № 19, ст. 2335; 2015, № 1, ст. 82; № 48, ст. 6712; 2016, № 27, ст. 4256; № 28, ст. 4559; 2017 № 7, ст. 1027) следующие изменения:

1) название раздела VII изложить в следующей редакции: «Раздел VII. Преступления против безопасности человека»;

2) название Главы 16 изложить в следующей редакции: «Глава 16. Преступления против безопасности жизни и здоровья человека»;

3) в статье 111:

а) в части первой слова «опасного для жизни» заменить словами «опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «прерывание беременности» заменить словами «прерывание беременности в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности»;

в) в части первой слова слова «психическое расстройство» заменить словами «тяжелое психическое расстройство либо его обострение в период ремиссии»;

г) в части первой слова «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица» заменить словами «или выразившегося в неизгладимом обезображивании лица или любой части тела»;

д) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности свыше 30 %»;

е) пункт «г» части второй изложить в следующей редакции: «из корыстных побуждений или по найму»;

ж) часть вторую дополнить п. «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

з) дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание.

1. Под причинением вреда здоровью человека в статьях настоящего Кодекса следует понимать телесное повреждение другого лица, совершенное в виде нарушения функционирования органов и (или) тканей потерпевшего, либо оказание воздействия на потерпевшего с использованием различных факторов: физических, психических, механических, термических, химических, биологических, природных, повлекшего заболевания или патологические состояния.

2. Под насилием в статьях настоящего Кодекса следует понимать умышленное противоправное физическое воздействие на потерпевшего, выразившееся в нанесении побоев, совершении иных действий, причинивших физическую боль, причинении легкого, средней тяжести или тяжкого вреда здоровью.

3. Под близкими родственниками в статьях настоящего Кодекса следует понимать супруга, супругу, родственников по прямой восходящей и нисходящей линии (родители, дети, дедушка, бабушка, внуки, прадедушка,

прабабушка, правнуки), полнородных и неполнородных (имеющих общих отца или мать) братьев и сестер, усыновителей, удочерителей, усыновленных, удочеренных.

К близким потерпевшему лицам в статьях настоящего Кодекса следует относить лиц, состоящих с ним в свойстве (родственники супруга), опекунов, попечителей; лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений, а также лиц, ведущих с ним общее хозяйство».

4) в статье 112:

а) в части первой слова «не опасного для жизни» заменить словами «не опасного для жизни в момент причинения»;

б) в части первой слова «вызвавшего длительное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего длительное расстройство здоровья продолжительностью свыше 21 дня до 120 дней»;

в) в части первой слова «значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на одну треть» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности от 10 до 30 %»;

г) часть вторую дополнить п. «и» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму»;

д) часть вторую дополнить п. «$е^1$» следующего содержания: «по мотиву кровной мести»;

5) статью 113 изложить в следующей редакции:

«Статья 113. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта

1. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, которые повлекли или могли повлечь для виновного или других лиц тяжкие последствия, либо длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с

систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего в отношении виновного или других лиц, а равно иными действиями, не относящимися к числу противоправных, -

наказывается…

2. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, совершенное в состоянии аффекта, -

наказывается…»;

6) в статье 114:

а) название изложить в следующей редакции: «Статья 114. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»;

б) часть первую изложить в следующей редакции: «1. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью человека, совершенное при превышении пределов необходимой обороны»;

7) в статье 115:

а) в части первой слова «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья» заменить словами «вызвавшего кратковременное расстройство здоровья продолжительностью свыше 7 дней до 21 дня»;

б) в части первой слова «незначительную стойкую утрату общей трудоспособности» заменить словами «необратимую утрату функций в виде ограничения жизнедеятельности, равную 5 %»;

в) часть вторую дополнить п. «г» следующего содержания: «из корыстных побуждений или по найму».

Статья 2.

Настоящий Федеральный закон вступает в силу с момента его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации

Москва, Кремль